

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Modernisation Theory
and the Crafts Industry

Peasant Psychology and
Secret Societies in 1870

Documents from the Uprising
of I. S. Mazepa: Problems of Publication

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 5 | 2017 | № 1

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

E d i t o r - i n - C h i e f: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Corresponding Member of RAS, Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); Dr **Vladislav Rjeoutski** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples “L’Orientale”); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor’ Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенав** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); член-корр. РАН проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); к. и. н. **В. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинки университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Larisa Soboleva, Andrey Keller.
Urban Space and Its Representation
[in English, in Russian] 7

Larisa Soboleva, Andrey Keller.
Urban Space and Its Representation
[in English, in Russian] 7

Problema Voluminis

Городское пространство:
модернизация и традиции

Urban Space:
Modernisation and Tradition

Андрей Келлер. Вытесняется и
отмирает? Городское ремесло в
контексте теории модернизации:
постановка проблемы 15

Andrey Keller. Replaced and Dying?
The History of Russian Urban Crafts
in the Context of Modernisation
Theory: Articulation of the Issue . 15

Александра Бекасова. Дилижансы
на дорогах России: от замысла –
к практике воплощения 32

Aleksandra Bekasova. Stagecoaches on
Russian Roads in the 19th Century:
From Design to Production 32

*Elena Bryukhanova, Vladimir
Vladimirov.* Urban Occupations
in the Siberian City
(Tobolsk, 1897) 56

Elena Bryukhanova, Vladimir Vladimirov.
Urban Occupations
in a Siberian City
(Tobolsk, 1897) 56

Сергей Баканов. Демографическая
деградация в старопромышленных
районах Урала (1959–2010) 74

Sergey Bakanov. Urban Demographic
Decline in Traditional Industrial
Regions of the Urals (1959–2010) 74

Виталий Ананьев. Провинциальные
художественные музеи и
кустарная промышленность
в дискуссиях первой
четверти XX в. 86

Vitaly Ananiev. Centres of Artisanal
Culture: Discussions on Provincial
Art Museums and the Handicraft
Industry in the First Quarter of the
20th Century 86

Евгений Килимник, Анна Дмитриева.
Замково-дворцовые ансамбли
белорусской знати XIV–
XVII вв.: европейское влияние
и региональные традиции 99

Evgeny Kilimnik, Anna Dmitrieva.
The Castle Complexes of the
Belarusian Nobility between the 14th
and the 17th Centuries: European
Influence and Regional Traditions . . 99

Дальний Восток и Крайний
Север: формы репрезентации
регионов России

The Far East and the Extreme
North: Representations
of the Russian Regions

Иван Головнев, Елена Головнева.
Дальний Восток в фильмах
А. Литвинова: конструирование
образа пространства 109

Ivan Golovnev, Elena Golovneva.
The Far East in the Films
of A. Litvinov: Constructing
the Image of Space 109

Klaus Steinke. Das Bild Sibiriens in der
Enzyklopädie Zedlers aus dem 18.
Jahrhundert 125

Klaus Steinke. The Image of Siberia
in Zedler's Encyclopaedia
(1732–1754) 125

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Евгений Гололобов. Сибирский Север: динамика образа – от *Barren Grounds* к *Northern Plain* 137

Evgeny Gololobov. The Siberian North and the Dynamics of an Image: From Barren Grounds to a Northern Plain. 137

Екатерина Калеменева. Политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени 153

Ekaterina Kalemeneva. Mastering the Extreme North: Policies and Living Conditions in Arctic Cities under Khrushchev's Time 153

Иностранцы на русской службе

Foreigners in Russian Service

Татьяна Опарина. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы 171

Tatiana Oparina. The Deportation of Greek Settlers to Siberia in the 17th Century: Routes and Destinies . . . 171

Николай Петрухинцев. Раннее европейское влияние на Петра Первого: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. 198

Nikolay Petrukhintsev. Early European Influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century. . . 198

Disputatio

Виктор Мауль. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология 221

Viktor Maul. The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology. 221

Владимир Бабинцев, Юлия Галкина. Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917). 241

Vladimir Babintsev, Yulia Galkina. The Reorganisation of the French Military Commission in Russia: In Anticipation of Change (1916–1917).. 241

Controversiae et recensione

Кирилл Кочегаров. Издание документов эпохи И. С. Мазепы из архива походной канцелярии А. Д. Меншикова: полемические заметки 257

Kirill Kochegarov. Published Documents from A. D. Menshikov's Campaign Chancellery during the Uprising of I. S. Mazepa: Polemical Remarks 257

Александр Козлов. Размышления о героизме в Российской империи: специальный выпуск немецкого ежегодника *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 276

Aleksandr Kozlov. Reflection on Heroism in the Russian Empire: A Special Issue of the German Journal Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 276

Об авторах 286

On the Authors 286

Сокращения 291

Abbreviations 291

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/QR.2017.1.207

URBAN SPACE AND ITS REPRESENTATION

Quaestio Rossica continues to publish pieces related to Russian regional identities. The previous issue introduced this topic with several articles on Sakhalin Island in the works of Anton Chekhov (*Quaestio Rossica*, 2016, no. 4). The *Problema voluminis* section presents two major lines of research: the multidimensional nature of urban space and various forms of representing the Russian North and Far East. The articles here are connected by the common theme of change in urban infrastructure, architecture, and the idea of space in literary and factual narratives. The section commences with an article by *Andrey Keller* (Ural Federal University, Yekaterinburg), dedicated to the history of urban crafts as a traditional institution in the context of modernisation theory. The author outlines new approaches to the study of this phenomenon: the need to overcome the limitations of modernisation theory opens up novel perspectives on the role of craftsmanship in industrialisation and raises questions about the symbiosis of large and small industries. We can also study the emergence of a new type of entrepreneur. Considering the emergence of a long-distance coach service in Russia, *Aleksandra Bekasova* (National Research University Higher School of Economics, St Petersburg Branch) shows that the appearance of this new type of transport resulted in the creation of joint-stock companies, higher quality roads, and a new type of social space, the *coupé* (compartment), where complete strangers had an opportunity to meet and communicate. Therefore, the author believes, one can talk about the advent of a new type of traveller in Russia, the predecessor of the modern passenger.

Professional and social stratification and gender and family relations in the provincial city of Tobolsk are the subject of *Elena Bryukhanova* and *Vladimir Vladimirov's* study (Altai State University, Barnaul), which was conducted on the basis of the Imperial Russian Census of 1897. Contacts with other Siberian cities and counties disclose the inextricable connection of Tobolsk with life in the wider Siberian region. Meanwhile, *Sergey Bakanov's* article (Chelyabinsk State University) looks at the controversial fruit of Ural industrial modernisation in the 20th century by taking into account the demographic degradation of the region: as of 2010, all the cities of the Ural macro-region have suffered a 6.4 per cent population decline on average. On the basis of discussions between 1911 and 1917 about the establishment of provincial art centres in European Russia and Siberia as tools for the development of an artisanal art industry, *Vitaly Ananiev* (St Petersburg State University) shows which concepts might have manifested themselves in the larger regional art centres had the private artisanal industry developed further. This series of articles on the

collision between modernisation and tradition in urban contexts concludes with the work of *Evgeny Kilimnik* (Ural State University of Architecture and Art, Yekaterinburg) and *Anna Dmitrieva* (St Petersburg State University) on the castle and palace ensembles of the Belarusian nobility between the 14th and the 17th centuries. Such ensembles, it is argued, might have developed into the nuclei of future cities under certain conditions. The combination of Western European, Baltic, and East Slavic cultural traditions created a rather unique intercultural space.

The next block of articles looks at the ways in which the Northern and Far Eastern regions of Russia have been represented. Referring to the films that A. Litvinov produced in 1927, *Ivan Golovnev* (Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg) and *Elena Golovneva* (Ural Federal University, Yekaterinburg) consider the symbolic construction of the Russian Far East in the documentary genre. In *Klaus Steinke's* article (University of Erlangen – Nuremberg) about the Universal Lexicon of Johann Heinrich Zedler (Leipzig, 1732–1754), the author places the encyclopaedia's materials on Siberia under close scrutiny. In addition to the history, economy, and trade of Siberia, the encyclopaedia describes the town of Tobolsk and the major Siberian rivers (Irtysh, Ob, and Tobol), which made it a valuable resource not only for Western readers, but also for the emerging Russian sciences. The transformation of the image of the Siberian North from a 'barren land' to 'the Northern Plain' is traced in the article of *Evgeny Gololobov* (Surgut State Pedagogical University). The author argues that although a negative connotation was replaced with a positive one, the overall colonial approach to this land resulted in the emergence of environmental and technogenic disaster areas, a fact reflected in contemporary descriptions. *Ekaterina Kalemeneva* (National Research University Higher School of Economics, St Petersburg Branch) studies the policy behind the development of the Russian Far North. She examines the press' critical attitude during the political 'thaw' of the 1960s. Accompanied by catastrophic oversights, the hasty and badly designed conversion of GULAGs into civic urban spaces was the first event to spawn public criticism of the living conditions in Arctic cities during Khrushchev's rule.

The presence of foreigners in Russia has become a traditional theme for *Quaestio Rossica*. This issue emphasises the public service of foreign immigrants in Russian lands. Using numerous archival documents, *Tatiana Oparina* (Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Moscow) relates the story of bright and adventurous Greek immigrants, whose fates were a fantastic amalgam of piracy, government service, exile to Tomsk, mutiny, and exploration of new Siberian territories. New information on the lives of Patrick Gordon and Franz Lefort, Peter the Great's companions in late 17th-century Russia, is offered in *Nikolay Petruhintsev's* article (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch). The author argues that European influence upon the young monarch most clearly manifested itself after 1689, when it had a visible effect on the appearance of the tsar.

In the *Disputatio* section, we present an article by *Viktor Maul* (Tyumen State Oil and Gas University, Nizhnevartovsk Branch) about the Chirgin peasant conspiracy of 1870. Looking at the event through the prism of peasant psychology in a patriarchal society, the researcher provides us with ample material about the diversity of moods in the Russian Empire in the last third of the 19th century. The following article by *Vladimir Babintsev* and *Yulia Galkina* (Ural Federal University, Yekaterinburg) discusses changes in the French military mission to Russia on the eve of the Russian Revolution, showing just how intricately subjective personal factors and objective historical facts were combined in this reform.

One of the most fundamental goals of *Quaestio Rossica* is to contribute to profound scholarly debates: in connection with this, we present *Kirill Kochegarov's* (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow) in-depth review of a recent anthology of documents from the Mazepa era. The objectivity and accuracy of the author's comments can be admired as an example of improving editorial practices in the Russian humanities. The issue concludes with *Aleksandr Kozlov's* (Ural Federal University, Yekaterinburg) analysis of a special issue of *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* (2015), which was dedicated to understanding the heroic in early modern Russian society.

*Larisa Soboleva,
Andrey Keller.*

*Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.
Translation by Anna Dergacheva*

* * *

Журнал продолжает публикацию материалов, связанных с проблемой идентичности регионов России, которую мы начали в предыдущем номере серией статей, посвященных Сахалину в творчестве Чехова (*Quaestio Rossica*, 2016, № 4). В рубрике *Problema voluminis* воспроизводятся два направления исследований: многоаспектность городского пространства и формы презентации Севера и Дальнего Востока. Материалы объединяет проблема изменений в городской инфраструктуре, истории архитектуры и динамики образов пространства в словесных и событийных нарративах. Открывает раздел статья *Андрея Келлера* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург), посвященная истории городского ремесла как традиционного института в контексте теории модернизации, в которой автор намечает новые подходы к изучению данного феномена. Сопряжение с основными постулатами данной теории сочетается с необходимостью преодоления ее ограниченности, что открывает новые перспективы в изучении роли ремесленничества в ходе индустриализации, ставит вопрос о симбиозе крупной

и мелкой промышленности, появлении нового типа предпринимателя. *Александра Бекасова* (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, филиал в Санкт-Петербурге), рассматривая появление рейсовых дилижансов в России, показывает, как возникновение нового вида транспорта приводит к появлению акционерных компаний, дорог нового качества и особого пространства купе, в котором могли встречаться совершенно чужие люди. А значит, полагает автор, можно говорить о появлении в России XIX в. нового типа путешественника, близкого современному пассажиру. Кроме традиционных источников документального плана, автор привлекает художественные тексты и мемуары, что добавляет статье эмоциональную окраску в оценках нового вида транспорта, связующего не только российское пространство, но и российское общество.

Профессиональная и социальная стратификация населения, гендерные и семейные связи губернского города Тобольска на основании материалов переписи населения Российской империи 1897 г. стали предметом исследования *Елены Брюхановой* и *Владимира Владимирова* (Алтайский государственный университет, Барнаул). Контакты с другими сибирскими городами и уездами обнаруживают неразрывную связь Тобольска с жизнью Сибирского региона. Статья *Сергея Баканова* (Челябинский государственный университет) заставляет задуматься о неоднозначных плодах промышленной модернизации Урала XX в. в контексте демографической деградации: на 2010 г. – в среднем 6,4 % убыли населения по всем городам уральского макро-региона. *Виталий Ананьев* (Санкт-Петербургский государственный университет) на примере дискуссии 1911–1917 гг. о создании провинциальных художественных центров в Европейской России и в Сибири как одном из инструментов развития кустарной художественной промышленности показывает, какие концепции могли быть реализованы в крупных региональных центрах, если бы кустарная промышленность получила свое дальнейшее развитие. Закрывает цикл статей по тематике города на стыке модернизации и традиции работа *Евгения Килимника* (Уральский государственный архитектурно-художественный университет, Екатеринбург) и *Анны Дмитриевой* (Санкт-Петербургский государственный университет) о замково-дворцовых ансамблях белорусской знати XIV–XVII вв., могущих стать при определенных обстоятельствах ядром будущего города. Сочетание западноевропейской, прибалтийской и восточнославянской культурных традиций формировало самобытное межкультурное пространство.

Следующий блок статей посвящен формам презентации северных и дальневосточных регионов России. *Иван Головнев* (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург) и *Елена Головнева* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург), обращаясь к созданным в 1930-е гг. фильмам А. Литвинова, рассматривают конструирование образа пространства Дальнего

Востока в советской документалистике. Приводятся оценки фильмов в современной им прессе, цитируются архивные эгодокументы, что углубляет значение фильмов как исторического источника в трактовке образа края. В статье *Клауса Штайнке* (Университет Эрлангена – Нюрнберга, Германия) об энциклопедии И. Г. Цедлера (Лейпциг, 1732–1754) подробно анализируются помещенные там материалы о Сибири. Кроме истории, экономики и торговли края, в энциклопедии описываются Тобольск, реки Иртыш, Обь и Тобол, что являлось ценным источником не только для западноевропейского читателя, но и было существенно для русскоязычной науки. Трансформация образа Сибирского Севера от края «бесплодной земли» к «северной равнине» представлена в статье *Евгения Гололобова* (Сургутский государственный педагогический университет). И хотя условный «минус», по наблюдениям автора, в определенный период сменился на «плюс», колонизаторский подход к краю обернулся возникновением зон экологического бедствия и техногенных катастроф, что отражается и в современных описаниях. Работа *Елены Калеменовой* (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, филиал в Санкт-Петербурге), посвященная политике освоения Крайнего Севера, хронологически и типологически граничит с предыдущим материалом. Автор рассматривает проблему обретения прессой критического настроения в период «оттепели». Не до конца продуманное преобразование ГУЛАГа в цивилизованное городское пространство, сопровождавшееся катастрофическими недоработками, впервые породило критику жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени. Экстремальные условия выживания способствовали появлению критического настроения в сознании людей, что сопровождалось первыми ростками массового недовольства.

Проблема присутствия иностранцев в России стала традиционной для журнала. В этом номере акцентирована тема службы зарубежных переселенцев. *Татьяна Опарина* (Академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва) на основе многочисленных архивных данных повествует о ярких авантюрных биографиях греческих иммигрантов, в судьбах которых пересеклись пиратство, служба в Иноземском приказе, ссылка в Томск, участие в бунте и освоение новых территорий Сибири. Поразительно, но в Русском государстве XVII в. оказалось возможным реализовать безграничную энергию и смелость переселенцев из южных земель с обоюдной пользой. Новые сведения о пребывании в России сподвижников Петра Первого Патрика Гордона и Франца Лефорта в конце XVII в. приводятся в статье *Николая Петрухинцева* (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал). По его аргументации, европейское влияние на молодого государя начинается после 1789 г., что, в частности, отразилось и на внешнем облике царя. Описание изменения

цветовой гаммы платья молодого государя стало зримым подтверждением надвигающихся перемен.

Рубрика *Disputatio* в этот раз представлена статьей *Владимира Мауля* (Тюменский государственный нефтегазовый университет, филиал в Нижневартовске), в которой исторический материал о крестьянском восстании 1870 г. в Чигирине преподносится через призму крестьянской психологии патриархального общества. Выводы исследователя дают обширный материал к пониманию разнообразия российских настроений в последней трети XIX в. Статья отличается вниманием к речевым высказываниям, извлекаемым автором из архивных следственных дел. Исследование *Владимира Бабинцева* и *Юлии Галкиной* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) о процессе изменений французского военного представительства в России накануне революции показывает, насколько прихотливо сочетались лично-субъективные и историко-объективные факторы в этом хронотопе.

Важная установка журнала на научную дискуссию воплощается в глубоком обзоре изданий документов эпохи Мазепы, представленном *Кириллом Кочегаровым* (Институт славяноведения РАН, Москва). Корректность и объективность высказанных замечаний – основа для совершенствования эдиционной практики российской науки. Завершает номер рецензия *Александра Козлова* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) на специальный выпуск ежегодника *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* (2015), посвященного героическому началу в понимании российского общества Нового времени. Исследователь с привлечением историографии анализирует опубликованные статьи, высказывая аргументированные замечания и вступая в полемику с авторами.

*Лариса Соболева,
Андрей Келлер.*

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Problema Voluminis

Urban Space: Modernisation and Tradition

The Far East and the Extreme North: Representations of the Russian Regions

Foreigners in Russian Service

Problema Voluminis

Городское пространство: модернизация и традиции

Дальний Восток и Крайний Север:
формы репрезентации регионов России

Иностранцы на русской службе

URBAN SPACE: MODERNISATION AND TRADITION

DOI 10.15826/qr.2017.1.208

УДК 316.662.2+394.014

ВЫТЕСНЯЕТСЯ И ОТМИРАЕТ? ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Андрей Келлер

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

REPLACED AND DYING? THE HISTORY OF RUSSIAN URBAN CRAFTS IN THE CONTEXT OF MODERNISATION THEORY: ARTICULATION OF THE ISSUE*

Andrey Keller

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The history of Russian urban crafts in the era of industrialisation (from the second half of the 19th to the early 20th centuries) has not received sufficient historiographical attention, although in the last two decades researchers have become increasingly interested in the topic. In the context of modernisation theory, which was developed in the 19th and 20th centuries, crafts as a phenomenon have been considered “stuck in the past”, which supposedly means that they are not relevant to modernity: as such, the subject has been traditionally ignored. This article will

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российское образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор №. 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г. Автор благодарит Джеймса Уайта, Андрея Ефанова и Михаила Киселева за плодотворные дискуссии и советы во время работы над этой статьей.

** *Citation*: Keller, A. (2017). Replaced and Dying? The History of Russian Urban Crafts in the Context of Modernisation Theory: Articulation of the Issue. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 15–31. DOI 10.15826/qr.2017.1.208.

Цитирование: Keller A. Replaced and Dying? The History of Russian Urban Crafts in the Context of Modernisation Theory: Articulation of the Issue // *Quaestio Rossica*. 2017. Vol. 5. № 1. P. 15–31. DOI 10.15826/qr.2017.1.208 / Келлер А. Вытесняется и отмирает? Городское ремесло в контексте теории модернизации: к постановке проблемы // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. DOI 10.15826/qr.2017.1.208

discuss some methodological questions, the answers to which will allow us to take a new approach to the history of crafts and update our knowledge on this subject. The article will attempt to show the genetic relations between craft workshops and the so-called 'generators of innovation' – modern small- and medium-sized enterprises.

Keywords: Russian urban craft; industrialisation; industry district; modernisation theory; transfer of technology.

Рассмотрена история русского городского ремесла в эпоху индустриализации второй половины XIX – начала XX в., не получившая своего должного отражения в историографии за исключением последних двух десятилетий. В контексте теории модернизации XIX–XX в. история ремесленничества как феномена, навсегда отошедшего в прошлое, не могла быть в полной мере исследована. Показано, что гетерогенный состав ремесленников (цеховые – нецеховые) и многоукладность ремесла (городское, сельское, кустарное, артельное) в дореволюционной России создавали предпосылки для более гибкого реагирования на запросы рынка, таили в себе большой потенциал роста и перерождения в современные формы кооперации, профессиональных корпораций и стоящих на новом технологическом уровне малых предприятий. Принципиально важным было наличие разных форм ремесленной собственности и организации от ремесленника-кустаря на селе или в городе, производящего по подряду для анонимного рынка и зависящего зачастую от купеческого капитала, до городского мастера – собственника ремесленной мастерской, работающего, как правило, по индивидуальным заказам. Автором обозначены методологические подходы, использование которых позволит по-новому посмотреть на генетическую связь ремесленной мастерской с «генераторами инноваций» – современными малыми и средними предприятиями и актуализировать историческое знание.

Ключевые слова: русское городское ремесло; индустриализация; теория модернизации; рефлексивная модернизация; трансфер технологий.

Немецкий историк Вольфрам Фишер писал в 1972 г. о существовании распространенного заблуждения о том, что якобы ремесло как неконкурентоспособное вытесняется крупной промышленностью с развитием индустриальной революции [Fischer, p. 396]. И сегодня можно встретить подобную точку зрения, приверженцы которой утверждают, что с развитием технического прогресса ремесло должно автоматически исчезнуть [Егоров, Чистова, с. 222; Seumer, p. 2]¹.

¹ Человек, занимавшийся ремеслами в XI–XVII вв., – 'ремесленникъ или ремесленникъ (*прил.* ремесленный и ремесленный), т. е. мастер (мастеровой, мастерство) какого-либо ремесла или мастер в каком-либо деле, искусник' [Словарь, с. 142–143]. Мы согласны с А. В. Ефановым, предлагающим использовать более широкое двухуровневое понятие *ремесленничества*, включающее в себя ремесло как первичную основу производства и технологии и личность ремесленника, его социальные и культурные практики, социальные институты [Ефанов]. В данной статье будет применяться традиционный в исторической науке термин *ремесло*, вбирающий в себя как технологии, так и совокупность ремесленников, их культурные и социальные институты, особый социально-экономический и технологический уклад.

Постараемся выявить корни данного заблуждения экономического, концептуального и мировоззренческого характера, основываясь на эмпирическом материале. Ремесло так же, как и крупное промышленное производство, во время эпохи промышленной революции и последовавшей затем модернизации, подстегивавшейся конкуренцией, переживало не только постоянные изменения и трансформации, но и непреодолимый рост. Как это происходило и куда вело – главный вопрос этой статьи, ввиду небольшого объема которой ответы на него будут обозначены лишь контурно.

Теория модернизации показала высокую степень своей адаптации к новым вызовам современности. «Модернизация» понятия модерности привела к появлению двух ее модификаций: теории «множественных» модернов [Eisenstadt] и рефлексивной модернизации [см.: Beck, Bonß, Lau], позволяющих по-новому посмотреть на ход экономического развития и, возможно, найти в нем место современному ремесленничеству. В конечном итоге ремесло показало высокий уровень адаптации к современным условиям и смогло значительно расшириться в странах Запада [Егоров, Чистова, с. 222; Kaufhold; Fischer, p. 396].

От появления такой нетрадиционной перспективы в интерпретации ремесла зависит, как сложится его историография в ближайшие десятилетия. Ведь развитие историографии – это тоже процесс осмысления исторического материала в изменяющейся перспективе. Историография ремесленничества в книгах, написанных в 2020–2050-е гг., будет выглядеть иначе, чем сегодня, при условии осуществления поворота в истории ремесла – *craft turn*. Именно с запросом на смену парадигмы с начала 2010-х гг. коллеги из смежных дисциплин все больше пишут об этом (см., например: [Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России, с. 164]). История ремесленничества, таким образом, вписывается уже сегодня в историографию будущего.

Для европейско-российского модернизационного дискурса представляется интересной попытка преодоления европоцентричности этой теории, предпринятая Шалини Рандерией, рассматривающей историю Индии в статусе колонии Великобритании [Randeria]². Характерно, что понятия совместной истории (*geteilte Geschichte*) и переплетенной модерности (*verwobene Moderne*) делают акцент на двусторонних интересах и взаимодействии, носящем двоякий характер, актуальный и для России. В этом контексте Е. В. Алексеева уместила феномен диффузии европейских инноваций в России в один емкий образ: «История любого государства представляет собой причудливое и уникальное переплетение бесчисленных нитей, связывающих его культурную ткань с множеством стран света, где они были впервые “спрядены”» [Алексеева, с. 3]³.

² В отличие от Индии, Россия никогда не имела статуса колонии какого-либо западноевропейского государства.

³ Особенности теории диффузионных волн являются перечисление и квантификация агентов модернизации и количества нововведений, но не объяснение того, как функционируют механизмы модернизации, трансфер знаний и технологий, что, в свою очередь, принципиально важно для понимания истории ремесла.

Процессы модернизации и европеизации (вестернизации) России в рассматриваемый период продолжают интенсивно исследоваться [Алексеева, Редин, Рей; Побережников; Роль эндогенных и экзогенных факторов...], «и все же необходимо критическое переосмысление истории [России], написанной в рамках теории модернизации и по [западно]европейским лекалам» [Jobst, Liechtehahn, p. 46, 59]. Особенно это касается истории ремесла, область которой колонизовали и трансформировали модернизационный и индустриализационный дискурсы, переписав ремесленный нарратив.

Одной из отличительных особенностей теории рефлексивной модернизации является признание якобы неизбежности негативных побочных эффектов в лице индустриального развития и общества массового потребления вследствие специфического понимания данной теорией технического прогресса и целеполагания модернизации. Поэтому теория рефлексивной модернизации, как правило, не пытается устранить риски, а принимает их в расчет как необходимые издержки, что ведет к возникновению «общества рисков» (нем. *Risikogesellschaft*) и экологическим катастрофам. Джейсон В. Мор расставляет иные акценты, связывая последние не со временем антропоцентризма и всеобщей историей человечества, а с ее специфическим периодом, названным Мором *капиталоценом*, указав тем самым на главную причину экономического и экологического неблагополучия на планете [Moore]. Рассмотрение ремесленной деятельности (ручного труда) в этом контексте как фундаментального антропологического признака приобретает особое значение. Развитие сегодня ремесленничества, принадлежащего к малым и средним формам предпринимательства, не является полным решением данной проблемы, но может значительно расширить положительные сценарии развития будущего, снижая социальное напряжение, трансформационные и экологические нагрузки, диверсифицируя рынок.

Аргументация историка Бенжамина Штайнера приобретает свою особенную оригинальность благодаря сочетанию побочных последствий («коллатеральных потерь») теории рефлексивной модернизации, с одной стороны, и непоследовательностей и противоречий в истории, с другой. При этом виден интегративный потенциал рефлексивной модернизации, критически рассматривающей ее результаты на протяжении последних 200 лет и интегрирующей тему экологии в концепцию второй модерности. Возникающее благодаря субверсивным динамикам прошлого новое интегрируется в современные концепции развития, вследствие чего индустриализация первой модерности тормозится или останавливается [Steiner, S. 27–28], а промышленные гиганты прошлого демонтируются, чтобы уступить место малым гибким экологически чистым и технологичным формам производства. Критикуя модернизм, автор статьи не причисляет себя к антимодернистам, защищая ремесло, и не при-

зывает вернуться в архаику. Скорее это критическое переосмысление модернизма и его роли в трансформации как ремесла, так и крупного производства.

Заметим: рыночные отношения существуют для всех, но теория рынка не охватывает и не объясняет полностью ремесленничества как особого социально-экономического уклада, альтернативного капиталистическому. Поэтому положение о том, что крупное промышленное производство, возникшее в XIX в. в Европе, автоматически должно было заменить мелкое ремесленное, является некорректным и недоказанным [Sennett, p. 9]. На самом деле в процессе развития они сосуществовали, взаимодействуя и образуя симбиоз или функционируя независимо друг от друга. Примечательно, что среди предпринимателей, открывших промышленные предприятия в 1852–1853 гг., больше половины принадлежали к цеховым мастерам, а во времена пика индустриализации Санкт-Петербурга в 1890-е гг. ремесленные предприятия точно так же ускоренно росли [Keller, S. 435–436, 482–484]. Схема поступательного развития от ремесленной мастерской к мануфактуре и фабрике стала причиной аберрации в восприятии истории ремесла, приведшей к предположению, что на последующих стадиях экономического развития эта форма производства *должна* отсутствовать.

Динамика промышленного развития конца XIX – начала XX в. коснулась в полной мере и ремесленных мастерских, когда произошла частичная механизация определенных операций и стали применяться машины и современные технологии. Американский философ и социолог Ричард Сеннет говорит о ремесле как универсальном виде человеческой деятельности, являющейся базисной составляющей любой человеческой культуры [Sennett, p. 9]. Действительно, можно сказать, что ремесло – умение делать что-то руками – является антропологическим признаком *homo sapiens* и *homo sapiens sapiens*. Сеннет идет дальше и говорит о стремлении человека, в особенности ремесленника, делать качественную работу⁴. Он расширяет понятие ремесленничества до любой работы ручного характера – от компьютерного программирования до хирургии и музицирования. Ручной труд рассматривается не в отрыве, а в сочетании с интеллектуальной деятельностью и эмоциональной сферой, благодаря чему повышается его значимость. Вполне логично, что Сеннет обозначает человека, обладающего такими способностями, универсальным

⁴ У Д. Э. Харитоновича находим описание этического фактора в работе западноевропейского ремесленника, укрепившегося в России с введением цехов в 1721–1722 гг.: «Мастер родился не только с братьями по цеху, но и с производимыми изделиями. Они не были безликим товаром, но как бы частью его самого. В изделиях отпечатывается личность мастера во всей его целостности, со всеми его жизненными качествами. Так что плохой человек как бы не мог сделать хорошую вещь. Высокие моральные требования к мастеру становятся необходимыми и для его производственной деятельности. И наоборот, ремесленный трактат, содержащий указания о том, как сделать прекрасные вещи, становится как бы трактатом педагогическим, повествующим о том, как стать прекрасным человеком» [Харитонович].

понятием *homo faber* (лат. *faber* – художник, кузнец, ремесленник, мастер), то есть человеком производящим (*man as maker*) [Sennett, p. 8], объединяющим в себе как *homo creativicus*, так и *homo economicus* [Мокир, 2014, с. 277]. Ремесленник фокусирует свое внимание на объективных стандартах, на самой вещи, в отличие от рабочего, занятого определенной операцией. Поэтому неправомерно говорить о «конце истории» ремесла с началом индустриальной революции.

Становится понятной критика М. И. Туган-Барановским марксистской схемы *стадиального* развития промышленности от ремесленной мастерской к мануфактуре и фабрике. Согласно его наблюдениям, в зависимости от специфики того или иного региона наблюдалось и обратное развитие: «фабрика, домашняя промышленность, “самостоятельное” кустарное производство. Кустарная изба оказывается результатом эволюции фабрики» [Туган-Барановский, с. 272]⁵. Можно согласиться с Ю. Я. Рыбаковым, критикующим такую интерпретацию, основывающуюся на некорректном статистическом анализе [Рыбаков, с. 5–6]. Важно другое – что такая одновекторная стадиальная схема плохо подходит для описания развития ремесла или попросту не принимает его в расчет. В зависимости от региона, вида промышленности и формы взаимодействия купцов, кустарей, промышленников и ремесленников вектор развития и природа ремесла могли сильно отличаться: в одном случае – приводить к вытеснению ремесленной мастерской, появлению новых форм производства, а в другом, наоборот, к сохранению традиционной ремесленной промышленности с привнесением элементов технических новаций. Данное качественное изменение перспективы может свидетельствовать о наличии особой логики развития ремесла, отличной от таковой в крупной промышленности.

Благодаря успехам российской ремесленной промышленности исследователи второй половины XIX в. особое внимание стали уделять развитию ремесла, радикально отличавшегося от крупного промышленного производства, основанного на разделении труда, или дифференциации, не характерных для мелкой промышленности. Этот феномен созвучен чрезвычайно продуктивному методу дифференциации в научном анализе, казавшемуся ключом к пониманию технического прогресса в промышленности. На негативное отношение к ремеслу решающее значение оказали взгляды представителей экономического либерализма А. Смита и Д. Рикардо, ставивших во главу угла разделение труда, рынок и капитал, не имеющие для ремесла такого значения. В конце XIX в. аффирмативные взгляды на позиции этих признанных классиков экономической теории сохранились, и заимствованная из экономических наук *позитивная оценка плодотворности разделения труда* была использована и при анализе ремесленного производства. *Возрастающая дифференциация* как центральное условие «плодот-

⁵ М. И. Туган-Барановский не делает из ремесла и промыслов фетиш. В конечном итоге он признает «окончательную» победу фабрики в России в конце XIX в.

ворного» развития привела к принципиальной негативной его оценке [Луман, с. 7], а значит, и к невозможности адекватно проанализировать эволюцию ремесла как самодостаточного исторического феномена за последние 200 лет.

Дифференциация в производстве сыграла решающую роль в повышении производительности труда, механизация и автоматизация на массовом производстве, устранившие риски, обусловленные человеческим фактором, привели к повышению качества массовой продукции. Но в то же время ни одна машина не может достичь того совершенства в изготовлении уникального штучного товара и максимально удовлетворить потребности заказчика, как это мог сделать ремесленник прошлого или современный, вооруженный миниатюрной техникой, вплоть до цифровых технологий. Рядом с машинными технологиями, воспроизводимыми только в заводских условиях, зафиксированы уникальные ремесленные технологии, как в случае с бельгийскими оружейниками на Урале в 1850-е гг., которые оказалось невозможно перенести на крупное производство, слишком грубое, чтобы их интегрировать. В тонких ремесленных технологиях сочетаются такие качества, как интуиция, основанная на личном опыте мастера, чувство меры и понимание эстетики «на кончиках пальцев». К слову сказать, и сегодня рабочие, технические специалисты и инженеры не могут работать полноценно на крупных производствах без этих качеств. Касание поверхности новой модели «фольксвагена» Фердинандом Пиехом – что это, как не тактильная коммуникация со своим детищем, эмоциональная связь с материалом родом из мира мастера-ремесленника, проводящего рукой по дулу ружья, изгибу скрипки, рояля или комода.

Ввиду специфики модернизационного дискурса возникает вопрос, совместимы ли модернизация и ремесло. В теории индустриализации как основополагающего процесса модернизации предполагаются неизбежное укрупнение и механизация производства с одновременным отмиранием ремесла ввиду конкуренции с крупной промышленностью. Такая сомнительная логика экономического и промышленного развития, будучи перенесена в производство, породила советскую экономику с ее самыми большими в мире промышленными гигантами, которая так и не смогла справиться со структурными диспропорциями в промышленности и тотальным дефицитом товаров народного потребления. Поэтому в России генетическая связь бывших ремесленных мастерских (малых форм производства) с малыми и средними предприятиями сегодня затруднена, так как эти формы производства были административно упразднены ввиду специфики политического и экономического развития в советское время и сохранились первоначально в кооперативном движении, позже – лишь в урезанном виде в так называемых домах быта, «доместицировавших» портных, обувщиков, парикмахеров и специалистов химчистки.

Та же участь постигла и широко распространенное в дореволюционной России кустарное производство, в котором были заняты миллионы производителей [Шепелева, с. 47]. Важная отрасль промышленности еще в 1930-е гг. превратилась в сравнительно небольшую область народного творчества. С исчезновением «мелкобуржуазного» слоя ремесленников произошли социально-экономическая трансформация и «ужимание» оставшихся из них до состояния мастеров «художественных промыслов». Сегодня последние не занимают какой-либо заметной ниши в экономике страны, их традиционно относят к области декоративно-прикладного искусства и производства сувенирной продукции. Характерно, что еще 7 марта 1917 г. в Петрограде в помещении Института истории искусств с докладом «О постановке художественной промышленности и кустарного дела в России» выступил А. Ф. Гауш, художник и первый хранитель Музея Старого Петербурга, который ввел понятие «кустарной художественной промышленности» (цит. по: [Ананьев]). Идея создания особого художественного ведомства, высказанная докладчиком, нашла свое выражение в последующем гипертрофированном огосударствлении всех сфер экономической деятельности ремесленников.

В противоположность этой позиции в Германии развитие ремесла продолжилось ввиду сильно развитой традиции ремесленных мастеров, берущей свое начало в цехах, трансформированных в XIX в. в профессиональные объединения. Сегодня в Германии более 5 млн специалистов, занятых на более чем 1 млн ремесленных или близких к ним предприятий [Beschäftigte / Umsätze]. С помощью представителей 350 профессий, согласно Перечню профессий ФРГ, возможно выполнение 25 тыс. видов квалифицированных работ [Блессинг, с. 16]. Из этого количества более половины профессий приходятся на работников малых и средних предприятий, причем 94 из них – ремесленные [Космодемьянская, с. 15].

Немецкая экономическая модель социальных рыночных отношений, отличающаяся большей стабильностью, инновационностью и динамичностью, является таковой не в последнюю очередь благодаря симбиозу предприятий крупной и мелкой промышленности⁶. Этим объясняется их успех на рынке.

⁶ В то время как население центров крупнейших традиционных промышленных районов Англии – Ливерпуля, Манчестера и Глазго – сократилось за период с 1921 по 1991 г. в среднем на 40 %, население центров промышленных кластеров мелких производителей изделий из металла Бирмингема даже немного выросло (сегодня более 1 млн), а Шеффилда осталось стабильным (немногим более 500 тыс.). Можно предположить, что этот положительный факт связан с развитием в последних двух городах мелкого производства и наличием более гибких практик реагирования на экономические трансформации. Что же касается первых трех городов, то их демографическая ситуация является схожей с еще более тяжелым положением большинства уральских городов, вступивших в полосу депрессивного развития с конца XX в., в которых сосредоточена большая часть технологически устаревающих производств [Баканов].

Мнение К. Маркса о безусловной прогрессивности капитализма по отношению ко всем видам производства, возникшим в предшествующие ему эпохи, видится сегодня не таким бесспорным. «Прогрессивные» на определенном этапе фабрики и заводы противопоставлялись «отсталости» и неконкурентоспособности любых форм ремесленного производства. Но что же произошло на самом деле? Капитализм как форма собственности и организации производства, предусматривавшая экспроприацию орудий производства, применение наемной рабочей силы и разделение труда, противоречил во всем ремеслу, имевшему иные качественные признаки: ремесленник обладает орудиями труда и продуктами производства, завися от капитала лишь косвенно. С развитием капитализма в XIX в. происходят массовая пауперизация населения и обострение социальных конфликтов. В XX в. характер проблем, стоящих на повестке дня, меняется: вместо бедности – богатство, вместо дефицита – кризис перепроизводства и общество массового потребления. Вместе с тем, произошла вульгаризация понятия ремесла как древнейшей формы мануально-интеллектуальной деятельности, в результате которой были приобретены первые навыки по взаимодействию с материальным миром и его преобразованию, находящиеся вне субъективных отношений.

Ремесло может рассматриваться как уравнивающая альтернатива излишнему технократизму, индустриализации и стандартизации, безусловно имеющим свои сильные стороны. Ввиду когнитивной и терминологической специфики теории модернизации ремесло не может быть рассмотрено как полноценная форма экономической деятельности в прошлом (цеховое и городское ремесло), настоящем (инновативное малое производство) и будущем (сети высокотехнологичных малых производств). Противоположным направлением в исторической науке является история ремесла не как традиционного института рудиментарной экономической и промышленной деятельности, а как элемента современного производства, где ремесленный мастер или специалист играет роль самодостаточного производителя материальных и идеальных ценностей [Егоров, Чистова, с. 222]. Данный прием не является способом «осовременивания» ремесла, но служит получению иной перспективы и контекста для переосмысления движения ремесла от «примитивной ручной работы» до высокотехнологичного узкоспециализированного производства. Ремесленник эволюционировал в ходе промышленной революции так же, как мануфактуры, заводы и фабрики, только с иным результатом.

В 1773 г. один из приверженцев промышленного развития Англии уверял лорда Уорвика, «что производители Бирмингема разгромят своих конкурентов с континента с помощью механизации и разделения труда и специализации»; это только отчасти касалось ремесленников, остававшихся узкими специалистами по произ-

водству качественного готового продукта, а не суррогатов и массовых копий оригинала – они оставались этим оригиналом [Мокир, 2006, с. 11]⁷.

Согласно экономическим представлениям XIX–XX вв., ремесло должно было остаться, выражаясь фигурально, «на обочине научно-технического прогресса» и уйти в прошлое. Ремесленнику, ассоциировавшемуся с примитивными орудиями труда, малой производительностью и ориентацией на традицию, не было места в промышленной революции, а значит, и в будущем. Но это была лишь проекция европейских правительств, руководствовавшихся идеей «промышленной свободы» и отменивших цехи посредством декрета [Erstein, p. 684]. На самом деле цеховое ремесло, как и ремесленная промышленность в целом, не проигрывало во всех отраслях производства крупной промышленности, но где-то даже успешно выдерживало конкуренцию⁸. Более того, именно ввиду понимания важности профессионального образования в ремесленной мастерской, а не только фатальной консервативности русского правительства, цехи как сословно-профессиональная организация просуществовали до 1917 г., а в Петрограде неформально, уже как профессиональная организация, до 1919 г. [Пажитнов, с. 173]. Развитие ремесла не прекращалось с промышленной революцией, но претерпевало значительную модернизацию с сохранением базисных основ ремесленного производства: мастер как производитель, руководитель и владелец в одном лице, малые формы производства с уникальной штучной продукцией и небольшими сериями, высокая специализация.

Ремесленники существовали в том же информационном и идейном поле, что и промышленники, купцы и прочие субъекты экономической деятельности того времени, а значит, не были чужды идей прогресса, понимания роли просвещения и образования в ремесленной среде [Мокир, 2006, с. 8]. Дж. Мокир дал название этому явлению в Европе XVIII в. – «промышленное Просвещение». Точным аллегорическим изображением «просвещенного» ремесленника XVIII и прежде всего XIX в. является «царь-плотник» – скульптурное изображение Петра I в образе ремесленного мастера, строящего корабль, подаренное правительством Нидерландов городу Санкт-Петербургу к 300-летию основания российского флота (1696–1996) и установленное на Адмиралтейской набережной.

⁷ Речь идет об известном центре металлообрабатывающих ремесел XIX в. в Англии.

⁸ Вольфрам Фишер привел в 1972 г. убедительный факт, свидетельствующий о vitalности ремесла в Германии. Все основные ремесла не только сохранились, но в большинстве своем в абсолютных и относительных числах выросли (по отношению к численности населения, а иногда даже и к крупной промышленности). К примеру, процент ремесленников среди населения с начала XIX в. до начала 1970-х гг. удвоился. В то время как в 1800 г. на сто человек приходилось четыре ремесленника, в 1972 г. их уже было восемь [Fischer, S. 396].

Памятник Петру I («Царь-плотник»). Санкт-Петербург. Скульптор Л. А. Бернштам

A Monument to Peter I (The Carpenter Tsar). St Petersburg. Sculptor L. A. Bernstam

Представления Петра Великого об исторической эстафете античного мира, Европы и России, которая должна была эту эстафету вновь передать Европе, характерны для всего петербургского периода русской истории. В рамки этой концепции логично вписывается нарратив взаимодействия российских и иностранных ремесленников. Просвещенческая и европейская парадигма особенно характерна для иностранных ремесленников европейского происхождения, что и понятно. В среде российского городского ремесла, и особенно петербургского, европейское влияние было настолько сильным, что превосходство иностранных ремесленников предполагалось, особенно в Санкт-Петербурге, изначально и долгое время не ставилась под вопрос их российскими коллегами. Идеи Просвещения и ремесленного образования эксплицитно стали активно артикулироваться ремесленными мастерами как русского, так и иностранного происхождения с 1840-х гг. [Келлер, 2014a]. Причем на это время приходится отход русских ремесленников от слепого подражательства и всту-

пление с иностранными продуктами («прямо из Парижа» или «прямо из Лондона») в прямую конкуренцию.

Теория модернизации работает особенно успешно в контексте истории промышленной или индустриальной революции, а именно в период развития крупной промышленности и естественных наук на протяжении примерно 200 лет – с 1760-х гг. (промышленное применение паровой машины) до 1970-х гг. (кризис перепроизводства и границы роста). При этом история ремесла, как правило, не рассматривается. В условиях смены парадигмы бесконечного экспоненциального роста промышленного производства на парадигму устойчивого развития следует пересмотреть и историю ремесла, принципы существования которого почти полностью соответствуют последней, а значит, имеют большой ресурс развития в будущем.

Учитывая роль ремесленников во время модернизации и индустриализации в русской промышленности XIX в., также готовивших квалифицированные кадры для заводов и фабрик, осуществлявших роль субподрядчиков, а также как самостоятельных производителей, можно говорить о третьем важном агенте промышленной революции наряду со средним и высшим техническим персоналом, а именно о ремесленнике, представленном в производстве квалифицированным рабочим или мастером. Гетерогенный состав ремесленников (цеховые – нецеховые) и многоукладность ремесла (городское, сельское, кустарное, артельное) в дореволюционной России создавали предпосылки для более гибкого реагирования на запросы рынка, таили в себе большой потенциал роста и перерождения в современные формы кооперации, профессиональных корпораций и стоящих на новом технологическом уровне малых предприятий. Принципиально важным было наличие разных форм ремесленной собственности и организации от ремесленника-кустаря на селе или в городе, производящего товар по подряду для анонимного рынка и зависящего зачастую от купеческого капитала, до городского мастера – собственника ремесленной мастерской, работавшего, как правило, по индивидуальным заказам.

Ремесленные цехи, обретшие вторую жизнь в крупном производстве, так же, как и мастера в промышленных цехах, были представлены горожанами, стабилизировавшими городское общество, в отличие от вчерашних крестьян, потерявших культурные ориентиры, задаваемые в деревне вековыми традициями. Заводское начальство в случае с последними было более свободно в выборе средств умаления прав своих рабочих – бывших крестьян, чем с ремесленным мастером, и могло допустить высокую степень эксплуатации и низкий уровень оплаты труда.

Пробуксовка инноваций в современной России, как нам видится, имеет историческую связь с судьбой ремесленной мастерской и мастера в XIX–XX вв., то есть малого и среднего предпринимательства. Назовем явление *ловушкой модернизации*. Суть его заключается

в том, что некоторые факторы модернизации, обозначенные как побочные (погоня за рентой, безудержный рост и экспансия, коррупция, отчуждение рабочей силы от средств и продуктов производства, ее жесткая эксплуатация, отсутствие социальных гарантий), могут быть настолько сильными, что становятся угрозой модернизации, провозглашенной во имя экономического процветания, обусловленного техническим и социальным прогрессом.

Труд ремесленника в этом свете приобретает иной вес и иное значение, так как соответствует идеям малоотходного, неанонимного, близкого к потребителю, экологичного и самодостаточного производства. Такая форма производства не направлена на экспансивный рост, пожирание ресурсов и пробуждение нездоровых потребительских интересов, идущих вразрез идее устойчивого развития [Клеман; Сеннет].

Мелкое производство (в случае с ремесленниками) и активно развивающийся капиталистический уклад часто противоречили друг другу, состоя в жесткой конкуренции. Но не всегда последний выигрывал и занимал ниши ремесленного производства в силу своей специфики – дифференциации рабочих и технологических процессов, унификации, массовости, монотонности труда. Напротив, как показывает опыт Германии, где, в отличие от России, профессиональная корпорация ремесленников не прекратила своего существования, малые и средние предприятия нашли свои ниши производства, основанные как на индивидуальном заказе, так и на выполнении более крупных заказов больших компаний⁹.

Ремесло и модернизация – не взаимоисключающие понятия, но суть стороны одного процесса бесконечных изменений и попыток их гармонизации. На помощь идее о необходимости развития ремесла приходит *концепция побочных последствий*, существующая внутри теории модернизации. Загрязнение окружающей среды, границы роста, конечность ресурсов, общество потребления, рассматривавшиеся ранее как побочные последствия модернизации и индустриализации, выходят на первый план и становятся центральными, и от их разрешения во многом зависит успех будущего развития. Таким образом, сегодня на новом витке модернизации, сменившей девиз индустриальной революции на парадигму устойчивого развития, происходит актуализация исторического опыта городского ремесла. Наряду с ремесленным мастером и ремесленной мастерской появились

⁹ Такие автомобильные концерны как «Даймлер» и «Фольксваген» имеют каждый около тысячи поставщиков комплектующих – малых и средних предприятий с узкой специализацией, что характерно для ремесленного производства, также прошедшего процессы модернизации и механизации. Но оно не уступило приоритет машинам, как это произошло на сборочных поточных линиях производства в названных фирмах, и сохранило центральное место мастера – собственника и носителя креативного потенциала в одном лице, способного создать конечный продукт в его завершеном исполнении. Ни один сотрудник концерна не обладает такими уникальными компетенциями, как мастер, который даже в среде крупного производства нуждается в своем особом гибком, компактном и крайне динамичном рабочем пространстве.

малые и средние предприятия и новые профессии, имеющие генетическую связь с ремесленным мастером. Как правило, это ресурсосберегающие, экологичные и социально нейтральные производства, то есть наиболее близкие к масштабам и принципам *модернизированной* ремесленной мастерской, еще недавно сданной в утиль истории как изживший себя архаизм [Келлер, 2014б]. Рассматривая историю городского ремесла в данной перспективе, мы получаем принципиально новое видение и понимание того, что у ремесла есть не только история, нуждающаяся в новом прочтении, но и большое будущее в контексте парадигмы устойчивого развития и «зеленой экономики».

Список литературы

- Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2007. 368 с.
- Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.-П.* «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // *Вопр. истории.* 2016. № 6. С. 3–20.
- Ананьев В. Г.* Провинциальные художественные музеи и кустарная промышленность в дискуссиях первой четверти XX в. // *Quaestio Rossica.* Vol. 5. 2017. № 1. С. 86–98. DOI 10.15826/qr.2017.1.212.
- Баканов С. А.* Демографическая деградация в старопромышленных районах Урала (1959–2010) // *Quaestio Rossica.* 2017. Vol. 5. № 1. С. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211.
- Блессинг Г.* Профессиональный путь ремесленника // *Проф. образование.* 2004. № 9. С. 16–17.
- Георов В. Г., Чистова С. М.* Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М. : ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. 270 с.
- Ефанов А. В.* К вопросу о ценностях современного ремесленничества // *Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России : сб. науч. ст. 4-й междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Рос. гос. проф.- пед. ун-т, 2011. С. 17–22.*
- Келлер А. В.* Становление и развитие ремесленного образования в Санкт-Петербурге начала XVIII – начала XX в. // *Изв. УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2014а. № 3 (130). С. 227–240.
- Келлер А. В.* «Средневековый институт» или инновация в духе Петровских реформ? Цехи в России и корпоративное самоуправление ремесленников на примере Санкт-Петербурга с начала XVIII до начала XX века // *Россия XXI.* 2014б. № 5. С. 74–95.
- Клеман К.* Труд не на рабочем месте // *Отеч. зап.* 2007. № 4. С. 37–55.
- Космодемьянская А. И.* Модель профобразования европейского уровня // *Проф. образование.* 2004. № 9. С. 14–15.
- Луман Н.* Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М. : Логос, 2006. 320 с.
- Мокир Дж.* Меркантилизм, Просвещение и промышленная революция // *Экономич. вестн. Ростов. гос. ун-та.* 2006. Т. 4. № 1. С. 7–31.
- Мокир Дж.* Рычаг богатства : Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ. Н. Эдельмана ; науч. ред. Т. Дробышевская, А. Смирнов. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 504 с.
- Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 211 с.
- Побережников И. В.* Акторы российской имперской модернизации : проблемы и перспективы исследования // *Урал. ист. вестн.* 2015. № 4 (49). С. 16–25.
- Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2014. 248 с.

Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России : коллект. моногр. / [Л. Ф. Беликова и др.] ; под ред. Г. М. Романцева. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. 233 с.

Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века (источниковедческие очерки) / отв. ред. Б. Г. Литвак. М. : Наука, 1986. 214 с.

Сеннет Р. Капитализм в большом городе : глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 95–107.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Вып. 22. М. : Наука, 1997. 298 с.

Туган-Барановский М. И. Избранное : Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М. : Наука, 1997. 735 с.

Харитонович Д. Э. Ремесло : Цехи и миф // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. С. 118–124.

Шенелева В. Б. Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков от империализма до НЭПа // Вестн. Омск. ун-та. 1997. № 2. С. 47–50.

Beck U., Bonß W., Lau C. Theorie reflexiver Modernisierung : Fragestellungen, Hypothesen, Forschungsprogramm // Beck, U., Bonß, W. (Hrsg.). Die Modernisierung der Moderne. Frankfurt a. M. : [S. n.], 2001. S. 11–59.

Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129, No. 1. Iss. Multiple Modernities. P. 1–31.

Epstein S. R. Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change in Preindustrial Europe // The J. of Economic History. 1998. Vol. 58, No. 3. P. 684–713.

Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung. Aufsätze – Studien – Vorträge. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 547 S.

Jobst K. S., Liechtenhan F.-D. Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh. // Quaestio Rossica. 2015. № 3. P. 35–65.

Kaufhold K. H. Das Handwerk zwischen Anpassung und Verdrängung // H. Pohl (Hg.). Sozialgeschichtliche Probleme der Hochindustrialisierung (1870–1914). Paderborn, München, Wien, Zürich : Schöningh, 1979. S. 103–141.

Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Frankfurt a. M. : Peter Lang, 2002. 600 S.

Moore J. W. The Capitalocene. Part I: On the Nature & Origins of Our Ecological Crisis // Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism. [S. l.] : PM Press ; Kairos PM, 2016. 240 p.

Randeria S. Verwobene Moderne : Zivilgesellschaft, Kastenbindungen und nicht-staatliches Familienrecht im (post)kolonialen Indien // Randeria S. at al. Konfigurationen der Moderne : Diskurse zu Indien, Soziale Welt Sonderband 15. Baden-Baden : Nomos, 2004. S. 155–178.

Sennett R. The Craftsman. N. Haven : Yale Univ. Press, 2008. 326 p.

Seumer M. Vom Reinigungsgewerbe zum Gebäudereiniger-Handwerk : die Entwicklung der gewerblichen Gebäudereinigung in Deutschland (1878 bis 1990). Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1998. S. 393.

Steiner B. Die Nebenfolgen in der Geschichte : Eine historische Soziologie reflexiver Modernisierung // Historische Zeitschrift. Beihefte N. F. 65 / Eds. A. Fahrmeir und L. Gall. Berlin, München, Boston : Walter De Gruyter GmbH, 2014. 141 S.

Beschäftigte / Umsätze // Zentralverband des deutschen Handwerks [Offizielle Webseite]. URL: <https://www.zdh.de/daten-fakten/betriebszahlen/beschaeftigte-umsaetze.html> (Stand: 19.10.2016).

References

Alekseeva, E. V. (2007). *Diffuziya evropeiskikh innovatsiy v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [Diffusion of European Innovations in Russia (18th – Early 20th Centuries)]. 368 p. Moscow, ROSSPEN.

Alekseeva, E. V. (Ed). (2014). *Rol' endogennykh i ekzogenykh faktorov v razvitiі rossiyской tsivilizatsii (XVIII – nachalo XX v.)* [The Role of Endogenous and Exogenous Factors in the Development of Russian Civilisation (18th – Early 20th Centuries)]. 248 p. Yekaterinburg, RIO UrO RAN.

Alekseeva, E. V., Redin D. A., Rej M.-P. (2016). "Evropeizatsiya", "vesternizatsiya" i mehanizmy adaptatsii zapadnykh novovvedeniy v Rossii imperskogo perioda ["Europeanisation", "Westernisation", and the Mechanisms of Adapting Western Innovation in Russia during the Imperial Period]. In *Voprosy istorii*, 6, pp. 3–20.

Ananiev, V. G. (2017). *Centres of Artisanal Culture: Discussions on Provincial Art Museums and the Handicraft Industry in the First Quarter of the 20th Century*. Discussions Surrounding Provincial Art Museums and the Handicraft Industry in the 1910s]. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5. № 1, pp. 86–98. DOI 10.15826/qr.2017.1.212.

Bakanov, S. A. (2017). *Urban Demographic Decline in the Traditional Industrial Regions of the Urals (1959–2010)*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5. № 1, pp. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211.

Beck, U., Bonß W., Lau C. (2001). Theorie reflexiver Modernisierung. Fragestellungen, Hypothesen, Forschungsprogramm. In Beck, U., Bonß, W. (Hrsg.). *Die Modernisierung der Moderne*. Frankfurt a. M., pp. 11–59.

Blessing, G. (2004). *Professional'nyi put' remeslennika* [The Professional Way of a Craftsman]. In *Professional'noe obrazovanie*, 9, pp. 16–17.

Bogatova, G. A. (Ed.). (1997). *Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv.* [A Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries] / Institut russkogo yazyka imeny V. V. Vinogradova. Vol. 22. 298 p. Moscow, Nauka.

Egorov, V. G., Chistova, S. M. (2009). *Gorodskoe remeslennoe proizvodstvo Rossii v otechestvennoy istoriografii* [Urban Craft Production in Russia in Russian Historiography]. 270 p. Moscow, GOU VPO MGUL.

Efanov, A. V. (2011). *K voprosu o tsennostyakh sovremennogo remeslennichestva*. In *Stanovlenie i razvitie remeslennichestva i professional'nogo remeslennogo obrazovaniya v Rossii* : sb. nauch. st. 4-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [On the Values of Contemporary Handicrafts // The Formation and Development of Artisan and Vocational Artisanal Education in Russia : Proc. of Scholarly. Art. 4th Int. Academic Practical. Conf.]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo professionalno-pedagogicheskogo universiteta, pp. 17–22.

Eisenstadt, S. N. (2000). Multiple Modernities. In *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, pp. 1–31.

Epstein, S. R. (1998). Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change in Preindustrial Europe. In *The J. of Economic History*, Vol. 58, No. 3, pp. 684–713.

Fischer, W. (1972). *Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung*. Aufsätze – Studien – Vorträge. 547 S. Göttingen : Vanderhoeck & Ruprecht.

Jobst, K. S., Liechtenhan, F.-D. (2015). Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh. In *Quaestio Rossica*, 3, pp. 35–65.

Kaufhold, K. H. (1979). Das Handwerk zwischen Anpassung und Verdrängung // H. Pohl (Hsg.). *Sozialgeschichtliche Probleme der Hochindustrialisierung (1879–1914)*. Paderborn, München, Wien, Zürich, Schöningh, pp. 103–141.

Keller, A. (2002). Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. 600 S. Frankfurt a. Main u. a., Peter Lang.

Keller, A. V. (2014a). *Stanovlenie i razvitie remeslennogo obrazovaniya v Sankt-Peterburge nachala 18 – nachala 20 v.* [The Formation and Development of Vocational Education in St Petersburg in the Early 18th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 2, Gumanitarnye nauki, 3 (130), pp. 227–240.

Keller, A. V. (2014b). "Srednekovyi institut" ili innovatsiya v dukhe petrovskikh reform? Tsekh'i v Rossii i korporativnoe samoupravlenie remeslennikov na primere Sankt-Peterburga s nachala XVIII do nachala XX veka [A "Medieval institution" or an Innovation in the Spirit of Peter's Reforms? Workshops in Russia and Artisan Corporate Government in St Petersburg between the Early 18th to the Early 20th Centuries]. In *Rossiyska XXI*, 5, pp. 74–95.

Kharitonovich, D. E. (1999). *Remeslo : Čehi i mif* [Handicraft. Workshops and Myth] In Svanidze, A. A. (Ed.). *Gorod v srednekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy*. Vol. 1–4. Vol. 2. *Zhizn' goroda i dejatel'nost' gorozhan*. Moscow, Nauka, pp. 118–124.

Klement, K. (2007). *Trud ne na rabochem meste* [Work outside the Workplace] // *Otechestvennyye zapiski*, 4, pp. 37–55.

Kosmodem'yanskaya, A. I. (2004). Model' profobrazovaniya evropeyskogo urovnya [A Model of Vocational Education of the European Level]. In *Professional'noe obrazovanie*, 9, pp. 14–15.

Luhmann, N. (2006). *Differentsiatsiya* [Differentiation] / transl. by B. Skuratov. 320 p. Moscow, Logos.

Mokyr, J. (2006). Merkantilizm, prosveshchenie i promyshlennaya revoliutsiya [Mercantilism, the Enlightenment, and the Industrial Revolution]. In *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 4, No. 1, pp. 7–31.

Mokyr, J. (2014). *Rychag bogatstva : Tekhnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskii progress* [The Lever of Riches : Technological Creativity and Economic Progress] / transl. by N. Edel'man; eds. T. Drobyshevskoy, A. Smirnova. 504 p. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara.

Moore, J. W. The Capitalocene. Part I : On the Nature & Origins of Our Ecological Crisis. In Moore J. W., ed. (2016). *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*. 240 p. PM Press/Kairos PM, pp. 1–40.

Pazhitnov, K. A. (1952). *Problema remeslennykh cechov v zakonodatel'stve russkogo absoljutzizma* [The Problem of Guilds in the Legislation of Russian Absolutism]. 211 p. Moscow, AN SSSR.

Poberezhnikov, I. V. (2015). Aktory rossiiskoy imperskoy modernizatsii : problemy i perspektivy issledovaniya [The Actors in Russian Imperial Modernization : Problems and Perspectives of Research]. In *Ural'skiy istoricheskii vestnik*, 4 (49), pp. 16–25.

Randeria, S. (2004). Verwobene Moderne : Zivilgesellschaft, Kastenbindungen und nicht-staatliches Familienrecht im (post)kolonialen Indien. In Randeria, S. at al. (Eds.). *Konfigurationen der Moderne : Diskurse zu Indien*. Soziale Welt Sonderband 15. Baden-Baden, Nomos, pp. 155–178.

Romantsev, G. M. (Ed.). (2012). *Problemy stanovleniya professional'nogo remeslennogo obrazovaniya v Rossii : kollektivnaya monografiya* [Problems of the Formation of Vocational Trade Education in Russia : Collective Monograph]. 233 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo professionalno-pedagogicheskogo universiteta.

Rybakov, Yu. Ya. (1986). *Promyshlennoe zakonodatel'stvo Rossii pervoi poloviny XIX veka (istochnikovedcheskie ocherki)* [Industrial Legislation in Russia in the First Half of the 19th Century (Source Essays)] / Ed. B. G. Litvak. 214 p. Moscow, Nauka.

Sennet, R. (2008). Kapitalizm v bol'shom gorode : globalizatsiia, gibkost' i bezrazlichie [Capitalism and the City : Globalization, Flexibility, and Indifference]. In *Logos : filosofsko-literaturnyi zhurnal*, 3 (66), pp. 95–107.

Sennet, R. (2008). *The Craftsman*. 326 p. N. Haven, Yale Univ. Press.

Seumer, M. (1998). Vom Reinigungsgewerbe zum Gebäudereiniger-Handwerk : die Entwicklung der gewerblichen Gebäudereinigung in Deutschland (1878 bis 1990). 393 S. Stuttgart, Franz Steiner Verlag.

Shepeleva, V. B. (1997). *Kustari v teorii, strategii i taktike bol'shevikov ot imperializma do NEPa* [Craftsmen in the Theory, Strategy, and Tactics of the Bolsheviks from Imperialism to the NEP]. In *Vestnik Omskogo universiteta*, 2, pp. 47–50.

Steiner, B. (2014). Die Nebenfolgen in der Geschichte. Eine historische Soziologie reflexiver Modernisierung. In *Historische Zeitschrift*, Beihefte N. F. 65, eds. A. Fahrmeir und L. Gall. Berlin, München, Boston, Walter De Gruyter GmbH, pp. 11–15.

Tugan-Baranovsky, M. I. (1997). *Izbrannoe : Russkaia fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitie russkoy fabрики v XIX v.* [Selected Works. The Russian Factory in the Past and Present. Historical Development of the Russian Factory in the 19th Century]. 735 p. Moscow, Nauka.

Beschäftigte / Umsätze // Zentralverband des deutschen Handwerks [Offizielle Webseite]. URL: <https://www.zdh.de/daten-fakten/betriebszahlen/beschaeftigte-umsaeetze.html> (Stand: 19.10.2016).

The article was submitted on 19.06.2016

DOI 10.15826/qr.2017.1.209

УДК 656.1(09)+656.121+331.1

ДИЛИЖАНСЫ НА ДОРОГАХ РОССИИ XIX в.: ОТ ЗАМЫСЛА – К ПРАКТИКЕ ВОПЛОЩЕНИЯ*

Александра Бекасова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

STAGECOACHES ON RUSSIAN ROADS IN THE 19TH CENTURY: FROM DESIGN TO PRODUCTION**

Aleksandra Bekasova

National Research University
Higher School of Economics,
St Petersburg, Russia

Long-distance public transportation via regular stagecoach services between the cities of the Russian Empire from the 1820s to the 1850s is studied as a social institution that structured people's everyday lives, forming a set of rules, practices, and models of behaviour. In contrast with the traditional view that transport services and 'passengers' as a socio-cultural phenomenon came into being with the development of railway communication and urban public transport, this article presents a different point of view. An analysis of a variety of materials reflecting the operations of transportation companies (regulations, schedules, bureaucratic correspondence, etc.), along with periodicals, memoirs, diaries, private correspondence, and works of fiction, has helped us to reconstruct how public transport came into being in Russia in the first half of the 19th century and how the public became accustomed to the new service.

Keywords: history of mobility and public transport; private companies; regular transportation of passengers in stagecoaches; 19th-century Russia.

* Статья подготовлена в рамках работы по коллективному проекту, поддержанному программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014–2015 гг.

** *Citation:* Bekasova, A. (2017). Stagecoaches on Russian Roads in the 19th Century: From Design to Production. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 32–55. DOI 10.15826/qr.2017.1.209.

Цитирование: Bekasova A. Stagecoaches on Russian Roads in the 19th Century: From Design to Production // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 32–55. DOI 10.15826/qr.2017.1.209 / Бекасова А. Дилижансы на дорогах России XIX в.: от замысла – к практике воплощения // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 32–55. DOI 10.15826/qr.2017.1.209.

Организация регулярных перевозок пассажиров в рейсовых дилижансах на протяженных маршрутах между городами Российской империи в 1820–1850-х гг. рассматривается как социальный институт, который структурировал повседневную жизнь людей, способствуя формированию нового ансамбля правил, практик и моделей поведения. Такой подход отличает исследование автора от ряда предшествовавших, где выражены традиционные представления о возникновении транспортных услуг и появлении пассажира как социокультурного феномена и где главная роль отводилась исключительно развитию железнодорожных коммуникаций или городского транспорта. Анализ разнообразного комплекса материалов – документов, отложившихся в результате деятельности транспортных компаний (уставов, бюрократической переписки, а также правил, расписаний и пр.), публикаций в периодической печати, воспоминаний, дневников, частных писем, произведений художественной литературы – позволил реконструировать, как возникала система общественного транспорта в России первой половины XIX в. и как современники к ней приспосабливались.

Ключевые слова: история мобильности и общественного транспорта; частное предпринимательство; регулярные перевозки пассажиров в дилижансах; Россия XIX в.

Современные исследования функционирования сети транспортных коммуникаций – больших технологических систем – находятся на пересечении истории мобильности и истории транспортных технологий. Переосмысление подобных подходов смещает акценты с социально-экономической истории на изучение социальной организации движения и соответствующих культурных практик. Рассматривая конфликты, противоречия, неравенство, столкновения интересов между различными акторами на локальном, региональном, национальном уровнях, исследователи стремятся понять, что определяло режимы мобильности в разные исторические периоды¹.

Внимание исследователей транспортной системы России XIX в. преимущественно касалось изучения железных дорог и речного судоходства, создание и функционирование которых рассматривались в контексте социально-экономической истории². Исследователями была основательно изучена правительственная политика в области акционерного предпринимательства. Сюжетам истории почтовых сообщений и дорожного строительства были посвящены лишь отдель-

¹ Обзор основных тенденций в современных исследованиях «больших технологических систем» см.: [Vleuten]. О современных направлениях исследований мобильности и транспорта см.: [Merriman, Jones, Cresswell et al.; Mom, Divall, Lyth; Divall, Revill; Mom].

² О развитии транспортной системы и водных коммуникаций имперской России см., например: [Истомина, 1982; Истомина, 2013]. О строительстве и функционировании железнодорожной сети см., например: [История железнодорожного транспорта...; Schenk; Marks; Haywood].

ные исследования [Базилевич; Кудрявцев]. История возникновения общественного транспорта, связанная с зарождением как частного, так и государственного предпринимательства в России XIX в., пока не становилась предметом специального рассмотрения, а отдельные ее страницы освещались фрагментарно [Векасова; Лизунов, 2012].

Система транспортных коммуникаций в XVIII – первой половине XIX в.

Идеи завести регулярное пассажирское сообщение в России возникли еще в конце XVIII в., но попытки, предпринятые в царствование Екатерины II, были неудачны. До 1820 г. в России не было ни государственных, ни частных (или, как их тогда называли, партикулярных) транспортных компаний по перевозке путешественников. Поездки на большие расстояния на почтовых лошадях обходились дорого и были доступны только дворянской элите. Время, требуемое на совершение поездки по конкретному маршруту, было неопределенным и могло значительно варьироваться в зависимости от времени года и самых разных дорожных обстоятельств. В известной степени быстрое передвижение по почтовым трактам было привилегией, которой пользовались члены императорской семьи и близкий к ним круг лиц, знатные сановники, военная элита, курьерские службы. Именно высокопоставленные путешественники и курьеры имели право получать лучших лошадей на станциях вне очереди, сразу по прибытии. Большинство путешественников, хотя и ездили в основном по служебным надобностям, пользуясь так называемыми «казенными» подорожными (которые оплачивались государственными ведомствами), часто вынуждены были подолгу задерживаться на станциях в ожидании лошадей. За поездки по частным надобностям приходилось платить «поверстные деньги» из собственного кармана³. Рассчитать затраты на поездку по выбранному маршруту можно было с помощью «Дорожника» – справочной книги, в которой были обозначены почтовые тракты, расстояния между станциями, а также другие важные для путешественников сведения. За основу расчетов бралась стоимость использования одной лошади, проезжающей одну версту⁴. Чтобы сократить время ожидания на станциях, пассажиры пользовались услугами вольных ямщиков или фурманов⁵, стоимость найма которых на больших трактах могла мало отли-

³ Об истории почтовых коммуникаций в Российской империи и о системе почтовых трактов см.: [Базилевич]. О подорожных грамотах см.: [Бажитнова].

⁴ Первые «дорожники» были составлены и подготовлены к печати В. Г. Рубаном. См., например: [Дорожник чужеземный и российский; Рубан]. В дальнейшем они переиздавались, а справочная информация обновлялась.

⁵ Фурман (*нем.* Fuhrmann) – владелец большой конной повозки (фуры). Так называли извозчиков, промышлявших извозом на почтовых трактах на своих лошадях в западных провинциях Российской империи в XVIII–XIX вв.

чатся от стоимости услуг государственных ямщиков. По почтовым трактам были возможны поездки на собственных лошадях, что было дешевле, но они требовали значительно большего времени, поэтому и назывались «на долгих».

Первая половина XIX в. была периодом интенсивного развития разветвленной сети сухопутных и водных транспортных сообщений, системы почтовой связи и возникновения телеграфной коммуникации в Российской империи. Создание системы быстрых и дешевых сообщений современники рассматривали как важнейший вопрос. Как писал В. П. Гурьев, талантливый изобретатель и инженер, но не очень удачливый предприниматель: «Главная животворная мысль, которая одушевляет эту эпоху, состоит в том, чтобы связать деятельность и трудолюбие обществ, обитающих в разных точках данного пространства, самыми... быстрыми и дешевыми средствами взаимного сообщения, чтобы тем придать их производительной силе все могущество совокупного действия многих миллионов рук и умов, трудящихся дружно и вместе» [Гурьев]⁶.

Проектирование и строительство сети дорожных коммуникаций нового типа стало делом профессионалов – инженеров и техников, которых готовили в Институте корпуса инженеров путей сообщения и Военно-строительной школе путей сообщения. Планомерное создание дорожной сети коммуникаций началось в 1817 г. в период царствования императора Александра I с возведения шоссе между Санкт-Петербургом и Москвой. Строительство дороги протяженностью более 700 км (которая получила название Московского шоссе) продолжалось 17 лет. Она было полностью готова в 1834 г., в царствование Николая I. После продолжительных экспериментов предпочтение было отдано дешевой и практичной технике укладки дорожного покрытия из битого камня – методу Джона МакАдама, известного шотландского предпринимателя и инженера. Такие шоссе с искусственным дорожным покрытием в России стали называть «битыми дорогами».

Современники с энтузиазмом приветствовали введение в эксплуатацию новых шоссе, построенных с использованием техники МакАдама. В то же время истовое рвение губернаторов не всегда сразу приводило к желаемым результатам.

Слишком сорок тысяч народу приведено в движение для починки дорог, а выходит, что их не чинят, а только копают (а теперь земля так тверда, что топор и лом не берут, а заступы все ломаются),

– писал очевидец о дорожных работах в Московской губернии в конце сентября 1823 г. Он поинтересовался у мужиков, зачем их пригнали.

⁶ О В. П. Гурьеве см.: [Василий Петрович Гурьев].

Да вот, батюшка, мы здесь шестой день живем без дела, никто нам ничего не указывает, и мы не знаем, зачем нас выслали; а говорят, что будем канавки копать да делать бурдевалы (бульвары. – А. Б.)⁷.

В другом письме описывалась поездка в ноябре 1825 г. из Пушкино (села на пути между Москвой и Троице-Сергиевой Лаврой) в Москву, во время которой путешественники чуть не утонули в грязи⁸.

Несмотря на трудности, создание дорог нового типа, которые имели важнейшее государственное значение, продолжалось, и к 1850 г. сеть шоссе с щебеночным покрытием протянулась на 10 тыс. км преимущественно по территории центральных районов и западных губерний Российской империи. Благодаря организации системы контроля их со временем научились поддерживать в надлежащем состоянии. Проезд по таким шоссе был платным (сборы взимались с проезжающих на специально учрежденных заставах), но существовала гибкая система льгот для разных категорий путешественников.

Перевозка путешествующих частными транспортными компаниями

Экономический и общественный подъем, наступивший после завершения наполеоновских войн, развитие промышленности и торговли, быстро растущие бюрократические нужды требовали учреждения регулярных транспортных сообщений для более широкого круга потребителей, чем это было раньше. Первое транспортное предприятие, целью которого была перевозка путешествующих по тракту между Санкт-Петербургом и Москвой, возникло в 1820 г. Оно было негосударственным и по форме организации являлось акционерной компанией. Один из активных его учредителей К. Я. Булгаков, санкт-петербургский почт-директор, в письмах к брату называл его «публичным предприятием», так как оно появилось на свет благодаря общественной инициативе.

Идея организации частного коммерческого предприятия с целью наладить регулярную перевозку «недостаточных» людей, которые «захотят пользоваться дешевым проездом», родилась в круговороте общественной жизни Санкт-Петербурга. Она возникла в среде деятельной военной элиты, а также служащих дипломатического корпуса и аристократической молодежи, только

⁷ А. Я. Булгаков – К. Я. Булгакову, 21 сент. 1823 г., Семердино [РА, 1900, № 12, с. 581–582].

⁸ А. Я. Булгаков – К. Я. Булгакову, 21 ноября 1825 г., Москва [РА, 1901, № 6, с. 220–222].

вступающей на служебное поприще. Эта полезная инициатива получила поддержку у ряда влиятельных сановников, имевших связи и достаточный вес для того, чтобы помочь быстро добиться высочайшего соизволения на организацию предприятия и получить выгодную привилегию. Осваивая со временем новые маршруты, «Общество учреждения почтовой коляски», позднее получившее известность как «Общество первоначального в России заведения дилижансов» (далее – Общество), оказалось весьма успешным.

Инициаторами создания Общества современники называли двух персон – М. С. Воронцова и К. Я. Булгакова. Оба они были ровесниками, родились в семьях известных российских дипломатов. К началу 1820-х гг. и тот, и другой уже успели приобрести немалый служебный опыт, были на пике жизненных сил и карьеры. Дома Воронцова и Булгакова в Петербурге, где устраивались приемы, были значимыми центрами общественной жизни. Булгаков в письме брату упоминал, что мысль о создании транспортного предприятия возникла во время обедов у Воронцова⁹. Принимал гостей и Булгаков, которого П. А. Вяземский, хорошо его знавший, в одном из писем охарактеризовал так: «...он так многим служил посредником ходатаем по всем делам; по связям своим со всеми, он и сам был связью всем» [Остафьевский архив князей Вяземских, т. 2, с. 274].

Непосредственной организацией предприятия и учреждением Общества, разработкой документов, поиском влиятельных покровителей занимался К. Я. Булгаков, который был переведен из Москвы в Санкт-Петербург в 1819 г. Именно в доме санкт-петербургского почт-директора состоялось первое заседание комитета учреждаемого Общества. Открытие регулярного пассажирского сообщения между столицами (наряду с целым рядом других полезных нововведений по почтовой части) стало для Булгакова, только что вступившего в должность, способом проявить свои деловые качества¹⁰. По настоянию крупных петербургских купцов, которые согласились приобрести акции предприятия, ему было предложено возглавить комитет Общества¹¹. С момента основания этого предприятия и на протяжении нескольких десятилетий успешной деятельности его делами управлял Ф. Д. Серапин, опыт-

⁹ К. Я. Булгаков – А. Я. Булгакову, 30 апреля 1820 г., Санкт-Петербург [РА, 1902, № 11, с. 363].

¹⁰ В частности, К. Я. Булгаков писал брату: «Мне очень хочется успеть в сем подлинно полезном предприятии. Во что ни станет, а будут с одобрением вспоминать о моем почт-директорстве. Все, что только полезно, буду стараться ввести. Нессельрод [К. В. Нессельроде] писал к министрам в чужие края, чтоб они старались получить и прислали все почтовые положения для меня. Прусское и французское я уже получил. Можно будет извлечь из них и приспособить к нашим почтам, что хорошее» [РА, 1902, № 11, с. 367].

¹¹ Об этом см.: К. Я. Булгаков – А. Я. Булгакову, 21 мая 1820 г., Санкт-Петербург [РА, 1902, № 11, с. 370].

ный чиновник почтового ведомства¹². Многие из учредителей, а также члены их семей приобрели его акции. Владельцами акций (или билетов, как их называли) стали такие известные купцы как М. Ф. Андерсон, А. М. Пестряков, А. Х. Таль, А. Г. Марк, а также банкир Л. И. Штиглиц и некоторые другие лица¹³. Вначале было решено выпустить 60 билетов по одной тысяче рублей ассигнациями. В дальнейшем акции еще допечатывали и распространяли, и к 1840 г. держателями 69 акций являлись 45 персон, из которых было 11 дам. Им принадлежало 22 акции от общего числа всех выпущенных билетов¹⁴.

Как было указано в привилегии, выданной 30 августа 1820 г.,

...общество некоторых особ... одушевляясь патриотическим желанием доставить соотечественникам легчайший способ путешествия в России, предприняло учредить посредством акций (каждая в тысячу рублей) по тракту от Санкт-Петербурга до Москвы и обратно почтовые коляски наподобие дилижансов [Высочайше утвержденное положение Комитета министров, с. 252–255].

Пользуясь покровительством руководства почтового ведомства, инициаторы создания Общества добились монопольного права осуществлять пассажирские перевозки по главному тракту империи в течение десятилетнего периода, имея выгодную привилегию. В частности, предприятие было освобождено от платежа так называемых поверстных денег: получая подорожные, оно не платило в казну за пользование казенными лошадьми на почтовых станциях [Там же, с. 252–253].

Есть основания считать, что эта привилегия была выдана на основании «Манифеста о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» 1812 г. (далее – Манифест). По мнению исследователей, автором Манифеста, призванного регулировать отношения между «частной выгодой», изобретателями и «общественной пользой», был М. М. Сперанский, который при его составлении использовал текст французского закона о патентах 1791 г. Привилегия удостоверяла право собственности на изобретение, которое «предъявлено правительству». Желающий получить привилегию (это могло быть частное лицо или компания) должен был представить подробное описание изобретения или открытия,

¹² Ф. Д. Серапин управлял делами нескольких частных транспортных компаний, которым покровительствовал почтовый департамент. Он выступал с рядом полезных коммерческих инициатив, которые получили развитие (например, это создание небольшой гостиницы в Петербурге). Подробнее см.: [Лизунов, 2014, с. 117].

¹³ О роли Л. И. Штиглица на разных этапах деятельности Общества подробнее см.: [Лизунов, 2014].

¹⁴ Список акционеров Общества см.: По письму Общества первоначального в России заведения дилижансов о дозволении оному продолжать действия свои еще на 10 лет по случаю истечения второго десятилетия существованию онаго [РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 506. Л. 15–16].

сопроводив его необходимыми рисунками и чертежами, а также заплатить соответствующую пошлину. В документе особо оговаривалось, что привилегии могли выдаваться на изобретения (или открытия), которые были сделаны в других государствах, но не были еще описаны и «не введены в употребление в России». В то же время подчеркивалось, что привилегии не выдаются «на те предметы, кои не только государству, но и частным людям никакой пользы не приносят или еще и во вред обратиться могут». В тексте Манифеста определялись порядок выдачи привилегий и особый формуляр этого документа [Манифест о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах]¹⁵.

Хотя проект об учреждении регулярных перевозок проезжающих в дилижансах не являлся ни изобретением, ни открытием в художествах или ремеслах, что было очевидно и для современников, все же и члены Комитета министров, и князь Голицын, и сами авторы проекта определенно на него ориентировались. Об этом можно судить на основании того, что при подготовке документов к заседанию Комитета министров, на котором рассматривалось дело о заведении дилижансов и учреждении Общества, князю Голицыну был «представлен на благоусмотрение... манифест о привилегиях»¹⁶. Что касается учредителей Общества, то они подготовили подробный план, в котором были тщательно обоснованы общественная полезность и новизна предлагаемого учреждения, а также прописаны организационные, финансовые и технические детали. К нему был приложен рисунок коляски¹⁷. Все эти детали дают основание полагать, что авторы старались следовать предписаниям, которые содержались в тексте манифеста. В то же время от платежа пошлины, которая должна была взиматься с авторов проектов, Общество в результате было освобождено. По этому поводу в тексте проекта привилегии чиновником была сделана следующая пометка:

Главначальствующий [над Почтовым департаментом, то есть князь Голицын] утвердил проект сей, приказав, впрочем... пошлины не брать, так как привилегия сия совершенно особенного рода от других, кои даются на искусства, а о прекращении оной ничего не говорить, ибо то временем само собою случится [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 24].

¹⁵ О манифесте 1812 г. и патентовании изобретений в России в XIX в. см.: [Ревинский; Аег; Плужник]. Об истории получения привилегий на строительство паровых судов см.: [Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.].

¹⁶ См.: Записка Н. Д. Жулковского на имя кн. А. Н. Голицына, 21 мая 1820 г. [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 16 об.].

¹⁷ Рисунок коляски см.: План учреждения в России почтовой коляски, 20 мая 1820 г., подписанный Д. П. Татищевым, гр. М. С. Воронцовым, гр. С. С. Потоцким, гр. И. И. Воронцовым-Дашковым, гр. А. Д. Гурьевым, гр. Л. С. Потоцким, лейб-гвардии гусарского полка поручиком кн. Голицыным, лейб-гвардии Измайловского полка поручиком гр. Бутурлиным [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 23].

Другим исключением было то, что этот проект рассматривался не в Государственном совете, как определялось в тексте Манифеста, а в Совете министров.

Размер ущерба, который несли в результате реализации этого коммерческого проекта государственная казна, был подсчитан. Согласно данным, указанным в записке Н. Д. Жулковского, в 1820-е гг. служившего директором почтового департамента, он равнялся 113 тыс. 334 руб. ассигнациями, которые Обществу было разрешено не уплачивать за подорожные в течение десяти лет [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 13]. Хотя учредители рассчитывали на получение коммерческих выгод, публично они всячески подчеркивали, что менее всего имеют целью частную прибыль, но прежде всего «общую пользу и желание завести в России вещь полезную и доселе не употребительную» [Там же].

На протяжении первого десятилетия деятельности компании ее учредители несколько раз обращались в почтовое ведомство с предложениями организовать регулярные перевозки и на других востребованных маршрутах. Среди них были как пригородные (из Санкт-Петербурга до Царского Села и Павловска), так и более протяженные сообщения (из Москвы до Киева через Тулу и Орел). Время от времени представления Общества рассматривались на заседаниях Комитета министров. При их обсуждении уже рекомендовалось вносить плату за почтовых лошадей (если они содержались от казны) или использовать вольнонаемных лошадей там, где почтовые станции содержались за счет земских повинностей. Кроме того, в резолюции князя А. Н. Голицына от 29 апреля 1821 г. всячески подчеркивалось, что «учреждение... дилижанса не может препятствовать обыкновенному промыслу извозчиков» [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 77]. Учредителям постоянно напоминали, что в дилижансах Общества категорически запрещается перевозить письма и деньги.

Руководство почтового ведомства не забывало блюсти государственный интерес и тщательно следило, чтобы монополия на перевозку почты и ценностей не нарушалась. В то же время коммерческая организация регулярной перевозки пассажиров заставила проводить более гибкую политику в отношении почтовой корреспонденции. Проверки пассажиров, отправляющихся в первых дилижансах, выявили, что все «имеют при себе письма, адресованные разным лицам». Как все уверяли, письма были «рекомендательные, и что им без них и ехать невозможно». Как писал в своем представлении Санкт-Петербургский почт-директор, «побуждение посылать письма с почтовой коляской столь велико, что иногда купцы готовы платить и десять, и двадцать пять рублей за одно письмо, лишь бы было дозволено взять оное». По мнению Булгакова, это служило доказательством, что «не избежание платежа весовых денег побуждает купцов возить тайно письма... но интерес скорейшего достав-

ления». В результате запрет на перевозку личных писем пассажирами был снят, а контору дилижансов снабдили специальной книгой, в которую стали «вписывать все предъявляемые конверты и заплаченные за них деньги», а на письмах ставился особый штампель [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 59–60].

Воодушевленное успехами первого транспортного предприятия и сориентированное на опыт организации пассажирских перевозок в других государствах, руководство Почтового департамента во второй половине 1820-х гг. предприняло попытку открыть свое заведение, пустив почт-дилижансы по тракту от Санкт-Петербурга до местечка Радзивилов, где на границе с Австрией находилась пограничная таможня. В записке на имя князя Голицына от 5 марта 1827 г. Булгаков так обосновывал необходимость его создания:

Умножение способов к сообщениям и переездам неоспоримо удовлетворяет одной из первейших надобностей в государстве. Польза дилижансов доказана опытом... В иных государствах предоставляется заведение их частным лицам или Обществам, в других правительство само их учреждает на свой счет, например, в Австрии, где число сих заведений простирается до ста сорока семи...

По мнению автора записки, открытие подобного предприятия должно было стать частью общего плана развития пассажирских перевозок, в котором особое внимание уделялось организации сообщений на трактах, ведущих к таможенно-пограничным пунктам, чтобы

...соединить... дилижансы с иностранными и доставить для путешественников постоянное, дешевое и легчайшее средство переезжать как в Россию, так и из оной в другие государства, не имея нужды в собственных экипажах. <...> Сии пограничные пункты суть Поланген, Ковно, Брест-Литовский и Радзивилов... Из трактов, где еще нет дилижансов, нужнейшим представляется следующий в Радзивилов яко идущий в Австрийские владения, а чрез оные во всю полуденную часть Европы и проходящий через Витебск, Могилев, где находится главная квартира Первой армии, Чернигов, Киев, Житомир, где сообщение с соседственными польскими и австрийскими провинциями бывает значительно¹⁸.

Было решено в качестве эксперимента производить в одних экипажах перевозку и пассажиров, и почты. Определенную роль в выборе тракта на Радзивилов сыграло и то обстоятельство, что в этом направлении существовало регулярное почтовое сообщение: каждую неделю туда отправлялись, кроме экстрапочты, две обычные, одну из которых и предполагалось заменить почт-дилижансом.

¹⁸ По записке Санкт-Петербургского почт-директора об учреждении почт-дилижанса между Санкт-Петербургом и Радзивиловым. Начато 1827 г. – решено 25 февр. 1830 г. [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 384. Л. 1–4].

Другим экспериментальным направлением стал маршрут между Санкт-Петербургом в Ревелем (Таллином), который был востребован в период с начала мая и в летние месяцы, когда из столицы на Балтийское побережье устремлялись дачники на морские купания¹⁹. С этим предложением также выступил Булгаков, а непосредственной реализацией проектов занимался Серапин, который имел значительный опыт по организации как грузовых, так и пассажирских перевозок, управляя делами нескольких частных транспортных компаний. Перевозки по указанным маршрутам продолжались недолго, всего несколько месяцев, и были прекращены. Столкнувшись с рядом трудностей организационно-финансового порядка и оценив риски, руководство почтового ведомства решило не вкладываться на этом этапе в развитие коммерческих пассажирских перевозок, уступив инициативу созданному ранее Обществу и продолжая оказывать ему покровительство. Среди факторов, затруднявших развитие регулярного сообщения на этих маршрутах, была жесткая конкуренция со стороны многочисленных фурманов, которые традиционно промышляли там извозом. Песчаные дороги и протяженные расстояния между станциями требовали припрягать большее число лошадей (по восемь, десять, а иногда и по 12), чтобы везти тяжелый экипаж с пассажирами и почтой. В результате содержатели почтовых станций оказались в трудном положении, так как казенных лошадей не хватало для других проезжающих. Будучи недовольны, они не предпринимали необходимых усилий к тому, чтобы движение дилижансов стало регулярным. Серьезным препятствием были также и изменчивые погодные условия в районе российско-австрийской границы, которые не позволяли организовать непрерывное движение экипажей в зимний период²⁰.

В 1830–1840-х гг. делами Общества активно занимались уже другие персоны – кроме Штиглица и Андерсона, это были граф Ю. П. Литта, обер-камергер и член Государственного совета, Н. М. Лонгинов, статс-секретарь управления принятия прошений, граф А. Г. Кушелев-Безбородко, камергер, член Главного правления училищ. Именно они разрабатывали и представляли на утверждение императора и Правительствующего Сената новый устав Общества в 1831 г., вели переписку с руководством министерства внутренних дел, отстаивая интересы компании, увеличили число акций с 60 до 70. В этот период Общество организовывало регулярные перевозки пассажиров на новых трактах и ввело в употребление новую услугу – страхование

¹⁹ Об организации и функционировании «ревельского дилижанса» см.: По записке Санкт-Петербургского почт-директора об учреждении дилижанса между Санкт-Петербургом и Ревелем. 21 апр. 1827 – 8 окт. 1830 гг. [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 387].

²⁰ О почт-дилижансах, учрежденных между Санкт-Петербургом и Радзивиловым, см.: [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 384. Л. 182–193 об.]. См. также мнения почтмейстеров и других чиновников почтового ведомства, специально собранные по этому вопросу: [Там же. Л. 129–170].

багажа [Устав]²¹. Среди освоенных к тому времени, кроме упоминавшихся ранее, можно назвать маршруты из Санкт-Петербурга до Ковно, Радзивилова и Ревеля, из Москвы до Киева и некоторые другие. Конторы предприятия были открыты не только в Санкт-Петербурге и Москве, но также в Киеве, Риге, Одессе, Харькове, Туле и в Нижнем Новгороде во время ярмарок.

Особое внимание учредители уделяли организации и усовершенствованию технической части предприятия. Для перевозки пассажиров использовались почтовые экипажи нескольких типов, имевшие при этом стандартные оси, колеса и пр., что облегчало их ремонт. В ряде пунктов по маршрутам следования карет были открыты специальные мастерские и помещения для размещения экипажей, а также необходимых к ним запасных частей. Центральные мастерские находились в Санкт-Петербурге²².

Осуществление коммерческого проекта по заведению в России регулярного дилижансного сообщения рассматривалось почтовыми чиновниками как важный социально-экономический эксперимент. Об этом прямо писал Н. Д. Жулковский:

Могло бы и правительство завести их, но пожертвование важных сумм на начальное заведение, неудачные опыты, кои были даваемы уже в прошедшее время, и неизвестность о выгодах, могут ли оные быть, останавливают всякое по предмету сему от казны предприятие. Итак, остается только покровительствовать частное по оному устройению... Ежели проект пойдет хорошо, то по прошествии привилегии можно будет из сей статьи составить особый доход государству [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 16–16 об.].

Эта идея была с успехом реализована позднее, спустя почти два десятилетия. В 1839 г. почтовое ведомство организовало «Отделение почтовых карет и брик» для перевозки пассажиров и страховой корреспонденции, которое быстро расширилось и заметно потеснило конкурентов на рынке транспортных услуг.

Вторая четверть XIX в. стала временем расцвета частного дилижансного транспортного предпринимательства. Если в первое десятилетие таких компаний было всего две – кроме Общества, о котором подробно шла речь выше, было еще одно небольшое предприятие, которое осуществляло перевозки от Санкт-Петербурга по Рижскому тракту до Полангена (Паланги), а также от Митавы (Елгавы) до Ковно (Каунаса) и Вильно (Вильнюса), то к середине 1840-х гг. насчитыва-

²¹ См. также: По письму Общества первоначального в России заведения дилижансов о дозволении оному продолжить действия свои еще на 10 лет по случаю истечения второго десятилетия существованию онаго (2 ноября 1840 – 9 марта, 1843 г.) [РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 506].

²² См. об этом: План учреждения в России почтовой коляски... [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 7–8]. См. также упоминание о мастерских в Петербурге в разделе «О мастерских заведения» в уставе Общества 1831 г. [Устав, § 13–14].

Изображение рейсового дилижанса, который использовался одной из транспортных компаний в России в 1830–1840-х гг. [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 2. Д. 141. Л. 4]

A stagecoach used by a transport company operating in Russia between the 1830s and 1840s [Arkhirv SPb II RAN, fond 36 (Vorontsovy), opis' 2, delo 141]

лось уже более 20 таких компаний, которые конкурировали между собой за привлечение пассажиров²³. Учредители предприятий готовили пакеты документов и обращались в Почтовый департамент или в Министерство внутренних дел за разрешением их открыть. Все они старались получить привилегии, которые бы облегчили их деятельность на первом этапе, и творчески использовали опыт Общества²⁴.

Транспортные услуги, пассажиры и новые дорожные практики

Реагируя на возрастающий спрос потребителей на регулярное, надежное и доступное по цене транспортное сообщение, авторы проекта предлагали потенциальным клиентам гарантированный пакет услуг. Плата за удобства и услуги, которые предоставлялись во время поездки, была высока и доступна лишь довольно состоятельным путешественникам. К этому кругу принадлежали учредители и держатели акций предприятия. А. Я. Булгаков писал брату, имея в виду в том числе и себя:

²³ Список частных транспортных компаний того времени см.: [Материалы по истории связи в России, с. 209–211].

²⁴ См., например: По отношению управляющего Министерством внутренних дел предприимчивом тульском помещиком губернским секретарем Мясновым учреждении дилижансов между Москвой и Тулой. 17 мая 1824 – 9 марта 1927 гг. [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 355].

Для бедняка не шутка ехать в Петербург скоро, да и на рессорах. Иной и без нужды раза два в год съездит... Во-первых, дешево, во-вторых, спокойно, а, в-третьих, безопасно, в-четвертых, скоро, в-пятых, в компании, faites diligence et faites des diligences!²⁵

Пакет услуг включал фиксированное время отправления рейсовых экипажей по конкретным маршрутам и определенную продолжительность поездки, измеряемую в днях. Например, Общество гарантировало своим клиентам доставку из Санкт-Петербурга до Москвы в течение четырех или четырех с половиной суток. Оговаривалось, при каких условиях время в пути могло увеличиваться (например, во время распутицы). Перевозка осуществлялась в удобных экипажах, в которых могли ехать или сразу несколько человек, или один заказчик. Сведения, которые могли быть полезны потенциальным пассажирам, публиковались в периодической печати. В частности, уточнялось, как это будет организовано: «Каждая почтовая коляска сопровождается особым надзирателем для порядка и надзора». Подробный перечень того, что именно должен делать надзиратель (или проводник), сопровождавший дорожный экипаж, содержался в девяти пунктах проекта²⁶. Годовое жалование надзирателей составляло 600 руб. ассигнациями, так же как писарей, при этом управляющие конторами в городах получали 1000 руб., а сторожа – 400 руб. Кроме того, надзиратели снабжались форменной одеждой на сумму в размере 300 руб. и оружием стоимостью 100 руб. [РГИА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 304. Л. 9–9 об.].

Таким образом, рейсовые экипажи, курсирующие по определенному маршруту, обслуживались специальным персоналом, от усилий которого в значительной степени и зависел успех предприятия. Предполагалось, что это должны быть люди толковые, грамотные и аккуратные, организованные, дисциплинированные и ответственные, умеющие работать с документами и считать деньги, конечно, непьющие и воздерживающиеся от азартных игр. От них ожидали предприимчивости и способности действовать по обстоятельствам. Они должны были быть физически выносливы, хладнокровны и владеть оружием. Помимо всего прочего, они умели быстро починить экипаж в пути в случае необходимости. При этом они должны были быть галантны, вежливы, предупредительны и обходительны по отношению к пассажирам. Судя по тому, что первое транспортное предприятие быстро встало на ноги и смогло значительно расширить сферу своей деятельности, таких служащих удалось подготовить. Первыми надзирателями дорожных экипажей стали отставные военные офицеры²⁷.

²⁵ А. Я. Булгаков – К. Я. Булгакову, 1 июня 1820 г., Семердино [РА, 1900, № 11, с. 363–364].

²⁶ Круг обязанностей надзирателей был определен в документах «План учреждения в России почтовой коляски...» [РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 304. Л. 3–12 об.] и «Правила дилижанса в пути от 12 сентября 1823 г.» [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 141. Л. 6].

²⁷ См. об этом: К. Я. Булгаков – А. Я. Булгакову, 22 окт. 1820 г., Санкт-Петербург [РА, 1900, № 11, с. 389].

Изначально их было всего 12 человек, в дальнейшем число постоянно росло. Компании, которые стали возникать позднее, тоже стали нанимать особых проводников для сопровождения экипажей.

Путешествующие были заключены в тесное пространство купе в компании других пассажиров, которые часто не были знакомы друг с другом. Сущность изменения в способе перевозки людей по российской территории состояла в том, что до места назначения путешественники ехали сидя, а не лежа, как при ямской гоньбе. За экипажами закрепилось меткое название «нележансов», подчеркивавшее их радикальное отличие от других транспортных средств, которыми издавна привыкли пользоваться (см., например: [Вигель, ч. 6, с. 28]). Расписания, билеты, гостиничные и ресторанные прејскуранты, сувениры и гостинцы, купленные в дороге, книги, путеводители стали значимыми атрибутами нового способа путешествия. Освобожденные от утомительных дорожных хлопот, связанных с проверкой документов, выбиванием лошадей, наймом ямщиков и оплатой дорожных пошлин во время поездки, которые были возложены на надзирателей, сопровождавших экипажи, пассажиры могли посвятить свой дорожный досуг светскому общению, размышлениям, чтению и созерцанию ландшафтов.

Общество ввело систему проездных билетов, которая до этого времени в России не существовала. Билет, который необходимо было заказать заранее в конторе дилижансов, давал право занять конкретное место во время поездки. В нем содержалась информация о номере занимаемого пассажиром места, его стоимости, маршруте следования, а также дне и времени отправления дилижанса. Эти разделы заполнения чинovníком от руки. Каждый билет подписывался управляющим транспортной конторой, а сведения о заказе заносились в специальную книгу, причем в первое время проезжающих просили также сообщить о том, по какому адресу он/она предполагали остановиться. По прибытии на место назначения пассажир должен был вернуть билет надзирателю дилижанса, а ему возвращали документ, удостоверяющий личность, который забирался на время поездки.

Места внутри кареты стоили дороже (как правило, купе было рассчитано на четверых), а места на запятках дилижанса или рядом с кучером – дешевле. В течение десяти первых лет, пока компаний было мало, и каждая из них пользовалась монопольным правом на организацию перевозки пассажиров на конкретных маршрутах, цены на билеты были довольно высокими. Так, например, Общество назначало следующие цены на билеты на маршруте Санкт-Петербург – Москва: внутри кареты места стоили в зимний сезон по 95 руб. ассигнациями, снаружи – по 55 руб., а в летний сезон – по 120 и 60 руб. соответственно. Перевозка путешествующих в дилижансах получила признание, спрос на транспортные услуги заметно рос. На востребованных маршрутах конкурирующие компании вынуждены были снижать цены на проезд, которые становились доступнее все более широкому кругу потребителей.

Формуляр билета печатался на большом листе бумаги, значительную часть которого занимал перечень основных правил для пассажиров на русском и немецком языках. В первом пункте перечислялись документы, которые должны были представить те, кто покупали билеты на дилижанс, – паспорт и свидетельство от полиции, подтверждающее, что выезд из города разрешен. Другие пункты касались ограничений веса багажа, а также деталей путевого распорядка. Пассажирам напоминали, что дилижансы отправляются в конкретный день недели и в конкретное время, и предупреждали, что нельзя рассчитывать на то, что экипаж будет за ними заезжать домой или дожидаться тех, кто опаздывает. Строго запрещалось перевозить письма и посылки без уплаты особой почтовой пошлины. Кроме того, указывалось, что нельзя провозить в багаже различные жидкости и взрывчатые вещества.

Рекламируя новый способ транспортировки и культивируя новые путевые практики, коммерческие компании совместно с руководством почтового ведомства разрабатывали регламентирующие документы, среди которых были более подробные правила для пассажиров. В одном из параграфов правил декларировалось: «В дилижансе могут ехать люди всякого звания, возраста и обоих полов» [Устав, § 19; Правила заведения летних дилижансов, § 4]. Правила печатались в виде отдельных брошюр, а также публиковались в специальных дорожниках и в газетных заметках.

Время отправления почтовой коляски в субботу назначается ровно в девять часов утра, – сообщалось в газете «Русский инвалид» от 25 ноября 1820 г. – Кто из записавшихся не явится к сему часу, того почтовая коляска ни под каким видом дожидаться не станет, и неявившийся потеряет свои деньги и право полученного билета [Внутренние известия].

Новый вид транспорта пришелся по вкусу дамам. Удобные экипажи, надежные и услужливые проводники, которые всегда сопровождали дилижансы, заботились о безопасности проезжающих и оказывали им всяческое содействие, быстро были оценены ими по достоинству. Путешествуя в дилижансах, часто нанимая экипажи целиком, влиятельные дамы немало способствовали популяризации дилижансного сообщения. Руководство Общества старалось учесть разнообразные пожелания состоятельных путешественниц²⁸. В своих записках Ф. Ф. Вигель описал одну из поездок в дилижансе из Петербурга в Москву в 1820-е гг. Купив билет, он оказался в одном купе с двумя попутчицами, одна из которых ехала вместе со служанкой. Дамы считали себя обязанными поддерживать светскую беседу во

²⁸ О влиятельных дамах, которые активно начали пользоваться услугами первой транспортной компании, и о том, с какими трудностями руководству компании приходилось сталкиваться, см., например: А. Я. Булгаков – К. Я. Булгакову, 25 мая 1823 г., Москва [РА, 1901, № 4, с. 545–546].

время путешествия, но одна из них говорила только по-французски, другая – только по-русски. Вигель имел неосторожность предложить свои услуги в качестве переводчика, о чем потом пожалел. Он правдиво описал разнообразный спектр чувств, которые ему пришлось испытать, когда, зажатый в угол купе полной и неопрятной служанкой, он старался оставаться галантным и предупредительным к попутчицам [Вигель, ч. 6, с. 73–74]. По воспоминаниям Д. В. Григоровича, именно во время поездки в дилижансе из Москвы в Петербург его матери и ее разговора со случайными попутчицами была окончательно определена его будущая инженерная карьера [Григорович, с. 35].

Используя модель Вольфганга Шивельбуша, можно рассматривать совместное путешествие пассажиров в купе дилижанса (как позднее и железнодорожное путешествие) как пестрое мозаичное полотно, в котором причудливо переплетались разнообразные судьбы, положения, характеры, манеры, обычаи и привычки попутчиков, принадлежавших к различным социальным, профессиональным и гендерным группам [Schivelbusch]²⁹. Длительная поездка в дилижансе способствовала складыванию особых отношений между пассажирами. Путешествуя вместе в карете на протяжении трех-четырёх суток, спутники успевали ближе познакомиться и пообщаться. Они учились уступать и договариваться. Сближаясь, они становились членами особой путевой общности, которую один из литераторов XIX в. назвал «обществом дорожных мудрецов» [Новиков, с. 55]. Описывая это сообщество, автор повести щедро использовал «республиканские» метафоры. Весьма показательны типажы пассажиров дилижанса, которые создал автор. Среди персонажей, едущих из Санкт-Петербурга в Москву, были услужливый кондуктор; только что получивший отставку офицер, который вел путевой дневник; уроженец Твери, которого спутники прозвали историком за его эрудицию; торговый агент из Гамбурга, который ехал навестить своих родственников; архитектор-москвич, возвращающийся домой; фабрикант из старообрядцев; купец из Лифляндии; гувернантка из Твери, служащая там в одной из аристократических семей. Непродолжительное время пассажирами дилижанса также были пожилой лифляндский помещик и его молодая спутница. Автор подробно описал разнообразные ситуации, которые возникали в пути, как в самом купе дилижанса, так и в ресторанах, трактирах, закусочных, лавках, где пассажиры тоже оказывались вместе.

Специально разработанные правила определяли новый характер взаимоотношений как между пассажирами, так и между теми, кто должны были их обслуживать. В соответствии с ними пассажиры должны были вести себя так, чтобы не причинять беспокойство друг другу. В частности, курить в купе дилижанса разрешалось только в том случае, если никто из других путешествующих не возражал. Не разрешалось брать с собой в поездку собак и других домашних животных. Что касается детей, то каждый взрослый мог взять с собой бесплатно

²⁹ О книге Вольфганга Шивельбуша и ее заметном влиянии на историографию транспорта и мобильности см.: [Revill].

только одного ребенка не старше семи-десяти лет, причем во время путешествия ребенок должен был сидеть между двумя взрослыми, вести себя благовоспитанно и не мешать другим пассажирам [Устав, § 19–38]. Хотя едущие в дилижансе не могли понуждать ямщика ехать быстрее или медленнее, а также изменять правила путевого распорядка, контроль над исполнением которых лежал на проводниках, в отдельных случаях они все же могли вносить коррективы, принимая коллективные решения. Например, они могли решить остановиться ночью на ночлег в гостинице или продолжить путешествие. В случае, когда кто-то из пассажиров нарушал общественный порядок, надзиратель имел полномочия его высадить, заручившись согласием путешествующих, которые должны были подписать специальный документ [Правила заведения летних дилижансов, § 21].

Ограничив 20 фунтами (примерно восемь килограммами) вес ручного багажа, который пассажирам разрешалось взять с собой без взимания дополнительной платы, и установив высокую дополнительную плату за вес багажа, превышающего эти ограничения, путешествующих отучали от старой доброй привычки брать с собой в дорогу все, что только может понадобиться, включая значительные запасы провизии и постельные принадлежности. Постепенно их приучали более активно пользоваться теми услугами, которые предоставлялись им в пути. Переписка братьев Булгаковых, воспоминания С. Т. Аксакова, в которых он описал свое путешествие в дилижансе вместе с Н. В. Гоголем из Москвы в Петербург, а также целый ряд литературных произведений 1820–1850-х гг. содержат интересные подробности о том, с какими трудностями сталкивались путешествующие и как им приходилось приспособливаться к новым условиям транспортировки. Постепенно они осваивались с новой ролью рациональных потребителей услуг³⁰. Насколько трудно им это порой давалось, можно представить, познакомившись с книгой «Москва и москвичи» М. Загоскина, современника происходивших перемен. В частности, он описывал случай, произошедший в конторе дилижансов в Москве с одним незадачливым пассажиром, который никак не мог расстаться с многочисленными вещами, тяжелыми и громоздкими, но близкими его сердцу, и оставить их дома, возмущаясь при этом, что должен заплатить за превышение веса багажа больше, чем он уже отдал за билет на дилижанс [Загоскин, с. 58–59].

* * *

Возникновение общественного транспорта в России было связано с началом дилижансного сообщения между городами. Это случилось позднее, чем в других странах, в то же время новый способ перевозок

³⁰ Забавный рассказ о том, как пассажиры дилижанса во время остановки в Торжке в три часа утра подкреплялись котлетами, которые оказались начинены белокурыми волосами, см.: [Аксаков, т. 3, с. 20–21]. Характерные зарисовки поведения пассажиров, выбирающих дорожные сувениры, см.: [Новиков, с. 121–123, 148–151].

быстро завоевал популярность и пользовался спросом на протяжении нескольких десятилетий XIX в. Интенсивное строительство новых дорог, существенное улучшение дорожных покрытий на трактах первостепенного государственного значения, начало регулярных перевозок пассажиров в специальных экипажах – все это привело к тому, что российские подданные стали ездить внутри страны чаще и с гораздо большими удобствами, чем раньше. Организация перевозок людей стала выгодной сферой вложений частных капиталов. Первым компаниям удалось приобрести выгодные привилегии, что в конечном счете способствовало получению немалых прибылей. С увеличением спроса на транспортные услуги число предприятий стало расти – к середине 1850-х гг. их было уже около двух десятков. Конкуренция между ними за привлечение пассажиров заставляла постепенно снижать цены на билеты, расширять спектр услуг и повышать качество обслуживания.

Услуги транспортных контор пользовались спросом среди отставных офицеров, чиновников, купцов, приказчиков, небогатых помещиков и членов их семей. Это объяснялось тем, что, отправляясь в дорогу, обычный путешественник вынужден был тратить гораздо большую сумму денег. Невозможность подолгу получить лошадей на почтовых станциях вынуждала их нанимать вольных ямщиков и фурманов. Не случайно именно последние видели в дилижансах своих главных конкурентов и старались помешать налаживанию регулярного пассажирского сообщения на некоторых маршрутах.

К концу 1850-х гг. транспортными пассажирскими компаниями было освоено в общей сложности более 30 маршрутов. Перед тем, как сообщение посредством дилижансов было окончательно вытеснено железнодорожными коммуникациями в 1860-х гг., в Европейской части России сложилась разветвленная сеть сухопутных транспортных сообщений [Анучин, с. 15–41].

Как и в странах Европы и Америки, учреждение регулярного сообщения в России оказалось в центре общественного внимания и стало предметом острых дискуссий. Современники быстро уловили тесную связь между эгалитарными настроениями российской публики и учреждением регулярного сообщения посредством дилижансов. «Одна просвещенная часть влечет за собой другую: дилижансы ввели к нам понятия о равенстве; надобно надеяться, что езда по железной дороге еще более разовьет их», – писал Ф. Ф. Вигель [Вигель, ч. 6, с. 28]. Он выражал, по-видимому, популярную точку зрения людей своего круга на те социальные и культурные изменения, которые были связаны с распространением нового способа перевозки³¹. Путешествующие приветствовали заметное облегчение дорожных тягот, но им не импонировала перспектива превращения в «живую кладь», которую

³¹ См. также: [Свиньин]. По мнению П. П. Свиньи́на, учреждение регулярного сообщения связывалось с понятиями о равенстве граждан и с практикой равного перераспределения общественных благ.

транспортируют. Возможно, проявлением негативной реакции на рационализацию и коммерциализацию путешествий было то, что многие российские литераторы (которые активно пользовались услугами контор дилижансов, как и другие их современники), предпочитали писать о лихой езде на тройке, нежели о размеренных поездках в дилижансах, увековечивая тем самым ее романтический образ [Сазонова].

Процесс освоения новой модели поведения пассажира общественного транспорта был сложным и даже временами болезненным, но к началу функционирования железных дорог в России был отработан набор правил и вошли в употребление новые социокультурные практики, которые получили дальнейшее развитие в изменившихся условиях.

Список литературы

- Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем, 1832–1843 // Аксаков С. Т. Собр. соч. : в 3 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 3. С. 5–248.
- Анучин Д. Н. Объяснение к карте сообщений европейской России. СПб. : Тип. торг. С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859. 113 с.
- Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 2. Д. 141.
- Бажитнова Л. И. Подорожные грамоты // Почтовая связь : Техника и технологии. 2005. № 10. С. 5–19.
- Базилевич К. В. Почта в России в XIX веке : в 2 ч. М. : Связь, 1927. 176 с.
- Таненбаум А. С. Василий Петрович Гурьев и его идеи о дорогах для автомобилей : Историческая справка о первенстве изобретений В. П. Гурьева в связи с современным состоянием вопроса о постройке автомобильных дорог, составленная А. С. Таненбаумом. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1902. 46 с.
- Вигель Ф. Ф. Записки : в 7 ч. М. : Университет. тип., 1892. Ч. 6. 196 с.
- Внутренние известия // Русский инвалид. 1820. 25 нояб.
- Высочайше утвержденное положение Комитета министров : Об учреждении по Московскому тракту почтовых колясок наподобие иностранных дилижансов с приложением привилегии, выданной обществу, для сего учредившемуся, 15 июня 1820 г. // СЗУП : в 6 т. СПб. : Привилегиров. тип. Фишера, 1847. 1801–1826. Т. 3. С. 252–255.
- Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М. : Худож. лит., 1987. 335 с.
- Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. О первых патентах на паровые суда в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 73–85.
- Гурьев В. П. Учреждение торцевых дорог и сухопутных пароходов в России посредством компании. СПб. : Тип. Э. Праца и К°, 1836. 92 с.
- Дорожник чужеземный и российский и поверстная книга Российского государства : С приобщением известия о почтах и щета вестовых за письма денег, так же списка почтмейстерам и других нужных сведений, для пользы гонцов и путешественников / Собраны и напечатаны на иждивении Императорского Санктпетербургского почтамта под смотрением Василья Григорьевича Рубана, господина коллежского асессора и Вольного Российского собрания, при Императорском Московском университете члена. СПб. : Тип. Вейтбрехта и Шнора, 1777. XXIV + 224 с.
- Загоскин М. Москва и москвичи : Записки Богдана Ильича Бельского. М. : Тип. Николая Степанова, 1842. 336 с.
- Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX в. М. : Наука, 1982. 238 с.
- Истомина Э. Г. Пути сообщения и транспорт в России в XVI – начале XX в. // Историческая география России начало века: территория, население, экономика : очерки. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2013. С. 166–229.
- История железнодорожного транспорта России : в 2 т. / под ред. Е. А. Красковского, М. М. Уздина. СПб. ; М. : Петербург. гос. ун-т путей сообщения, 1994. Т. 1. 1836–1917 гг. 336 с.
- Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР : в 2 ч. М. : Дориздат, 1951. Ч. 1. Дооктябрьский период. 332 с.

Лизунов П. В. Общество первоначального заведения дилижансов: первая акционерная транспортная компания в России // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов.* 2012. Сер. История России. № 4. С. 80–93.

Лизунов П. В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб. : Алетей, 2014. 603 с.

Манифест о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 32. С. 355–356.

Материалы по истории связи в России. XVIII – начало XX в. : Обзор документальных материалов / под ред. Н. Мальцевой. Л. : Главполитграфпром СССР, 1966. 335 с.

Новиков Д. И. Дилижанс, или Наблюдатель отечественных нравов. М. : Тип. Н. Степанова при императ. театре, 1829. 197 с.

Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. / под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб. : Шереметев, 1899. Т. 2. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823. 371 с.

Плужник А. И. История развития патентования в государственных учреждениях России : (Зарождение патентного дела до его буржуазной реформы 1870 года) : дис. ... канд. ист. наук. М. : Моск. гос. ист.-архив. ин-т, 1969. 21 с.

Правила заведения летних дилижансов. СПб. : Тип. К. Крайя, 1835. 22 с.

Русский архив. 1900. № 11, 12. 1901. № 4, 6. 1902. № 11.

РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел). Оп. 7. Д. 506; Ф. 1289 (Главное управление почт и телеграфов). Оп. 1. Д. 304, 315, 355, 384, 387.

Ревинский Д. О. Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) // *Экономическая история : Ежегодник 2001.* М. : Росспэн, 2002. С. 339–376.

Рубан В. Г. Всеобщий и совершенный гонец и путеказатель, или Полный повсеместный российский и повсюдный европейский дорожник : Исправно и верно показующий по нынешнему разделению на губернии и области всей Российской империи и прочих европейских держав почтовые пути... : в 2 ч. СПб. : Изданием В. С[опикова] [Тип. Сытина], 1791. Ч. 1. 209 с.

Сазонова Л. И. Литературная родословная гоголевской птицы-тройки // *Изв. Акад. наук. Сер. литературы и языка.* 2000. Т. 59. № 2. С. 23–30.

Свиный П. П. Современные петербургские летописи : Новое учреждение в России почтовых экипажей на образец известных дилижансов // *Отеч. зап.* 1820. Т. 3. С. 118–119.

Устав первоначального в России заведения дилижансов. 18 дек. 1830 г. СПб. : [Б. и.], 1831. 13 с.

Aer A. Patents in Imperial Russia : A History of the Russian Institution of Inventions on Privileges under the Old Regime. Helsinki : Suomalainen Tiedeakatemia, 1995. 231 p.

Bekasova A. The Making of Passengers in the Russian Empire : Coach-Transport Companies, Guidebooks, and National Identity in Russia, 1820–1860s // *Russia in Motion : Cultures of Human Mobility since 1850* / eds. J. Randolph, E. M. Avrutin. Urbana ; Chicago : Illinois Univ. Press, 2012. P. 199–217.

Divall C., Revill G. Cultures of Transport : Representation, Practice and Technology // *The J. of Transport History.* 2005. Vol. 26. № 1. P. 99–111.

Haywood R. M. The Beginnings of Railway Development in Russia in the Reign of Nicholas I, 1835–1842. Durham : Duke Univ. Press, 1969. 270 p.

Marks S. G. Road to Power : The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 1991.

Merriman P., Jones R., Cresswell T. et al. Mobility : Geographies, Histories, Sociologies // *Transfers : Interdisciplinary J. of Mobility Studies.* 2013. Vol. 3. № 1. P. 147–165.

Mom G. What Kind of Transport History Did We Get? Half a Century of STH and the Future of the Field // *The J. of Transport History.* 2004. Vol. 24. P. 121–138.

Mom G., Divall C., Lyth P. Towards a Paradigm Shift? A Decade of Transport and Mobility History // *Mobility and History : The State of Art in the History of Transport, Traffic and Mobility* / eds. G. Mom, G. Pirie, L. Tissot. Neuchâtel : Ed. Alphil, 2009. P. 13–40.

Revill G. Perception, Reception and Representation: Wolfgang Schivelbusch and the Cultural History of Travel and Transport // *Mobility in History : Rev. and Reflections.* Intern. Ass. for the History of Transport, Traffic and Mobility (T2M). Yearbook 2012 / eds. P. Norton, G. Mom and others. Alphil-Presses Univ. Suisses, 2011. P. 31–47.

Schenk F. B. Russlands Fahrt in Die Moderne : Mobilitat Und Sozialer Raum Im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart : Steiner, 2014. 456 s.

Schivelbusch W. The Railway Journey : The Industrialization of Time and Space in the Nineteenth Century. N. Y. : Berg, 1986. 229 p.

Vleuten E., van der. Understanding Network Societies : Two Decades of Large Technical System Studies // Networking Europe Transnational Infrastructures and the Shaping of Europe, 1850–2000 / ed. E. van der Vleuten, A. Kajiser. Sagamore Beach : Science History Publ., 2006. P. 279–314.

References

Aer, A. (1995). *Patents in Imperial Russia: A History of the Russian Institution of Inventions on Privileges under the Old Regime*. 231 p. Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia.

Aksakov, S. T. (1986). *Istoriia moego znakomstva s Gogolem, 1832–1843* [The Story of My Acquaintance with Gogol]. In *Sobranie sochinenii : v 3 tomakh* [Complete Works in 3 Volumes]. Moscow, Hudozhestvennaia literatura, 3, pp. 5–248.

Anuchin, D. (1859). *Ob'iasneniie k karte soobshchenii evropeiskoi Rossii* [An Explanation of the Map of Communications in the European Part of Russia]. 133 p. St Petersburg, Tipografiia torgovogo dela S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova i K^o.

Arkhiv SPb II RAN [The Archives of the St Petersburg Institute for History, Russian Academy of Sciences], fond 36 (Vorontsovy), opis' 2, delo 141.

Bashchitnova, L. I. (2005). *Podorojnye gramoti* [Postal Road Travel Charters]. In *Pochtovaia sviaz'. Tekhnika i tekhnologii* [Postal Communication: Equipment and Technologies], 10, pp. 5–19.

Bazilevich, K. V. (1927). *Pochta v Rossii v 19 veke : v 2 chastiakh* [Postal Communication in Russia in the 19th Century, 2 Parts]. 176 p. Moscow, Sviaz'.

Bekasova, A. (2012). *The Making of Passengers in the Russian Empire: Coach-Transport Companies, Guidebooks, and National Identity in Russia, 1820–1860s*. In *Russia in Motion: Cultures of Human Mobility since 1850*. Ed. J. Randolph and E. M. Avrutin. Urbana, pp. 199–217. Chicago, Univ. of Illinois Press.

Divall, C., Revill, G. (2005). *Cultures of Transport. Representation, Practice and Technology*. In *The J. of Transport History*, 26/1, pp. 99–111.

Guryev, V. P. (1836). *Uchrezhdenie tortsevykh dorog i sukhoputnykh parohodov v Rossii* [The Emergence of Wooden Roads and Steam Locomotives in Russia]. 92 p. St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa i C^o.

Guzevich, D. IU., Guzevich, I. D. (2006). *O pervih patentakh na parovye suda v Rossii* [On the First Patents for Steamships in Russia]. In *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* [Questions of the History of Science and Technology], 1, pp. 73–85.

Haywood, R. M. (1969). *The Beginnings of Railway Development in Russia in the Reign of Nicholas I, 1835–1842*. 270 p. Durham, Duke Univ. Press.

Istomina, E. G. (1982). *Vodnye puti Rossii vo vtoroy polovine 18 – nachale 19 vekov* [Russian Waterways from the Second Half of the 18th to the Early 19th Centuries]. 238 p. Moscow, Nauka.

Istomina, E. G. (2013). *Puti soobshcheniia i transport v Rossii v 16 – nachale 20 veka* [Communication Routes and Transport in Russia from the 16th to the Early 20th Centuries]. In *Istoricheskaia geografiia Rossii, 9th – nachalo 20th veka. Territorii. Naselenie. Ekonomika : ocherki*. Otv. red. K. A. Aver'ianov [Russian Historical Geography, 9th to the Early 20th Centuries. Territory, Population, Economy : Essays. K. A. Aver'ianov (ed.)]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 166–229.

Kraskovsky, E. A., Uzdin, M. M. (Eds.) (1994). *Istoriia zheleznodorozhchnogo transporta Rossii* [History of Railroad Transport in Russia], 1, 1836–1917. 336 p. St Petersburg-Moscow, Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniia.

Kudriavtsev, A. S. (1951). *Ocherki istorii dorozhnogo stroitel'stva v SSSR : v 2 chastiakh* [Essays on the History of Road Building in the USSR : 2 Parts. Part 1. The Period before the Revolution of 1917]. 332 p. Moscow, Dorizdat.

Lisunov, P. V. (2012). *Obshchestvo pervonachal'nogo zavedeniia dilizhansov: pervaya aktsionernaia kompaniia v Rossii* [The Company for the Introduction of Stagecoaches in Russia: The First Joint-Stock Transport Company in Russia]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, seria Istoria Rossii, 4, pp. 80–93.

Lisunov, P. V. (2014). *Peterburgskie kuptsy, fabrikanty i bankiri Shtiglitsy* [Members of the Stieglitz Family – St Petersburg Merchants, Industrialists, and Bankers]. 603 p. St Petersburg, Aleteyia.

Maltseva, N. (Ed.) (1966). *Materialy po istorii svyazi v Rossii. 18 – nachalo 20 vekov : Sbornik dokumental'nykh materialov* [Materials on the History of Communication in Russia from the 18th to the Early 20th Centuries. A Collection of Essays and Printed Sources], 335 p. Leningrad, Glavpolitgrafprom SSSR.

Manifest o privilegiiakh na raznye izobreteniia i otkrytiia v khudozhestvakh i remeslakh [A Manifesto on Privileges for Various Inventions and Discoveries in the Arts and Crafts] (1830). In *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [A Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection]. St Petersburg, Tipografiia vtorogo otdeleniia Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii, pp. 355–356.

Marks, S. G. (1991). *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. 240 p. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press.

Merriman, P., Jones, R., Cresswell, T. et al. (2013). *Mobility: Geographies, Histories, Sociologies*. In *Transfers: Interdisciplinary Journal of Mobility Studies*, 3 (1), pp. 147–165.

Mom, G. (2004). *What Kind of Transport History Did We Get? Half a Century of STH and the Future of the Field*. In *The Journal of Transport History*, 24, pp. 121–138.

Mom, G., Divall C., Lyth, P. (2009). *Towards a Paradigm Shift? A Decade of Transport and Mobility History*. In *Mobility and History: The State of Art in the History of Transport, Traffic and Mobility*. Gijs Mom, Gordon Pirie and Laurent Tissot (eds.). Neuchâtel, Ed. Alphil, pp. 13–40.

Pluzhnik, A. I. (1969). *Istoriia razvitiia patentovedeniia v gosudarstvennikh uchrejdeniiakh Rossii (Zarodenie patentnogo dela do ego burzhuznoy reformy 1870 goda). Avtoreferat dissertatsii... k. i. n.* [The History of Patents in the State Institutions of Russia (The Origins of the Patent System before the Bourgeois Reform in 1870). PhD thesis abstract], 21 p. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhivnyy institut.

Pravila zavedeniia letnikh dilizhansov [Regulations for Summer Stagecoaches] (1835). 22 p. St Petersburg, Tipografiia Krasnoyarskogo Kraia.

Revill, G. (2011). *Perception, Reception and Representation: Wolfsgang Schivelbusch and the Cultural History of Travel and Transport*. In *Mobility in History : Rev. and Reflections*. P. Norton, G. Mom and others. (Eds.) International Association for the History of Transport, Traffic and Mobility (T2M) Yearbook 2012. Alphil-Presses Universitaires Suisses, pp. 31–47.

Revinsky, D. O. (2002). *Patentovanie izobreteniy v Rossii (1812–1870)* [Patents for Inventions in Russia (1812–1870)]. In *Ekonomicheskaya istoria. Ezhegodnik 2001*. [Economic History. Yearbook 2001]. Moscow, Rosspen, pp. 339–376.

RGIA [The Russian State Historical Archives], fond 1286. Departament politzii ispolnitel'noy Ministerstva vnutrennikh del [Police Department, Ministry of Internal Affairs], opis' 1, delo 304, 315, 355, 384, 387.

RA [Journal Russian Archives] (1900). № 11, 12; (1901). № 4, 6; (1902). № 11.

Vnutrennie izvestiya. In *Russkiy invalid* (1820). 25 Nov.

Sazonova, L. I. (2000). *Literaturnaia rodoslovnaia gogolevskoy ptitsi-troiki* [The Literary Pedigree of Gogol's Troika-Bird]. In *Izvestiia Akademii nauk, Seria Literaturi i iazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences. Series on Literature and Language, 59, 2, pp. 23–30.

Schenk, F. B. (2014). *Russlands Fahrt in Die Moderne: Mobilitat Und Sozialer Raum Im Eisenbahnzeitalter*. 456 s. Stuttgart, Steiner.

Svinyin, P. P. (1820). *Sovremennye peterburgskie letopisi: Novoe uchrezhdenie v Rossii pochtovikh ekipazhey na obrazets izvestnikh dilizhansov* [Modern St Petersburg Chronicle. The Establishment of Postal Crews in Russia on the Exemplar of Famous Stagecoaches]. In *Otechestvennie zapiski*, 3, pp. 118–119.

Tanenbaum, A. S. (1902). *Vasily Petrovich Gur'ev i ego idei o dorogakh dlia avtomobilye. Istoricheskaya spravka o pervenstve izobreteniy V. P. Gur'eva v svyazi s sovremennym sostoianiem voprosa o postroyke avtomobil'nykh dorog. Sostavil* [Vasily Petrovich Guriev and His Ideas about Roads for Cars. The Background of V. P. Guriev's Pioneering Inventions in Relation to the Current State of the Question of Highway Construction]. 46 p. St Petersburg, Tipografiya ministerstva putei soobshcheniia.

Ustav pervonachal'nogo v Rossii zavedeniia dilizhansov 18 dekabria 1830 [The Charter of the First Stagecoach Company in Russia, 18 December 1830]. 13 p. St Petersburg, 1831.

Vigel, F. F. (1892). *Zapiski* : v 7 *chastiakh* [Notes: 7 parts], chast' 6, 196 p. St Petersburg, Universitetskaia tipografiia.

Visochayshe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov : Ob uchrezhdenii po Moskovskomu traktu pochtovikh koliasok na podobie inostrannykh dilizhansov, s prilozheniem privilegii, vydannoy obshchestvu, dlia sego uchredivshemusia, 15 iunია 1820 goda [The Decision of the Committee of Ministers, approved by the Emperor, on the Introduction of Postal Carriages Similar to Stagecoaches Abroad on the Moscow Highway, with the Privilege Given to the Company, 15 June 1820] (1847). In *SZUP v 6 tomakh* [SZUP in 6 vols.]. Vol. 3. 1801–1826. St Petersburg, privelligirovannaia tipografiia Fishera.

Vleuten, E. van der (2006). *Understanding Network Societies: Two Decades of Large Technical System Studies Networking Europe Transnational Infrastructures and the Shaping of Europe, 1850–2000*. E. van der Vleuten and A. Kajiser (eds.). Sagamore Beach, Science History Publications, pp. 279–314.

Zagoskin, M. (1842). *Moskva i moskvichi* : *Zapiski Bogdana Il'icha Bel'skogo* [Moscow and Muscovites. Memoirs of Bogdan Ilyich Belsky]. 336 p. Moscow, tipografii Nikolaia Stepanova.

The article was submitted on 17.04.2016

DOI 10.15826/qr.2017.1.210

УДК 314.018+351.755(571.120)

URBAN OCCUPATIONS IN A SIBERIAN CITY (TOBOLSK, 1897)*

Elena Bryukhanova**

Vladimir Vladimirov

Altai State University,
Barnaul, Russia

The article studies the late 19th-century occupational structure of Tobolsk in the context of other major Siberian cities. Many urban centres were strongholds for governing this huge territory, and Tobolsk was a typical provincial capital in this regard. In the most economically developed Western and Southern Siberian provinces, cities were not only administrative hubs, but also cultural and economic centres. The authors look at how urban populations were distributed among different occupational groups and social classes, and what role gender and family relations played in terms of employment. This is important, as it may help understand whether Russia's huge eastern provinces were ready for the transformations which started just two decades after the period whence the main source material of the article originates. The research is based on the first general census of the Russian Empire in 1897. The archives have not preserved primary census manuscripts as a unified collection: so far, only scattered manuscripts have emerged. Clearly, the use of the individual-level nominative census data found for Tobolsk considerably broadens the scope of the research, which was previously limited to aggregate data. The aggregate data provide an opportunity to characterise employment in Siberian cities more generally, demonstrating the occupational specificity of the 'military' and 'agrarian' cities as well as the provincial centres of Western and Eastern Siberia. The authors more closely analyse the nominative 1897 census data using the database 'Tobolsk Population in 1897', which contains information about 92.5 % of employed citizens. The individual-level data made it possible to reconstruct the age and gender structure of the economically active population of the provincial centre, to study the occupations of different estate groups, to look into specific features of secondary occupations, and to see the family's influence on the choice

* *Citation:* Bryukhanova, E., Vladimirov, V. (2017). Urban Occupations in a Siberian City (Tobolsk, 1897). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 56–73. DOI 10.15826/qr.2017.1.210.
Цитирование: Bryukhanova E., Vladimirov V. Urban Occupations in a Siberian City (Tobolsk, 1897) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 56–73. DOI 10.15826/qr.2017.1.210.

** The authors would like to thank Professor Gunnar Thorvaldsen (University of Tromsø) for his valuable scholarly advice and support.

of occupation. All the employment data on the Siberian urban population were coded according to the HISCO standard.

Keywords: Russian Empire; Siberia; Tobolsk; First Russian Imperial Census of 1897; occupations; Historical International Classification of Occupations.

Рассматривается профессиональная структура города Тобольска конца XIX в. Сибирь была самым масштабным регионом Российской империи со слабо развитой сетью городов, большинство из которых выполняли роль опорных центров для административного управления огромной территорией. В наиболее освоенных и развитых в хозяйственном отношении западных и южных губерниях Сибири города становились не только административными, но и культурными, и экономическими их центрами. Вопрос представляется актуальным для понимания готовности сибирских губерний к тем общественным трансформациям, которые начались спустя два десятилетия после рассматриваемого периода. Особенностью исследования является использование персональных данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. На уровне персоналий оно позволяет существенно расширить исследовательский диапазон, ранее ограниченный опубликованными агрегированными материалами. С их помощью дана характеристика занятости городского населения крупных сибирских городов, показана специфика занятости «военных», «аграрных» городов, а также губернских центров Западной и Восточной Сибири. Обработка данных переписи 1897 г. на индивидуальном уровне производилась с помощью базы данных «Население Тобольска в 1897 г.», включающей сведения о 92,5 % горожан, имевших самостоятельные занятия. Персональные данные позволили провести реконструкцию возрастной и гендерной структуры экономически активного населения губернского центра, выявить особенности занятости представителей разных сословных групп, специфику дополнительных занятий городского населения, определить влияние семьи на выбор сферы деятельности человека. Все сведения о занятиях населения городов Сибири, в том числе Тобольска, были закодированы с помощью *Historical International Standard Classification of Occupations*.

Ключевые слова: Российская империя; Сибирь; Тобольск; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; занятия населения; Международная историческая классификация занятий.

Around 1900, Siberia was the largest region of the Russian Empire, occupying 58 % or 12.5 million km² of its territory. Nikolay Yadrintsev, a famous publicist and ethnographer in the late 19th century, authored the book *Siberia as a Colony in Terms of Geography, Ethnography, and History*. There he defined the region's borders: "Siberia occupies all the northern part of Asia and stretches to the Arctic Ocean, in the east it reaches the Pacific Ocean, its southern border is the Chinese Empire, in the south-west it borders

on the Middle Eastern part of the Russian Empire and in the north-west and the west it is separated from European Russia by the Urals” [Ядринцев, с. 6].

This huge territory was home to only 4.6 % (5.7 million people) of the Empire’s population. The density registered by the 1897 census was less than 1 person (0.46) per km². Geographically, Siberia was divided into a western and an eastern part, and for administrative purposes into the eastern Irkutsk governorate¹ (made up of Irkutsk, Yeniseisk, and Yakutsk *Oblasts*),² the Priamurskoe governorate (Amur, Primorsk, and Zabaikalsk provinces), Sakhalin Island, and western Tobolsk and Tomsk provinces³ [Учреждение Сибирское, с. 471–472]. The provinces and big cities of Siberia are presented in fig. 1.

Fig. 1. The provinces and big cities of Siberia in 1897

In addition to its geography and location, Siberia had a number of socioeconomic peculiarities. In the late 19th century, the region attracted substantial voluntary immigration. The well-known economist and statistician Alexander A. Kaufman stated that over 700,000 persons moved to Siberia in the decade before the 1897 census, only 10 % of whom returned [Кауфман, с. 271]. The main destinations in Western Siberia were areas like the “Tobolsk forest steppe” and the “Kabinetetskaya datcha”, a fertile part of the Altai mining *okrug* (district)⁴ in Tomsk province. In Eastern Siberia,

¹ A governorate (*gubernatorstvo*) was an administrative unit in the Russian Empire which included several (usually three) sub-governorates or *oblasts*.

² *Oblast* was the name of some administrative units corresponding to guberniyas. This word usually denoted newly annexed territories. Hereafter – province.

³ A *guberniya* was the principal administrative subdivision of the Russian Empire. Hereafter – province.

⁴ An *okrug* was a territorial unit in an *oblast* similar to a *uyezd* (district) in a *guberniya*. Hereafter – district.

the most attractive regions were Amur, Yeniseisk, and Irkutsk provinces [Семенов, с. V].

One important group of immigrants were the exiles. From 1807 to 1899, 864 000 exiles and their families went to Siberia [Лучинский, с. 761]. The biggest convict prisons of the 19th century were located in Siberia, e. g. in Tobolsk and the Nerchinsk Penal Colony (Zabaikal province). Convicts made up over 8 % of the population of Nerchinsko-Zavodskoy district of Zabaikal province. Penal servitude was defined as “forced labour done in the state’s favour by the most severe criminals” [Слюозберг, с. 756]. In Tobolsk, the initial major group of exiles were Swedish prisoners of war, who arrived in the early 18th century [Thorvaldsen, 2008].

A further peculiarity of Siberia’s social structure was the complex ethnic composition of the region. There were over 100 ethnic groups, as one of the best-known ethnographers of the early 20th century reported [Патканов, с. VI]. However, according to the 1897 census, the Russian population of Siberia made up 80.9 %, and most of the urban population was Russian.

By the time of the 1897 census, 50 settlements were considered cities, containing 8.2 % of the population. Initially, Siberian cities were strongholds for governing the territory and controlling its development, but in the 1890s such “foothold” cities were characteristic of the northern and coastal regions of eastern Siberia, while many cities in the western and southern provinces were primarily cultural and economic centres [Naumov, p. 130].

The late 19th and early 20th centuries witnessed great economic changes in Siberia: this was determined by the infrastructural development of traffic arteries and trade routes, which had moved to the south and crossed the territory of the “main settlement belt” by the late 19th century [Лаппо, с. 280]. Especially intensive was the construction of the Trans-Siberian Railway. These processes influenced the urbanisation and economy of the territory. Thus, the 1897 census registered the results of a unique epochal change. Many historians consider the 1890s in Siberia to be a transitional stage away from the post-reform period, which had begun after the abolition of serfdom in 1861 [Зиновьев, с. 29–30; Шиловский, с. 6; Скубневский, Гончаров, с. 162]. These changes naturally influenced the occupational structure of urban populations in Siberia. In addition to our research questions about the occupational structure revealed by the census, we also want to hint at a wider issue in Russian historiography: to what extent did such modernisation prepare the Asian part of Russia for the dramatic events and reforms which occurred only two decades after the census?

Siberian occupations in the 1897 census

The largest and most complex source for studying Russian occupations in the late 19th century is the first general census, taken on 28 January 1897. The census was prepared at two international statistical conferences in Saint Petersburg: relevant experience was also taken from a comprehensive,

century-long collection of nominative family data in taxation lists and ministerial records. Like in the British Empire, the census was simplified by sticking to the *de facto* enumeration principle; people had to be listed and counted simply where they met the census takers on the census day [Thorvaldsen, 2006].

The fourth regular session of the International Statistical Institute, held in 1897 in Saint Petersburg, recognised the All-Russian Census as the largest in the world, since it included 130 million persons [Елисева, Попова, с. 85; Rowney, Stockwell, p. 219]. The census data were tabulated using statistical Hollerith machines [Rowney, Stockwell, p. 219] in a process that took eight years: some of the census results were translated into French [Первая Всеобщая перепись...]. After the release of the main results in 1905, the aggregates became one of the most popular statistical data series used in both Russian and foreign research [Kasatkina, Marcinkevicius]. The central variables were age [Rowney, Stockwell], ethnic characteristics based on language, marital status, and religion [Lewis, Rowland, Clem; The Cambridge History of Russia]. Using data on employment was hampered by several factors. Firstly, the distribution of occupation groups was skewed [Кадомцев, с. 19–20]. Second, the 1897 census publications stressed an industrial classification of occupation groups [Final Report Summary, p. 28]. Thirdly, the 1897 census aggregates used only a two-level division of 65 groups and 390 sub-groups. For this reason, researchers have offered from 6 to 17 of their own ‘major’ groups, which were determined by their different approaches to examining the occupational structure of the region [Ленин, с. 501–505; Миронов, с. 307; Скубневский, Гончаров, с. 267; Spitzer]. In our research, we primarily used the “major” groups provided by the HISCO (Historical International Standard Classification of Occupations).

The question about occupation (“Occupation, trade, business, office or service”) was the fourteenth on a census form where the census taker had to register: a) their main occupation (which provided the main means of living), b1) secondary or auxiliary occupation, and b2) military position⁵. The aggregation of occupations in the 1897 census produced four tables: 1) Population by occupation and age group, 2) by *uyezd* (district) and city, 3) by ethnic group, which was determined on the basis of native language, and 4) population occupied in agriculture, nomadic economy (fishing and hunting), and commercial trades. Each table distinguished between males and females and provided the number of family members who were self-employed individuals.

The 1897 census results were published in nine volumes presenting data on 65 occupation groups for all Siberian districts, cities, and administrative centres. There was thea four-volume *Population Distribution by Main Occupations and Age Groups in Separate Territories*, thea two-volume *Number and Composition of Russian Workers*, with data on the provinces

⁵ For the census forms, see: [Edlund].

as a whole, and the two-volume *Total Summary of the... Census Results... 1897* [Общий свод...], which has statistics for Siberia as a whole as well as for individual Siberian provinces and Sakhalin Island. The aggregated occupational data from all these published sources were the basis for the database *Professions and Occupations of the Russian Empire in the Late 19th to Early 20th Centuries* [Профессии и занятия населения Российской империи, 2014], which can be accessed freely [Профессии и занятия населения Российской империи, 2017]. All statistics for this article were derived from this database.

The sources for the study of occupations in Tobolsk are published aggregated data and archival documents. The latter include the 1897 census manuscripts preserved in the State Archive in Tobolsk city [Государственное учреждение...]. Such historical census lists have generally not been preserved in Russia, and they were considered lost for a long time. The information that some regional archives were storing copies of individual 1897 census manuscripts appeared only in the 1990s. Discussions on the safe-keeping of the 1897 census manuscripts in various regional archives can be found in articles by both Russian [Литвак, с. 123] and foreign researchers [Edlund, p. 33]. However, surveys have not yet been conducted. As far as is known, the collection of 1897 census manuscripts in the Tobolsk archive is the most fully preserved.

From these original archival materials, we have created the unique database “The Tobolsk Population in 1897”. This includes all 10 203 citizens with a registered occupation or social status. 10 124 persons have records about a primary occupation and 1 637 about a secondary one, out of whom 79 named only the latter. The sample in the database makes up 50 % of the total population: 92.5 % of these people provided some kind of occupational data. The database does not cover students or the occupants of orphanages, asylums, poorhouses, and hospitals. However, records which marked one’s former status as a prisoner and those which noted the civil occupations of the members of the Tobolsk infantry battalion are included. The database has the following information about each citizen: first name, surname, patronymic (if available), sex, age, marital status and relation to the householder (“owner himself”, “wife”, etc.), estate,⁶ native language, religion, literacy and educational institution, primary occupation, and secondary occupation. The notes provide information about injuries, military service, and other data.

In order to unify and compare the aggregated and personal data, we encoded all the 1897 occupations in Siberian cities according to HISCO. This was carried out using the major HISCO groups. HISCO’s Additional Classification was used as well, including such groups as “earning a living from capital or immovable property or money from parents or relatives”, “earning a living from the treasury and

⁶ Estate (*soslovie*) refers to the social estate, which here means a group of people legally distinguished from the rest of population: the distinction was hereditary.

public institutions as well as private persons' money", and "unknown occupations". Note that in order to optimise the employment structure and study the social peculiarities of small groups, we merged those employed in administrative management and clerical work into groups 2–3, while groups such as "the armed forces" and "the imprisoned" were kept separate [Брюханова, Сарафанов, Владимиров, Колдаков, с. 262; Владимиров, Сарафанов, Щетинина, с. 32]. The results of the HISCO group comparison between the aggregated and the personal data are presented in fig. 2. This demonstrates a high correlation between the aggregated and the personal data: the result for the nine groups is 0.85.

Fig. 2. Occupations of Siberia and the city of Tobolsk by major HISCO groups:

a – Tobolsk City, *b* – Siberia;⁷

HISCO groups: 6 – agricultural, animal husbandry, and forestry workers, fishermen, and hunters (groups 17– 21); 7–9 – production and related workers, transport equipment operators and labourers (groups 22–37, 38–44); 5 – service workers (groups 13, 60–62, 64); AF – the armed forces (group 4); Ad. Cl. – additional classification groups (groups 14, 15, 65); 0–1 – professional, technical, and related workers (groups 3–12, 36, 63); 4 – sales workers (groups 46–59); Impr. – the imprisoned (group 16); 2–3 – administrative and managerial workers, clerical workers (groups 1, 2, 45).

⁷ The 7.5 % difference in the Additional Classification group is accounted for by the exclusion of data on over 500 students as unoccupied.

The 11.5 % difference in HISCO group 7–9 “production and related workers, transport equipment operators and labourers” is down to different counting systems: the authors’ calculations show that this group includes all production occupations irrespective of the position in the occupation and in the household as well as those occupations which were recorded as being primary ones.

Tobolsk among Siberian cities in the late 19th century

Tobolsk was the Siberian capital from the 16th to the late 19th century. On the one hand, it was far from the transport and economic centres concentrated further south. On the other hand, it was still an important administrative hub as well as a developed city. Tobolsk was one of eight Siberian cities with a population exceeding 20 000 people: the others were Blagoveshchensk, Vladivostok, Krasnoyarsk, Tobolsk, Tyumen (the district city of Tobolsk province), and Barnaul (in the Altai district in Tomsk province). The economic and cultural centres Tomsk and Irkutsk had populations of over 50 000. This group was followed by seven cities with a population of over 10 000 people which stood out economically and culturally: among them was Chita, the centre of Zabaikal province. Together, these 15 cities were home to 74 % of the Siberian population. Other cities were small or village-like; eight cities in Eastern Siberia had fewer than 1 000 residents. Such settlements had been granted their city status and corresponding administrative structure via the 1892 city government law, the *Gorodovoye Polozheniye* [Города и поселения в уездах, с. 1].

The distinctive feature of major Siberian cities including Tobolsk was the dominance of two groups in urban economic life. These were HISCO group 5 “service workers”, with from 19 to 31 % of the employed, and groups 7–9 “production and related workers, transport equipment operators and labourers”, with from 19 to 42 % of the employed. The overall proportion for Tobolsk was 54 %. The dominance of these occupations made such urban settlements qualitatively different from those considered cities only because they had been conferred administrative powers.

The large- and medium-sized Siberian cities had a number of features that were determined by the region’s territorial and economic specificity. First, in the “military cities” (Vladivostok, Khabarovsk, Chita, and Blagoveshchensk), the social structure was dominated by “the armed forces” (with from 13 to 33 % of the employed), which skewed the sex-age composition (males made up 60 to 84 % of the population) and caused a high level of employment (up to 82 %). Such cities were necessary in Western Siberia for border control and administration of the vast underdeveloped territory. Second, the major “agrarian cities” in the developed regions (Biysk and Kolyvan in Tomsk province, Minusinsk in Yeniseisk province) were characterised by high employment in the agrarian sector (from 12 to 21 %), low overall employment (28–32 %), and a small surplus of women (51–52 %). The third group of major cities includes those involved in trade (from 5 to 10 % of the employed). Trade was important in the economy of those Western Siberian cities (Kurgan, Tyumen, Barnaul, Biysk, and Tomsk) which were centres for Siberia’s commerce with European Russia. Moreover, the eastern city Blagoveshchensk took part in international trade (10 % of some 30 000 people were citizens of China, Korea, and Japan: half of them were occupied within trade).

The provincial centres (Tobolsk, etc.) were somewhat special among the big Siberian cities, as they differed with respect to the number of people employed in industrial production, which included both small plants in the manufacturing sector and big plants in the mining industry (over 50 %), and a surplus of men (59 % cent on average). These were administrative and cultural centres, and a concentration point for government and social institutions, including religious, medical, educational, and cultural establishments. In Tobolsk in 1897, there was a consistory and an episcopal palace, a building for the provincial public office with a court and a police department, 25 churches, 20 educational institutions, 5 charitable and 10 medical institutions, a poorhouse, and city and jail hospitals [Алисов, с. 264; Латкин, с. 384]. The goals of public management as well as demand for medical and qualified technical workers, teachers, and professionals in the provincial centres led to a great deal of employment in group 0–1 “professional, technical and related workers” (4–6 %) and group 2–3 “administrative and managerial workers, clerical workers” (4–8 %). This is not characteristic of the military and administrative centres of the underdeveloped territories (Blagoveshchensk and Vladivostok). Tobolsk could boast one of the highest rates of those employed in groups 0–1 and 2–3 – 12.4 %⁸. The reverse side of the concentration of such institutions in the provincial centres was a high degree (over 10 %) of people earning a living via tax incomes, public institutions, and the capital of private persons. 12.6 % of Tobolsk’s population were coded within the “Additional Classification” group.

Thus, in the late 19th century, Tobolsk was a typical provincial administrative centre in Western Siberia, with its citizens mostly involved in traditional occupations. A peculiar feature that touched on social composition was the quartering of the Tobolsk infantry battalion in the city (over 800 people of high and low ranks), a prison fortress, and the two biggest Siberian convict prisons, with over 1 000 arrestees.

Social structure and estates in Tobolsk, 1897

The 1897 census enumerated 20,425 persons *de facto* in Tobolsk [Первая Всеобщая перепись, т. 46, с. 1; Thorvaldsen, 2006]. The nominative data show that 11 028 (54 %) of them had occupations: fig. 3 displays the sex and age distribution according to employment status.

Males aged from 20 to 60 dominated the workforce: 95 % of them had occupations according to the census. A similar gender and age structure characterised most Siberian cities. Two of the reasons for this skewed sex-age pyramid were the military and prisoners, leading to a sharp increase in the male population aged 20–29. In addition, the major cities and provincial centres attracted seasonal and other temporary workers, especially in-migrating peasants in the winter when the 1897 census was taken.

⁸ Calculated by the authors in the [Население Тобольска в 1897 г.].

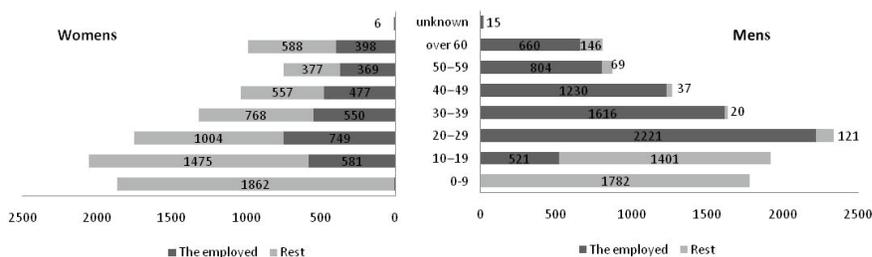

Fig. 3. Sex and age distribution by employment status in Tobolsk, 1897 census:
a – womens, b – mens⁹

This was true for men aged 20–50 and single women under 29. In Tobolsk, male and female employment made up 72 and 34 % respectively. This share for the men was in line with the average employment of provincial centres, whereas the female employment was a bit higher and corresponded to that in the biggest cities such as Tomsk and Irkutsk, which, like Tobolsk, possessed female educational institutions.

As expected, an important factor limiting female employment was marriage. Only 28 % of married women had paid occupations. The most common age of married women was 20–39. Out of 3,071 females of this age, 63 % were married. For the males, the most common age to be married was 30–49; out of 2 903 males of this age, 73 % were married. Being single, divorced, or widowed changed a woman's social position and forced her to work in order to fend for herself and her family. Thus, 67 % of the widows and 47.8 % of the divorced women had occupations. Among single women, 80 % were aged 10–29 and might have been provided for by their parents: as such, only 36.8 % went to school or worked (fig. 3 leaves out about 300 female students in Tobolsk educational institutions due to lacunae in the database).

Military installations, migrating peasants, and prisoners influenced the social structure of the provincial centres. The urban estates dominated the population of big Siberian cities: petty bourgeoisie, merchants, and freemen, who made up 40 % on average, took part in all economic sectors, as is shown in table.

Members of the rural estates (37.4 % of the population in Tobolsk) were numerous, especially in the industrial and service sectors. Such social heterogeneity was rarer in the “agrarian cities” of Western Siberia, where the urban estates equalled from 60 to 82 %. In Tobolsk, the presence of a large rural estate was due to the labour mobility of peasants. Such mobility also explains the high employment among peasants, 45.2 % (52.2 % of conscripted peasants are included): in the non-urban areas, the average peasant employment was 25 %. As for position in the household, 24.5 % of the peasants were labourers or servants: only 27 % had their own household, while 18 % of working peasants lived in hostels or rented rooms.

⁹ Calculations were made in [Население Тобольска в 1897 г.] (employed population) and [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. 46, с. 10–11] (general population).

Occupations of social estate groups in Tobolsk, 1897 census¹⁰

Status groups Occupation groups (total, %)	Noblemen (by birth and award), civil servants	Clergy	Freemen, merchants, petty bourgeoisie, and other urban estates	Peasants	Natives	Other estates	Estate unknown	N
Groups 0–1	41.1 ¹¹	20.9	23.1	9.5	0.7	1.9	2.7	411
Additional classification groups	33.4	1.8	35.7	20.5	0.3	5.4	2.8	775
Groups 2–3	39.5	1.4	39.4	16.1	1.0	1.6	1.1	838
Group 4	0.6	0.0	74.0	18.8	2.3	3.4	1.0	526
Group 5	4.8	0.3	32.6	57.4	0.6	3.2	1.1	2 129
Group 6	1.3	0.0	16.5	74.9	5.0	2.4	0.0	382
Groups 7–9	3.4	0.5	45.1	45.6	1.3	3.6	0.6	3 305
Without occupations, n	3	4	13	9		1	0	30
Total number of the employed, n	986	140	3 351	3 455	98	277	89	10 202
Among them:								
Exiles, n	4	1	99	540	5	366	9	1024
Military men, N	1	1	56	696	2	3	23	782
Total for Tobolsk ¹²	2 445	751	8 289	7 649	252	914	125	20 425
The share of employed in the estate group, %	40.3	18.6	40.4	45.2	38.9	30.3	71.2	54.0

The most attractive occupations for both the immigrating and urban-born peasants were groups 5 “service workers” (57.4 % of the employed in the group) and 7–9 “production and related workers, transport equipment operators and labourers” (45.6 %). Peasants worked as servants in private houses and institutions, cabmen, and labourers. Most peasant estate occupations are covered by group 6 “agricultural, animal husbandry and forestry workers, fishermen and hunters” (74.9 %), particularly farming and fishing.

¹⁰ The calculations were made in the database [Население Тобольска в 1897 г.]: military men and the imprisoned are shown individually.

¹¹ The share of the estate representatives in the HISCO group (without military men and the imprisoned).

¹² Data from: [Первая Всеобщая перепись населения, т. 46, с. 46-47].

The urban estates – noblemen and civil servants – had a 40 % employment rate. Out of 2 445 noblemen and civil servants, 56.7 % were household heads. 41 % of 8 000 members of the petty bourgeoisie had their own household while only 14 % were registered as servants (only 3 % of the noblemen in Tobolsk were servants). These social estates were also well represented in HISCO groups 0 and 1 (41 % – noblemen, 23.1 % – petty bourgeoisie) and group 2–3 (39 % – civil servants and noblemen and petty bourgeoisie). These occupations demanded special education, talent, and occupational skills. Clerical and church officers were represented only in groups 0 and 1, with 61 % of the clergy having such an occupation. It is interesting that about half of the urban estates were employed within groups 7–9 (1 489 from 3 351 persons), but merchants and petty bourgeoisie played the main role in group 4, making up 74 % of those employed in trading.

On the basis of the nominative data, we singled out the 782 military personnel and the 1 024 exiles. They are registered in the census with their present and former occupations. Half of the military men belonged to the peasantry while among the 1 024 imprisoned, only 336 were actually noted as “exiles”: the rest listed their social estate at birth (51 % in the peasant estate). Additional groups include people drawing a pension, those who received a living in private homes and charitable institutions, and those who lived off donations or their own capital – 69.2 % of this group were noblemen, civil servants, and members of the urban estates.

To sum up employment among the social estates, noblemen and civil servants mostly belonged to HISCO groups 0–1 and 2–3, the clergy were only in group 0–1, and the peasants were in groups 5 and 7–9. For many peasants, these occupations were temporary. The members of the urban estate worked in all sectors of the urban economy.

Individual-level data provide an opportunity to compare primary and secondary occupations within the HISCO groups. 15 % of the Tobolsk working population had additional sources of income. Among them were 447 women who listed their primary social status as “with the husband”, “with a brother”, or “pension”. Their “secondary” income came from “private obstetric practice”, “private teaching”, or work as laundry girls, needlewomen, knitters, etc. Many with additional earnings worked in agriculture: they made up 254 persons, or 25.4 %, including military men who farmed as a primary occupation. The smallest share of people with additional earnings can be found in group 5 “service workers” (179 people, or 8.5 %, of those employed in group 5, which includes men who listed military service as their primary occupation) and groups 7–9 “production and related workers, transport equipment operators and labourers” (287 people, or 8.7 %).

The combination of individual-level primary and secondary occupation data was especially illuminating for the military. The Tobolsk infantry battalion was registered in a separate list, which recorded a primary civil occupation and a secondary military one. Most of the soldiers stated “farming” as their primary occupation and were thus placed in HISCO

group 6 “agricultural, animal husbandry and forestry workers, fishermen and hunters”. During military service, a number of conscripts received additional training (in medical practice for instance), thus receiving an opportunity to become socially mobile. Some chose primary and secondary occupations in the same HISCO group. In group 0–1 for instance, the primary occupation was “provincial government, agrotechnician”, while the secondary occupation was “botany teacher at a paramedic school”: for groups 7–9, the primary occupation was “coach driving” and the secondary one was as a “leatherworker”. The most widespread additional earnings were in the service sector, handicrafts, and as day-labourers.

An additional aspect to study with individual-level data is the influence of kinship and cohabitation. The 1897 census registered 54 households that were not bound together by kinship. These were artels, workmen’s cooperatives, and workers and servants living apart from their masters (402 people all in all). There were 406 households with one household head and some servants (only 892 people). Family households (i. e. households where relatives lived together) numbered 3 059, with 16 413 persons [Первая Всеобщая перепись, 1905а, т. 46, с. 7, 10]. The “Tobolsk Population in 1897” database contains 1 040 family households with 2 609 persons having an occupation. These family households were used to form one male and one female sample. The male sample was from the 173 households with information about the occupations of 173 fathers and their 205 sons. The female sample was from the 100 households with two or more female relatives including wives, daughters, sisters, nieces, daughters-in-law, sisters-in-law, etc. Moreover, a third sample was constructed with 160 potential father-son relations (232 sons) across households, linking them via the father’s first name and the son’s patronymic and the age difference. When the fathers and sons were distributed across the HISCO groups, it seems that cohabitation did not influence the sons’ choice. In the case of cohabitation in the same household, 34 % of the sons followed in their fathers’ footsteps: when they lived in separate households, the figure was 37 %. Groups 7–9 were chosen by 50 % of the sons: the other 50 % chose groups 2–3. Thus, these groups were the most attractive for sons who were transitioning to other HISCO groups. In both cases, the most common “father” occupations were in the service sector (group 5) and trade (group 4). On average, 25 % of the sons moved upward socially. The study of female employment clusters by household gave significantly different results. In 70 of the 100 sampled households, two or more women chose an occupation in the same HISCO group, primarily in groups 5 and 7–9. Often they worked in complementary trades, especially if there were more than three females in a household [Брюханова, Владимиров, с. 124]. For instance, in a household with six women consisting of three sisters (one of them the householder) and three nieces, all were occupied in fur tailoring (HISCO code 7–62.00). Thus, senior household members more frequently influenced female employment, whereas sons’ choice corresponded to their fathers’ occupational group only in about one third of the cases. 25 % of the

other sons managed to move upwards socially: the most socially mobile sons were classified in HISCO's service and trade sectors.

* * *

In the late 19th century, the building of traffic infrastructure, increasing migration to the south of Western and Eastern Siberia, and the development of the Far Eastern territories led to the growth of provincial centres and other Siberian cities. In the northern and border regions of Eastern Siberia, many cities were established as administrative and military hubs without other economic development. In the southern agricultural regions, we find both agrarian centres and major towns with other economic activities. We have especially focused on Tobolsk, which was situated to the north of the main transportation routes and migration streams. It still had significance because it retained its administrative, historic, cultural, and economic functions. Therefore, the 1897 census aggregates show Tobolsk as a typical provincial centre among the others in Western and South-eastern Siberia.

The unique nominative census data found for Tobolsk shows the dominance of the male workforce aged 20–50, high employment rates, and the dominance of the service sector. The peculiarities manifested by Tobolsk were the presence of a major military unit and the biggest Siberian convict prisons, both of which influenced the social composition of the city. The conscripts, the imprisoned, and the seasonally migrating workers formed a major peasant population with a high employment rate. The urban estates – noblemen and civil servants – made up a big share of the city's permanent population and took part in all urban economic sectors.

The nominative data allowed us to study the occupations of the estate groups, including secondary occupations. The primary occupations, for instance among the military, could provide both income opportunities and upward social mobility. The individual's social estate could determine to some extent the choice of occupation, as was clearly the case for noblemen, civil servants, and the clergy. However, the estate structure gave room for variation. Thus, noblemen had occupations not only in the intellectual professions and the civil service, but also in the service sector and trades.

Compared to other provincial centres, relatively high female employment rates characterised Tobolsk. This was caused by the presence of educational institutions for women and the participation of women in temporary labour migrations. The share of the employed among single females was twice as high as among those married. In addition to marital status, kinship and cohabitation influenced choice of occupation. However, whereas cohabitation with relatives explained 70 % of occupational choice for females, this factor was significant for only 30 % of males irrespective of their cohabitation with relatives.

In sum, the 1897 census data show us an urban Siberian population getting ready for the dramatic upheavals during the next couple of

decades. The diversity of employment in all economic sectors characterised a modernising society. Also, the large groups of seasonal work migrants from the countryside provided channels for the diffusion of new ideas. How important the low rate of occupational inheritance from father to son was for the creation of revolutionary groups is difficult to tell. However, it is possible to interpret this as symbolic of a break with century-long traditions of stability.

Список литературы

Алисов Д. А. Социально-культурный облик «провинциальных столиц» Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Изв. Омск. гос. ист.-краеведч. музея. 1998. № 6. С. 263–272.

Брюханова Е. А., Владимиров В. Н. Кодирование исторических профессий. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2015. 220 с.

Брюханова Е. А., Сарафанов Д. Е., Владимиров В. Н., Колдаков Д. В. Подходы к изучению социальной структуры сибирского города на рубеже XIX– XX вв. (по материалам метрических книг Барнаула) // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 254–270.

Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е., Щетинина А. С. «Новая историческая демография» в России: эволюция или скачок в развитии? // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 29–54.

Города и поселения в уездах, имеющих 2000 и более жителей / под ред. А. Н. Тройницкого. СПб.: Паровая типолит. Н. Л. Ныркина, 1905. 108 с.

Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1–8.

Елисеева И. И., Попова И. Н. Начало международного признания российской государственной статистики // Вопросы статистики. 2013. № 8. С. 80–85.

Зиновьев В. П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX вв. // Сибирь в составе России XIX – начала XX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1999. С. 9–40.

Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб. : Тип. Шредера, 1909. 110 с.

Кауфман А. А. Переселение крестьян в России // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Вып. 23. СПб. : Типолит. И. А. Ефрона, 1900. С. 265–282.

Латпо Г. М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.

Латкин Н. В. Тобольск // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Вып. 33. СПб. : Тип. Шредера, 1901. С. 384–386.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. СПб. : Паллада, 1908. 500 с.

Литвак Б. Г. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России: источниковедческий аспект // История СССР. 1990. № 1. С. 114–126.

Лучинский Г. Сибирь // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Вып. 29а. СПб. : Изд. дело ; Брокгауз – Ефрон, 1900. С. 748–814.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 548 с.

Население Тобольска в 1897 г. : [база данных] / рук. проекта В. Н. Владимиров // Архив каф. документоведения, архивоведения и ист. информатики ист. ф-та Алтай. гос. ун-та. Рукопись. Св-во № 2008620393 от 16.01.2009.

Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / под ред. А. Н. Тройницкого : в 2 т. Т. 2. СПб. : Паровая типолит. Н. Л. Ныркина, 1905. 417 с.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : в 3 т. СПб. : Тип. Ш. Буссель, 1912. Т. 1. 185 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. А. Н. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1897–1905. Вып. 72, 73 (Т. 2), 74, 75, 76 (Т. 3), 77 (Т. 2), 78, 79, 80.

Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века : Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 года / рук. проекта Е. Н. Брюханова. URL: <http://hcod.asu.ru> (дата обращения: 16.02.2017).

Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века (по материалам всероссийской переписи населения 1897 года) : [база данных] / рук. проекта Е. Н. Брюханова // Архив каф. документоведения, архивоведения и ист. информатики ист. ф-та Алтай. гос. ун-та. Рукопись. Св-во № 2014621104 от 07.08.2014.

Семенов В. П. Россия: полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей : в 19 т. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1907. Т. 11. Западная Сибирь. 591 с.

Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. : в 2 ч. Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2003. Ч. 1. Население. Экономика. 306 с.

Слюозберг Г. Б. Каторга, каторжные работы // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Вып. 14а. СПб. : Типолит. И. А. Ефрона, 1895. С. 756–759.

Учреждение Сибирское (1892) // Свод законов Российской Империи. Вып. 2. СПб. : Изд. книж. магазина «Законоведение», 1912. С. 471–472.

Шиловский М. В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начале XX века: к постановке проблемы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века : сб. материалов регион. науч. конф. / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск : РИПЭЛ, 2007. С. 5–15.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб. : Изд-во И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Eldlund T. K. The Russian National Census of 1897 // Avotaynu. 2000. Vol. 16, № 3. P. 29–39.

Final Report Summary: Research Russian and Soviet Censuses / ed. R. Clem. Florida Intern. Univ., 1984. 44 p. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1984-627-2-Clem.pdf> (mode of access: 28.04.2016).

Kasatkina N., Marcinkevicius A. Russians in Lithuania According to the 1897 and 1923 Censuses : Comparative Analysis // Ethnicity studies. 2008. № 1–2. Pp. 20–63. ISSN 1822–1041.

Leeuwen M. H. D. Van, Maas I., Miles A. HISCO : Historical International Standard Classification of Occupations. Leuven : Leuven Univ. Press, 2002. 444 p.

Lewis R. A., Rowland R. H., Clem R. S. Nationality and Population Change in Russia and the USSR : An Evaluation of the Census Data, 1897–1970. N. Y. : Praeger Publ. Inc., 1976. 456 p.

Naumov I. V. The History of Siberia / ed. D. N. Collins. L. : Routledge, 2006. 256 p.

Rowney D. K., Stockwell E. G. The Russian Census of 1897 : Some Observations on the Age Data // Slavic Rev. 1978. Vol. 37, No 1. P. 217–227.

Spitzer Y. Occupations of Jews in the Pale of Settlement. 2012. URL: <http://yannayspitzer.net/2012/09/30/jewish-occupations-in-the-pale-of-settlement/> (mode of access: 28.04.2016).

The Cambridge History of Russia : in 2 vols / ed. D. Lieven. Cambridge Univ. Press, 2006. Vol. 2. Imperial Russia, 1689–1917. 806 p.

Thorvaldsen G. Away on Census Day : Enumerating the Temporarily Present or Absent // Historical Methods. 2006. Vol. 39 (2). P. 82–96.

Thorvaldsen G. Swedes in Siberian Diaspora // Sibirica : Interdisciplinary J. of Siberian Studies. 2008. Vol. 7 (2). P. 47–66. ISSN 1361-7362.

References

Alisov, D. A. (1998) Socialjno-kuljturnihy oblik “provincialnihkh stolic” Zapadnoy Sibirii (konec XIX – nachalo XX v.): *Izvestiya Omskogo gosudarstvenogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [The Social and Cultural Image of “Provincial Capitals” in Western Siberia (Late 19th–Early 20th Centuries): News of the Omsk State Local History Museum]. Vol. 6, pp. 263–272.

Bryukhanova, E. A., Sarafanov, D. E., Vladimirov, V. N., Koldakov, D. V. (2016). Podkhodih k izucheniyu socialjnoj strukturih sibirskogo goroda na rubezhe XIX– XX vv. (po materialam metricheskikh knig Barnaula) [Approaches to the Study of the Siberian City’s Social Structure at the Turn of the 20th Century (With Reference to Barnaul Parish Register Books)]: *Izvestiya Ural'skogo universiteta. Seriya 2. Gumanitranie nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts] Vol. 18, № 4 (157), pp. 254–271.

Bryukhanova, E. A., Vladimirov, V. N. (2015). *Kodirovanie istoricheskikh professiy* [The Coding of Historical Occupations] 220 p. Barnaul, Altai State Univ. publ. house.

Clem, R. S. (ed.) (1984). *Final Report Summary: Research Russian and Soviet Censuses*. 44 p. Florida Intern. Univ. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1984-627-2-Clem.pdf> (mode of access: 28.04.2016).

Edlund, T. K. (2000). The Russian National Census of 1897: *Avotaynu. Vol. 16, No 3*, pp. 29–39.

Eliseeva, I. I. & Popova, I. N. (2013). Nachalo mezhdunarodnogo priznaniya rossiyskoy gosudarstvennoy statistiki: *Voprosih statistiki* [Getting International Recognition of Russia's State Statistics: Statistical Issues]. N 8. pp. 80–85.

Gosudarstvenniy arkhiv v g. Tobolske [The State Archives in Tobolsk]. Stock 417. List 2. Dossier 1–8.

Kadomcev, B. P. (1909). *Professionaljnihiy i socialjnihiy sostav naseleniya Evropeyskoy Rossii po dannim perepisi 1897 g.* [The Occupational and Social Structure of the Population of European Russia according to the 1897 Census Data]. 110 p. St Petersburg. The printing-house of Shreder.

Kasatkina, N., Marcinkevicius, A. (2008). Russians in Lithuania according to the 1897 and 1923 Censuses : Comparative Analysis. In *Ethnicity studies, No 1–2*, pp. 20–63. ISSN 1822–1041.

Kaufman, A. A. (1900). Pereselenie krest'yan v Rossii: *Ehnciklopedicheskij slovarj Brokgauza i Efrona* [Migration of Peasants in Russia: The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. XXIII, pp. 265–282. St Petersburg. The typolithography of I. A. Efron.

Lappo, G. M. (1997). *Geografiya gorodov* [Geography of Cities]. 480 p. Moscow. Humanities publishing center Vlados.

Latkin, N. V. (1901). Tobol'sk: *Ehnciklopedicheskij slovarj Brokgauza i Efrona* [Tobolsk: The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. XXXIII, pp. 384–386. St Petersburg. The printing-house of Schreder.

Leeuwen, M. H. D. Van & Maas, I. & Miles, A. (2002). *HISCO : Historical International Standard Classification of Occupations*. 444 p. Leuven : Leuven Univ. Press.

Lenin, V. I. (1908). *Razvitie kapitalizma v Rossii. Process obrazovaniya vnutrennego rihnika dlya krupnoy promishlennosti* [The Development of Capitalism in Russia. The Formation of an Internal Market for Large Industry]. 500 p. St Petersburg. Publishing house "Pallada".

Lewis, R. A., Rowland, R. H., Clem, R. S. (1976). *Nationality and Population Change in Russia and the USSR : An Evaluation of the Census Data, 1897– 1970*. 456 p. N. Y., Praeger Publ. Inc.

Lieven, D. (ed.) (2006). *The Cambridge History of Russia. Vol. 2. Imperial Russia, 1689–1917*. 806 p. Cambridge Univ. Press.

Litvak, K. B. (1990). Perepisj naseleniya 1897 goda o krest'yanstve Rossii: istochnikovedcheskiy aspekt: *Istoriya SSSR* [The Population Census of 1897 on the Peasantry in Russia: History of the USSR. N 1. pp. 114–126.

Luchinsky, G. (1900). Sibirj: *Ehnciklopedicheskij slovarj Brokgauza i Efrona* [Siberia: The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. XXIXa, pp. 748–814. St Petersburg. The printing-house of the joint stock company "Publishing industry", Brockhaus – Efron.

Mironov, B. N. (2000). *Socialjnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The Social History of the Russian Empire (18th – Early 20th Centuries)]. Vol. 1. 548 p. St Petersburg. "Dmitriy Bulanin" publishing.

Naselenie Tobolska v 1897 g. : [baza dannyx] [Database "Tobolsk Population in 1897"] / Head of the project V. N. Vladimirov. Registration Certificate 2008620393, 16.01.2009].

Naumov, I. V. (2006). *The History of Siberia*. Ed. by D. N. Collins. 256 p. L., Routledge.

Patkanov, S. K. (1912). *Statisticheskie dannije, pokazivayut'ie plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazihk i rodih inorodcev (na osnovanii dannihk special'noy razrabotki materiala perepisi 1897 g.)* [Statistics Showing the Tribal Composition of the Population of Siberia, Language and Ethnicity of Natives (On the Basis of a Special Development of the 1897 Census Data)]. Vol. 1. 185 p. Saint Petersburg. The printing-house "Shc. Bussel".

Professii i zanyatiya naseleniya Rossiyskoy imperii konca XIX – nachala XX vekov (po materialam vs Rossiyskoy perepisi naseleniya 1897 goda [Russian Empire Occupations in the Late 19th Early 20th Centuries (Based on the First All-Russia 1897 Population Census)] / Head of the project E. N. Bryukhanova. URL: <http://hcod.asu.ru> (mode of access: 16.02.2017).

Professii i zanyatiya naseleniya Rossiyskoy imperii konca XIX – nachala XX veka : Analiz dannikh Pervoy vserossiyskoy perepisi naseleniya 1897 goda [Russian Empire Occupations in the Late 19th – Early 20th Centuries : Analysis of the First All-Russia 1897 Population Census]. URL: <http://hcod.asu.ru/> (mode of access: 16.02.2017).

Rowney, D. K. & Stockwell, E. G. (1978). The Russian Census of 1897: Some Observations on the Age Data. In *Slavic Rev.*, Vol. 37. № 1, pp. 217–227.

Semenov, V. P. (1907). *Rossiya: polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: nastoljnaya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudej. T.11: Zapadnaya Sibirj* [Russia: A Complete Geographical Description of Our Motherland: Reference and Road Book for Russian People. V.11: Western Siberia]. 591 p. St Petersburg. Izdanie A. F. Devriena.

Shilovsky, M. V. (2007). Rolj gosudarstva v razvitii proizvoditel'nykh sil Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: k postanovke problemih. In Shilovsky, M. V. (ed.) *Rolj gosudarstva v khozyajstvennom i sociokulturnom osvoenii Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka* [The Role of the State in the Development of Production in Siberia from the Second Half of the 19th Century to the Early 20th Century: Establishment of the Problematic: Shilovsky, M. V. (ed.) The Role of the State in the Economic and Sociocultural Development of Asian Russia from the 17th Century to the Early 20th Century]. Novosibirsk, RIPAL, pp. 5–15.

Skubnevsky, V. A. & Goncharov, Yu. M. (2003) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. Ch. 1. Naselenie. Ehkonomika* [Western Siberian Cities in the Second Half of the 19th– Early 20th Centuries. Part I: Population. Economy]. 360 p. Barnaul. Altai State University publishing house.

Sliosberg, H. B. (1895). Katorga, katorzhnihe rabotih : *Ehnciklopedicheskij slovarj Brokgaufa i Efrona* [Penal Colony, Hard Labour: The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. XIVa. pp. 756–759. St Petersburg, Typolithography I. A. Efrona.

Spitzer, Y. (2012). Occupations of Jews in the Pale of Settlement. URL: <http://yannayspitzer.net/2012/09/30/jewish-occupations-in-the-pale-of-settlement/> (mode of access: 28.04.2016).

Thorvaldsen, G. (2006). Away on Census Day : Enumerating the Temporarily Present or Absent. In *Historical Methods*, Vol. 39 (2), pp. 82–96.

Thorvaldsen, G. (2008). Swedes in Siberian Diaspora. In *Sibirica : Interdisciplinary J. of Siberian Studies*, Vol. 7 (2), pp. 47–66. ISSN 1361–7362.

Troynicky, N. A. (ed.) (1904–1905a). *Pervaya Vseobthaya perepisj naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire]. Vols. LXXII, LXXIII (quire 2), LXXIV, LXXV, LXXVI (quire 3), LXXVII (quire 2), LXXVIII, LXXXIX, LXXX. St Petersburg. The Central Statistical Committee publication of the Ministry of Internal Affairs.

Troynicky, N. A. (ed.) (1905b). *Goroda i poseleniya v uezdakh, imeyutikh 2000 i bolee zhitelej* [Cities and Settlements in Uyezds with a Population of 2,000 People and over]. St Petersburg. Parovaya tipolitografiya N. L. Nihrkina.

Troynicky, N. A. (ed.) (1905c). *Obitnyj svod po Imperii rezultatov razrabotki, dannikhk pervoyj vseobtheyj perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda Vol. 2* [The Total Results of the First General Census of the Russian Empire, Produced on Jan. 28, 1897]. St Petersburg, Parovaya tipolitografiya N. L. Nihrkina.

Uchrezhdenie Sibirskoe (1892): Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. (1912). [Uchrezhdeniye Sibirskoe (1892): The Law Code of the Russian Empire]. Vol. 2. Saint Petersburg. Bookshop publ. “Zakonovedenie”. Pp. 471–472.

Vladimirov V. N., Sarafanov D. E., Shchetinina A. S. (2016). “Novaya istoricheskaya demografiya” v Rossii: ehvoluyuciya ili skachok v razvitii? [“New Historical Demography” in Russia: Evolution or a Leap in Development?]. In *Izvestiya Ural'skogo universiteta. Seriya 2. Gumanitranie nauki* [Izvestia Ural Federal University J. Ser. 2. Humanities and Arts]. Vol. 18, № 3 (154). Pp. 29–54.

Yadrincev, N. M. (1892). *Sibirj kak koloniya v geograficheskom, ehtnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographical, and Historical Respects]. 720 p. St Petersburg, Publ. house of I. M. Sibiryakov.

Zinovyeve V. P. (1999) *Sibirj v ehkonomike Rossii XVIII – nachala XX v.: Sibirj v sostave Rossii XIX – nachala XX v.* [Siberia in Russia's Economy in the 18th Century – Early 20th Centuries: Siberia as a Russian Territory in the 19th – Early 20th Centuries]. Tomsk, The publ. house of Tomsk Univ., pp. 9–40.

DOI 10.15826/qr.2017.1.211

УДК 314.145.2+316.334.56(470.5)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕГРАДАЦИЯ ГОРОДОВ В СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНАХ УРАЛА (1959–2010)*

Сергей Баканов

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия

URBAN DEMOGRAPHIC DECLINE IN THE TRADITIONAL INDUSTRIAL REGIONS OF THE URALS (1959–2010)**

Sergey Bakanov

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

This article considers the demographic disaster that occurred in traditional industrial Ural cities between the 1960s and the 2000s and demonstrates its scale. A ‘depressed city’ is a term denoting a stage in a city’s development: it is characterised by a decline in production, the emergence of unemployment, and a decrease in investment and migration, all of which is followed by a fall in population. This research is based on calculations and comparisons of the demographic dynamics found in the All-Soviet Union and All-Russian censuses of 1959, 1970, 1979, 1980, 2002, and 2010 from the perspective of a number of individual Ural towns. The Urals have faced the same problems as American cities of the Appalachian region, German cities of the Ruhr district, and British coalmining and metallurgical regions in the 20th century. The author proposes a method for revealing depressed settlements. It uses two demographic criteria: first, a decrease of population exceeding five percent per decade and, second,

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01226 «Сравнительное изучение развития старопромышленных районов угледобычи России и Польши в XX веке».

** Citation: Bakanov, S. (2017). Urban Demographic Decline in the Traditional Industrial Regions of the Urals (1950–2000). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211.

Цитирование: Bakanov S. Urban Demographic Decline in the Traditional Industrial Regions of the Urals (1950–2000) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211 / Баканов С. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959–2010) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211.

the stability of a negative demographic balance across several decades. In accordance with this method, it is established that during the late Soviet period (1959–89) 18 Ural towns could be characterised as depressed. Between the 1960s and 1980s, such tendencies had a local nature in the Urals, mainly affecting mining areas and some metallurgical centres. However, between the 1990s and 2000s structural economic reforms and a shift to market forms of economic management caused a dramatic decline in production, mass unemployment, and a drop in living standards: 56 Ural cities thus became depressed. Only the cities of Bashkortostan, where petrochemical production has a significant presence, showed population growth, while other regions witnessed a significant loss of population. Once a local problem, depression became a sub-regional phenomenon striking entire agglomerations and territorial production complexes. Major Ural cities were unable to absorb all of the migration from settlements and towns of the region, which caused an outflow of population from the Urals. The two post-Soviet decades can be characterised by large-scale urban decline in the Urals: there was, on average, a 6.4 per cent population decrease in all the cities of the Ural macro-region.

Keywords: urbanisation; crisis; demographic degradation; old industrial area; the Urals; depressive social development.

Рассмотрена демографическая катастрофа, постигшая города старопромышленного Урала в 1960–2000-е гг. Целью автора стало выявление масштаба этого явления. Под «депрессивным городом» понимается стадия его развития, характеризующаяся, по сравнению с предшествующим периодом, спадом производства, появлением безработицы, снижением инвестиционной и миграционной привлекательности и сопровождающаяся оттоком населения. Исследование основывается на расчетах демографической динамики и сопоставлении в разрезе отдельных городских поселений Урала результатов всесоюзных, а затем всероссийских переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 г. Проблемы городов Урала находятся в одном ряду с аналогичными кризисными явлениями, которые отмечались в XX в. в американских городах района Аппалачей, в городах немецкого Рура, в английских угледобывающих и металлургических районах. Разработанная автором методика выявления депрессивных поселений предполагает использование двух демографических критериев: во-первых, это убыль населения города более чем на 5 % за десятилетие, а, во-вторых, устойчивость отрицательного демографического баланса на протяжении нескольких десятилетий. В соответствии с этой методикой было установлено, что в позднесоветский период (1959–1989) депрессивный характер развития демонстрировали 18 городов Урала. Депрессивные тенденции в 1960–1980-е гг. носили на Урале очаговый характер и поражали прежде всего горнодобывающие ареалы и некоторые центры металлургического производства. В 1990-е и 2000-е гг. структурные экономические реформы и переход к рыночным формам хозяйствования, вызвавшие резкий спад производства, массовую безработицу, падение

уровня жизни населения, привели к тому, что в состоянии депрессии оказались 56 депрессивных городов. Только города Республики Башкортостан, связанные с отраслями нефтехимической промышленности, демонстрировали прирост населения, в остальных регионах наблюдалась значительная его убыль. Депрессия городов Урала на рубеже XX–XXI вв. изменила свой характер с очагового на субрегиональный, поражая целые агломерации и территориальные производственные комплексы. Уральские мегаполисы оказались не способны поглотить весь исходящий из малых и средних городов региона миграционный поток, что привело к общему оттоку населения с Урала. Суммарный же итог процесса деградации городов за два постсоветских десятилетия составил в среднем 6,4 % убыли населения по всем городам Уральского макрорегиона.

Ключевые слова: урбанизация; кризис; демографическая деградация; старопромышленный район; Урал; депрессивное социальное развитие.

В середине XX в. страны, являвшиеся на протяжении многих десятилетий лидерами экономического роста, благодаря новому витку научно-технической революции открыли для себя перспективы ускоренного перехода к строительству постиндустриального общества. Однако переходные импульсы сдерживались рядом инерционных противоречий, среди которых большое значение имел дисбаланс в территориальном развитии индустриальных стран. Концентрация производства и неравномерность территориального распределения индустрии приводили к формированию в этих странах сверхиндустриализированных регионов. Если в годы промышленной революции такие регионы были центрами притяжения инвестиций, то для перехода к постиндустриальному производству и наукоемким технологиям их отраслевая структура оказалась непригодной в силу своей монопрофильности, технологической отсталости и ограниченности ресурсной базы. Широкую известность получили проблемы района Аппалачей в США, Рурско-Саарского региона ФРГ, Эльзаса и Лотарингии во Франции, а также ряда территорий Англии и Шотландии. Эти старопромышленные регионы вступали в полосу депрессивного развития, а концентраторами депрессивных тенденций в них стали городские поселения, сосредоточившие большую часть технологически устаревающих производств¹.

Для выявления масштаба демографической катастрофы, постигшей многие города старопромышленного Урала в 1960–2000-е гг.,

¹ Социально-экономические проблемы моногородов, расположенных на выше-названных старопромышленных территориях, нашли отражение в национальных историографиях этих стран и описаны в работах [Neffke, Henning, Boschma; Steiner; Todtling, Trippl] и др. В российской историографии эти проблемы оказались в центре исследовательского интереса авторов двух коллективных монографий, подготовленных в Уральском отделении РАН [Зарубежный опыт антидепрессивной региональной политики] и в Институте экономической политики имени Е. Т. Гайдара [Стратегии развития старопромышленных городов].

применяется методика, основанная на расчетах демографической динамики и сопоставлении результатов всесоюзных, а затем всероссийских переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 г. для городских поселений Урала [Население СССР, 1960; Население СССР, 1971; Население СССР, 1980; Население СССР, 1990; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.], разработанная и апробированная автором в ходе исследования социально-экономических факторов, влиявших на отрицательную демографическую динамику некоторых уральских городов в 1960–1980-е гг. [Баканов]. К категории депрессивных городов можно отнести поселения, имеющие отрицательный демографический баланс, превышающий пороговое значение в 5 % убытка населения за одно десятилетие, при условии, что эта негативная демографическая тенденция наблюдалась на нескольких десятилетних интервалах, то есть была устойчивой. Такой подход позволяет сгладить случайные флуктуации численности населения и учесть различные административные преобразования. Исходя из логики экономических процессов, протекавших в стране, весь 50-летний период, в течение которого прослеживается демографическая деградация уральских городов, можно разделить на два этапа: позднесоветский, для которого базой сравнения будет использоваться перепись населения 1959 г., и постсоветский, чья база сравнения будет связана с результатами переписи 1989 г. Это позволит оценить вклад каждого из этапов в общий масштаб деградации.

Города Урала с наибольшей потерей населения в 1959–2010 гг.

Город	1959 г.	1989 г.	2010 г.	Прирост / убыль за период 1959–1989 гг.	Убыль за период 1989–2010 гг.
Далматово	11	17,5	13,9	59,1 %	-20,6 %
Макушино	13,7	10,5	8,3	-23,4 %	-21,0 %
Петухово	12,6	14,5	11,2	15,1 %	-22,8 %
Абдулино	30	22,6	20,1	-24,7 %	-11,1 %
Медногорск	36,3	34	27,2	-6,3 %	-20,0 %
Александровск	19	20,2	14,4	6,3 %	-28,7 %
Березники	106	201	156,4	89,6 %	-22,2 %
Горнозаводск	10,1	15,2	12	50,5 %	-21,1 %
Гремячинск	28	20,6	10,7	-26,4 %	-48,1 %
Губаха	47,1	31,8	28,1	-32,5 %	-11,6 %
Кизел	60,7	36,5	19,5	-39,9 %	-46,6 %
Чердынь	7,5	6,5	4,9	-13,3 %	-24,6 %

Чермоз	11	6	3,8	-45,5 %	-36,7 %
Алапаевск	47,1	50,3	38,1	6,8 %	-24,3 %
Верхняя Салда	37,3	65,2	46,2	74,8 %	-29,1 %
Верхняя Тура	19,7	13,4	9,4	-32,0 %	-29,9 %
Волчанск	24,8	14,7	10	-40,7 %	-32,0 %
Ирбит	45,3	51,8	38,3	14,3 %	-26,1 %
Камышлов	30,1	33,5	26,8	11,3 %	-20,0 %
Карпинск	45,2	36,9	29,1	-18,4 %	-21,1 %
Красноуральск	39,3	35,2	24,9	-10,4 %	-29,3 %
Кушва	46,1	43,3	30,1	-6,1 %	-30,5 %
Михайловск	10,6	12,9	9,8	21,7 %	-24,0 %
Нижние Серги	14,2	14,9	10,3	4,9 %	-30,9 %
Новая Ляля	17,8	15,7	12,7	-11,8 %	-19,1 %
Тавда	48	46,1	35,4	-4,0 %	-23,2 %
Туринск	18,8	23,2	17,9	23,4 %	-22,8 %
Верхний Уфалей	36,9	40	30,4	8,4 %	-24,0 %
Карабаш	24,9	17	13,1	-31,7 %	-22,9 %
Карталы	33,5	37,1	29,1	10,7 %	-21,6 %
Касли	21,8	21,7	16,9	-0,5 %	-22,1 %
Катав-Ивановск	20,6	24,9	17,6	20,9 %	-29,3 %
Коркино	81,4	45,1	38,5	-44,6 %	-14,6 %
Миньяр	15,4	12,9	10,1	-16,2 %	-21,7 %
Нязепетровск	22,2	17,1	12,4	-23,0 %	-27,5 %
Пласт	25,6	18,8	17,3	-26,6 %	-8,0 %
Сим	13,9	20,1	14,4	44,6 %	-28,4 %
Усть-Катав	23,1	31,8	23,5	37,7 %	-26,1 %
Юрюзань	17,3	18,3	12,5	5,8 %	-31,7 %

Одним из наиболее наглядных индикаторов депрессивности данных территорий можно считать мощнейший отток из них населения, принимавший форму демографической деградации, а в некоторых случаях даже депопуляции. Так, в Великобритании этим тенденциям оказались подвержены даже крупнейшие промышленные центры, составлявшие славу британской индустрии: население Ливерпуля за период с 1921 по 1991 г. сократилось с 802 до 452,5 тыс. чел. (43 %), Манчестера – с 730 до 404,9 тыс. (44 %), Глазго – с 1 млн 034 тыс. до 681 тыс. чел. (34 %)

[The UK population: past, present and future]. Для описания городов с такими негативными демографическими тенденциями в научной литературе используются термины *declining* – уменьшающийся, находящийся в упадке, *stagnant* – стагнирующий, *disappearing* – исчезающий [Rowland]. В российской научной традиции нашла применение другая классификация – разделение городов на *депрессивные* и *кризисные*. Под *депрессивным городом* понимается такой его тип, который проходит стадию развития, характеризующуюся, по сравнению с предшествующим периодом, спадом производства, появлением безработицы, снижением инвестиционной и миграционной привлекательности и сопровождающуюся оттоком населения. Когда депрессия принимает затяжной характер и усугубляется дальнейшим ухудшением основных социально-экономических показателей, наступает стадия, которую можно назвать *кризисной* [Кризисные города России].

В СССР в 1960-е гг. также появились проблемные старопромышленные территории, состояние экономики которых напрямую зависело от попавших в полосу стагнации традиционных отраслей, и крупнейшей из них был Уральский экономический район, характеризующийся доминированием отраслей горнодобывающей промышленности и металлургии. Урал не был сплошной зоной депрессивности, так как отдельные его регионы проходили стадию индустриализации в разное время, и, соответственно, их городские поселения концентрировали производства, относящиеся к разным технологическим укладам². Так, например, в районах Горнозаводского Урала металлургическое и горнодобывающее производство, относящееся ко второму и третьему технологическому укладу, было создано еще в XVIII–XIX вв., а модернизировано в 1920–1930-е гг., в то время как на территории Башкирии основная волна индустриализации пришлось на 1940–1950-е гг., когда в регионе активно создавались нефтепромыслы и нефтехимическое производство, относящиеся к четвертому технологическому укладу. Поэтому депрессивные тенденции на Урале в 1960–1980-е гг. носили очаговый характер и поражали прежде всего горнодобывающие ареалы и некоторые не самые крупные центры металлургического производства. Однако в 1990-е и 2000-е гг. структурные экономические реформы и переход к рыночным формам хозяйствования, вызвавшие резкий спад промышленного

² Под технологическим укладом понимается совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. Смена технологических укладов связана с «волнами инноваций», вызванных неравномерной динамикой научно-технического прогресса. Ядром первого технологического уклада (1780–1830-е гг.) были ткацкие и прядильные машины, совершившие переворот в отраслях легкой промышленности; ядром второго (1830–1880-е гг.) стали энергия пара и основанный на ее использовании паровой транспорт; третий (1880–1930-е гг.) базировался на прогрессе в области добычи минеральных ресурсов и металлургии; ядром четвертого (1930–1970-е гг.) стали нефтехимия и конвейерное производство. С 1970-х гг. начинается складывание пятого уклада, основанного на прогрессе в сфере электроники, телекоммуникаций и электротехники. Предполагается, что в настоящее время происходит оформление ядра шестого технологического уклада. Подробнее см.: [Глазьев; Перес].

производства, массовую безработицу, падение уровня жизни населения, привели к тому, что в состоянии депрессии оказалось уже большинство уральских городов.

Уже в 1960-е гг. на Урале в 38 городах из 142 численность населения начала сокращаться, а более 5 % населения за десятилетие было потеряно в 24 городах. За исключением Кизела и Краснотурьинска, все остальные проблемные поселения относились к категории малых городов с населением от 7 до 47 тыс. чел. Наибольшие потери наблюдались в Ивделе (30,4 %), Губахе (29,5 %), Волчанске (26,2 %), Кизеле (23,7 %), Чермозе (20,9 %), Дегтярске (19,7 %). Однако, как уже было сказано выше, сама по себе потеря населения, даже столь значительная, на одном межпереписном интервале еще не означает депрессии, так как для ее диагностики требуется выполнение условия устойчивости негативных тенденций. В 1970-е гг. число деградирующих поселений опять оказалось 38, а более 5 % потеряли 19 из них. На этот раз лидерами по потере населения стали Гремячинск (28,3 %), Усолье (21,8 %), Чермоз (21,8 %), Волчанск (19,1 %). Два десятилетия подряд более чем по 5 % теряли население 12 городов. В 1980-е гг. население убывало в 26 городах, а в 12 – более чем на 5 %. Всего за три межпереписных интервала позднесоветского этапа депрессивные черты в развитии могут быть диагностированы у 18 городов, чьи потери превысили пороговое значение в 15 % (по 5 % за десятилетие) и были достаточно устойчивы во времени. Еще 16 поселений закончили позднесоветский этап развития с отрицательным демографическим балансом, не превышающим пороговое значение. Всего было выявлено 34 города, в которых наблюдались ощутимые проблемы с миграционной и инвестиционной привлекательностью, то есть почти четверть от общего числа уральских городов. Особенно примечательным это становится, если учитывать, что в этот же период в стране в целом завершался урбанизационный переход, когда процент городского населения РСФСР за 1959–1989 гг. вырос с 50 до 75 %.

Географическое расположение депрессивных и нерастущих городских центров по территории Уральского экономического района было неоднородным. Так, в позднесоветский период совершенно не испытывали проблем с ростом города Башкирской и Удмуртской АССР, относительно спокойной была ситуация в Оренбургской (за исключением Абудулино) и Курганской (за исключением Макушино) областях. А вот старопромышленная часть Урала, формирование которой происходило в XVIII–XIX вв., сконцентрировала в позднесоветский период более 90 % проблемных поселений региона (города Кизел, Губаха, Гремячинск, Усолье и Чермоз в Пермской области, Верхнюю Туру, Верхотурье, Волчанск, Дегтярск, Карпинск – в Свердловской области, Бакал, Карабаш, Коркино, Миньяр, Нязепетровск, Пласт – в Челябинской области).

Важнейшей причиной демографической деградации в 1960–1980-е гг. была узкая емкость рынка труда в малых монопрофильных городах

Урала. В общем виде механизм развития депрессии города выглядел следующим образом. В силу объективных причин, таких как истощение ресурсной базы, изношенность основных фондов предприятий города, а также изменения приоритетов в развитии отраслей промышленности СССР, градообразующие предприятия в некоторых городах начинали приходить в упадок, что выражалось в сокращении производства профильных видов их промышленной продукции. Падение объемов производства на этих предприятиях означало сокращение штатного расписания, что вело к частичному высвобождению рабочей силы и ее оттоку из города. Находясь в упадке, градообразующие предприятия оказывались не способными содержать принадлежащий им жилищный фонд и на прежнем уровне финансировать социальную сферу города. Это незамедлительно сказывалось на состоянии жилищного фонда и основных городских объектов. Снижались темпы ввода нового жилья, откладывалось на неопределенный срок строительство первоочередных городских объектов – очистных сооружений, магазинов, школ, больниц и т. д., а капитальный ремонт жилья производился со значительными задержками. Невозможность решить квартирный вопрос стимулировала горожан к перемене места жительства.

Рыночные реформы 1990-х гг. и отказ государства от выполнения патерналистской функции в социальной сфере заметно усилили воздействие негативных факторов на городское развитие региона. Монопрофильность хозяйства очень многих городов Урала, принадлежность находящихся в них производств к устаревающим технологическим укладам, неумение менеджмента градообразующих предприятий работать в условиях конкуренции в сочетании с глубоким финансовым кризисом и взаимными неплатежами привели к тому, что острые экономические проблемы в эти годы стало испытывать абсолютное большинство градообразующих промышленных предприятий региона. А для довольно длинного ряда промышленных компаний кризис стал финальной точкой их деятельности. Череда банкротств и реорганизаций оставила многие уральские города фактически без градообразующих производств, лишив их той часто единственной миссии, ради которой они создавались. Наиболее яркими примерами здесь могут служить судьбы предприятий Кизеловского угольного бассейна, машиностроительных производств в Кусе и Юрюзани, горнодобывающих производств в Бакале и Пласте и т. п.

Экономический кризис 1990-х гг. сопровождался также кризисом демографическим, проявившимся в резком снижении рождаемости в стране при одновременном росте смертности. С 1992 г. в масштабах России наблюдался отрицательный естественный прирост, который лишь отчасти компенсировался приростом миграционным. В результате среднегодовые темпы потери населения в масштабах страны составили 0,16 % в год, что дало за десятилетие с 1992 по

2002 г. суммарную потерю в 2,18 %. Негативные демографические тренды в Российской Федерации продолжились и в первое десятилетие XXI в. С 2002 по 2010 г. среднегодовые темпы потери населения даже увеличились до 0,24 % в связи с сокращением входящего миграционного потока. За этот период суммарная потеря населения страны составила еще 1,7 %³. Приведенные цифры позволяют еще раз убедиться в адекватности выбранного индикатора депрессивности территории, так как 5 % потери населения отдельным городом за одно межпереписное десятилетие в два-три раза превышают средние значения потери населения по стране и, следовательно, могут свидетельствовать о чрезвычайности сложившегося положения в данном конкретном поселении.

В 1990-е гг. на Урале с учетом закрытых территориальных образований (ЗАТО) и новообразованных городов статус города имели 150 городских поселений, 54 % (82 города) из которых за период с 1989 по 2002 г. утратили более 5 % своего населения. Наибольшую потерю населения испытали города Гремячинск (35,9 %), Кизел (34,7 %), Ясный (30 %), Чермоз (28,3 %), Волчанск (25,1 %), Юрюзань (22,9 %), Верхняя Салда (21,6 %), Нязепетровск (21,6 %), Александровск (19,8 %), Карталы (19,4 %), Катав-Ивановск (19,2 %). Отрицательную демографическую динамику демонстрировали в этот период не только малые или средние города, но и города-миллионники. Так, Уфа потеряла 3,6 %, Екатеринбург – 5,2 %, Челябинск – 5,6 %, а Пермь, имея убыль в 8,4 %, даже утратила статус миллионного города. Однако в следующем десятилетии областные центры все же выправили негативно складывавшуюся для них ситуацию за счет привлечения активного населения из продолжавших деградировать малых и средних городов своих регионов, а также из сельской местности. Сверхиндустриализированные старопромышленные территории Урала оказывались не в состоянии противостоять экономическому кризису и, повторяя опыт индустриальных стран, столкнувшихся с этими проблемами на несколько десятилетий раньше, выступали донорами населения для более благополучных регионов.

В начале XXI в. несмотря на некоторое отступление экономического кризиса список деградирующих поселений Урала расширился до 91 города, причем 56 из них теряли более 5 % населения на протяжении уже двух и более десятилетий, то есть в соответствии с принятыми критериями были депрессивными. При этом необходимо заметить, что максимальные проценты потери населения были все же существенно ниже уровня 1990-х гг. Так, лидеры 2000-х гг. имели следующие показатели убыли населения: Гремячинск – 18,9 %, Кизел – 18 %, Карабаш – 17,6 %, Нижние Серги – 17,6 %, Североуральск – 15,6 %, Кушва – 15,2 %. Снижение темпов убыли

³ Рассчитано автором по данным Росстата: [Федеральная служба государственной статистики].

населения в 2002–2010 гг. объясняется улучшением экономической конъюнктуры только отчасти. Гораздо большее воздействие на него оказали другие факторы. Во-первых, это постепенное исчерпание экономически активного населения в депрессивных городах, где масштабное отрицательное сальдо миграции наблюдалось уже на протяжении нескольких десятилетий. Во-вторых, это завершение процесса складывания местных рынков недвижимости, связанное с принятием земельного и жилищного кодексов. Приватизация жилья, проведенная в массовом порядке в 1990-е гг., привела к тому, что при ощутимой диспропорции цен на недвижимость на рынках разных городов и территорий собственники жилья в депрессивных городах оказались фактически заложниками своей собственности, так как, продав недвижимость в своем городе, они не могли рассчитывать купить за ту же сумму хоть какое-то жилье в городе благополучном. Поэтому обладание собственностью выступило мощным сдерживающим фактором для миграции и привело к широкому распространению практик занятости вахтенным способом в других относительно благополучных регионах, таких как Тюменская область.

Некоторое увеличение численности населения в этот период демонстрировали только 17 городов, три из которых – это мегаполисы Екатеринбург, Челябинск и Уфа. Еще девять из этих демографически благополучных поселений располагаются в Башкортостане.

Таким образом, из регионов Урала только Башкортостан, обладающий мощным кластером отраслей нефтехимии и нефтепереработки, относящихся к более позднему технологическому укладу, смог избежать негативных эффектов, вызванных промышленной ориентацией на устаревающие уклады, и за 1989–2010 гг. население городов республики увеличилось на 4,7 %. Все остальные регионы в той или иной степени оказались подвержены депопуляционным явлениям. Так, города Курганской области за период с 1989 г. потеряли 8,8 % своего населения, Оренбургской – 4,5 %, Свердловской – 9,8 %, Челябинской – 7,5 %, Пермского края – 13 %, Республики Удмуртия – 2,8 %. Отдельные старопромышленные территории стали зоной сплошной депрессивности, например, города закрытого в результате реструктуризации отрасли Кизеловского угольного бассейна в Пермском крае – Кизел, Губаха, Гремячинск, Александровск. Депрессия городов на рубеже XX–XXI вв. изменила характер с очагового на субрегиональный, поражая целые агломерации и территориальные производственные комплексы. Уральские мегаполисы оказались не способны поглотить весь исходящий из малых и средних городов региона миграционный поток, что привело к общему оттоку населения с Урала. Суммарный же итог процесса деградации городов за два постсоветских десятилетия составил в среднем 6,4 % убыли населения по всем городам уральского макрорегиона.

Список литературы

- Алексеев В. В., Zubkov K. I., Kilin A. P., Shirogorov V. V.* Зарубежный опыт антидепрессивной региональной политики. Екатеринбург : Наука, 1992. 96 с.
- Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг. : Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2005. 191 с.
- Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 20.09.2015).
- Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.09.2015).
- Глазьев С. Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57). С. 8–27.
- Любовный В. Я.* Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития. М. : МОНФ, 1998. 94 с.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. М. : Госкомстат СССР, 1960.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. М. : Госкомстат СССР, 1971.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М. : Госкомстат СССР, 1980.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М. : Госкомстат СССР, 1990.
- Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания. М. : Дело, 2011. 232 с.
- Стародубровская И.* Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 248 с.
- Федеральная служба государственной статистики [официальный сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.09.2015).
- Neffke F. M. H., Henning M., Boschma R.* The impact of aging and technological relatedness on agglomeration externalities: a survival analysis // J. of Economic Geography. 2012. № 12 (2). P. 485–517.
- Rowland R. H.* Declining and Stagnant Towns of the USSR // Soviet Geography : Rev. and Translation. 1980. № 21. P. 195–218.
- Steiner M.* Old Industrial Areas : A Theoretical Approach // Urban Studies. 1985. Vol. 22. P. 387–398.
- The UK population: past, present and future. URL: www.ons.gov.uk/ons/rel/ctu/annual...statistics/.../chap-15-population.xls (mode of access: 10.09.2015).
- Todtling F., Trippl M.* Like Phoenix from the Ashes? : The Renewal of Clusters in Old Industrial Areas // Urban Studies. 2004. Vol. 41. № 5/6. P. 1175–1195.

References

- Alekseev, V. V., Zubkov, K. I., Kilin, A. P., Shirogorov, V. V. (1992). *Zarubezhnyy opyt antidepressionnoy regionalnoy politiki* [The Foreign Experience of Antidepressive Regional Policy]. 95 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo UrO RAN.
- Bakanov S. A. (2005). *Depressivnye goroda Urala v 1960–1980-e gg.: Analiz sotsial'no-ekonomicheskikh i demograficheskikh faktorov* [Depressed Towns of the Urals between the 1960s and 1980s. An Analysis of Socio-Economic and Demographic Factors]. 191 p. Chelyabinsk, Izdatelstvo CHelGU.
- Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki : Oficialnyj sajt [Federal State Statistics Service. Official Website]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (mode of access: 20.09.2015).
- Glazьев, S. U. (2012). *Sovremennaya teoriya dlinnykh voln v razvitií ekonomiki* [The Modern Theory of Long Waves in Economic Development]. In *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 2 (57), pp. 8–27.
- Lyubovny, V. (1998). *Krizisnye goroda Rossii : puti i mekhanizmy sotsial'no-ekonomicheskoy reabilitatsii i razvitiya* [Crisis Cities of Russia: Means and Mechanisms of Socio-Economic Rehabilitation and Development]. 94 p. Moscow, MONF.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1959 g. [The Population of the USSR: According to Data of the All-Union Census of 1959]. Moscow, Goskomstat, 1960.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1970 g. [The Population of the USSR: According to the Data of the All-Union Census of 1970]. Moscow, Goskomstat, 1971.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1979 g. [The Population of the USSR: According to the Data of the All-Union Census of 1979]. Moscow, Goskomstat, 1980.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. [The Population of the USSR: According to the Data of the All-Union Census of 1989]. Moscow, Goskomstat, 1990.

Neffke, F. M. H., Henning, M. and Boschma, R. (2012). The Impact of Aging and Technological Relatedness on Agglomeration Externalities: A Survival Analysis. In *J. of Economic Geography*, 12 (2), pp. 485–517.

Peres, K. (2011). *Tekhnologicheskie revolyucii i finansovyy kapital dinamika puzyrej i periodov procvetaniya* [Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Periods of Prosperity]. 323 p. Moscow, Delo.

Rowland, R. H. (1980). Declining and Stagnant Towns of the USSR. In *Soviet Geography: Rev. and Translation*, 1, pp. 195–218.

Steiner, M. (1985). Old Industrial Areas: A Theoretical Approach. In *Urban Studies*. Vol. 22, pp. 387–398.

Starodubrovskaya I. (2011) *Strategii razvitiya staropromyshlennykh gorodov : mezhdunarodnyy opyt i perspektivy v Rossii* [Strategies of Development in Traditional Industrial Cities: International Experience and Prospects in Russia] 248 p. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gajdara.

The UK Population: Past, Present And Future. URL: www.ons.gov.uk/ons/rel/ctu/annual...statistics/.../chap-15-population.xls (mode of access: 10.09.2015).

Todtling, F., Trippel, M. (2004). Like Phoenix from the Ashes? The Renewal of Clusters in Old Industrial Areas. In *Urban Studies*, Vol. 41, № 5/6, pp. 1175–1195.

Vserossiyskaya perepis naseleniya 2002 g. [National Population Census 2002]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (mode of access: 20.09.2015).

Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 g. [National Population Census 2010]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (mode of access: 20.09.2015).

The article was submitted on 17.04.2016

DOI 10.15826/qr.2017.1.212

УДК 069.444+67/68+7.03

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ И КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ДИСКУССИЯХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.*

Виталий Ананьев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

CENTRES OF ARTISANAL CULTURE: DISCUSSIONS ON PROVINCIAL ART MUSEUMS AND THE HANDICRAFT INDUSTRY IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY

Vitaly Ananiev

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article deals with the complex of issues concerning the definition of provincial art museums and industrial (applied) art museums in Russia's cultural life during the early twentieth century. A movement for aesthetic education in the late nineteenth century led to the increasing importance of decorative art and the spread of museums exhibiting such objects. The ideas of German and English art critics and museum workers were widely recognised in many countries, including Russia. In the 1910s, the role and significance of local art museums and industrial art museums in Russia pertained not only to aesthetic issues, but also economic ones. This article analyses archival materials related to the committees established at the Institute for the History of Arts (Petrograd) during the spring and summer of 1917 following the meeting of representatives of the sciences and the arts: here, the creation of a special Ministry of the Arts was discussed. One commission was devoted to the art and handicraft industry. A programmatic report was delivered by V. Ya. Kurbatov, a prominent art

* *Citation:* Ananiev, V. (2017). Centres of Artisanal Culture: Discussions on Provincial Art Museums and the Handicraft Industry in the First Quarter of the 20th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 86–98. DOI 10.15826/qr.2017.1.212.

Цитирование: Ананьев В. Centres of Artisanal Culture: Discussions on Provincial Art Museums and the Handicraft Industry in the First Quarter of the 20th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 86–98. DOI 10.15826/qr.2017.1.212 / Ананьев В. Провинциальные художественные музеи и кустарная промышленность в дискуссиях первой четверти XX в. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 86–98. DOI 10.15826/qr.2017.1.212

historian and researcher of the culture of St Petersburg. The principal propositions of the report can be analysed in the context of other speeches by the same author. In his reports, Kurbatov put forward the idea of establishing museums directly connected with the economic development of the regions rather than ones solely used to conserve and exhibit certain types of objects. He proposed the establishment of a new kind of museum – ‘museum-workshops’. Turning to similar initiatives abroad (e. g. the ideas of A. Lichtwark, a museum curator, reformer of aesthetic education, and the director of the Hamburg Kunsthalle for many consecutive years) helps us to clarify the pragmatic aspect of the project. In a sense, one can see a parallel between these projects and the attention given by the Soviet government to provincial museums, from which the authorities also hoped to receive direct economic benefits. Consequently, when it comes to issues surrounding museums, it is possible to see another dimension of the interaction between the centre and province aimed at forming a culturally homogeneous space for both the empire and the Soviet state.

Keywords: museum; museology; V. Ya. Kurbatov; art; Institute for the History of Arts.

Рассматривается комплекс вопросов, связанных с определением места провинциальных художественных и художественно-промышленных музеев в культурной жизни России начала XX в. Движение за эстетическое воспитание еще в конце XIX в. привело к повышению значения декоративно-прикладного искусства и широкому распространению музеев соответствующего типа. Идеи немецких и английских художественных критиков и музейных работников получили глубокое признание во многих странах. В России неоднократно в 1910-е гг. роль и значение местных художественных и художественно-промышленных музеев рассматривались в контексте не только эстетических, но и экономических вопросов, которые анализируются на основе архивных материалов, связанных с работой ряда комиссий при Институте истории искусств (Петроград) весной-летом 1917 г. Одна из таких комиссий была посвящена художественной промышленности и кустарному делу. Программный доклад о ее задачах сделал историк искусства и исследователь культуры Петербурга В. Я. Курбатов. Его основные положения рассматриваются в контексте других выступлений того же автора. В докладах выдвигалась идея создания музеев, занятых не только хранением и презентацией определенного типа предметов, но и связанных с экономическим развитием региона. Предлагалось создание нового рода музеев – «музеев-мастерских». Обращение к иностранным параллелям (идеям немецкого музейного деятеля и реформатора системы эстетического воспитания, многолетнего директора Гамбургского художественного музея А. Лихтварка) позволяет уточнить прагматический аспект проектов. Можно увидеть параллель между этими проектами и тем вниманием, которое уделяла провинциальным музеям советская власть, также связывавшая экономическую выгоду

с деятельностью музеев. В музейной проблематике отразился процесс взаимодействия центра и провинции, на уровне культуры формировавшей гомогенное пространство как империи, так и советского государства.

Ключевые слова: музей; музеология; В. Я. Курбатов; искусство; Институт истории искусств.

К рубежу XIX–XX вв. местные музеи стали характерным явлением культурной жизни русской провинции. Наряду с комплексными собраниями, значительное распространение в этот период получили музеи художественные и художественно-промышленные, что было проявлением активизировавшейся после Великих реформ художественной компоненты общественной жизни страны. Кроме того, в этом сказывалась характерная для многих капиталистических государств того времени тенденция к развитию эстетического воспитания и повышению значимости промышленного/декоративно-прикладного искусства. Количественный рост музеев ставил на повестку дня вопрос их унификации и превращения разрозненного конгломерата отдельных институтов в единую музейную сеть; начинали обсуждаться вопросы о целях и задачах музейного института, его месте в жизни современного общества. Провинциальные музеи добавляли к этому набору вопросов еще и проблематику взаимодействия центра и провинции, локального и общего. Материалы нескольких проектов 1910-х гг. в совокупности с аутентичными источниками и рядом прежде не привлекавших внимание исследователей архивных документов раскрывают то, как этот комплекс вопросов осмысливался представителями русского просвещенного общества, как был связан с иностранными культурными течениями и как местные художественные/художественно-промышленные музеи оказывались контактной зоной для эстетических, политических и экономических интересов эпохи.

7 марта 1917 г. в Петрограде в помещении Института истории искусств было созвано совещание деятелей искусства и науки, посвященное вопросу организации особого художественного ведомства. С докладом от имени совета института выступил В. Я. Курбатов (1878–1957). Химик по образованию, он в 1890-е гг. сблизился с кругом авторов журнала «Мир искусства», активно печатался в художественно-исторических журналах и был одним из первых, кто на рубеже XIX–XX вв. приступил к научному изучению Санкт-Петербурга и его окрестностей. Вскоре доклад был напечатан за счет института на правах рукописи под названием «Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств?» (типография «Двигатель», тираж 500 экз.). Учреждение такового ведомства признавалось Курбатовым «безусловной государственной необходимостью». Цель доклада заключалась в том, чтобы выявить основания этой необходимости, задачи будущего ведомства и некоторые приемы его работы [Необходимо ли..., с. 3].

Центральное место в докладе занимали проблемы кустарной художественной промышленности, экономического значения развития провинциальных центров и создания соответствующих музеев. Проблемы эти объявлялись тем более важными, что, по мнению Курбатова, государственная политика по ознакомлению кустарей «с сомнительными западноевропейскими образцами 80–90-х годов» привела к тому, что «непосредственное художественное творчество народа» оказалось почти полностью убито [Там же, с. 4–5].

Музеям здесь отводилась особая роль. Курбатов оговаривал необходимость создания четырех-пяти художественных центров в Европейской России и двух-трех в Сибири. Для ознакомления с произведениями искусства более широких масс необходимым признавалось создание передвижных музеев и выставок, представляющих как подлинные произведения искусства, так и копии. В каждом городе и каждой области должны были быть созданы музеи, в которых «будут сосредоточены и образцы местного народного творчества (кустарные производства)». Установление связи между ними, обмен, а также передача отдельных «особо выдающихся предметов» в центральные музеи входили в число базовых функций проектируемого министерства [Там же, с. 18]. Таким образом, наряду с заботой о музеях и охране памятников, поддержанием театрального и музыкального искусства, а также иными вопросами актуальной художественной жизни особое ведомство должно было заботиться о возрождении «непосредственного художественного творчества народа», инструментом же такого возрождения должны были стать местные художественно-промышленные музеи.

По итогам совещания была составлена комиссия для разработки вопросов, относящихся к организации самостоятельного ведомства изящных искусств. Ее первое заседание состоялось 10 марта 1917 г. Собравшиеся не ограничились формулированием мотивировки, но решили подготовить и проект временной организации ведомства, «осуществимой еще в условиях переходного времени». Постановили вести работу по семи подкомиссиям, одна из которых была посвящена художественной промышленности и кустарному делу. Предполагалось, что такие подкомиссии подготовят доклады по своей проблематике, которые могли бы в дальнейшем служить «собранию и критической проверке фактических данных и доводов в пользу или против учреждения самостоятельного ведомства искусств» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 107 об.].

На повестку дня была поставлена актуальная для рубежа веков проблема музеев промышленного или декоративно-прикладного искусства и их значения для развития художественной промышленности. Этот вопрос уже затрагивался в рамках заседаний подкомиссии по музейному делу и охране памятников. К присланному из Москвы докладу «Российский исторический музей. Его задания и желательные реформы», составленному советом этого музея [Там же. Д. 8. Л. 1–10 об.], приложено было «Особое мнение хранителя музея

Е. Ф. Корша» о функциях этого учреждения. В нем наряду с двумя базовыми, сформулированными в докладе совета как общеобразовательная и специально-научная, выделялась и третья функция, которую Е. Ф. Корш определял следующим образом: «служить целям эстетического воспитания масс в области бытового искусства», быть «источником проникновения в быт масс эстетического начала и содействовать развитию отечественной художественной промышленности». В качестве примера флагмана такой деятельности он приводил Германию, которая «в последние двадцать лет приспособила прежние хранилища для этой цели и организовала целую сеть новых музеев прикладного искусства на местах». Поэтому и за историческим музеем должна была быть закреплена еще и функция музея русского бытового искусства [ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–12].

Но в центре внимания эта проблема оказалась на заседаниях подкомиссии художественной промышленности и кустарного дела. Программный доклад на тему «О постановке художественной промышленности и кустарного дела в России» в соответствующей подкомиссии подготовил А. Ф. Гауш, художник и первый хранитель Музея Старого Петербурга [Там же. Д. 7. Л. 65–76].

Аргументируя необходимость создания специализированного ведомства искусств, Гауш подчеркивал его значение для художественной промышленности. Он замечал, что многие утверждают, будто «свободное искусство не нуждается в опеке, что оно, напротив, всегда идет вразрез со всякими установившимися формами и традициями, революционным путем», то есть многие критикуют проект создания министерства искусств. Для художественной же промышленности и кустарного дела все наоборот, им, по мысли Гауша, «безусловно, более чем желательно если не учреждение целого обширного и громоздкого ведомства, то, во всяком случае, для учебного процветания художественной промышленности необходимо какое-то объединяющее все мероприятия начало» [Там же. Л. 65]. Это «объединяющее начало» оказывается самым непосредственным образом связано с музеями, так как при каждой школе-мастерской «для поднятия общего вкуса и художественного чутья» должны быть созданы музей и библиотека [Там же. Л. 69].

Определяя основной залог успеха в развитии кустарного дела, Гауш прямо утверждает: «музеи и сбыт – вот в чем нуждается кустарь, вот о чем в первую голову надо позаботиться, если мы желаем принести действительную, настоящую пользу народному творчеству» [Там же. Л. 75]. Поэтому и основное его конкретное предложение сводится к учреждению в стране «музеев-мастерских»: «В местах существующих художественных промыслов, а также и в тех, где таковые могли бы возникнуть, учреждаются мастерские для всех занимающихся и желающих заняться промыслом без различия пола, возраста и ценза. Эти мастерские должны быть оборудованы возможно полнее, во главе их должны стоять хорошие техники, основательно знающие свое дело» [Там же. Л. 76]. Недвусмысленно здесь была сформулиро-

вана идея создания не просто музеев, занятых хранением и презентацией определенного типа предметов, но музеев, напрямую связанных с экономическим развитием региона. «Музеи-мастерские» как новый тип местного музейного института воплощали то самое начало, которое соединяло в риторике Гауша два таких, казалось бы, различных понятия, как «музеи» и «сбыт». Впрочем, понимая всю сложность и, вероятно, осознавая важность такого предложения, Гауш оговаривает: «Ввиду, однако, важности этого вопроса мы выделяем его в особый доклад» [Там же. Л. 69].

Не случайно, что такой доклад подготовил не кто-нибудь, а уже упоминавшийся В. Я. Курбатов. В его проекте ведомства изящных искусств, как было показано выше, проблематика промышленного искусства занимала весьма существенное место. Интерес автора доклада к вопросу взаимосвязи местного художественного музея и современной культуры имел более глубокие исторические корни. Для того чтобы верно понять идеи Курбатова 1917 г., следует вспомнить проблемы, обсуждавшиеся на Всероссийском съезде художников, проходившем в Санкт-Петербурге зимой 1911–1912 гг.

Вопросы музейного дела рассматривались на этом съезде в контексте общей проблемы эстетического воспитания и вызвали достаточно оживленные дискуссии. Курбатов выступил с докладом «Об устройстве провинциальных художественных музеев», который своим пионерским характером предугадал некоторые практики музейного строительства, характерные для значительно более позднего времени (1950–1960-х гг.), да и тогда воспринимавшиеся как смелое новаторство [Курбатов, с. 24–26].

Развитие музейного дела во второй половине XIX в. имело, по мнению Курбатова, как положительную, так и отрицательную стороны. Положительным было то, что благодаря концентрации в музеях значительного количества произведений искусства удалось достичь существенных успехов в развитии истории искусства как особого направления научных исследований. Отрицательным – то, что это привело к определенному отрыву искусства от жизни: «хорошие произведения искусства создаются для музеев и сейчас же туда переходят... дальнейшие поколения работают по чужим образцам, которые спрятаны так далеко, что с ними нельзя иметь дело в жизни» [Там же, с. 24]. Кроме того, наметилась определенная диспропорция между столичными и провинциальными музеями: первые были перегружены предметами, вторые зачастую страдали от их недостатка. А ведь это было особенно важно в связи с тем, что между этими двумя категориями музеев существует определенное функциональное различие: провинциальные музеи, помимо функции хранения произведений искусства, должны еще «исполнять функцию рассадников искусств», оказывая непосредственное влияние на актуальную художественную жизнь. Единственный возможный выход из создавшейся кризисной ситуации Курбатов видел в создании музеев особого типа – «музеев воспроизведений» [Там же, с. 25].

При этом речь идет не о простых копиях, которые с середины XIX в. стали вполне традиционным элементом музейного ландшафта, позволяющим выстраивать линейные и целостные нарративы истории искусства [Schreiter, p. 31–43], а о механических техниках воспроизведения, «которых имеется в большом количестве и которые с каждым днем совершенствуются» [Курбатов, с. 25]. Вероятно, речь в данном случае идет о фотокопиях разного рода, что было безусловным новшеством для музейного мира того времени.

Техника фотографии стала применяться в музеях с середины 1850-х гг., когда по инициативе принца-консорта Альберта начал осуществляться масштабный международный проект «Рафаэль», целью которого было получение фотоснимков всех хранящихся в музейных или частных собраниях работ прославленного итальянского художника. Подобное собрание фотокопий в первую очередь рассматривалось как важное средство для развития искусствоведческих исследований. Впервые ученые получали возможность сравнивать и анализировать работы мастера не по памяти, а с опорой на точный копийный материал [Peters, p. 46]. Очень скоро фотографии стали применяться и в коммерческих целях – в продажу поступали папки с фотолистами, изображавшими те или иные музейные предметы, фотографиями стали иллюстрировать каталоги и путеводители. В качестве самостоятельного объекта показа фотография – в первую очередь любительская – также проникает в музейное пространство. Выставки такого рода в 1890-е гг. были одним из новшеств прославленного немецкого музейного деятеля, одного из создателей музейной педагогики Альфреда Лихтварка (см. об этом: [Jenkins, p. 64]). Идеи Лихтварка восходили к тому же самому истоку, что и начинания принца Альберта, – к базовым постулатам получившего широкое распространение в Германии движения за эстетическое воспитание [Fishman], близкого сформировавшейся в Великобритании Южно-Кенсингтонской школе, самыми известными представителями которой были У. Моррис и Д. Рескин [Pevsner; Stankiewicz].

Едва ли будет преувеличением утверждать, что к началу XX в. фотография занимала весьма существенное место как в научно-исследовательской, так и в просветительской деятельности музеев. При этом, однако, особая эмансипирующая роль фотографии в деле распространения искусства была сопряжена с определенным подозрением к ее механическому характеру. Наиболее полно это подозрение выразил уже в 1930-е гг. в своем знаменитом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Вальтер Беньямин, указавший на отсутствие у фотографии особой ауры, присущей «однократным» произведениям искусства [Беньямин].

Вероятно, именно это отсутствие ауры и не позволяло фотографии как «воспроизведению» занять прочное место в музейном пространстве. Лишь в 1950-е гг. по инициативе Андре Мальро, бывшего тогда министром культуры Франции, начала реализовываться новая практи-

ка централизованной передачи в провинциальные музеи выполненных в натуральную величину репродукций знаменитых картин европейского канона [Базен, с. 284]. По сути, это было попыткой реализовать то самое начинание, о котором в 1911 г. и говорил Курбатов. Таким образом, уже сам подход Курбатова к пониманию специфики экспонатов, необходимых для провинциальных музеев, был достаточно небанален.

Помимо самой идеи использования фотокопий в качестве музейных предметов, Курбатов предложил в докладе и определенный принцип действия таких музеев. По его мысли, необходимо было создавать центральные комиссии, состоящие из компетентных лиц, которые могли бы разрабатывать программу формирования визуального ряда для каждого из таких музеев и способствовать налаживанию обмена экспонатами между ними. Последнее было особенно важно, так как одним «из главных недостатков не только провинциальных, но крупных музеев» Курбатовым признавалась «их известная безжизненность» [Курбатов, с. 26]. Таким образом, задача формирования визуального ряда будущего музея казалась настолько важной, что для ее реализации требовалось создание особого органа. С чем это было связано? Вероятно, с тем, что этот визуальный ряд должен был воплощать собой некий установленный канон искусства, тем самым проецируя на провинцию определенный сконструированный в центре авторизованный дискурс. Музеи наделялись весьма важной функцией направления и формирования актуальных тенденций художественной жизни. Постоянный обмен между музеями должен был еще больше способствовать эффективности данной политики.

Предложение Курбатова оказалось достаточно радикальным для своего времени. С одной стороны, само значение музеев как действенных инструментов трансляции заданного дискурса не было еще до конца осознано. С другой, музеи, целиком состоящие из воспроизведений, если они не были связаны с учебными заведениями, воспринимались как нечто весьма неожиданное и даже подозрительное. И то, и другое нашло отражение в критике курбатовского подхода, с которой в прениях по докладу выступил, в частности, профессор Харьковского университета Н. Ф. Сумцов, заявивший: «Если бы ограничились наши желания копиями, то этим самым подорвали бы значение и авторитет провинциальных музеев» [Там же]. По его мысли, важно было популяризировать идею о музеях не только как о собраниях произведений искусства, но и как о «целях известного рода художественного образования, чтобы это были не только музеи, но и художественные школы и общества любителей искусства», при этом также чтобы музеи «имели особенную ценность для того края, в котором находятся» [Там же].

Идеи Курбатова не были реализованы, но они отчасти совпадали с общим мнением о роли музеев в деле художественного воспитания и развития промышленного искусства, высказанным участниками съезда. Например, в докладе А. А. Карелина «Условия устройства и бытия городских художественных и исторических музеев» утверж-

далось, что необходимо дополнить собрания изящного искусства в провинциальных музеях собраниями искусства декоративно-прикладного, что только и даст возможность демонстрации «полного объема души русского искусства». В противном случае в провинции будут прозябать бесполезные музеи «эрмитажного типа» [Курбатов, с. 21].

Как видим, к 1917 г. значение музеев в деле эмансипации искусства, развития современной художественной жизни, поддержки актуального кустарного производства уже становилось предметом оживленных дебатов, в которых и сам Курбатов принимал активное участие. Все это не могло не сказаться на подготовленном им весной-летом 1917 г. докладе, получившем название «О необходимости музеев для развития художественной промышленности» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 37–43. Машинопись. Л. 44–64. Автограф с подписью].

Начинает свой доклад Курбатов с характеристики практической значимости музеев такого рода в современных экономических условиях: «После войны все страны Западной Европы и Америка могут выбросить на рынок изобилие дешевых и будто бы художественных изделий, да и Россия будет иметь достаточное количество точных станков. Однако борьба с западными странами явилась бы для России почти безнадежной, если бы не вероятность в ближайшем будущем требования художественности как от предметов роскоши, так и от самых дешевых предметов обихода. Это требование назревало уже давно, но задерживалось представлением, что художественное произведение может быть выполнено по образцам былых эпох» [Там же. Л. 37]. Автор, предлагая общий обзор развития стиля в Германии, Франции и Англии, отмечает, что в России «единственными серьезными попытками» установить «художественное производство нового типа является мамонтовское предприятие в Абрамцево» [Там же. Л. 38].

Экономический фактор в развитии декоративно-прикладного искусства в целом и практик его музеефикации в частности занимал существенное место в размышлениях реформаторов эстетического воспитания и музейного дела рубежа XIX–XX вв. Тот же самый А. Лихтварк прямо связывал повышение эстетических стандартов общества, совершенствование художественных качеств предметов декоративно-прикладного искусства, формирующих для большинства людей первичный опыт восприятия прекрасного (или, как он это называл, «культуру повседневной жизни» [Jenkins, p. 61]), и экономические выгоды, связанные с ростом конкурентоспособности национальной продукции [Ibid., p. 66–67]¹. Возможный импульс для этого искали в разных источниках.

Наряду с попытками найти новые формы, предпринимались и попытки «возродить кустарное искусство, владеющее секретами векового мастерства». В центральных странах Европы этот источник,

¹ А. Лихтварк, например, утверждал, что Великобритания и США не только вытеснили Германию с иностранного рынка, но с 1890-х гг. сами вторглись на ее внутренний рынок, который следовало защищать всеми силами (цит. по: [Jenkins, p. 68, n. 107]). Он даже читал лекции на тему «Искусство как экономическая сила нации» [Ibid., p. 63].

по мнению Курбатова, иссяк, но он есть в Италии, южнославянских и северных странах. Особенно же в России – «запасы художественного чутья и знаний в народе велики, нужно только их вызвать». Кустарей необходимо учить «только технике производства, и только дать возможность для развития художественного чутья». Для второй цели необходимы школы, «где бы учили умению держать кисть, класть краски, лепить и достигать желаемого художниками эффекта». Основной обучения здесь должна была стать работа учеников с учителем в одной мастерской [ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 38].

Для усовершенствования индивидуальной творческой манеры мастерам необходимо «видеть совершенные образцы производства, как былых времен, так и современных». Отсюда понятным становится и значение музеев, для которых необходимо отбирать образцы, во-первых, «применимые в жизни», а, во-вторых, «технически и художественно вполне совершенные» [Там же. Л. 40]. По мысли докладчика, музейная деятельность должна быть непосредственно связана с современным производством в масштабах всей страны, поэтому речь в докладе идет о продуманной сети, включающей в себя три уровня: местные, областные и центральные музеи.

Начинает Курбатов с музеев местных, которые могут состоять из подлинников и копий, но должны иметь специфические наборы экспонатов: в местности, где развита керамическая промышленность, музейный фонд должен получить набор сервизной посуды английских фабрик, мавританскую, родосскую майолику и т. п. В местности, где действует стекольное производство, – английский хрусталь, старый сервизный хрусталь Нечаева-Мальцова, «стекло дешевое» и т. п. То же для ювелирного производства, мебели и ткачества [Там же. Л. 41].

В каждом местном музее должно быть четыре отдела: 1) чисто художественный, состоящий из копий, хотя бы технических, картин и слепков скульптуры; 2) специальный – из вещей того типа, который характерен для производства данного региона; 3) отчетный – из предметов, созданных в данной местности, где они могли бы и продаваться; 4) дополнительный («из художественных или примечательных произведений промышленности, найденных в данной местности, но не заслуживающих к помещению в отделы 1 и 2») [Там же. Л. 42].

Затем Курбатов переходит к музеям областным. Для них характерна та же самая четырехчастная структура, однако принцип комплектации их фондов несколько отличается. Они должны формироваться уже применительно ко всем разделам искусства и художественной промышленности. Для обмена с местными музеями у них должны быть значительные запасы в первом и втором отделах. Из четвертых отделов местных музеев в областные через десять лет должны переноситься все предметы, «не имеющие местного значения, и особенно могущие вызвать неправильные подражания» [Там же].

Наконец, центральных музеев должно быть семь-десять на всю страну. Это музеи, «состоящие из оригиналов, по возможности

произведений художественной промышленности всех времен и народов». Кроме четырех вышеперечисленных, в них должен быть еще один отдел, «осведомительный», «в который специально командированными лицами должны приобретаться каждый год образцы новых художественных приемов художественной промышленности в России и за границей... из этого отдела образцы рассылаются в отделы 2 местных музеев» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7].

Взаимодействие между музеями не должно ограничиваться регулярным перемещением части их собраний. Курбатов осознает важность постоянного контакта между различными элементами формирующейся системы. Реализуется этот контакт посредством той формы коммуникации, которая к началу XX в. была наиболее привычной для научного и культурного сообщества, – съездов. Музеи данной области не менее раза в год устраивают областной съезд для обмена экспонатами и «для установления задач, выполняемых для них областными музеями». Областные музеи «объединяются около центрального при помощи таких же съездов, главная цель которых – выбор представителей для закупки образцов за границей». При каждом музее действуют специализированная библиотека, архив, фото-мастерская и аудитория для чтения [Там же. Л. 43].

Как видим, проблематика развития местных музеев, стимулирования кустарной художественной промышленности и упрочения экономического благосостояния страны связывались в России 1910-х гг. в единый комплекс и, вероятно, находились в русле общеевропейских (а если вспомнить активистскую деятельность многолетнего директора Ньюаркского публичного музея, поборника развития не только национального промышленного искусства, но и «полезных музеев» Джона Коттона Даны, и общемировых) тенденций эпохи [Shales]. Здесь в музейной проблематике вполне можно увидеть еще одно измерение сложного многогранного процесса взаимодействия центра и провинции, на уровне культуры формирующего гомогенное пространство имперской карты. Эксплицитно не выраженные в русских проектах, эти «большие проблемы» напрямую проговаривались, например, тем же самым А. Лихтварком, с опытом которого просвещенная русская публика начала XX в. была хорошо знакома и у которого даже на уровне риторики можно обнаружить достаточно много общего с российскими проектами. Достаточно сравнить критику Курбатовым «безжизненности» музеев со словами Лихтварка: «Нам не нужен музей, который сидит и ждет, скорее нам нужен институт, который активно вторгается в художественное образование нашего населения» (цит. по: [Jenkins, p. 62])². Как отмечает Д. Дженкинс, весь этот проект был связан с «необходимостью возрождения локальных и региональных культур, для того чтобы создать аутентичное и жизнеспособное национальное сообщество» [Ibid., p. 61], ведь эстетическое воспитание создает наборы норм и ценностей, связывающих сообще-

² Перевод автора статьи. – В. А.

ство воедино, а музеи как раз и оказываются теми самыми институтами, которые могли бы формировать и направлять этот процесс [Ibid., p. 65]. Особенно велико здесь значение именно небольших провинциальных музеев, являющихся «подходящими социальными механизмами для создания все больших и больших сообществ» [Ibid.].

Формирование эстетического канона посредством фотовоспроизведений и развитие в провинции кустарной художественной промышленности были двумя возможными путями использования локальных музеев в рамках вполне практикоориентированного эстетического проекта 1910-х гг. События Октябрьской революции не позволили этим начинаниям не только полностью воплотиться в жизнь, но и получить дальнейшее теоретическое осмысление. Вместе с тем, значение локальных музеев и возможность их использования в идеологических и экономических целях очень скоро были осознаны и новой властью, что нашло отражение в широком распространении краеведческих музеев, всегда пользовавшихся особым вниманием партии и правительства. Методы 1920-х и особенно 1930-х гг. значительно отличались от того, что предлагали дореволюционные деятели, но определенная преемственность базового вектора, вероятно, может быть прослежена.

Список литературы

Базен Ж. История истории искусств от Вазари до наших дней. М. : Прогресс-Культура, 1995. 240 с.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Учение о подобии : Медиаэстетические произведения. М. : РГГУ, 2012. С. 190–234.

Карелин А. А. Условия устройства и бытия городских художественных и исторических музеев // Тр. всерос. съезда художников в Петрограде, дек. 1911 – янв. 1912 : в 3 т. Пг. : Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, Б. г. Т. 3. С. 18–24.

Курбатов В. Я. Об устройстве провинциальных художественных музеев // Тр. всерос. съезда художников в Петрограде, дек. 1911 – янв. 1912 : в 3 т. Пг. : Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, Б. г. Т. 3. С. 24–26.

Необходимо ли самостоятельное ведомство изящных искусств? : доклад В. Я. Курбатова, прочитанный по поручению совета Института истории искусств на совещании деятелей искусства 7 марта 1917 года. Пг. : Двигатель, 1917. 25 с.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 82.

Fishman S. Alfred Lichtwark and the Founding of the German Art Education Movement // History of Educ. Quarterly. 1966. Vol. 6, № 4. P. 3–17.

Jenkins J. Provincial Modernity : Local Culture & Liberal Politics in Fin-de-siècle Hamburg. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 2003. 352 p.

Peters D. Reproduced Art : Early Photographic Campaigns in European Collections // The Museum is Open : Towards a Transnational History of Museums 1750–1940 / Ed. by A. Meyer, B. Savoy. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. P. 45–57.

Pevsner N. Pioneers of Modern Design : From William Morris to Walter Gropius. L. : Penguin ; N. Ed., 1991. 257 p.

Schreier Ch. Competition, Exchange, Comparison : Nineteenth-Century Cast Museums in Transnational Perspective // The Museum is Open : Towards a Transnational History of Museums 1750–1940 / Ed. by A. Meyer, B. Savoy. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. P. 31–43.

Shales E. Made in Newark : Cultivating Industrial Arts and Civic Identity in the Progressive Era. N. Brunswick ; N. Jersey ; L. : Rivergate Books, 2010. 322 p.

Stankiewicz M. A. From the Aesthetic Movement to the Arts and Crafts Movement // Studies in Art Education. Vol. 33, No. 3 (Spring, 1992). P. 165–173.

References

Bazin, G. (1995). *Istorija istorii iskusstv ot Vazari do nashikh dney* [The History of Art History from Vasari to the Present] 240 p. Moscow, Progress-Kul'tura.

Benjamin, W. *Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnikeskoy vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction]. In Benjamin, W. *Uchenie o podobii : Medijesteticheskie proizvedenija* [On Mimesis: Media-Aesthetic Works]. Moscow : RGGU, 2012, pp. 190–234.

TsGALI [St Peterburg Central State Archive of Literature and Art]. F 82.

Fishman, S. (1966). Alfred Lichtwark and the Founding of the German Art Education Movement. In *History of Education Quarterly*, Vol. 6, № 4, pp. 3–17.

Jenkins, J. (2003). *Provincial Modernity : Local Culture & Liberal Politics in Fin-de-siècle Hamburg*. 352 p. Ithaca, L., Cornell Univ. Press.

Karelin, A. A. (S. d.). Usloviya ustroystva i bytiya gorodskikh khudozhestvennykh i istoricheskikh muzeev [Conditions for the Establishment and Function of City Museums of Art and History]. In *Trudy vserossiyskogo s'ezda khudozhnikov v Petrograde, dekabr' 1911 – janvar' 1912 : v 3 t.* [The Proceedings of the All-Russian Council of Artists in Petrograd, Dec. 1911–Jan. 1912]. Petrograd, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, Vol. 3, pp. 18–24.

Kurbatov, V. Ya. (S. d.). Ob ustroystve provincial'nykh khudozhestvennykh muzeev [On the Establishment of Provincial Museums of Art] In *Trudy vserossiyskogo s'ezda khudozhnikov v Petrograde, dekabr' 1911 – janvar' 1912* [The Proceedings of the All-Russian Council of Artists in Petrograd, Dec. 1911 – Jan. 1912]. Petrograd, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, Vol. 3, pp. 24–26.

Neobkhodimo li samostojatel'noe vedomstvo izyashchnykh iskusstv? Doklad V. Ja. Kurbatova, pročitanny po porucheniyu Soveta Instituta istorii iskusstv na soveshchaniy deyatelay iskusstva 7 marta 1917 goda [Is there a Need for a Special Agency for the Fine Arts? Report of V. Ja. Kurbatov, Delivered at the Request of the Council of the Institute for Art History during the Meeting of Artists, 7 March 1917]. 25 p. Petrograd, Dvigatel', 1917.

Peters, D. (2014). Reproduced Art. Early Photographic Campaigns in European Collections. In *The Museum is Open. Towards a Transnational History of Museums 1750–1940*. Ed. by A. Meyer, B. Savoy. Berlin, Boston, De Gruyter. pp. 45–57.

Pevsner, N. (1991). *Pioneers of Modern Design: From William Morris to Walter Gropius*. 257 p. L., Penguin, N. Ed.

Schreiter, Ch. (2014). Competition, Exchange, Comparison : Nineteenth-Century Cast Museums in Transnational Perspective. In *The Museum is Open. Towards a Transnational History of Museums 1750–1940* / Ed. by A. Meyer, B. Savoy. Berlin, Boston, De Gruyter, pp. 31–43.

Shales, E. (2010). *Made in Newark: Cultivating Industrial Arts and Civic Identity in the Progressive Era*. 322 p. N. Brunswick, N. Jersey, L., Rivergate Books.

Stankiewicz, M. A. (1992). From the Aesthetic Movement to the Arts and Crafts Movement. In *Studies in Art Education*, Vol. 33, No. 3 (Spring), pp. 165–173.

The article was submitted on 27.05.2016

DOI 10.15826/qr.2017.1.213

УДК 72.033(476)+728.82(476)+728.81(476)

ЗАМКОВО-ДВОРЦОВЫЕ АНСАМБЛИ БЕЛОРУССКОЙ ЗНАТИ XIV–XVII вв.: ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ*

Евгений Килимник

Уральский государственный горный университет,
Уральский государственный
архитектурно-художественный университет,
Екатеринбург, Россия

Анна Дмитриева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE CASTLE COMPLEXES OF THE BELARUSIAN NOBILITY BETWEEN THE 14th AND THE 17th CENTURIES: EUROPEAN INFLUENCE AND REGIONAL TRADITIONS

Evgeny Kilimnik

Ural State Mining University,
Ural State University of Architecture and Art,
Yekaterinburg, Russia

Anna Dmitrieva

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article studies the architectural peculiarities of the castle complexes that emerged in the Middle Ages in Belarus. It describes the common and individual architectural features of these feudal castles, outlining the extent of the cultural influence of Western European architectural traditions (for instance, the borrowing

* *Citation:* Kilimnik, E., Dmitrieva, A. (2017). The Castle Complexes of the Belarusian Nobility between the 14th and the 17th Centuries: European Influence and Regional Traditions. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 99–108. DOI 10.15826/qr.2017.1.213.

Цитирование: Kilimnik E., Dmitrieva, A. The Castle Complexes of the Belarusian Nobility between the 14th and the 17th Centuries: European Influence and Regional Traditions // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 99–108. DOI 10.15826/qr.2017.1.213 / *Килимник Е., Дмитриева А.* Замокво-дворцовые ансамбли белорусской знати XIV–XVII вв.: европейское влияние и региональные традиции // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 99–108. DOI 10.15826/qr.2017.1.213

of Polish techniques of castle construction as well as those of the Teutonic Order). It is established that, on the one hand, the architecture of Belarusian defensive castle complexes of the 14th–17th centuries was traditionally based on construction principles introduced by European medieval culture. However, on the other hand, such architecture is characterised by different local technologies used when building the inner parts of towers and the use of three-layer masonry. While they are characterised by a coherent spatial approach, some towers of a number of Belarusian castles have their own architectural peculiarities: their lower tetrahedral part becomes an octahedron closer to the top of the tower at different heights, and there is a slight narrowing of this part compared to the base. An analysis of the architectural techniques of medieval monuments demonstrates that there are a variety of plastered decorative niches and ornamental belts on the facades of the castles, reflecting traditional masonry techniques in local architecture. The national Belarusian art of fortification construction was enriched by a more advanced Western European defensive system, i.e. stone keeps used for residential purposes. Owing to the building experience and the cultural and historical traditions of fortification construction of European knights, the Belarusian region learnt about a new type of a Western European castle borrowed in the 12th century from ancient Roman and Byzantine military architecture. Local masters of the regions of Greater Poland and the lands of the Teutonic Order started employing the new composition of castles in the 14th and 15th centuries. During the 16th and 17th centuries, the aforementioned type of castles was further developed in Belarus thanks to the new military achievements of French and Italian fortifiers and the introduction of the Belarusian nobility to advances in Western European defensive theory.

Keywords: Middle Ages; Belarus; knightly culture; defensive castles; formmaking; architectural traditions; Western Europe.

Рассмотрены особенности архитектурных форм замковых комплексов, возникших в Средневековье на территории Белоруссии. Определено общее и особенное в формообразовании феодальных замков, очерчено культурное влияние строительных традиций Западной Европы, в частности, заимствование польских особенностей замкового зодчества и строительных технологий Тевтонского ордена. Установлено, что, с одной стороны, архитектура белорусских оборонительных замково-дворцовых комплексов XIV–XVII вв. традиционно базировалась на строительных принципах, привнесенных в белорусские земли европейской средневековой культурой, с другой – присутствуют отличные от западноевропейских местные технологии возведения внутрибашенных помещений и использование при строительстве трехслойной кладки. При едином объемно-пространственном решении башни ряда белорусских замков имеют свои архитектурные особенности: нижняя четырехгранная часть переходит на разной высоте вверху в восьмигранник, слегка уменьшаясь в объеме. Анализ архитектуры памятников средневекового зодчества показывает, что на фасадах башен замковых комплексов чередуются разные по форме и величине оштукатуренные декоративные ниши и орнаментальные пояса, вобравшие в себя традици-

онные приемы местного каменного зодчества. В национальное белорусское искусство создания фортификаций была привнесена более совершенная система западноевропейской защиты – башни-донжоны с жилыми функциями. Благодаря строительному опыту и культурно-историческим традициям создания фортификаций европейским рыцарством в белорусском регионе познакомились с новым типом западноевропейского замка – кастелом, который был заимствован рыцарями европейского запада (XII в.) из исторического наследия античной римско-византийской военной архитектуры. Новая композиция замка была освоена в XIV–XV вв. местными мастерами-строителями из регионов Великой Польши и земель Тевтонского ордена. В XVI–XVII вв. этот тип замка получил в Белоруссии особенно активное развитие на основе апробированных в боевых условиях практических достижений французских и итальянских мастеров-фортификаторов и знакомства белорусской знати с достижениями западноевропейской оборонной теории.

Ключевые слова: Средневековье; Белоруссия; рыцарская культура; оборонные замки; формообразование; архитектурные традиции; Западная Европа.

В уникальных по своему объемно-планировочному исполнению и композиционному решению замково-дворцовых ансамблях XIV–XVII вв. преломились традиции рыцарской Европы и обычаи белорусского народа. Феодальные замки, эти молчаливые воины Средневековья, Возрождения и начала Нового времени, сфокусировавшие в себе многовековую информацию, являются сегодня феноменом белорусской и европейской культуры, занимая определяющее место в системе нашего национального наследия. Важно установить место общеевропейского влияния и национальных особенностей в эволюции архитектурных форм феодальных замков XIV–XVII вв., расположенных в белорусских землях. В ходе искусствоведческого анализа авторами затронуты вопросы историко-художественной значимости феодальных оборонительных замков в белорусской культуре и предложена архитектурно-историческая классификация форм, бытовавших в этом средневековом регионе Восточной Европы замково-дворцовых ансамблей белорусской феодальной знати.

Эволюция оборонительной архитектуры феодальных замков в Белоруссии

В начальный период эволюции форм замкового зодчества XIII – первой трети XIV в. на землях Великого княжества Литовского и Русского с его региональными культурно-историческими традициями определяющими оставались русинские архитектурно-художественные обычаи XI–XII вв., продиктованные природно-ландшафтными особенностями Киевского раннефеодального государства. Они про-

являлись при создании мастерами-градостроителями нерегулярной схемы и застройки раннефеодальных высотных укрепленных поселений, возводившихся в этом регионе из дерева и усиливавшихся для большей безопасности дозорными оборонительными башнями, расположенными в цепи стен около входа.

В последней трети XIII в. белорусско-литовской знатью Великого княжества Литовского и Русского при возведении крепостных построек, выполненных в башенном или донжонном замковом стиле, начинают применяться новые для этого региона культурно-строительные приемы и традиции феодального замкового зодчества Западной Европы (см. об этом, например: [Ritter])¹. На архитектурно-художественный облик оборонительных сооружений решающее влияние оказали изменения в стратегии и тактике ведения войны в этом регионе Восточной Европы, развитие военной техники, особенности фортификационных построек, возводившихся в соседних государствах и заимствованных местными мастерами-устроителями. Сооружение замковых комплексов было вызвано необходимостью постоянной защиты от участвовавших опустошительных набегов рыцарей Тевтонского ордена с северо-запада, польских рыцарских отрядов с запада; южные земли княжества находились под постоянной угрозой татаро-монгольского нашествия.

Прежде всего модернизация крепостей проявилась в структуре башнеобразных феодальных построек XIII в. Создание каменных белорусских феодальных укреплений, выполненных в стиле башенно-донжонных замков Западной Европы, испытывало на себе влияние традиций замкостроения средневековой Венгрии, где был широко распространен прямоугольный вариант башенного замка [Kilimnik]. Этому способствовали тесные династические связи галицких и волыньских князей с венгерским двором, распространившим в эпоху польско-венгерского короля Лайоша Великого свое политическое влияние на Галицкие земли. Наиболее ранней каменной оборонительной постройкой в средневековых землях Белоруссии является «Белая вежа» в г. Каменец (Белоруссия). Сведения о ней сохранила Галицко-Волынская летопись 1276 г. в сюжете об основании Каменца волыньским князем Владимиром Васильковичем. По приказу князя для постройки нового города был послан «градоруб» Олекса. Под его руководством был сооружен «столп камен высотой 17 сажень» (цит. по: [Ткачев]). Согласно Галицко-Волынской летописи, время постройки башни датируется 1276–1288 гг. Как показывают исторические источники, князь-основатель любил бывать в своем новом замке, достаточно неприступном и при этом близком к Беловежской пуще. Географическое расположение постройки свидетельствует о том, что сооружение в этом регионе невиданной для того времени феодальной башни, возвышавшейся на краю княжества, было продиктовано

¹ Донжон (*франц.* donjon, *сред.-век. лат.* donjo) – главная башня в средневековых замках.

вопросами не только защиты от возможной агрессии воинственных ятвягов, но и тем, что это была княжеская резиденция, удаленная от более опасного для Западной Руси врага – татаро-монголов. Воздвигнутая на невысоком холме округлая башня с укрепленным замковым двором, защищенным первоначально деревянными стенами, стала производным видом башенно-донжонного типа феодального замка [Mrusek] (см. цветную вклейку).

Подобное архитектурное заимствование прослеживается в белорусских землях и в конце XIV в. в облике оборонного замка в Гродно, который вошел в состав Великого княжества Литовского и Русского в XIII в., а с начала следующего столетия стал целью многочисленных нападений немецких рыцарей-крестоносцев. В 1391 г. замок стал одной из главных резиденций великого князя Витовта, который в 1398 г. вместо деревянной крепости построил каменную с пятью башнями.

В результате XIV в. был отмечен появлением на территории Великого княжества Литовского и Русского оборонительных башен округлой формы, созданных под прямым влиянием венгерских культурно-исторических традиций, сложившихся в локальном феодальном замковом зодчестве. Местными архитектурными особенностями стали отсутствие жилых помещений, характерных для башенных замков Западной и Центральной Европы, и округлая форма, которая свидетельствует о вероятном польском культурном влиянии.

При строительстве замков feudалов в отношении башенно-донжонного их типа в восточных регионах Европы в XI–XVII вв. наблюдался постепенный спад интереса к этой архитектурной форме [Kilimnik]. В белорусских землях они встречаются эпизодически, получив свое развитие в двухъярусном блочнообразном строении в Гайтюшниках (1613), которое повторяет по форме башенный замок, но только гораздо меньшего размера. Каждый угол этого замка был дополнительно усилен башней округлой формы, предназначенной для ведения ружейной стрельбы. В некоторых башенно-донжонных замках Великого княжества Литовского и Русского к жилой башне в качестве дополнительного укрепления мог подстраиваться деревянный дворец, увеличивая тем самым жилые площади всего оборонного комплекса.

Анализируя распространение типа замка смешанного или переходного типа, возникшего в Европе в конце XII–XIII в. (см. об этом, например: [Menclova]), сочетавшего старую жилую башню и новую кастельную планировку [Kilimnik], необходимо коснуться замкового зодчества Литвы и Белоруссии, где уже в первой половине XIV в. под влиянием строительных традиций Тевтонского и Ливонского орденов возникает подобная архитектурная форма. История белорусского формообразования замковых комплексов показывает, что уже в 1323 г. в г. Лида (Белоруссия) был создан первый замок этого типа с периферийным положением башни-донжона.

При сооружении подобных замковых комплексов мастера-строители старались максимально использовать благоприятный для строительства защитных укреплений рельеф местности, традиционно возводя их в болотистых низменностях или на искусственных островах (Мядиненкай, Литва; Крево, Белоруссия). Так, с учетом этих локальных природно-ландшафтных особенностей при сооружении княжеской жилой башни в Кревском замке (30-е гг. XIV в.) белорусскими мастерами замкового дела для увеличения прочности всей постройки был создан трехметровой высоты фундамент. Под ним дополнительно была сооружена полуметровая «подушка» из мелкого камня и глины, уложенная на настил из дубовых и сосновых жердей. Историческая кладка стен в этих землях была традиционной «балтийской» с чередованием в ней двух ложков и одного тычка [Ткачев]. Сближает все белорусские замковые комплексы смешанного типа угловое положение прямоугольного донжона – основной резиденции великого князя. Поскольку замки, как правило, располагались в низинах, они дополнительно были защищены по всему периметру внешними земляными насыпями и рвами. В отличие от Лидского и Кревского замков, стена Мядиненкайского была дополнительно усилена угловыми прямоугольными башнями. Это делало более эффективной защиту оборонявшихся с ведением огня из фланкирующих и вынесенных за периметр стен башен. Но, в отличие от Мядиненкайского замка с одним прямоугольным донжоном, в Крево и в Лиде по диагонали замкового двора размещались две прямоугольные башни-донжона, что позволяет говорить о распространении в Белоруссии в XIV в. замка смешанного типа с двумя прямоугольными донжонами, имеющими периферийное положение, крайне редкого для остальных регионов Европы.

В XV–XVII вв. в белорусских землях доминирующее положение начинает занимать новый кастельный тип замка в его преимущественно регулярном северо-итальянском исполнении с прямоугольным сечением угловых башен, который вытесняет практически все другие типы подобных архитектурных сооружений. Однако наряду с активным распространением в регионах Великого княжества Литовского и Русского начиная с 40-х гг. XV в. этой новой архитектурной формы на рубеже XV–XVI вв. в Гераненах (Белоруссия) виленским воеводой Войцехом Гаштольдом был создан замок традиционного (переходного, или смешанного) типа. Это свидетельствует о сохранении старых культурно-строительных традиций. Архитектурный ансамбль был, согласно местной традиции, возведен на искусственной земляной насыпи. Его стены были выложены в местной технике «полосатой кладки», при которой последовательно чередовались ряды камня и кирпича (см. об этом: [Ткачев]). Башни Гераненского замка имели цилиндрическую форму, что, в свою очередь, указывает на проникновение в этот регион Восточной Европы через Польшу французского культурно-исторического влияния.

В центре прямоугольного двора рядом с западной стеной находилась блочная башнеобразная дворцовая постройка. Гераненский замково-дворцовый ансамбль возводился в период, когда возросла роль артиллерии, поэтому его владельцам надеяться только на мощь неприступных стен было уже не вполне целесообразно. Основная тяжесть обороны была перенесена на внешние укрепления, представлявшие собой величественные по своему объему земляные валы и рвы, протяженность которых по периметру достигала 700 метров. В результате введения подобных фортификационных новшеств Гераненский замок стал одним из основных региональных опорных пунктов, преграждавших продвижение крымских татар и турок-османов в западные и центральные районы Белоруссии. Наряду с перечисленными элементами западноевропейских традиций сооружения феодальных замков, в Гераненском замке отчетливо выделяются и локальные архитектурные особенности, о чем свидетельствуют тип строительных материалов и расположение замка на искусственной насыпи, присущие белорусскому региональному замковому и церковно-оборонительному зодчеству.

Образованная под влиянием строительных традиций Тевтонского ордена, переходная композиция княжеского замка получила наибольшее распространение на территории Белоруссии в XIV–XVI вв., став господствующей в этих землях.

Функциональные особенности феодальных замков в Литовском и Русском княжестве

Историческое значение функций замковых комплексов было связано с тем, что в период Средневековья не существовало четко очерченных пограничных рубежей и знаков, разделявших те или иные государственные территории, объединявшие феодальные владения (см. об этом, например: [Ulmer]). Успешное развитие и политическая интеграция определенной территории в Западной, Центральной или Восточной Европе в значительной степени зависели от того, удалось ли распространить на нее военную, политическую, правовую, экономическую и культурную власть земельного правителя. Для решения этой задачи идеальным инструментом был господствовавший над местностью оборонный замковый комплекс с воинским гарнизоном. В отличие от регионов Западной и Центральной Европы, где территориальная политика диктовалась правителями оборонных замков и часто была направлена на децентрализацию государств и ослабление верховной власти, в западных землях Восточной Европы каменные замки были малочисленными, принадлежали в основном великим князьям и содействовали централизации, особенно в условиях постоянной внешней угрозы.

Для оборонительного значения замка были важны как его местоположение, так и численность гарнизона. Замковые комплексы, расположенные на высотах, выигрывали в фортификационном плане,

но не могли непосредственно защитить ни существовавший в долине торговый путь или переправу через реку, ни проходы в ущельях, не говоря уже об охране самих территориальных границ феодальных владений. Поэтому высокопрофессиональный военный гарнизон замка был куда более эффективным инструментом государственной политики, чем замок сам по себе. Большой гарнизон, численность которого могла достигать нескольких сотен человек, включая в минуты высшей опасности и окрестное население, позволял вести не только оборонительные, но и наступательные действия.

Подобный оборонительный замковый ансамбль, располагавший к тому же значительным гарнизоном, усиленным местными жителями, представлял собой абсолютное исключение для средневековых замковых комплексов Западной и Центральной Европы. Анализ планировки таких сооружений показывает, что в большинстве своем в результате их малых размеров и форм, небольшого стесненного пространства, замкнутого крепостной стеной, и слаборазвитой инфраструктуры основными сборными пунктами феодальных войск в ходе ведения боевых действий могли служить преимущественно не сами замки сеньоров, а города или прилежавшие к замкам неукрепленные пространства. В этих европейских регионах лишь отдельные королевские или великокняжеские замки, имевшие большое стратегическое значение, повторяли объемы своих восточноевропейских аналогов (Новогрудок в Белоруссии, XIV–XVI вв.).

Владение замком играло ключевую роль в средневековой истории (см. об этом, например: [Bumke]), и название доминировавшего в регионе замка становилось впоследствии и частью имени феодальных династий, носивших ранее лишь княжеские фамилии и отличительные прозвища, как в землях средневековой Западной Европы (Габсбург, 1020–1030 гг.; кантон Аргау в Швейцарии), так и в западных землях Восточной Европы (Острог, XIV–XVI вв.). Впредь эти опорные региональные пункты служили для их потомков основными центрами управления подвластной территорией и жизни их княжеского рода [Килимник].

Кросскультурные особенности замковых форм Великого княжества Литовского и Русского

В период со второй половины XIV по XVII в. на территории Белоруссии велось активное строительство замков кастельного типа, регулярных и нерегулярных по своим формам. По типу башен в этих архитектурных ансамблях можно проследить польское (круглые) или венгерское (прямоугольные) архитектурно-художественное влияние.

Наиболее интересным региональным вариантом решения замка кастельного типа конца XIV – первого десятилетия XV в., по нашему наблюдению, следует считать монументальную резиденцию литовских князей Тракай (Литва) на западной территории средневековой Белорус-

сии (Виленское воеводство), главным городом которой являлось Вильно. В его архитектурном облике явно читается влияние традиций замкового зодчества Тевтонского ордена. Сооруженный на острове, он представляет собой необычную для этих мест двухчастную полурасчлененную форму, в которой регулярный кастел был дополнительно защищен предградьем; в нем, в свою очередь, помимо угловых башен, имелась еще и воротная. Широкое распространение кирпичного конвента и использование красного кирпича в землях Тевтонского ордена подтверждают знакомство мастеров-строителей Тракайского замка с культурно-строительными традициями тевтонских рыцарей.

Усиление оборонных функций региональных замков, расположенных на территории Великого княжества Литовского и Русского, в XVI в. происходило с одновременным повышением уровня комфорта укрепленных жилищ феодалов с постепенной утратой ими аскетических черт чисто оборонительных сооружений. Начиная со второй половины XV в. в замковом зодчестве определились две характерные тенденции. Первая свидетельствовала о дальнейшем развитии региональных культурно-исторических традиций с использованием собственной художественной интерпретации достижений западноевропейской фортификации, что можно проследить, например, в облике Мирского замка. Вторая же отражала стремление следовать традициям западноевропейского замкового зодчества, которые преломлялись через призму давних архитектурно-художественных традиций регионального монументального зодчества (замковые комплексы в Ляховичах и Заславле). В результате с середины XVI в. начинает практиковаться создание новых бастионных укреплений с применением всех известных в этот период времени в Европе фортификационных достижений голландской и итальянской архитектурных школ истории (см. об этом, например: [Bergamini]). Замковые укрепления имели разнообразную форму, определявшуюся природно-ландшафтными и культурно-историческими особенностями, экономическими возможностями и архитектурно-художественными требованиями местных феодалов. По-прежнему, как и в XV в., самой распространенной типовой постройкой в XVI–XVII вв. оставался кастельный тип замка, но современные дворцовые постройки сооружались уже с учетом новых требований их благородных владельцев к уровню комфорта и репрезентативности (Несвиж, 1583; Заславль, середина XVI в.).

* * *

Строительные приемы, возникшие в белорусском замковом зодчестве, воспринявшем опыт средневековой рыцарской Европы, несомненно свидетельствуют о самостоятельном пути развития архитектуры замковых комплексов в Великом княжестве Литовском и Русском. С одной стороны, они традиционно базировались на обычаях привнесённого западноевропейского формообразования (башенно-дон-

жонный тип замка, возникший вместе с венгерской и особенно польской экспансией в белорусские земли, более оптимальная для обороны местная переходная и кастельная композиции, созданные под влиянием Тевтонского ордена), с другой, присутствовали отличные от строительных навыков Западной Европы местные принципы возведения сводчатых помещений, особого сооружения крепостных стен в технике «полосатой кладки». Особого внимания заслуживают замковые башни. При их едином объемно-планировочном решении в ряде белорусских замков нижняя четырехгранная часть переходит на разной высоте вверху в восьмигранник, зрительно уменьшаясь в объеме. На фасадах башен замковых ансамблей чередуются разные по форме и величине оштукатуренные декоративные ниши и орнаментальные пояса, вобравшие в себя традиции и обычаи национального зодчества Белоруссии.

Список литературы

- Килимник Е. В.* Культурно-исторические особенности феодальных замков Центральной Европы, Западной Украины и Белоруссии XI–XVII вв. Екатеринбург : Урал ин-т социального образования, 2011. 365 с.
- Ткачев М. А.* Замки Белоруссии. Минск : Полымя, 1987. 161 с.
- Bergamini A.* *Castillis d'Italia*. Novara : Milano, 1955. 303 p.
- Bumke J.* *Hogfische Kultur, Literature und Gessellschaft im hohen Mittelalter*. Munich : Munich, 1997. 150 p.
- Kilimnik E. V.* Architectural and Historical Typology of European Feudal Castles of X–XVII centuries // *Middle-East J. of Scientific Research (Scopus, ISI)*. 2013. № 14 (2). P. 173–176.
- Menclova D.* *Ceske hrady I–II*. Praha : Odeon, 1972. 455 s.
- Mrusek H. J.* *Burgen in Europe*. Leipzig : Ed. Leipzig, 1974. 156 p.
- Ritter R.* *Chateaux, donjons et places : Architecture militaire francaise*. Paris : Larousse, 1953. 209 p.
- Ulmer K.* *Castles, history and civilization*. Ljubljana : Mladinska knjiga Tiskarna, 1999. 303 p.

References

- Bergamini, A. (1955). *Castillis d'Italia*. 303 p. Novara, Milano.
- Bumke, J. (1997). *Hogfische Kultur, Literature und Gessellschaft im hohen Mittelalter*. 150 p. Munich, Munich.
- Kilimnik, E. V. (2013). Architectural and Historical Typology of European Feudal Castles of X–XVII centuries. In *Middle-East J. of Scientific Research (Scopus, ISI)*, 14 (2), pp. 173–176.
- Kilimnik, E. V. (2011). *Kulturno-istoricheskie osobennosti feodalnih zamkov Centralnoy Evropy, Zapadnoy Ukrainy I Belorussii XI–XVII vv.* [Cultural-historical Features of Feudal Castles in Central Europe, Western Ukraine, and Belarus between the 11th and 17th Centuries]. 365 p. Yekaterinburg, Ural Inst. of social educ.
- Menclova, D. (1972). *Ceske hrady I–II*. 455 s. Praha, Odeon.
- Mrusek, H. J. (1974). *Burgen in Europe*. 156 p. Leipzig, Ed. Leipzig.
- Ritter, R. (1953). *Chateaux, donjons et places. Architecture militaire francaise*. 209 p. Paris, Larousse.
- Tkachev, M. A. (1987). *Zamki Belarusi* [Castles of Belarus]. 161 p. Minsk, Polymya.
- Ulmer, K. (1999). *Castles, History and Civilization*. 303 p. Ljubljana, Mladinska knjiga Tiskarna.

The article was submitted on 25.01.2016

THE FAR EAST AND THE EXTREME NORTH: REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN REGIONS

DOI 10.15826/qr.2017.1.214

УДК 791.229.2(571.6)+778.534(571.6)+351.85

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ФИЛЬМАХ А. ЛИТВИНОВА: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПРОСТРАНСТВА*

Иван Головнев

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Елена Головнева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE FAR EAST IN THE FILMS OF A. LITVINOV: CONSTRUCTING THE IMAGE OF SPACE**

Ivan Golovnev

Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences, Ural Branch,
Yekaterinburg, Russia

Elena Golovneva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article explores the educational documentary film (Kulturfilm) as a visual construct of a region in the Soviet epoch. Throughout the 1920s and 1930s, the Soviet film industry was actively engaged in developing particular images,

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-33-01038 «Образ региона в культурфильме (на примере творчества А. Литвинова)».

** *Citation:* Golovnev, I., Golovneva, E. (2017). The Far East in the Films of A. Litvinov: Constructing the Image of Space. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 109–124. DOI 10.15826/qr.2017.1.214.

Цитирование: Golovnev I., Golovneva E. The Far East in the Films of A. Litvinov: Constructing the Image of Space // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 109–124. DOI 10.15826/qr.2017.1.214 / Головнев И., Головнева Е. Дальний Восток в фильмах А. Литвинова: конструирование образа пространства // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 109–124. DOI 10.15826/qr.2017.1.214.

which refashioned the way the audience saw their own territories and those of others. Working around the “sixth part of the world”, filmmakers elaborated a set of lasting visual images, describing the regional diversity of the great multinational state. They also attempted to “popularise” the region among Soviet citizens. Based on the films of Aleksandr Litvinov, who played a prominent role in establishing the expedition film practice in the Soviet Union, the paper considers the construction of visual images of the Soviet Far East. A contextual analysis of the *Forest People* (1928), *Through the Ussuri Area* (1928), *Terra Incognita* (1931) demonstrates that they continuously emphasised the image of the Far East as a cultural frontier, which featured the natural and ethnic regional diversity. The Far East in Litvinov’s films is a peculiar region with borderland status. At the same time, Litvinov’s films on the Far East can be viewed as the first cinematographic representations of the “small peoples” of the Far East under Soviet-inspired changes. The combination of filmmaking with a scholarly approach and literary narratives is central to the understanding of the peculiar character of those early films. Litvinov’s case demonstrates that Kulturfilms in the Soviet Union provide an insight into the conceptual and discourse conquest of the remote regions as well as their full symbolic ‘invention’ and inclusion into the perception of the new empire.

Keywords: image of region; construction; Kulturfilm; expedition travel films; travelogue; USSR national policy; the Far East; A. Litvinov.

Дан анализ просветительского документального кино (культурфильмов) как средства конструирования образов региона в советскую эпоху. В 1920–1930-х гг. советская киноиндустрия была направлена на создание образов, которые позволяли зрительской аудитории по-новому взглянуть на образ жизни своей и иных территорий. Работая на «шестой части суши», кинематографисты показывали региональное разнообразие большой многонациональной страны, старались популярно рассказать советским гражданам о регионах. На материале фильмов А. Литвинова, сыгравшего важную роль в развитии практики экспедиционных фильмов в СССР, показано конструирование визуальных образов советского Дальнего Востока. Предпринятый авторами анализ ранних киноработ А. Литвинова *Лесные люди* (1928), *По дебрям Уссурийского края* (1928), *Неведомая земля* (1931) позволяет заключить, что они создавали образ Дальнего Востока прежде всего как «культурного фронта», региона, основанного на природном и этническом многообразии. Дальний Восток в фильмах Литвинова предстает как особый пограничный регион Советской России. В то же время киноработы А. Литвинова на Дальнем Востоке – это первые кинематографические репрезентации «малых народностей» края, переживавших качественные изменения, связанные с распространением советской идеологии. Их отличительный характер состоял в том, что они заключали в себе научно-исследовательский подход, сочетали кинематографический метод и литературное творчество. Делается вывод о том, что в СССР культурфильмы представляли собой яркий пример дискурсивного и концептуального освоения отдаленных

территорий, символического их «изобретения» и включения в систему восприятия новой империи.

Ключевые слова: образ региона; культурфильм; экспедиционное кино; национальная политика в СССР; Дальний Восток; А. Литвинов.

Последние годы ознаменовались существенными изменениями в проблематике гуманитарных исследований. В философии культуры растет интерес к локальным региональным пространствам и формирующимся на их основе геокультурным образам регионов, анализируются географические, экономические, мифологические, политические составляющие образов регионов, выделяются текстуальные и визуальные версии их описания [Замятин; Митин; Малькова, Тишков; Paasi и др.].

Для исследователей образ региона становится сложным явлением: он является и отражением действительности, и целью развития региона, и самостоятельным феноменом. Образ региона можно определить и как продукт общественного сознания, отражающий индивидуальные и групповые эмоционально окрашенные представления о различных его географических, социокультурных, исторических феноменах [Замятин, с. 96].

Методологически осмысление вопроса об образах региона напрямую связано с проблемой их формирования, моделирования, что в содержательном плане совпадает с практикой их конструирования. Конструирование в данном контексте понимается в социально-гуманитарном смысле: образы региона формируются на обыденном и профессиональном уровне, испытывают воздействие массмедиа, являются идеологически окрашенными. Они выстраиваются (конструируются) прежде всего в отношении к определенной территории и, по выражению В. Сандерленда, обеспечивают «дискурс территориальности» [Sunderland, p. 33]. Их картографирование и конструирование составляют основу *географии власти* [Ремнев, 2000; Cosgrove], поскольку в сформировавшихся образах регионов происходила фиксация опыта, они выступали основанием деятельности, через них осуществлялось конструирование регионального сообщества и оформление региональной идентичности.

При изучении образов регионов следует обратить внимание на различный характер их представленности в общественном сознании. Если в XVIII–XIX вв. в качестве основы для формирования образов регионов главенствовали письменные источники и вербальные тексты (тексты профессиональных географов и путешественников-любителей, травелоги, мемуары и письма, стихи и песни, очерки и рассказы, повести и романы, драматические произведения) [Франк], то в XX в. меняются масштаб и характер социокультурной обработки региональной идентичности. Возрастает роль идеологических средств воздействия, в частности, невербальных текстов (фотографии,

художественных фильмов, документального кино). Несмотря на свое широкое распространение, такие тексты представляют собою малоизученный пласт информации об образах региона и вызывают особый интерес, поскольку их воздействие на эмоциональную сферу позволяет усилить закрепление идентификационных признаков.

Роль культурфильмов в конструировании образов регионов

Предметом нашего исследовательского интереса является изучение культурфильмов как визуального средства конструирования образа регионов в советскую эпоху¹. Работая на «шестой части суши», режиссеры создавали визуальные образы многонациональной страны и ее регионов [Дерябин]. Современный интерес к этой теме объясняется тем, что, несмотря на повсеместное развитие так называемой «экранной культуры» [Разлогов], в современной российской науке тема роли советских культурфильмов в формировании образа территорий практически не исследовалась. Исключения составляют монография режиссера-документалиста А. Н. Терского «Этнографическая фильма» [Терской], а также книги, статьи и неопубликованные рукописи самих деятелей советского культурфильма [Ерофеев; Шнейдеров; Литвинов, 1959; Литвинов, 1982]. Косвенно вопросы производства культурфильмов затрагивались в работах по истории научно-популярного кино [Згуриди; Лебедев]. Однако аналитические философские исследования советского культурфильма не проводились ни в России, ни за рубежом. Проблема конструирования образов регионов средствами советских культурфильмов не ставилась.

Между тем, культурфильмы представляют собой важное направление советского кинематографа, выполнявшего просветительскую и пропагандистскую роль [Шлегель; Дерябин; Papazian]. С одной стороны, эти фильмы являются вкладом в науку, будучи одними из самых ранних кинодокументов по этнографии коренных народов и культурному наследию тех или иных регионов, позволяющих увидеть «свое и чужое», «знакомое и далекое», «центр и периферию» [Picturing Russia]. С другой стороны, в этих кинокартинах просматриваются и свидетельства государственной национальной политики, выражавшиеся в запечатленных на пленке мероприятиях, проводимых советскими организациями в регионах СССР на рубеже 1920–1930-х гг. (создание туземных советов, культбаз, кооперативов, школ, медпунктов и т. д.) [Martin]. Кроме того, культурфильмы выполняли возложенную на них государственную миссию создания привлекательного образа того или иного региона в соответствии с переселенче-

¹ Термином «культурфильм» (нем. Kulturfilm) в советской кинематографической теории обозначались фильмы просветительской направленности о народах и территориях страны.

ской политикой (в частности, в мероприятиях по заселению районов Сибири и Дальнего Востока выходцами из Белоруссии и с Украины).

Культурфильмы были в числе «важнейших из искусств» планового строительства СССР [Шлегель; Дерябин]. Инструкции Первого Всесоюзного партийного совещания по кинематографии, состоявшегося в марте 1928 г., в частности, гласили: «Считая культурфильму (научно-популярную, этнографическую, школьную, учебную) одним из мощных средств распространения и популяризации общих и технических знаний, необходимо образцово поставить ее производство; при этом необходимо обеспечить доступность культурной фильма для широкого зрителя по ее содержанию» [Директивы ВКП(б), с. 449].

Зародившись в начале XX в. в форме кинозарисовок, к концу 1920-х гг. производство культурфильмов в СССР оформилось в продуктивное направление. В нем работали ведущие документалисты страны – Дзига Вертов, Владимир Ерофеев, Александр Литвинов, Владимир Шнейдеров и многие другие. Каждая крупная киностудия имела в своем плане регулярный выпуск культурфильмов. Был даже запущен масштабный проект — «Киноатлас СССР», предполагавший создание около ста фильмов такого жанра силами крупнейших советских киноорганизаций и фактически поставивший производство этнографических фильмов на поток. Количество выпущенных культурфильмов увеличилось с 70 в 1925 г. до 200 в 1930 г. [Магидов]. Именно в них происходила наиболее полная фиксация образов различных регионов многонационального государства.

Изучение культурфильмов, с одной стороны, неотделимо от изучения контекста, в котором происходило кинопроизводство, с другой – оно должно осуществляться с применением критического подхода, то есть с учетом методов, которыми пользовались авторы документальных фильмов о регионах России. Сами по себе культурфильмы оказывались важными средствами конструирования образа территории: их создатель выбирал критерий для отбора материала и его интерпретации, определял границы, за пределами которых данное содержание получало уже другой смысл.

Создание новых образов реальности достигалось главным образом при помощи методов монтажа. Монтажные методы работы в кинематографе по своей сути основаны на конструировании – разрушении предэкранной реальности и новом ее создании согласно авторской воле. Классик документалистики Д. Вертов в свое время писал в своем знаменитом манифесте «Киноглаз»:

Я киноглаз, я строитель. Я создаю человека, более совершенного, чем созданный Адам. Я у одного беру руки, самые длинные и самые ловкие, у другого беру ноги, самые стройные и самые быстрые, у третьего голову, самую красивую и самую выразительную, и монтажом создаю нового совершенного человека [Вертов, с. 71].

Важным критерием конструирования образа территории визуальными методами оказывался также характерный набор художественно-образных средств. Как отмечал еще один классик документального кино Р. Флаэрти, автор известной картины «Нанук с Севера» (1921):

Мы не пользуемся профессиональными актерами, и нам необходимо выбрать людей, способных «жить» в своей роли. И если вы найдете такого человека и заставите его «представить» то, что он делает каждый день, он сыграет лучше профессионала. Наш фильм – фантазия, но она основана на событиях, взятых из действительной жизни людей этого края [Флаэрти, с. 189].

С одной стороны, использование постановочных методов в документальном кино диктовалось техническими причинами – сложностью работы с киноплёнкой, особенно в условиях экспедиции, громоздкостью киноаппаратуры и т. д. С другой стороны, существовали и творческие обоснования такого подхода. К примеру, Р. Флаэрти так рефлексировал о своем методе съемки этнографических фильмов:

Предметом документального фильма, как я его понимаю, является жизнь в том виде, в каком ее проживают. Это отнюдь не означает, что задачей режиссера-документалиста является неотобранная съемка серого и монотонного потока жизни. Выбор остается, и, возможно, в более строгих формах, чем в художественных фильмах [Там же, с. 191].

В результате в культурфильмах рождались яркие, запоминающиеся образы регионов, оказывавшие воздействие на зрителя. Эти образы-конструкты можно отнести к числу разделяемых «коллективным обществом», и они, разумеется, могли отличаться от индивидуального восприятия. Однако именно эти образы-конструкты в конечном итоге лежали в основе зрительского восприятия того или иного региона.

Культурфильмы А. Литвинова о Дальнем Востоке

Одними из наиболее примечательных культурфильмов советского периода, в которых создавались образы Дальнего Востока, были киноработы Александра Аркадьевича Литвинова (1898–1977). Он пришел в кино еще подростком, встречался с корифеями русского кинематографа – режиссером Я. А. Протазановым и актером И. И. Мозжухиным, работал на разных киностудиях, снимал агитфильмы и даже присутствовал на одной из съемок Ленина [Дерябин, с. 3].

А. Литвинов, которого называют «русским Флаэрти», был первым профессиональным кинематографистом в Советском Союзе, последовательно занимавшимся производством полноформатных фильмов – культурфильмов. Важность обращения к творческому наследию А. Литвинова объясняется тем, что анализ его творчества

не только способствует научному осмыслению роли культурфильма как исторического, политического и аудиовизуального феномена в социогуманитарном знании в целом, но и открывает новые перспективы в решении конкретной исследовательской задачи конструирования образов регионов средствами кинематографа. Творчество Литвинова является также ярким примером развития жанра экспедиционных фильмов в Советском Союзе [Sarkisova, p. 2].

В своих мемуарах Литвинов вспоминал:

В юношеские годы я мечтал о путешествиях в далекие страны, в неведанные края нашей необъятной родины, так увлекательно описанные в книгах известных путешественников. Но жизнь складывалась иначе. Я стал кинорежиссером и по-прежнему мечтал о далеких путешествиях. В моем представлении к снаряжению путешественника, кроме ружья, теперь добавлялась еще и киносъёмочная камера. И вот однажды, как это часто бывает, моя мечта сбылась [Литвинов, 1955, с. 116].

В 1922 г., когда Дальний Восток стал частью Советской России, возник вопрос о его «символическом освоении» со стороны советской власти [Ремнев, 2010; Wood; Bassin]. Советские фильмы, снимавшиеся на Дальнем Востоке в 1920—1930-х гг., были направлены на демонстрацию культурного разнообразия региона, подчеркивание его пограничного статуса и одновременно с этим изображали Дальний Восток как органичную часть Советской России. Культурфильмы о Дальнем Востоке непременно содержали сведения об основных характеристиках региона – его природных объектах, этнокультурном наследии, экономических ресурсах.

А. Литвинов снимал фильмы на Дальнем Востоке в период с 1928 по 1936 г. и сыграл решающую роль в создании его кинематографического образа. Первоначально движимый интересом к съемкам в отдаленных частях страны, он в то же время последовательно выполнял установку советской киноиндустрии на увеличение производства культурфильмов, способных пополнить «киноатлас СССР».

В результате первой экспедиции на Дальний Восток в 1928 г. Литвиновым были сняты фильмы *Лесные люди* и *По дебрям Уссурийского края*, в создании которых принимал непосредственное участие В. Арсеньев, путешественник и исследователь Дальнего Востока, редактор серии литвиновских фильмов о народах Приморья и Камчатки [Аргудяева]. Экспедиции Арсеньева на Дальнем Востоке в 1906, 1908–1910 и 1912–1913 гг. послужили основой для создания им литературных произведений о коренных народах края – «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала» [Арсеньев, 2007; Арсеньев, 2002]. Влияние литературного творчества Арсеньева на творчество Литвинова проявилось, в частности, в том, что оба его фильма получили аналогичные арсеньевским произведениям названия (*Лесные люди*, *По дебрям Уссурийского края*) и органично включили в себя представления В. Арсеньева о регионе и его жителях (ил. 1).

1. Кадр из фильма «Лесные люди». Приморье. 1928

Still from *Forest People*. Primorye. 1928

Следуя арсеньевскому методу популярного повествования, в фильме *Лесные люди* Литвинов сохраняет романтический литературный образ, созданный в отношении коренных народов края, ведущих традиционный образ жизни (образ Дерсу Узала). По словам О. Саркисовой, фильм *Лесные люди* содержит «парадигму сохранения» исчезающих культурных практик коренных народов Дальнего Востока, парадигму, наиболее полно реализованную в известной картине Р. Флаэрти «Нанук с Севера» [Sarkisova, p. 5]. Характер изображения повседневной жизни в дальневосточных фильмах Литвинова, включая практики жизнеобеспечения и ведения хозяйства местными жителями, также следует общим идеям «Нанука с Севера» [Ibid.].

Первая часть фильма имеет «этнографическую модальность», показывая вневременной, внеисторической характер существования коренных народов Дальнего Востока [Rony, p. 68], в то время как вторая часть отсылает зрителя к современным изменениям в их образе жизни, непосредственно связанным с внедрением советских культурных практик. Изменения в укладе жизни местных жителей показаны через противопоставление оседлого образа жизни кочевому, через распространение гендерного равенства (образы смешанных групп мужчин и женщин), идеологическую риторику (образ Комитета Севера как центра жизнеобеспечения и поддержки коренных народов). Сам В. Арсеньев изображен в фильме как посредник, отстаивающий интересы коренных народов перед центральными властями.

В фильме *По дебрям Уссурийского края* показан в первую очередь мир природы и жителей советского Дальнего Востока. Имеющий подзаголовок «Дневник киноэкспедиции», он начинается с панорамы

города Владивостока, охарактеризованного как «крупнейший порт Советского Союза». Литвинов показывает зрителю разностороннюю жизнь города, несущего в себе как европейские, так и азиатские черты. Перед зрителями появляются карты Дальнего Востока, которые отражают идею конструирования здесь нового «советского ландшафта» [Sarkisova, p. 7].

Сюжет строится на впечатлениях путешественников и выстраивается вокруг мотивов исследования и освоения края, темы взаимодействия с местным коренным населением. Маршрут киноэкспедиции пролегал из города в тайгу, где не ступала нога человека, из цивилизации в мир дикой природы, из русской деревни Троицкое – к отдаленным стойбищам удэгейского народа. Картам съемочной группы противопоставляются карты коренного населения края – удэгейцев, представляющих собой иной способ видения и освоения территории. Точное знание местности и природных условий территории коренными жителями заставляет съемочную группу менять маршрут и отказаться от первоначального календарного плана, подчиняясь здешним правилам и обычаям. Киногруппа в фильме выступает как актер конструирования территории, подвергая с помощью камеры строгой классификации и оценке природные ресурсы края, показывая зрителю крупным планом гималайских медведей и рычащих уссурийских тигров (ил. 2).

2. Разработка маршрута приморской киноэкспедиции. Владивосток. 1928.
Слева направо: Э. Фельдман, А. Литвинов, В. Арсеньев, Л. Прищепа, П. Мершин

Working out of the route of the Primorskaya film expedition. Vladivostok. 1928.
E. Feldman, A. Litvinov, V. Arsenyev, L. Prishchepa, P. Mershin

В фильме *Terra Incognita* (1931) А. Литвинов создает яркий портрет Камчатки, переосмысливающий образы этой территории, восходящие еще к имперской литературной традиции [Sarkisova, p. 9].

В травелогах XVII в. Камчатка представлялась как отдаленный край, находящийся на задворках российской империи. В XIX в. все коренное население полуострова описывалось исследователями в терминах «первобытных» племен, занимающих самую нижнюю ступень в цивилизационном развитии [Slezkine, p. 56–57]. Литературные описания Камчатки также традиционно были основаны на восприятии этой территории как богатой природными ресурсами, но враждебной местности, где «земли лучше подходят для проживания зверей, нежели людей» [Крашенинников, с. 37].

Информационная миссия, возложенная руководством «Совкино» на киноэкспедицию А. Литвинова, звучала ответственно – познакомить широкого зрителя с далекими окраинами и малоизвестными народностями Камчатки, «сделать несколько культурфильм в тех краях, где Советский Союз граничит с Америкой» [Поляновский, с. 4] (ил. 3). Приступая к съемочному процессу во время камчатской экспедиции, А. А. Литвинов писал:

Восемнадцать месяцев мы будем странствовать по таинственной земле. Впервые глаз кинооператора запечатлеет на пленку горные хребты, исполинские, покрытые вечными снегами вершины, бурные реки, бесконечные плато, величественные конусы огнедышащих и потухших вулканов, безмолвную тундру, дремучую тайгу, разнообразный животный мир и жизнь народностей, населяющих полуостров [Литвинов, 1963, с. 29].

Название фильма метафорически готовит зрителям роль первооткрывателей и исследователей «забытого края». Первые же кадры изображают Камчатку как изобилующее природными ресурсами, но пустое пространство, ожидающее помощи со стороны «цивилизации» (кадры сурового океана). Отдельное место в фильме занимают кадры Ключевской сопки – конуса величайшего в мире вулкана, из кратера которого тянется редкий дым.

Коренное население Камчатки с его примитивным образом жизни Литвинов изображает как «детей природы» (кадры стойбищ и жилищ коряков и ительменов, средств их передвижения (упряжки, лодки), промыслов (рыбная ловля и оленеводство)). И люди, и природа этой земли выглядят нуждающимися в цивилизаторской миссии, в преобразовании и управлении. Сам А. Литвинов так резюмировал полуторагодовичную работу своей киноэкспедиции на Камчатке:

Как хорошо, что мы успели заснять сегодняшнюю Камчатку с ее бездорожьем, собачьими «экспрессами», первобытными жилищами, суеверными обычаями и жертвоприношениями. Ведь скоро, очень скоро все это станет достоянием истории, и тогда наши фильмы станут единственными памятниками невеселого прошлого и первых дней переделки полуострова... [Там же, с. 206].

Во второй части фильма автор отходит от образов первобытного всеми забытого края, помещая эту территорию на карту Советской России. Политически окрашенная надпись «Советская» располагается в кадре над географическим названием «Камчатка», тем самым нагружая фильм идеологическим контекстом. Литвинов показывает деятельность советских организаций Камчатки – детского сада, школы, больницы, торгового кооператива, райисполкома, символизирующих новую жизнь на богатом природными ресурсами полуострове. Демонстрируется, что жизнь камчадалов и коряков стремительно меняется в лучшую сторону в результате мероприятий, проводимых советской властью. Эффект достигается за счет кадров, показывающих «выгодный» обмен товарами с представителями из «центра», знакомство коренного населения с технологическими новациями «большой земли» – радио и кино (в фильме снят первый камчатский киносеанс).

В отличие от фильмов *Лесные люди* и *По дебрям Уссурийского края*, в фильме *Terra Incognita* режиссер акцентирует внимание не на традиционном образе жизни местного населения, а показывает радикальные трансформации в развитии региона, вызванные созданием кооперативов, колхозов, артелей, соцсоревнованием по добыче пушнины (кадры сберкассы, школы, больницы, кооператива «Камчадал», Тузрайполкома). Работая на пике «культурной революции», Литвинов, кажется, не подвергает сомнению благоприятный исход модернизации и борьбы с «пережитками прошлого».

3. Группа камчатской киноэкспедиции. Камчатка. 1929
Справа в верхнем ряду – А. Литвинов

The crew of the Kamchatka film expedition with A. Litvinov. 1929

Финальные сцены визуально объединяют процессы традиционного промысла рыбы и новые технологические автоматизированные процессы ее заготовки (кадры работы местного рыбзавода). В заключительном кадре зритель видит нарисованную с помощью анимации пятиконечную звезду со сверкающими лучами, будто щупальцами охватывающими весь полуостров. Этот символ создает новый образ региона, сочетающий в себе традиционное и новаторское, далекое и близкое.

В советской прессе новый образ Камчатки был встречен с энтузиазмом. Отмечалось, в частности, что будущие советские фильмы, снятые под впечатлением от картины Литвинова, «покажут подъем, охвативший Камчатку, подтвердят ее возможности, будут четко агитировать за кадры, необходимые этому участку советской земли. Яркими контрастами будет показана жизнь полуострова: культурные базы на крайнем Севере, райсполкомы, рыбацкие колхозы, врачи, пришедшие на смену шаманам, фабрики, вытеснившие хищных скупщиков пушнины, радио у вымирающих племен – все это тщательно день за днем наблюдала и записывала глазком объектива в течение 15 месяцев киноэкспедиция Литвинова» [Сергеев, с. 3].

Метод А. Литвинова

Метод, который применяла киногруппа А. Литвинова при съемках фильмов на Дальнем Востоке, можно лишь условно назвать документальным. Съемки сочетали приемы документального и художественного кино. Фильмы снимались по заранее подготовленному сценарию, за редкими отклонениями-импровизациями оператора П. Мершина. Литвинов при участии местных жителей и оператора готовил раскраски для некоторых особо важных сцен накануне их съемки, а на заключительном этапе, перед монтажом, «собирал» будущий фильм на бумаге в виде так называемого режиссерского сценария с четкими параметрами порядка и длительности сцен и кадров [Литвинов, 1963]. По воспоминаниям А. Литвинова: «Общественность целиком поддержала наше начинание снимать такого рода фильмы по сценарию и признала наш метод работы реалистичным» [Литвинов, 1953].

Общую методологическую архитектуру работы А. А. Литвинова в культурфильме можно выразить как последовательность следующих элементов: подготовительная работа (консультации со специалистами, изучение научных источников), разработка сценария (этнографическая проработка сценария с консультантом), выбор героев и объектов съемки на месте киноработ (натура, интерьеры, главные герои, статисты), съемка сюжетных новелл (по сценарию), редакторская работа в рамках монтажного периода (выстраивание сюжетных новелл), презентация готовых фильмов (в кинематографических, научных, образовательных и прочих гуманитарных процессах). Основные позиции этого «метода Литвинова», успешно апробированные в период съемок о Дальнем Востоке, использовались режиссером

и в последующем, в период создания им фильмов о Сибири и Урале. Его метод позволил подчеркнуть художественную ценность естественной фактуры предметов, подлинность человеческого поведения (не театрально-сценического), фрагментарность мизансцен, выхваченных из естественного течения жизни (съемка бытовых условий жизни коренного населения, привлечение непрофессиональных актеров и т. п.).

Первые дальневосточные фильмы создали А. Литвинову репутацию «изобретателя Дальнего Востока» [Sarkisova, p. 12]. Они сподвигли его предпринять новые экспедиции в этот край и снять фильмы *Олений всадник* и *Тумгу* об этнических группах ламутов и коряков (к сожалению, утраченные к настоящему времени). В 1932–1933 гг. А. Литвинов совершает экспедицию на Чукотку и снимает три фильма в качестве консультанта и режиссера (*У берегов Чукотского моря*, реж. Ю. Смирницкий, *Сын хозяина земли* и *Хочу жить*, реж. А. Литвинов). Они также сочетают в себе элементы экспедиционных фильмов и драмы, включают игру профессиональных и непрофессиональных актеров, содержат идеи прогресса и этнических различий в «колониальном кино» [Ibid, p. 12].

* * *

Советские культурфильмы являлись эффективным инструментом конструирования образов регионов и внедрения их в массовое сознание. Культурфильмы А. Литвинова о Дальнем Востоке представляют собой яркий пример дискурсивного и концептуального освоения дальневосточных территорий, символического их «изобретения» и включения в систему восприятия новой империи – СССР. В отличие от многочисленных произведений эпохи, идеологически нагруженных и направленных на поиск «врага» внутри и за пределами Советской России, ранние культурфильмы А. Литвинова создавали образ Дальнего Востока прежде всего как «культурного фронта» [Rieber, p. 177], региона, основанного на природном и этническом многообразии. В то же время его киноработы – это первые кинематографические репрезентации малых народностей края, переживавших качественные изменения, связанные с распространением советской идеологии. Их отличительный характер состоял в том, что они заключали в себе научно-исследовательский подход, сочетали кинематографический метод и литературное творчество (вспомним сотрудничество А. Литвинова и В. Арсеньева).

Благодаря широкому кинопрокату дальневосточные культурфильмы А. Литвинова позволили зрительской аудитории разделить с автором опыт первопроходца – проникнуть в удаленные уголки уссурийских дебрей, прожить год в странствиях по неведомой земле Камчатке, стать свидетелями удэгейской свадьбы и корякских похорон. Учитывая историческую ценность запечатленных на экране образов региона, можно сказать, что фильмы А. Литвинова о Дальнем Востоке и сегодня являются значимым визуальным источником для исследователей.

Список литературы

- Аргудяева Ю. В.* В. К. Арсеньев – путешественник и этнограф : Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева : материалы, комментарии. Владивосток : ДВО РАН, 2007. 272 с.
- Арсеньев В. К.* Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. ОИАК. Владивосток : Альм. «Рубеж», 2007. Т. 1. 704 с.
- Арсеньев В. К.* Тропой, завещанной Дерсу... : сб. рассказов. Владивосток : Дальневост. Арсеньев. благотворит. фонд, 2002. 103 с.
- Вертов Д.* Статьи, дневники, замыслы. М. : Искусство, 1966. 320 с.
- Дерябин А. С.* О фильмах-путешествиях и Александре Литвинове // Вестник «Зеленое спасение». Вып. 11. Алматы : Гермес, 1999. С. 14–24.
- Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М. : ОГИЗ, 1931. 496 с.
- Ерофеев В. А.* По «крыше мира» с киноаппаратом. М. : Молодая гвардия, 1929. 187 с.
- Замятин Д. Н.* Культура и пространство : Моделирование географических образов. М. : Знак, 2006. 488 с.
- Згуриди А. М.* Экран. Наука. Жизнь. М. : Искусство, 1983. 166 с.
- Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М. : ЭКСМО, 2013. 480 с.
- Лебедев Н. А.* Очерки истории кино СССР : Немое кино: 1918–1934 гг. М. : Искусство, 1965. 373 с.
- Литвинов А. А.* В краю огнедышащих гор. Свердловск : Свердловск. книж. изд-во, 1963. 212 с.
- Литвинов А. А.* В Уссурийской тайге : Записки кинорежиссера // Уральский современник. № 1 (29). Свердловск : Свердловск. обл. гос. изд-во, 1955. С. 116–199.
- Литвинов А. А.* Первые шаги : [рукопись]. 1953 // СОКМ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 37. 4^о. 3 л.
- Литвинов А. А.* По следам Арсеньева. Владивосток : Приморск. книж. изд-во, 1959. 204 с.
- Литвинов А. А.* Путешествия с кинокамерой. М. : Всесоюз. бюро пропаганды киноискусства, 1982. 54 с.
- Магидов В. М.* Кинодокументы по визуальной антропологии России // Материальная база сферы культуры. Вып. 2. М. : Изд-во РГБ, 1998. С. 11–23.
- Малькова В. К., Тишков В. А.* Культура и пространство : историко-культурные бренды и образы территорий, регионов, мест. М. : ИЭА, 2009. Кн. 1. Образы российских республик в Интернете. 147 с.
- Митин И.* Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география : научн. и культ.-просвет. альм. Вып. 3. М. : Ин-т наследия, 2006. С. 64–82.
- Поляновский М. Л.* За советскими «Нануками» и «Чангами» // Кино. 1929. 10 апр.
- Разлогов К. Э.* Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. М. : РОССПЭН, 2010. 287 с.
- Ремнев А. В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // AbImperio. 2000. № 3–4. С. 343–358.
- Ремнев А. В.* Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzzenia / red. A. Nowak. Warszawa : IPN-IN PAN, 2010. С. 153–168.
- Сергеев М.* Новые фильмы о Камчатке // Кино. 1931. 18 сент.
- Терской А. Н.* Этнографическая фильма. М. : Театропечать, 1930. 187 с.
- Флаэрти Р.* Статьи. Свидетельства. Интервью. М. : Искусство, 1980. 224 с.
- Франк С.* Русские травелоги середины 1930-х гг. // Беглые взгляды : Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века : сб. ст. / сост. и отв. ред. В.-С. Киссель, Г. А. Тиме. М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 180–211.
- Шлегель Х. Й.* Немецкие импульсы для советских культурфильмов 20-х годов // Киноведческие записки. № 58. М. : Эйзенштейн-центр, 2002. С. 368–380.
- Шнейдеров В. А.* Мои кинопутешествия. М. : Бюро пропаганды совет. киноискусства, 1973. 96 с.
- Bassin M.* Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. 348 p.
- Cosgrove D.* Geography and Vision : Seeing, Imagining and Representing the World. L. : I. B. Tauris, 2008. 256 p.
- Picturing Russia: Explorations in Visual Culture / eds. by V. Kivelson, J. Neuberger. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2010. 284 p.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca ; NY : Cornell Univ. Press, 2001. 496 p.

- Paasi A. Place and region: regional identity in question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, no. 4. P. 475–485.
- Papazian E. A. *Manufacturing Truth : The Documentary Moment in Early Soviet Culture*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2009. 282 p.
- Rieber A. The Comparative Ecology of Complex Frontiers // *Imperial Rule / ed. A. Miller, A. J. Rieber*. Budapest : Central Europ. Univ. Press, 2005. P. 177–208.
- Rony F. T. *The Third Eye: Race, Cinema, and Ethnographic Spectacle*. Durham : Duke Univ. Press, 1996. 320 p.
- Sarkisova O. Taming the frontier : Aleksandr Litvinov's expedition films and representations of indigenous minorities in the Far East // *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 2015. Vol. 9, no. 1. P. 2–23.
- Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca ; NY : Cornell Univ. Press, 1994. 456 p.
- Sunderland W. *Imperial Space : Territorial Space and Practice in the Eighteenth Century // Russian Empire : Space, People, Power, 1700—1930 / eds. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2007. 538 p.
- Wood A. *Russia's Frozen Frontier : A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. L. : A&C Black, 2011. 320 p.

References

- Argudyaeva, Yu. V. (2007). *V. K. Arsenjev – puteshestvennik i etnograf: Russkie Priamur'ya i Primor'ya v issledovaniyakh V. K. Arsenjeva: materialih, kommentarii*. [V. K. Arsenyev – Traveler and Ethnographer: The Russians of the Amur Region and Primorye in Arsenyev's Research Documents: Materials and Comments]. 272 p. Vladivostok, DVO RAN.
- Arsenyev, V. K. (2002). *Tropoyj, zavethannoyj Dersu... Sbornik rasskazov*. [Following the Path of Dersu... A Collection of Short Stories]. 103 p. Vladivostok, Dal'nevostochnijj Arsenjevskijj blagotvoritel'jnijj fond.
- Arsenyev, V. K. (2007). *Sobranie sochinenijj : v 6 tomakh*. Vol. 1. 704 p. Vladivostok, Aljmanakh "Rubezh".
- Bassin, M. (1999). *Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge, Cambridge Univ. Press.
- Cosgrove, D. (2008). *Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World*. L., I. B. Tauris.
- Deryabin, A. S. (1999). O fil'makh-puteshestv'nykh i Aleksandre Litvinove [About Expedition Films and Aleksandr Litvinov]. In *Zelenoe spasenie*, 11. Almatih, Germes, pp. 14–24.
- Direktivih VKP(b) (1931). *Direktivih VKP(b) po voprosam prosvetheniya* [Instructions of the Russian Communist Party of Bolsheviks on Education Issues]. 496 p. Moscow, OGIZ.
- Erofeev, V. A. (1929). *Po "Krihshe mira" s kinoapparatom* [On "the Roof of the World" with a Video Camera]. Moscow, Molodaya gvardiya.
- Flaherty, R. (1980). *Stat'ji. Svidetel'stva. Interv'yu* [Articles. Testimonies. Interviews]. 224 p. Moscow, Iskusstvo.
- Frank, S. (2010). *Russkie travelogi serediny 1930kh godov* [The Russian Travelogues in the mid – 1930s.]. In Kissel, W. S., Time, G. (Eds.). *Beglye vzgliady : Novoepochtenie russkikh travelogov pervoi treti 20 veka* (pp. 180–211). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kivelson, V., Neuberger, J. (Eds.) (2010). *Picturing Russia : Explorations in Visual Culture*. N. Haven, CT, Yale Univ. Press.
- Krashennnikov, S. P. (2013). *Opisanie zemli Kamchatki* [A Description of Kamchatka and the Kuril Islands]. 480 p. Moscow, Ehksmo.
- Lebedev, N. A. (1965). *Ocherki istorii kino SSSR. Nemoe kino: 1918–1934 gg.* [Essays on the history of the Cinema in the USSR. Silent Screen: 1918–1934]. 373 p. Moscow, Iskusstvo.
- Litvinov, A. A. (1955). *V Ussurijskoyj taygje : Zapiski kinorezhissera* [In the Ussuri Taiga : Notes of a Filmmaker]. In *Ural'skiy sovremennik*, 1 (29). Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 116–199.
- Litvinov, A. A. (1959). *Po sledam Arsenjeva* [Following Arsenyev]. 204 p. Vladivostok, Primorskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Litvinov, A. A. (1963). *V krayu ognedihshathikh gor* [In the Land of Fire-Spitting Mountains]. 212 p. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

- Litvinov, A. A. (1982). *Puteshestviya s kinokameroj* [Travelling with a Video Camera]. 54 p. Moscow, Vsesoyuznoe byuro propagandih kinoiskusstva.
- Litvinov, A. A. (S. n). *Pervyye shagi* [The First Steps]. Manuscript. SOKM. F. 15. Op. 2. D. 37. 4°. 3 L.
- Magidov, V. M. (1998). Kinodokumentih po vizual'noy antropologii Rossii [Cinema Documents on the Visual Anthropology of Russia]. In *Material'naya baza sferih kul'turih*, 2, pp. 11–23. Moscow, RGB.
- Malkova, V. K., Tishkov, V. A. (2009). *Kul'tura i prostranstvo*, 1. *Obrazih rossijskikh respublik v Internete* [Culture and Space, 1. Images of the Russian Republics on the Internet]. 147 p. Moscow, Institut Antropologii I Etnographii.
- Martin, T. (2001). *The Affirmative Action Empire : Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY, Cornell Univ. Press.
- Mitin, I. (2006). Mifogeografiya kak podkhod k izucheniyu mnozhestvennykh real'nostey mesta [Mythogeography as an Approach to the Investigation of Multiple Realities of a Place]. In *Gumanitarnaya geografiya : Nauchniyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh*, 3, pp. 64–82. Moscow, Institut naslediya.
- Paasi, A. (2003). Place and Region : Regional Identity in Question. In *Progress in Human Geography*. Vol. 27, no. 4, pp. 475–485.
- Papazian, E. A. (2009). *Manufacturing Truth : The Documentary Moment in Early Soviet Culture*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press.
- Polyanovsky, M. L. (1929). Za sovetскими “Nanukami” i “Changami” [Following the Soviet “Nanooks” and “Changies”]. In *Kino*, Apr. 10.
- Razlogov, K. E. (2010). *Iskusstvo ehkrana: ot sinematografa do Interneta* [The Art of the Screen: From Cinematography to the Internet]. 287 p. Moscow, ROSSPEhN.
- Remnev, A. V. (2000). Regional'niye parametrih imperskiy “geografii vlasti” (Sibir' i Dal'niiy Vostok) [The Regional Parameters of the Imperial “Geography of Power” (Siberia and the Far East)]. In *AbImperio*, 3–4, pp. 343–358.
- Remnev, A. V. (2010). Imperiya rasshiraetsya na vostok: “toponimicheskiiy nacionalizm” v simvolicheskom prostranstve Aziatskoy Rossii XIX – nachala XX veka [The Empire Broadens to the East: The “Toponymic Nationalism” in the Symbolic Space of Russia of the East between the 19th – Early Centuries]. In Nowak, A. (Ed.). *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzania* (pp. 153–168). Warsaw.
- Rieber, A. (2005). The Comparative Ecology of Complex Frontiers. In Miller, A., Rieber, A. J. (Eds.). *Imperial Rule* (pp. 177–208). Budapest, Central Europ. Univ. Press.
- Rony, F. T. (1996). *Third Eye: Race, Cinema, and Ethnographic Spectacle*. Durham : Duke Univ. Press, 1996. 320 p.
- Sarkisova O. (2015). Taming the Frontier: Aleksandr Litvinov's Expedition Films and Representations of Indigenous Minorities in the Far East. In *Studies in Russian and Soviet Cinema*, Vol. 9, no. 1, pp. 2–23.
- Schlegel, H.-J. (2002). Nemeckie impulsiih dlya sovet'skikh kul'turfil'mov 20-kh godov [German Impulses for the Soviet Kulturfilm of the 1920s]. In *Kinovedcheskie zapiski*, 58. Moscow, Ehyzhenshteyjn-centr. pp. 368–380.
- Sergeev, M. (1931). Noviihe filmih o Kamchatke [New Films about Kamchatka]. In *Kino*, 18 sept.
- Shneiderov, V. A. (1973). *Moi kinoputeshestviya* [My Cinema Travels]. 96 p. Moscow, Byuro propagandih sovet'skogo kinoiskusstva.
- Slezkine, Yu. (1994). *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, NY, Cornell Univ. Press.
- Sunderland, W. (2007). Imperial Space : Territorial Space and Practice in the Eighteenth Century. In Burbank J., Hagen M., Remnev A. (Eds.). *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington.
- Terskiy, A. N. (1930). *Ehtnograficheskaya fil'ma* [The Ethnographic Film]. 187 p. Moscow, Teakinopechatj.
- Vertov, D. (1966). *Statji, dnevniki, zamihsl'ih* [Articles, Diaries, Ideas]. 320 p. Moscow, Iskusstvo.
- Wood, A. (2011). *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. L., A&C Black.
- Zamyatin, D. N. (2006). *Kul'tura i prostranstvo : Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space : Modelling of Geographical Images]. 488 p. Moscow, Znakh.
- Zguridi, A. M. (1983). *Ehkran. Nauka. Zhiznj* [Screen. Science. Life.]. 166 p. Moscow, Iskusstvo.

DOI 10.15826/qr.2017.1.215

УДК 94(571.1/.5)+030(571.1/.5)

DAS BILD SIBIRIENS IN DER ENZYKLOPÄDIE ZEDLERS AUS DEM 18. JAHRHUNDERT*

Klaus Steinke

Friedrich-Alexander-Universität Erlangen – Nürnberg,
Erlangen, Nürnberg, Deutschland

THE IMAGE OF SIBERIA IN ZEDLER'S ENCYCLOPAEDIA (1732–1754)

Klaus Steinke

Friedrich-Alexander University Erlangen – Nürnberg,
Erlangen, Nürnberg, Germany

The German interest in Siberia dates back several centuries. During the 18th century, German scientists in particular, together with their Russian colleagues, were very active in the exploration and conquest of this region. Nevertheless, the image of Siberia and information about it remained very fragmentary and clichéd in Germany because direct contact was (and still is) very rare. Therefore, the aim of this article is to show what information was already accessible in the 18th century. Certainly, Zedler's Encyclopaedia, with 64 volumes and four supplementary volumes, was the largest German encyclopaedia of the time: it is thus a useful source for investigating common knowledge of this region. Surprisingly, there is a lot of information about Russian and Siberian geography and history within the encyclopaedia. We find a general article about Siberia of nearly nine columns over five pages in the 37th volume and two and a half columns about Tobolsk in the 44th volume. This is much more than in the last German encyclopaedias printed in the 20th century (e. g., *Der große Brockhaus*). The contents of the articles are also astonishingly extensive. We find a full description of the geography and history of the former Siberian capital, as well as a complete report about the capture of Tobolsk by Ermak. Indeed, we are even informed about the prices of fish or meat on the marketplace.

Keywords: Siberia in the 18th century; the Germans and Siberia; Tobolsk; the image of Russia; Zedler's Encyclopaedia.

* *Citation:* Steinke, K. (2017). Das Bild Sibiriens in der Enzyklopädie Zedlers aus dem 18. Jahrhundert. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 125–136. DOI 10.15826/qr.2017.1.215.

Цитирование: Steinke K. Das Bild Sibiriens in der Enzyklopädie Zedlers aus dem 18. Jahrhundert // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 125–136. DOI 10.15826/qr.2017.1.215.

Интерес немцев к Сибири проявился несколько веков назад. В XVIII в. немецкие ученые и их коллеги принимали активное участие в освоении региона. Тем не менее, образ Сибири и информация о ней в глазах широкой общественности во многом были фрагментарными и полными стереотипов, так как прямой контакт с местным населением был и остается довольно редким. Целью автора стало рассмотрение того, какая информация о Сибири была доступна немцам в XVIII в. В статье рассматривается энциклопедия И. Г. Цедлера, до сих пор являющаяся ценным источником по истории и географии этого региона. Изданная в 1732–1754 гг. в Лейпциге, энциклопедия Цедлера не уступает по полноте изложенного материала иному современному изданию. Так, в 37-м томе мы находим обзорную статью, которая повествует о Сибири и занимает почти девять колонок на пяти страницах. В 44-м томе есть статья, посвященная Тобольску, и она гораздо объемнее, чем статьи на ту же тему в более поздних немецких энциклопедиях, вышедших в XX в., например, в *Der große Brockhaus* (так называемом «Большом Брокгаузе»). Глубоко и содержательно статьи, описывающие географию и историю бывшей сибирской столицы, рассказывающих в том числе о захвате этой территории Ермаком. Статья настолько подробна, что включает сведения о ценах на рыбу и мясо на рынке в те времена. Делается вывод о том, что изучение энциклопедии И. Г. Цедлера и сегодня может быть интересным для читателя, интересующегося географическими и культурно-историческими достопримечательностями России.

Ключевые слова: Сибирь в XVIII в.; немцы и Сибирь; Тобольск; образ России; энциклопедия И. Г. Цедлера.

Das Bild Sibiriens ist in der deutschen Öffentlichkeit immer noch verschwommen, fragmentarisch und von Klischees behaftet. Sicherlich hat sich besonders in den vergangenen Jahrzehnten, vor allem seit *Perestroika* und *Glasnost*, einiges verändert und verbessert. Längst kann man ohne größere Schwierigkeiten von Deutschland nach Sibirien reisen und diese Region unmittelbar kennenlernen. Zahlreiche deutsche Journalisten haben inzwischen Sibirien besucht und darüber ausführlich berichtet. Ihre Reiseberichte und vor allem Fernsehreportagen haben erkennbare Spuren im Bewusstsein der Zuschauer hinterlassen. Sogar eine Soap-Sendung unter dem Titel „Sternflüstern“ berichtete von zwei deutschen Familien und ihren Abenteuer am Baikalsee, wo sie den Winter unter „russischen Bedingungen“ verbrachten.

Unmittelbare Erfahrungen bringen aus Sibirien auch die zahlreichen deutschstämmigen Rücksiedler mit sich, die in den letzten Jahren den Sprung nach Deutschland wagten und hier erhebliche Adaptionsprobleme haben, weil sie sich nur schwer an die neue Umgebung gewöhnen können. An ihnen zeigen sich übrigens exemplarisch die beträchtlichen Unterschiede zwischen beiden Lebenswelten. Denn die nicht geringen Schwierigkeiten bei der Eingliederung in Deutschland sind nicht nur auf mangelnde Sprachkenntnisse, sondern vor allem auch auf die andersartigen Lebensgewohnheiten zurückzuführen.

Eine geringe Rolle spielen hingegen die deutschen Touristen, die es in Sibirien immerhin schon gibt. Ihre Reisen nach Süd- und Westeuropa haben einst viel zum besseren Kennenlernen unserer Nachbarn dort beigetragen haben. Sibirien ist jedoch für den deutschen Tourismus noch immer *Terra incognita*, ein fast weißer Flecken auf der Landkarte. Nur die Reisen mit der Transsibirischen Eisenbahn von Moskau nach Vladivostok oder nach Peking erfreuen sich insbesondere bei jugendlichen Abenteuerreisenden einer gewissen Beliebtheit.

Konkretere und fundierte Kenntnisse von Sibirien bringen natürlich neben den Journalisten alle mit, die sich dort aus beruflichen Gründen längere Zeit aufgehalten haben. Dazu gehören die Deutschlehrer und Lektoren an sibirischen Schulen und Hochschulen, Wissenschaftler, Geschäftsleute und diverse Spezialisten, die für oder mit russischen Unternehmen arbeiten. Allerdings teilen sie ihre Kenntnisse selten einer größeren Öffentlichkeit mit, und diese werden deshalb kaum verbreitet. Ihr Echo ist also nicht mit den Reportagen der Journalisten oder den Erinnerungen der einstigen deutschen Kriegsgefangenen zu vergleichen.

Als die Bundesrepublik Deutschland 1955 diplomatische Beziehungen mit der Sowjetunion aufnahm, wurde während des Staatsbesuch Adenauers in Moskau die Rückführung der deutschen Kriegsgefangenen vertraglich geregelt. Deren Erlebnisse in den sibirischen Lagern formten lange Zeit die deutschen Vorstellungen von Sibirien, von denen einige Züge immer noch lebendig sind. Dazu gehört das Bild vom harten sibirischen Winter, von den erbarmungslosen Bedingungen des Lagerlebens usw. Aber es waren nicht nur negative Erinnerungen, die das Bild prägten. Insbesondere die Erinnerungen an die russischen Mitgefangenen und an die Zivilbevölkerung waren sogar überwiegend positiv. Die Hilfsbereitschaft sowie die fast freundliche und nur selten feindselige Haltung der „einfachen“ Russen gegenüber den deutschen Kriegsgefangenen, die vorher als Soldaten ihr Land überfallen hatten, wurden immer wieder mit Überraschung registriert.

Westdeutsche Journalisten durften erstmals Ende der 1950er Jahre Sibirien bereisen. Einer von ihnen war Gerd Ruge, der 1956 bis 1959 als erster westdeutscher Korrespondent nach Moskau ging und später dorthin mehrmals zurückkehrte. Er berichtete regelmäßig im Radio und später im Fernsehen über die Sowjetunion und veröffentlichte ferner einige Bücher [Ruge, 1996; Ruge, 1998]. Als erster durfte er sogar auf Anregung von Chruschtschow nach Sibirien reisen, das für westliche Journalisten bis dahin gesperrt war. Sibirien war zu jener Zeit noch ein Entwicklungsland mit mangelhafter Infrastruktur, das sich in der Aufbauphase befand. Dennoch wiederholten seine Berichte nicht alte Klischees, sondern sie zeigten vielmehr den Enthusiasmus der aus dem Westen Russlands kommenden Pioniere beim Aufbau des Landes. In diesem Zusammenhang werden manche Korrekturen am alten, überwiegend negativen Sibirienbild vorgenommen, und diese Berichte erreichten über Radio und Fernsehen ein breites Publikum bei uns. Weitere Korrespondenten folgten, und alle zog es während ihrer Tätigkeit meist auch nach Sibirien.

Nicht zu vergessen ist desgleichen die Literatur als Medium des Sibirienbildes. Allerdings stehen in den älteren Werken der russischen Literatur

die Verbannten im Vordergrund, und die Schilderung ihres Schicksals trug kaum zur Entwicklung eines positiven Bildes Sibiriens bei. Ähnlich ist es mit den Werken der deutschen Literatur in der Nachkriegszeit. So gibt es einige Romane des erfolgreichen Schriftstellers Hans Günther Konsalik, die freilich eher ein exotisches und sentimentales Bild entwerfen, das ziemlich weit von der Realität entfernt ist. Ein größeres Echo fand ebenfalls der auf Tatsachen beruhende Roman von Josef Martin Bauer *Soweit die Füße tragen*, der die erfolgreiche Flucht eines deutschen Kriegsgefangenen aus einem sibirischen Lager bis nach Persien schildert [Bauer]. Dieser Roman wurde sogar zweimal 1959 und 2001 verfilmt. Besonders die erste Verfilmung hat ein millionenfaches Publikum vor den Fernsehapparat gelockt.

Filme sind ein wichtiges Element zur Gestaltung des Images. Eine besondere Bedeutung bekam in diesem Zusammenhang die amerikanische Verfilmung von Boris Pasternaks Roman *Doktor Živago* mit Omar Sharif in der Hauptrolle. Der Film aus dem Jahre 1965 war ein riesiger Kassenerfolg und wird immer wieder im Fernsehen gesendet. Die Titelmelodie von Maurice Jarre ist längst zu einem internationalen Evergreen geworden. Natürlich ist dieses Sibirien – genau genommen handelt es sich um den Ural – à la Hollywood ziemlich kitschig und realitätsfern, aber dennoch auf das breite Publikum sehr wirksam geworden.

Dagegen hat es die Wissenschaft schwerer, ihren Beitrag zur Kenntnis Sibiriens und seiner Geschichte einem größeren Publikum näher zu bringen. Natürlich hat gerade die deutsche Wissenschaft einen erheblichen Beitrag zur Erschließung Sibiriens geleistet und immer wieder haben sich deutsche Wissenschaftler mit Sibirien beschäftigt. Stellvertretend für ihren Beitrag zum Sibirienbild soll hier nur die vor kurzem erschienene Geschichte Sibiriens des Osthistorikers Dittmar Dahlmann von der Universität Bonn genannt werden: „Sibirien – vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart“ (Paderborn, 2009).

Ein wichtiger Beitrag zum deutschen Sibirienbild, der freilich auch viel kritisiert wurde, stellt schließlich die mehrteilige Fernsehsendung unter dem Titel „Sternflüstern“ dar. In dieser Doku-Soap-Sendung wurde der Alltag von zwei deutschen Familien – eine aus der alten Bundesrepublik und die andere aus den neuen Bundesländern – gezeigt, die für die Sendung mehrere Monate unter quasi-russischen Bedingungen am Baikalsee verbrachten. Ihre Abenteuer in mehreren Folgen wurden 2004–2005 von einem Millionenpublikum im deutschen Fernsehen verfolgt und hatten damit einen größeren Einfluss auf das Bild vom heutigen Sibirien als alle Bücher oder Reportagen zusammen. Allerdings wurden bewusst sehr ungewohnte und exotische Lebensumstände in ländlicher Umgebung ausgesucht, um alte Klischees zu bedienen. Der Kontrast zum Leben in Deutschland wurde auf diese Weise noch verstärkt. – Das Leben einer deutschen Familie in Tobol'sk oder Novosibirsk wäre wahrscheinlich weniger aufregend und exotisch gewesen. – Das raue Klima, die schlechte Infrastruktur, die Schwierigkeiten im Alltag auf einem sibirischen Dorf usw. waren kaum geeignet, ein sehr positives Bild zu zeichnen. Doch gerade dieser Kontrast zum Leben in Deutschland scheint den Reiz von Sibirien auszumachen. Es sind „die Weite und Leere des Landes,

die in großen Gebieten noch unberührte Natur, die Ruhe, das extreme Klima, Zivilisationsferne“, die das Bild der Deutschen von Sibirien bestimmen, wenn man den Tenor der zahlreichen Kommentare zur Dokumentalserie „Sternengeflüster“ im öffentlichrechtlichen Fernsehen zusammenfasst. Diese Elemente des Sibirienbilds sind nicht neu, aber immer noch attraktiv und beflügeln die Phantasie in Deutschland mehr als Bohrtürme und Pipelines.

Natürlich gibt es kein einheitliches Bild von Sibirien, sondern fraglos unterschiedliche Bilder. Jemand, der wie ich mehrmals dort war, entwickelt andere Vorstellungen von Sibirien, als jemand der es nur aus Erzählungen, Zeitungsartikeln und Filmen kennt. Allerdings sind gerade die nicht auf unmittelbarer Erfahrung beruhenden Klischees und Stereotype zu einem wichtigen Untersuchungsgegenstand in den vergangenen Jahren geworden. Die „mental map“ als imaginierte Landkarte ist bereits zu einem allgemein bekannten Schlagwort und Forschungsobjekt geworden.

An dieser Stelle soll nun die Fragen für die weitere Untersuchung formuliert werden: „Wann ist das deutsche Sibirienbild entstanden? Seit wann gibt es mehr oder weniger zuverlässige Informationen, die zu diesem Bild beigetragen haben und wo konnte man sie suchen und finden?“

Zedlers Enzyklopädie

Eine bedeutende Informationsquelle stellen für die breite Öffentlichkeit spätestens seit der Aufklärung zweifellos *Enzyklopädien* dar. Dabei handelt es sich um umfangreiche und umfassende Nachschlagewerke, die in kompakter Form einen aktuellen Überblick über den Wissensstand auf vielen Gebieten zum betreffenden Zeitpunkt geben. Die heutige Form des Nachschlagewerkes ist im 18. Jahrhundert entstanden und hat in Deutschland mit Zedlers *Grossem vollständigen Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste* (1732–1754) ihren ersten Höhepunkt erreicht (fig. 1).

1. J. H. Zedler. Grossen vollständigen Universal-Lexicon. Titelblatt (Fragment)

Der Herausgeber und Verleger der Enzyklopädie Johann Heinrich Zedler (1706–1751) wurde in Breslau geboren und verstarb in Leipzig, wo er viele Jahre als Buchhändler und Verleger wirkte [Quedenbaum]. Der Nachwelt ist er vor allem als Initiator und Herausgeber des *Grossen vollständigen Universal-Lexicons* in Erinnerung geblieben, das die umfangreichste und bedeutendste deutschsprachige Enzyklopädie des 18. Jahrhunderts darstellt. Im Jahre 1727 gründete er im damaligen Verlags- und Buchhandelszentrum Leipzig seine eigene Verlagsbuchhandlung. Zu seinen bedeutenden Projekten gehörten eine Ausgabe der Schriften Martin Luthers in 22 Foliobänden sowie weitere, ebenfalls umfangreiche Nachschlagewerke, von denen jedoch das aus 64 Bänden bestehende *Universal-Lexicon* das wichtigste wurde. Die Verwirklichung dieses Projekts war mit erheblichen Schwierigkeiten verbunden, die ihm vornehmlich die Leipziger Konkurrenz bereitete. Deshalb suchte er zum Schutz seines Werks Protektion in Form von Druckprivilegien in höchsten Kreisen, insbesondere bei Monarchen. Für den 4. Band seiner Enzyklopädie konnte er 1733 sogar die russische Zarin Anna Ivanovna gewinnen. Neben dem Rechtsschutz für sein Produkt dienten insbesondere die Namen der Monarchen auch der Reklame, um Leser von der internationalen Bedeutung des Werks zu überzeugen (fig. 2, 3). Allerdings zwangen ihn finanzielle Schwierigkeiten 1737 zum Verkauf des Verlags an Johann Heinrich Wolf, und unter seiner Leitung führte er die Arbeit an der Enzyklopädie fort. Er verstarb 1751,

2. Das Bild von Anna Ivanovna im 4. Band der Enzyklopädie. 1733

Der
Allerdurchlauchtigsten, Groß-
mächtigsten
Fürstin und Frauen,
Frauen Anna
Iwanowna,
Kaiserin und souveräiner Frauen
von ganz Rußland,
 zu Moskau, Kiow, Wladimir und Groß-Neugardt,
 Gaatin von Kasan, Astracan und Siberien, Frauen von Mes-
 kow, Groß-Fürstin von Simolensko, Herzogin in Est- und Lief-
 land, und Carlien, zu Ewer, Parmien, Biatta, Bulgarien,
 und in andern Königreichen, Groß-Fürstin zu Nieder-Neugardt,
 Czernikow, Nefan, Nostow, Jaroslaw, Biotozerow, Ildorien,
 Otdorien, Kondimen, Kaiserin aller Nordwärts gelegenen
 Lande, Frauen der Landschaften Ewer und Castalien, Erb-
 Frauen und Besitzerin der Länder Georgien, Cabar-
 dien, Circassien, und des Herzogthums
 Gorki, &c. &c.
Seiner Allernädigsten Kaiserin
und Frauen.

3. Widmung an Zarin Anna Ivanovna im 4. Band der Enzyklopädie. 1733

nur ein Jahr nach dem Erscheinen des 64. und letzten Bandes seines *Universal-Lexicons*. Die vier Supplementbände erschienen bereits postum.

Die Publikation des Werks erstreckt sich auf einen Zeitraum von über zwei Jahrzehnten, d. h. von 1732 bis 1754, und die 64 Bände sowie vier Supplementbände umfassen rund 284.000 alphabetisch geordnete Einträge auf ungefähr 63.000 Seiten. Der Titel war gleichzeitig Programm für das Werk, das alles Wissen in den Bereichen *Biographie* (etwa 120.000 Einträge), *Geographie* (73.000) und allgemeines *Fachwissen* (91.000) verzeichnen sollte [Zedler]. Zitiert wird das *Universal-Lexicon* von der Forschung meist unter dem Namen des Buchhändlers und Verlegers als *Zedlersches Lexikon* oder auch nur als *Zedler*. Inhaltlich ist die Enzyklopädie an sich längst veraltet. Wenn sie dennoch 1961–1964 in Graz komplett nachgedruckt wurde, zeigt das vor allem ihre kulturhistorische Bedeutung. Dazu heißt es im Vorwort des Nachdrucks: „Es mag – vor allem für den Nichtfachmann auf dem Gebiet des Bibliothekswesens – auf dem erste Blick etwas überraschend wirken, daß eine Enzyklopädie aus dem 18. Jahrhundert im Jahr 1961 nachgedruckt wird. Seit dem ersten Erscheinen von Zedlers Universallexikon hat sich der Wissensstoff für ein derartiges Werk ja ungeheuer vermehrt, und man möchte annehmen, daß die alte Enzyklopädie daher längst überholt ist“ [Schneider]. Das stimmt jedoch nur zum Teil, den sie enthält viel Material, das man heute sonst nirgendwo mehr findet. Auch spielte damals der Umfang noch keine zentrale Rolle für die Darstellung, und die Enzyklopädie „enthält wirklich die Summe des im 18. Jahrhundert angehäuften Wissen“ in ausführlicher Form. Die heutigen Rezensenten sind voll des Lobes über die Ausführlichkeit und Gründlichkeit der Darstellung und halten das *Universal-Lexicon* für eine unentbehrliche Informationsquelle, die uns zuverlässig Auskunft über den Wissensstand in vielen verschiedenen Bereichen für das ausgehende 17. Jahrhundert und die erste Hälfte des 18. Jahrhunderts gibt. Man kann also davon ausgehen, dass auch der damalige Wissensstand über Sibirien in Deutschland reflektiert wird.

Die Enzyklopädie stützt sich auf die damals zugängliche Literatur, und zwar vorwiegend in deutscher, lateinischer, französischer und englischer Sprache. Werke in andern Sprachen werden kaum oder wie russische Arbeiten, wegen fehlender Sprachkenntnisse, gar nicht benutzt. Die Quellen werden ausführlich exzerpiert, so dass früh auch der Vorwurf des Plagiats erhoben wurde. Die Mitarbeiter an der Enzyklopädie sind weitgehend unbekannt geblieben, d. h. in der Vorrede zum ersten Band ist nur von den „neun Musen“ die Rede, welche als Spezialisten für die Artikel aus den verschiedenen Wissensbereichen zuständig seien. Die tatsächliche Zahl der Mitarbeiter hat in den 20 Jahren der Arbeit an der Enzyklopädie sicherlich mehr als nur neun betragen. Allerdings wurden früher die Namen der Lexikographen gewöhnlich nicht genannt, und es gab auch keine Kürzeln, wie das heute üblich ist. Ferner gab es wohl keine Redaktion im heutigen Sinne, sondern die an der Enzyklopädie beteiligten Gelehrten haben weitgehend unabhängig voneinander gearbeitet, weshalb es zu manchen Unstimmigkeiten und Überschneidungen in den Texten kommt. Größtenteils stammten die Mitarbeiter sicherlich von den Universitäten Halle und Leipzig, wo auch das Werk er-

schien. Namentlich erwähnt werden nur die Hauptredakteure Jacob August Franckenstein (1689–1733), Paul Daniel Longolius (1704–1779) und Carl Günther Ludovici (1707–1778). Aufschluss über das weit gefasste Programm der Enzyklopädie von Zedler gibt bereits das umfangreiche Titelblatt:

Grosses vollständiges | UNIVERSAL | LEXICON | Aller Wissenschaften und Künste, | Welche bishero durch menschlichen Verstand und Witz | erfunden und verbessert worden, | Darinnen sowohl die Geographisch-Politische | Beschreibung des Erd-Kreyses, nach allen Monarchien, | Käyserthümern, Königreichen, Fürstenthümern, Republicken, freyen Herr- | schafften, Ländern, Städten, See-Häfen, Vestungen, Schlössern, Flecken, Aemtern, Klöstern, Ge- | bürgen, Pässen, Wäldern, Meeren, Seen, Inseln, Flüssen, und Canälen; samt der natürlichen Abhandlung | von dem Reich der Natur, nach allen himmlischen | lufttigen, feurigen, wässerigen und irrdischen Cörpern, und allen | hierinnen befindlichen Gestirnen, Planeten, Thieren, Pflanzen, Metallen, Mineralien, | Saltzen und Steinen [etc.] | Als auch eine ausführliche Historisch-Genealogische Nachricht von den Durchlauchten | und berühmtesten Geschlechtern in der Welt, | Dem Leben und Thaten der Käyser, Könige, Churfürsten | und Fürsten, grosser Helden, Staats-Minister, Kriegs-Obersten zu | Wasser und zu Lande, den vornehmsten geist- und weltlichen | Ritter-Orden etc. | Ingleichen von allen Staats-Kriegs-Rechts-Policey und Haußhaltungs- | Geschäften des Adelichen und bürgerlichen Standes, der Kauffmannschaft, Handthierungen, | Künste und Gewerbe, ihren Innungen, Zünfften und Gebräuchen, Schiffahrten, Jagden, | Fischereyen, Berg-Wein-Ackerbau und Viehzucht etc. | Wie nicht weniger die völlige Vorstellung aller in den Kirchen-Geschichten berühmten | Alt-Väter, Propheten, Apostel, Päbste, Cardinäle, Bischöffe, Prälaten und | Gottes-Gelehrten, wei auch Concilien, Synoden, Orden, Wallfahrten, Verfolgungen der Kirchen, | Märtyrer, Heiligen, Sectirer und Ketzer aller Zeiten und Länder, | Endlich auch ein vollkommener Inbegriff der allergelehrtesten Männer, berühmter Universitäten | Academien, Societäten und der von ihnen gemachten Entdeckungen, ferner der Mythologie, Alterthümer, Müntz-Wissenschaft, | Philosophie, Mathematic, Theologie, Jurisprudenz und Medicin, wie auch aller freyen und mechanischen Künste, samt der Erklärung aller | darinnen vorkommenden Kunst-Wörter u. s. f. enthalten ist. <...> Halle und Leipzig, | Verlegts Johann Heinrich Zedler [Grosses].

Der Ausdruck „universal“, der in der ausführlichen Vorrede erläutert wird, macht den Anspruch der Enzyklopädie auf inhaltliche Vollständigkeit deutlich. Das gesamte zu Beginn des 18. Jahrhunderts bekannte Fachwissen soll in diesem Werk zusammengetragen und weitergegeben werden. Ganz im Sinne der Aufklärung soll die Verbreitung und Kenntnis der Wissenschaften gefördert werden: „Als eines der besten Mittel, Wissen auszubreiten und damit die Glückseligkeit zu fördern, erschien den Vertretern die Edition von enzyklopädischen Werken, die die Gesamtheit der Wissenschaften oder einzelne ihrer Disziplinen in kompakter Form dem Leser vermitteln“ [Schneider, s. 125]. Dabei geht es nicht allein um die Wissenschaften, sondern auch um die Künste und sogar um Handwerk, Gewerbe und Wirtschaft, wie im Titel und in der Vorrede vermerkt wird.

Heute wird das *Universal-Lexicon* vorwiegend als historische Quelle genutzt, die aufgrund ihrer Konzeption sehr genau darüber Aufschluss gibt, welcher Wissensstand in den verschiedenen Bereichen für das ausgehende 17. Jahrhundert und die erste Hälfte des 18. Jahrhunderts anzusetzen ist. Es wurde zudem nicht wie sonst noch üblich in Latein für einen kleinen Kreis von Gelehrten, sondern in der Volkssprache Deutsch für ein breites Publikum verfasst, weshalb sogar von einer *Demokratisierung des Wissens* gesprochen wird [Zedler]. Das Werk ist also in jeder Hinsicht ein Kind der Aufklärung.

Quellen zu Sibirien

Eine kompakte Übersicht über die Entwicklung der Kartographie und von den frühen Beschreibungen Sibiriens gibt Dahlmann in seiner Geschichte [Dahlmann, s. 105–142]. Auf die dort verzeichneten Quellen bis zu Beginn des 18. Jahrhunderts stützt sich sicher die Zedlersche Enzyklopädie, die in den Quellenangaben zu den einzelnen Artikeln namentlich aufgeführt werden. Dabei handelt es sich vorwiegend um Reiseberichte von Ausländern, die Moskau besuchten und von dort oft über Sibirien nach China weiterreisten [Алексеев; Зиннер].¹ Die Enzyklopädie erschien freilich vor der 2. Kamtschatka-Expedition, vor dem Erscheinen der Arbeiten von Johann Georg Gmelin, Gerhard Friedrich Müller usw. Geschildert wird der Wissenstand vor der systematischen Erforschung Sibiriens und man stützt sich im wesentlichen auf die veröffentlichten Aufzeichnungen von Sigismund von Herberstein, Adam Olearius, Johann Philipp Tabbert vom Strahlenberg, Friedrich Christian Weber, Adam Brand und Eberhard Isbrand Ides. Nicht alle von Ihnen sind selbst in Sibirien gewesen. Dennoch ist erstaunlich, wie viele Fakten zusammengetragen werden. Das soll nun an einigen Beispielen gezeigt werden, und zwar an den Artikeln über *Sibirien*, *Tobol'sk*, *Irtyš*, und *Ob'*.

Sibirien

Über fast neun Spalten erstreckt sich im 37. Band (1743) der Artikel zu Sibirien, was für eine deutsche Enzyklopädie aus der Mitte des 18. Jahrhunderts sicherlich eine erstaunliche Leistung darstellt. Als Gewährsleute figurieren neben Brand und Weber noch Pierre Martin de la Martinière, Adam Olearius und Nicolaas Witsen.

Der Artikel beginnt mit einer ausführlichen Beschreibung der natürlichen Grenzen Sibiriens und der zahlreichen dort beheimateten Völker. Daran schließt sich eine Diskussion über die Etymologie des Namens an, zu der die unterschiedlichen Standpunkte angeführt werden. Über den Zustand Sibiriens in vorrussischer Zeit gibt es nur vage Vermutungen, da

¹ In den Jahren 1932 und 1941 gab M. P. Alekseev Nachrichten Reisender und Schriftsteller aus Westeuropa über Sibirien aus dem 13–17 Jahrhundert heraus. E. P. Zinner führte diese Arbeit weiter, indem er 1968 Nachrichten westeuropäischer Reisender und Wissenschaftler im 18. Jahrhundert veröffentlichte. Darin sind Berichterstattungen ausländischer Diplomaten, schwedischer Kriegsgefangener, Wissenschaftler u. a. m. enthalten.

verlässliche Quellen fehlen. Als sicher gilt nur, dass es kein großes Reich, sondern nur „viele kleine Könige“ gab, die sich später ohne massiven Widerstand dem Zaren unterstellten. Über die Erschließung Sibiriens gibt es nach Auskunft der Enzyklopädie wiederum unterschiedliche Ansichten.

Zur Zeit Zedlers wurde Sibirien von einem Generalgouverneur in Tobol'sk verwaltet, und das Gebiet war ferner der Sibirischen Kanzlei (*Sibirskij prikaz*) in Moskau unterstellt. Die Finanzierung der Herrschaft und Verwaltung sowie die Regelung der Abgaben in Form von Tierfellen, d. h. vor allem Naturalien, sind weitere wichtige Punkte in dem Artikel. Erwähnt werden ebenfalls die schwierigen klimatischen Bedingungen für das Leben dort und für die Bewirtschaftung Sibiriens: „die Luft ist im Winter rau, streng und von einer unbeschreiblichen Kälte“ [Zedler, Bd. 37 (1743), S. 855]. Wirtschaftsgüter sind Honig, Wachs, Felle, aber auch Pottasche, Teer, Kaviar und getrocknete Fische. Noch keine Rolle hat die Ausbeutung der Bodenschätze gespielt, von denen einige Vorkommen an Eisen, Kupfer sowie Edelsteinen schon bekannt waren. Gesucht und bearbeitet wurden hingegen schon Steine sowie Mammut- und Walrossknochen. Auch der Duftstoff der Moschusochsen ist Gegenstand einer kleinen Abhandlung. Hingewiesen wird ebenfalls auf die Rolle Sibiriens als Strafkolonie, wobei die Unterschiede zwischen vornehmen Staatsgefangenen und anderen Delinquenten sowie ihre unterschiedliche Behandlung erörtert werden. Größere inhaltliche Überschneidungen zeigen sich übrigens mit dem Artikel über Tobol'sk, aus dem Teile einfach wortwörtlich wiederholt wurden.

Dieser Artikel hält für das deutsche Publikum eine Fülle von Informationen bereit. Er ist dabei durchaus auf der Höhe der Zeit und in seiner Darstellung, was die Quellen betrifft, sehr ausgewogen und kritisch. Sicherlich waren viele im *Sibirskij Prikaz* gesammelten Informationen geheim und die systematische Erschließung stand zu dieser Zeit noch bevor. Unter diesen Voraussetzungen konnte der Leser von der Enzyklopädie nicht mehr erwarten.

Tobol'sk

Die Ausführungen zu Tobol'sk umfassen im 44. Band (1745) von *Zedlers Enzyklopädie* drei Spalten und verzeichnen erstaunlich viele Fakten. Die Angaben sind z. T. ausführlicher als in den heutigen Enzyklopädien wie im *Großen Brockhaus* und sogar in der *Großen sowjetischen Enzyklopädie*, wobei zu berücksichtigen ist, dass der ereignisreiche Zeitraum von 1750 bis heute natürlich noch nicht erfasst wurde.

Zu Beginn werden die verschiedenen Schreibweisen – insgesamt 15 an der Zahl – angegeben: *Tobol*, *Tobolk*, *Tobolsck*, *Tobolski*, *Tobolck*, *Tobolko*, *Tobolsky*, *Toblolsk*, *Tobolska*, *Dobloska*, *Tobolsko*, *Tobolskoi*, *Tobolskoy* sowie die latinisierten Formen *Tobolium*, *Tobolsca*. Es folgen allgemeine Angaben zur Geographie: Tobol'sk ist Hauptstadt von Sibirien am Zusammenfluss von Irtyš und Tobol, teils im Tal teils auf Hügeln gelegen, und die Entfernung zu Moskau beträgt 3000 *Werst* bzw. 500 Meilen. Die Stadt ist von einer Mauer aus Ziegelsteinen umgeben und die Zitadelle (Kreml) wie auch alle Wohnhäuser bestehen noch aus Holz. Hier residieren der *Vizekönig* (Generalgouverneur), ein Archimandrit und der Metropolit für Sibirien

und Taurien. Es gibt eine von schwedischen Kriegsgefangenen gebaute Kirche und Schule sowie ein orthodoxes Kloster aus Stein. Die Stadt stellt bis zu 9.000 Soldaten und einige Tausend tatarische Kämpfer auf die Beine.

Ein besonderes Augenmerk gilt dann der Wirtschaft an diesen Knotenpunkt für den Handel zwischen Russland und China. An lokalen Produkten werden vor allem die verschiedenartigen Pelze erwähnt, und ferner wird auf die guten Bedingungen für Ackerbau und Viehzucht hingewiesen. Der fruchtbare Boden benötigt keine zusätzlichen Dünger. Erwähnt wird außerdem der Wild- und Fischreichtum dieser Region. In diesem Zusammenhang werden auch detaillierte Preisangaben gemacht, wobei sich ein erheblicher Preisunterschied zu Moskau zeigt. Die Fische sind dort wie auch Fleisch und Getreide um ein mehrfaches teurer. Diese Angaben befriedigen sicher nicht nur die allgemeine Neugier des gewöhnlichen Lesers, sondern haben wohl auch konkrete Bedeutung für Kaufleute. Nach Tobol'sk werden ferner die Verbannten und Strafgefangenen verschickt. Überaus ausführlich wird dann die Rolle Ermaks, den man übrigens als Räuber bezeichnet, und Stroganovs bei der Eroberung Sibiriens und speziell von Tobol'sk behandelt. Als konkrete Quellen werden zu diesem Artikel Adam Brand und Friedrich Christian Weber genannt.

Nicht alle Details über Tobol'sk findet man in den heutigen Enzyklopädien und vor allem nicht in dieser Ausführlichkeit. Man kannte damals noch nicht den Zwang, Platz zu sparen und möglichst kurz zu formulieren. Der deutsche Leser des 18. Jahrhunderts konnte also durchaus ein plastisches Bild von der alten sibirischen Hauptstadt Tobol'sk gewinnen, von einer Stadt, die selbst heute vielen bei uns unbekannt sein dürfte. Auffällig ist, dass die typischen Klischees über Sibirien hier kaum vorkommen.

Irtisch

Selbst der Fluss Irtyš ist im 14. Band (1735) einer kurzen Erwähnung wert, und der Leser erfährt immerhin, dass er bei Tobol'sk auf den Fluss Tobol trifft.

Oby

Der zentrale Fluss Ob', in den der Tobol mündet, hat im 25. Band (1740) ebenfalls eigenes kurzes Stichwort. Der Leser erfährt u.a., dass er schiffbar ist, angeblich in einem See entspringt (!) und schließlich in das Eismeer mündet.

Schluss

Zedlers Lebenslauf beginnt, als der von Semen Ul'janovič Remezov, dessen 375. Geburtstag wir in diesem Jahr feiern, schon zu Ende geht und er seine Karte Sibiriens längst fertig gestellt hatte. Dennoch finden wir bei Zedler noch keinen Hinweis darauf, da sie erst viel später veröffentlicht wurde. Dank der Satellitenaufnahmen sind zudem die geographischen Angaben inzwischen weiter präzisiert worden, so dass uns heute nicht mehr der Fehler hinsichtlich der Quelle des Flusses Ob' unterlaufen

würde. Die Kommunikationswege in der Wissenschaft sind dichter und schneller geworden und Informationen über Sibirien verbreiten sich dank dieses Mediums in Windeseile, so dass die Rolle von Enzyklopädien hierfür fast marginal geworden ist. Dennoch bleibt ihre Lektüre nicht nur kulturgeschichtlich weiterhin interessant.

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. : Введение, тексты и комментарии. 3-е изд. Новосибирск : Наука, 2006. 504 с.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. [Иркутск] : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1968. 248 с.

Bauer J. M. Soweit die Füße tragen. München : Ehrenwirth, 1955.

Dahlmann D. Sibirien vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Ferdinand Schöningh, 2009. 438 S.

Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste. URL: <https://www.zedler-lexikon.de/index.html?c=blaettern&seitenzahl=4&bandnummer=04&view=100&l=de> (Stand: 15.11.2016).

Quedenbaum G. Der Verleger und Buchhändler Johann Heinrich Zedler 1706–1751: ein Buchunternehmer in den Zwängen seiner Zeit; ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Buchhandels im 18. Jahrhundert. Hildesheim ; N. Y. : Olms, 1977. 312 S.

Ruge G. Weites Land. Russische Erfahrungen. Russische Perspektiven. Erfahrungsberichte. Berlin : Berlin Verlag, 1996. 477 S.

Ruge G. Sibirisches Tagebuch. Reisebericht. Berlin : Berlin Verlag, 1998. 287 S.

Seine Welt wissen : Enzyklopädien in der Frühen Neuzeit : Katalog zur Ausstellung der Universitätsbibliothek Leipzig und der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel / Hrsg. U. J. Schneider. Darmstadt : Primus, 2006. 238 S.

Zedler J. H. Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Leipzig : S. I., 1732–1754 [Reprint: Graz, 1961–1964].

References

Alekseev, M. P. (2006). Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XIII–XVII vv. : Vvedenie, teksty i kommentarii [Siberia in the Notes of Travellers and Writers from Western Europe in the 13th–17th Centuries : Introduction, Texts and Comments]. Ed. 3. 504 p. Novosibirsk, Nauka.

Bauer, J. M. (1955). Soweit die Füße tragen. München, Ehrenwirth.

Dahlmann, D. (2009). Sibirien vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. 438 S. Paderborn, München, Wien, Zürich, Ferdinand Schöningh.

Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste. URL : <https://www.zedler-lexikon.de/index.html?c=blaettern&seitenzahl=4&bandnummer=04&view=100&l=de> (Stand: 15.11.2016).

Quedenbaum, G. (1977). Der Verleger und Buchhändler Johann Heinrich Zedler 1706–1751: ein Buchunternehmer in den Zwängen seiner Zeit; ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Buchhandels im 18. Jahrhundert. 312 S. Hildesheim, N. Y., Olms.

Ruge, G. (1996). Weites Land. Russische Erfahrungen. Russische Perspektiven. Erfahrungsberichte. 477 S. Berlin, Berlin Verlag.

Ruge, G. (1998). Sibirisches Tagebuch. Reisebericht. Berlin, Berlin Verlag. 287 S.

Schneider, U. J. (Hrsg.) (2006). Seine Welt wissen : Enzyklopädien in der Frühen Neuzeit : Katalog zur Ausstellung der Universitätsbibliothek Leipzig und der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. 238 S. Darmstadt, Primus.

Zedler, J. H. (1961–1964). Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Bd. 1–64. Leipzig, S. I., 1732–1754 [Reprint: Graz, 1961–1964].

Zinner, E. P. (1968). Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII veka [Siberia in the Notes of Travellers and Scientists from Western Europe in the 18th Century]. 248 p. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

The article was submitted on 25.04.2016

DOI 10.15826/qr.2017.1.216

УДК 913(571.1)+351.712

**СИБИРСКИЙ СЕВЕР: ДИНАМИКА ОБРАЗА –
ОТ *BARREN GROUNDS* К *NORTHERN PLAIN****

Евгений Гололобов

Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Россия

**THE SIBERIAN NORTH AND THE DYNAMICS
OF AN IMAGE: FROM *BARREN GROUNDS*
TO A *NORTHERN PLAIN***

Evgeny Gololobov

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

Своеобразие русской культуры
постигалось в антитезе ее как Западу, так и Востоку.
Россия получала в этой типологии наименование Севера.

Ю. Лотман

This article analyses how the image of the Siberian North was formed by scientists, specialists, and officials as an intellectual construct that emerged from their work. The image of the region is also regarded as a phenomenon of collective consciousness. According to the author, such modelling was limited to the most vivid scientific, popular, and journalistic works, which were meant for a vast audience. The first attempt at such modelling was made in the late 1920s. This was a time of considerable administrative, social, cultural, and territorial changes, which manifested themselves not only in the central regions but also in the more remote parts of the country. The period was characterised by an intensive search for ways to develop the northern territories

* *Citation:* Gololobov, E. (2017). The Siberian North and the Dynamics of an Image: From *Barren Grounds* to a *Northern Plain*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 137–152. DOI 10.15826/qr.2017.1.216.

Цитирование: Gololobov E. The Siberian North and the Dynamics of an Image: From *Barren Grounds* to a *Northern Plain* // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 137–152. DOI 10.15826/qr.2017.1.216 / Гололобов Е. Сибирский Север: динамика образа – от *Barren Grounds* к *Northern Plain* // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 137–152. DOI 10.15826/qr.2017.1.216.

and uncover the potential of the region: it was to rely on a scientific use of its resources. These ideas were fully realised in the second half of the 20th century with the full-scale exploitation of oil and gas deposits. During the 20th century, the development of the Siberian North was based on the idea of the industrialisation of the region, which was later on implemented in practice. This industrialisation was perceived as a synonym for the development of the North. Anything that furthered the development of large-scale industry, transportation, and communications in the Siberian North was considered a positive development, while anything that impeded them had to be eliminated. In the symbolic and socio-economic space of the USSR, the Siberian North was a conquered land. However, this later led to anthropogenic environmental issues.

Keywords: Siberian North; image construction; industrial standard of territorial development; development of the North in the 20th century.

Анализируется моделирование образа региона Сибирского Севера учеными, специалистами, управленцами, по работе и долгу службы связанными с этим регионом как с интеллектуальным конструктом. Он рассматривается также как феномен общественного сознания. Инструменты такого моделирования ограничены наиболее яркими, с точки зрения автора, научными, научно-популярными и публицистическими изданиями, ориентированными на широкий круг читателей. Первая такая попытка моделирования была предпринята в конце 1920-х гг. Это время серьезных преобразований административно-территориального характера, кардинальных изменений в экономической, социальной и культурной сферах жизни общества, которые не обошли стороной и окраины государства. Именно в это время шел интенсивный поиск путей развития северных территорий, велико было стремление раскрыть потенциальные возможности региона, опираясь на научно обоснованное комплексное использование его ресурсов. В полной мере эти идеи реализовались во второй половине XX в. после широкомасштабного освоения месторождений нефти и газа. В основе освоения Сибирского Севера в XX в. лежала идея индустриализации территории, затем реализованная на практике. Фактически индустриализация региона отождествлялась с прогрессивным развитием Севера. Все, что работало на развитие крупной промышленности, транспорта, коммуникаций на Сибирском Севере, объявлялось положительным, а что препятствовало поступательному движению в этом направлении, необходимо было устранить. В символическом и социально-экономическом пространстве СССР Сибирский Север стал освоенной, покоренной территорией. Однако впоследствии это привело к экологическим проблемам техногенного и антропогенного характера.

Ключевые слова: Сибирский Север; конструирование образа; индустриальный стандарт освоения территории; освоение Севера в XX в.

Россия – это Запад или Восток? Россия – это Север!

Современный Сибирский Север, особенно его западная часть, – активно развивающийся регион, в значительной степени формирующий российский бюджет. Его значение для социально-экономического развития страны очевидно. Но так было не всегда. В первой половине XX в. социальную и экономическую значимость Сибирского Севера и Севера вообще необходимо было объяснять и доказывать, формируя его положительный образ, который, несмотря на свои богатые природные ресурсы, имел в общественном сознании и в представлениях советских и партийных руководителей негативные черты. В статье «О путях сообщения на Севере» Б. М. Житков в 1927 г. писал: «Успехи техники и изменяющиеся условия жизни обыкновенно быстро опровергают взгляд на те или иные территории как на бесполезные в государственном отношении и показывают, что научные обследования таких территорий должны производиться неустанно и заблаговременно. Канада недавно официальным актом отменила термин *Barren Grounds* (бесплодная область) и заменила его термином *Northern Plain* (северная равнина). Наши полярные окраины также отнюдь не бесплодны в экономическом отношении и требуют полезных затрат и неустанного изучения» [Житков, с. 110].

Если в начале века Север привлекал к себе романтикой, необычной красотой природы, жаждой новых открытий, то уже с 1920-х гг. он стал приобретать вполне конкретное экономическое значение, особенно для стран, расположенных в высоких широтах (Советский Союз, Канада, США, Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия).

Значительной частью Российского Севера является Север Сибири – регион, в котором на протяжении всего XX в. активно шли модернизационные процессы различной длительности и интенсивности. Сибирский Север – это не только историческая, экономико-географическая и административная реальность, но и ментальная конструкция с постоянно меняющимися границами. В статье речь пойдет о моделировании образа Сибирского Севера как интеллектуального конструкта в трудах ученых и специалистов, по работе и долгу службы связанных с Севером, и об изучении его как феномена общественного сознания. За основу автор принял следующие положения.

Образ Сибирского Севера органически связан с понятиями «Север» и «Сибирь». Но, являясь составной частью того и другого, он не тождественен каждому из этих понятий в отдельности. Этот образ сознательно конструировался интеллектуальными элитами (учеными, специалистами, писавшими на «северную тему») с целью утвердить мысль о его большом значении для страны, раскрыть потенциал региона, привлечь внимание власти и общества к необходимости его хозяйственно-экономического освоения. Развитие образа Сибирского Севера на протяжении большей части XX в. протекало под знаме-

нем модернизации в форме индустриализации, содержанием которой стало промышленное освоение сырьевых ресурсов. Следовательно, все, что соответствовало индустриальному стандарту освоения, что работало на него, было со знаком «плюс», что этому стандарту не соответствовало, препятствовало его укоренению на Сибирском Севере, оценивалось со знаком «минус». Индустриальный стандарт освоения территории подразумевает рациональный контроль не только над социальным, но и над природным окружением человека, осуществление научной революции, расширение прикладных научных исследований, распространение рационального взгляда на жизнь. Он стал воплощением победившей в СССР парадигмы «покорения природы», региональным вариантом которой стало «наступление на Север», «покорение Севера», «завоевание Севера». Образ Сибирского Севера стал составной частью процесса внутренней колонизации региона, которую советское руководство проводило под антиколониальными лозунгами¹.

Исходя из того, что географические образы – это устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате какой-либо человеческой деятельности, необходимо уточнить понятие образа региона. По характеристике исследователя, это «не просто отражение в общественном мнении представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, но и продукт коллективного воображаемого, который может сознательно конструироваться заинтересованными интеллектуальными или политическими элитами. В данном случае важно, что образы, по сути, являются моделями определенного географического пространства, создаваемыми для более эффективного достижения определенной цели» [Замятин, с. 48].

В 1929 г. в свет вышел сборник «Советский Север», который был предназначен для ознакомления советской общественности с природными условиями, бытом, культурой и историей коренного населения Севера. Вошедшие в него статьи носили популяризаторский и образовательный характер, приближая Север к интересам общества [Советский Север]. Необходимость подобного рода публикаций можно понять из выступления А. Е. Скачко в 1929 г. на VI расширенном Пленуме Комитета Севера, в котором он говорил о необходимости землеустройства малых народностей Севера². Он отмечал, что значительному количеству ответственных работников центральных органов власти, включая Наркомзем РСФСР, который, собственно, и должен был заниматься землеустройством, это дело представлялось «совершенно фантастическим, ненужным и невозможным». Широкие общественные и чиновничьи круги советского государства, как и их коллеги десятилетия назад, представляли себе Крайний Север

¹ Более подробно о культурных и социальных аспектах внутренней колонизации России см.: [Там внутри].

² Скачко Анатолий Евгеньевич (1879–1941) – офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, военный журналист и военный топограф; в 1930-е гг. — заместитель председателя Комитета Севера при ЦИК СССР.

в виде необъятных земельных пространств, безграничных площадей «ничьей», никому не принадлежащей, никем не освоенной и никак не используемой земли. Скачко ставил вопрос о том, что многие до сих пор не понимают, зачем нужно землеустройство там, «где на одного человека приходится сотни километров земли», где население с землей не связано, где оно не имеет постоянного места жительства, вечно «бродит» без всякого порядка и системы, «теряясь в бескрайних пространствах никем не измеренной и никем даже не исхоженной земли», и подчеркивал, что когда такие взгляды становятся преобладающими в учреждениях, от которых зависит включение землеустройства в программу государственных мероприятий и его финансирование, географический образ из абстракции превращается в реальный инструмент государственной политики [Скачко, с. 7].

«Ужасы» Сибирского Севера

В XIX – начале XX в. образ Севера в целом был негативным. Суровый, трудный для жизни, пустынный, безлюдный, дикий, неосвоенный, неизученный и неизвестный – основные эпитеты, выражающие отношение к краю. Север традиционно воспринимался как регион с суровыми природно-климатическими условиями, в которых человеку жить невозможно или, по крайней мере, очень тяжело, что отразилось и в русской литературе XIX в. Суровые оценки найдутся не только у Н. В. Гоголя, выросшего в южных краях, писавшего: «в искаженных чертах природы прочитывается ужас, и земля превращается в оледенелый труп» [Гоголь, т. 6, с. 120], но и у Н. А. Некрасова:

Да... страшный край. Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

[Некрасов, с. 140].

К этой цитате обратится впоследствии С. А. Бутурлин, задавшись вопросом о возможности жизни на Севере. Он же приведет свои наблюдения:

...Морозы, господствующие здесь в течение зимы, когда ртуть на целые месяцы становится твердым металлом, земля трескается, дерево становится хрупким, как стекло, так что от легких ударов по кустам и ветвям они со звоном разлетаются на куски, а при засупонивании хомута одна за другой лопаются массивные деревенские дуги [Бутурлин, с. 30]³.

³ Бутурлин Сергей Александрович (1872–1938) – русский орнитолог, путешественник, охотовед, автор работ по систематике птиц России и охотничьему хозяйству.

Суровость, пустынный, «дикость» Севера очень часто доказывались «фактом вымирания» северных коренных народов («инородцев», по терминологии рубежа XIX – первой трети XX в.). В конце XIX начале – XX в. в обыденном сознании сложился образ вымирающих народов севера, не выдерживающих натиска «цивилизации», выразившейся в форме «спирта, сифилиса и торгового обмана». Эти представления были достаточно широко распространены как в обществе, так и в органах власти в 1920-е гг.

С необходимостью территории Сибирского Севера была тесно связана его слабая заселенность: «...люди терялись в суровом краю. Одинокие, на сотни верст разбросанные фактории и шесть сотых человека на квадратный километр» [Газетные вырезки о работе на Тобольском Севере 1926–1929 гг.]. Негативно оценивалась возможности освоения Севера и из-за его бездорожья. Отсутствие надежных постоянно действующих транспортных коммуникаций усиливало ощущение оторванности от центров активной социальной жизни, что образно представил С. А. Бутурлин, в котором исследовательский талант соединился с поэтическим:

И длится наш путь бесконечный,
 Тихонько олени бредут,
 И сухо стучат их копытца,
 И нарты скрипят и ползут...
 <...>
 Не день, не неделю, не месяц
 Все длится и длится наш путь,
 Все дики картины природы:
 Пустыня, куда ни взглянуть.
 И точно во сне пролетают
 Озер бесконечная цепь,
 И рек беспредельных долины,
 И тундры бесплодная степь,
 И старого леса равнины,
 Болота, и гарь, и снега,
 И гор обнаженных вершины –
 Сибири свободной земля.

Таким образом, пространство Сибирского Севера моделировалось как отсталое, не соответствующее индустриальным стандартам: промышленность и крупные населенные пункты отсутствовали, плотность населения была близка к нулю, культурная дистанция между коренными народами Севера и населением европейской части страны была огромная. Это пространство надо было превратить в перспективную территорию, которую можно было бы освоить, использовать экономически. Север должен был стать нужным новой власти, новому государству.

«Возможности Севера огромны, и будущее его блестяще»: равнение на индустриальный стандарт

С. А. Бутурлин попытался ответить на им же поставленные вопросы: что такое Север и каковы его перспективы. По его мнению, морозы сами по себе не страшны. В доказательство он приводит пример Среднего Поволжья, в котором «почти каждую зиму доходят морозы до -43°C , а в 1892 г. доходили до -52°C , и никто еще не находил жизнь в Самаре, Ульяновске или Казани несносной из-за морозов» [Бутурлин, с. 35]. При этом одежда, используемая в средней полосе, ни в какое сравнение не идет с одеждой северян: «...поволжская овчина, хотя бы и романовская, при пятидесятиградусных морозах гресть перестает и становится ломкой, жесткой и теплопрозрачной, как жезь. Это не то, что оленный выпороток или пыжик, всегда остающийся легким, мягким и теплым» [Там же, с. 35]. Если еще учесть «чистоту северного воздуха во всякое время года, отсутствие в нем пыли, микробов», то становится очевидным, что северные морозы гораздо лучше, чем «палящая июньская жара Кулунды или окраин Туркестана» [Там же, с. 35–36]. Автор находит природу края притягательной. Тундра с северным сиянием над головой для Бутурлина лучше «туманного московского или ленинградского зимнего дня на дне одного из столичных дворов-колодцев». Север привлекателен для людей, «не любящих протоптанных дорог и избитых клише, не поддающихся предрассудкам, не нуждающихся в суматохе толпы, не боящихся самостоятельного нелегкого труда» [Там же, с. 65]. Этот суровый край воспринимается им как земля для предприимчивых, деятельных людей, для тех, кто стремится к новизне, открытиям и свершениям.

Такие же восхищенно-романтические чувства испытывал по отношению к Сибирскому Северу и Виталий Бианки. В 1930 г. он вместе с художником В. Курдовым отправился на север Западной Сибири. Во время путешествия Бианки вел записи, а художник рисовал. По возвращении они издали книгу о своих путевых впечатлениях, озаглавленную «Конец земли» [Бианки]. В этой поездке писатель познакомился с первым директором Кондо-Сосьвинского заповедника В. В. Васильевым. После возвращения в Ленинград общение друзей продолжилось. В одном из писем к Васильеву Бианки сообщал:

...Тем не менее, я каждую ночь пьян. Я бы не хотел жить в другое время; нашего времени не променяю ни на что. Мне нравится такая жизнь – это лихой полет в неизвестность. Но то, что я видел в Конце Земли, та громадная дыра в вечность снится мне ночами. Когда снится мне зеленое ущелье Сосьвы, таинственный в своей нетронутости урман, след лося на берегу, глухарь на ели, – я потом цельный день сам не свой, я в каменных громадах домов вижу громадные каменные гроба.

Черт меня дернул родиться в том веке!
Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.
Здесь места нет стыду.
Я не рожден, чтоб три раза
Смотреть по-разному в глаза.
Гощу. Гостить во всех мирах –
Высокая болезнь (Б. Пастернак).

От этой высокой болезни сдохнуть весьма просто. Погостил на Сосьве, теперь гощу в Питере – и тянет, тянет опять в урман [Письма В. В. Васильеву...].

Суровый и неприступный Сибирский Север воспринимался им в романтических красках как место для героических свершений, предоставляющее возможность проявить себя.

Пустынность и необжитость Сибирского Севера в первую очередь связывались с образом жизни его коренных малочисленных народов. Кочевые и «бродячие» народы Сибирского Севера явно не вписывались в европоцентричные индустриально заданные стандарты оседлости как высшей формы хозяйствования, товарно-денежных отношений, цивилизованного быта. Как уже отмечалось, культурная дистанция была очень велика. Это делало коренные малочисленные народы Севера объектом постоянной внутренней колонизации. Перифразируя А. Эткинда, «есть культурная дистанция – есть колониальная ситуация»⁴.

Специалисты в конце 1920-х гг. всегда подчеркивали, что коренные народы Севера создали самобытную, самоценную культуру, достижения которой необходимо использовать в современном обществе, особенно при дальнейшем освоении этих территорий. Малые народы Крайнего Севера – это «герои, стоящие на самом опасном фронте человечества». Фронт же этот – необозримые северные пространства, богатые различными ресурсами. Именно малые народы Севера должны были стать основной производительной силой, способной обеспечить продвижение общества, его экономики, дать возможность «в будущем использовать разнообразнейшие богатства, которыми так изобилуют северные области нашего материка» [Налимов, с. 21].

Очень образно и ярко о важности коренных северян для развития региона писал С. А. Бутурлин: «...мир существует не для хранителей музеев... Живые, способные, симпатичные племена севера имеют иные исторические задачи, кроме облегчения этнографического

⁴ «Нет культурной дистанции – нет колониальной ситуации» [Эткинд, с. 111].

преподавания... их физические и психические свойства, воспитание в условиях севера, весь их быт, совершенно приспособленный к полярной жизни, драгоценны и необходимы для всякой работы на севере, для всякого использования северных богатств. Эти народы сами – лучшее богатство севера, имеющее совершенно практическую, реальную ценность для государства» [Бутурлин, с. 57].

Очевидно, что будущее коренных малочисленных народов Севера рассматривалась в рамках утилитарного дискурса. Достойным внимания в их культуре признавалось то, что могло стать полезным для освоения природных ресурсов. Будучи сами приверженцами эволюционизма, поступательного движения по пути научно-технического прогресса, ученые, специалисты, ответственные работники советских учреждений и организаций, занимавшиеся по долгу службы Севером, не видели самоценности северной культуры как таковой, ее значимости для российской и мировой культуры в целом. На эволюционной лестнице развития мировой цивилизации культура народов Сибирского Севера занимала нижние ступеньки. Поэтому неосвоенность Севера переосмысливалась как его «молодость», таящая в себе колоссальные потенциальные возможности. «Разум Запада» отождествлялся с «разумом самой Истории». Тысячи поколений коренных народов Севера, их опыт освоения региона сообразно его природным условиям в качестве подлинной истории не рассматривались. Жизнь этих поколений была *предысторией* к настоящей, подлинной индустриальной истории будущего.

Пропуском в «настоящую историю» должны были стать большие потенциальные возможности региона, в первую очередь связанные с богатыми природными ресурсами, которые, правда, очень сложно добыть. С. Швецов писал о Сургутском крае: «...дикая могучая природа заключает в себе неисчерпаемые богатства, только как бы нарочно, для лучшего охранения своих сокровищ от жадности человека, она приняла суровые неприступные формы» [Швецов, с. 3]. Приверженец идеи прогресса Бутурлин отмечал: «Эти средства еще не вложены в районы Севера, этот труд еще не окристаллизовался в их тундрах, но у нас нет ни малейшего основания думать, что труд и знания человека не дадут на севере того, что они дают неизбежно везде и всегда» [Бутурлин, С. 48].

Однако попытка сформировать «положительный» образ Севера, имевшая место в конце 1920-х гг., не увенчалась успехом в полной мере. Коренные народы Севера оказались под колпаком государственной патерналистской политики, подневольный труд и ГУЛАГ вновь реанимировали образ Сибирского Севера как «места каторги и ссылки».

Радикальным образом ситуация изменилась во второй половине XX в.

Массированный бросок на Север: индустриальный стандарт – в действии

«Сеять и удобрять почву» стали с середины 1960-х гг. в связи с беспрецедентными масштабами хозяйственного освоения запасов углеводородного сырья на севере Западной Сибири. В конце 1970-х гг. известный исследователь Севера В. В. Крючков утверждал, что без этих ресурсов немислимо развитие народного хозяйства [Крючков, с. 65]. В середине 1980-х гг. Е. Е. Сыроечковский констатировал: «Трудно себе представить экономику нашей страны без нефти и газа севера Западной Сибири, без якутских алмазов, кольских апатитов, норильских цветных металлов, магаданского золота, без северной пушнины и рыбы, таежных лесных ресурсов» [Сыроечковский, с. 3]. В научной и научно-популярной литературе создавался образ Сибирского Севера, богатого нефтью, газом, цветными металлами, редкими полезными ископаемыми. Крупнейшая нефтегазовая провинция, главные запасы каменного угля и алмазов, более двух пятых всех запасов эксплуатационного лесного фонда – и все это исчислялось в тысячах километров, миллионах тонн, миллиардах кубометров. Это порождало уверенность в том, что ресурсы Севера неисчерпаемы [Белорусов, Панфилов, Сенников, с. 7; Яновский, с. 16]. Казалось, что это «кладовая без дна».

Такая высокая, без акцентов на трудных условиях добычи, оценка тиражировалась в формулировках решений партии. На ноябрьском (1981 г.) пленуме ЦК КПСС указывалось: «проведенное недавно уточнение запасов газа, нефти и конденсата в Западной Сибири еще раз показало, что природа нас не обидела. Ресурсы, которыми обладает страна, позволяют с уверенностью смотреть в будущее. Надо только по-хозяйски, с умом ими распоряжаться» [Белорусов, Великопольский, с. 4]. Сибирский Север стремительно становился в общественном сознании освоенным регионом, соответствующим индустриальным стандартам.

Тема освоения Севера эксплуатировалась в партийной риторике как предмет гордости и доказательство силы советской власти, превращаясь в момент усиления советской идентичности:

Масштабы и темпы освоения огромной почти пустынной территории, площадь которой равна всей Западной Европе, в суровых северных условиях и при почти полном бездорожье не имеют прецедента в мировой практике и практике освоения новых районов СССР. Задача решается усилиями всей страны с привлечением многих десятков научных и проектных организаций. Со всех концов страны поставляются машины, оборудование, строительные материалы [Славин, с. 151].

Не менее важной становится идея о победе человека над природой и, как следствие, о правильной политике власти в области индустриализации. Не смущала и гиперболизация достижений, рисовавшихся пафосными красками:

В глухой нехоженой сибирской тайге, в зоне, где на огромных территориях не было никаких путей сообщения, в короткий срок создана крупнейшая в стране база нефтяной и газовой промышленности. В таежных дебрях, где редко ступала нога человека, построены новые современные города, рабочие поселки. Создана и расширяется сеть железных дорог, аэродромов, речных портов [Белорусов, с. 3].

Для усиления эффекта были привлечены журналисты из братской Чехословакии. Летом 1959 г. группа корреспондентов совершила путешествие по восточным районам Советского Союза. Они посетили прииски Алдана, алмазный город Мирный, а также Братск, Ангарск, Байкал и т. д. В 1960 г. в Праге вышла книга, в которой звучала та же похвальная риторика:

Современное наступление индустриализации на восточносибирскую тайгу, некогда дикую, – результат огромной предварительной работы всего советского народа. Необходимо было воспитать и организовать великую армию отважных, готовых к испытаниям геологов, строителей, шоферов, инженеров. И только тогда смог советский народ начать генеральную атаку на восточносибирскую тайгу. Мы видели сокровища, которые тайга вынуждена отдать человеку. Мы видели трубы заводов над диким лесом и гигантские стройки в ранее недоступных местах. <...> Мы видели начало генерального наступления на Сибирь. Мы узнали человека, который доведет эту битву до победы [Ногач, Оборский, с. 9–10].

Необходимость привлечения добровольной рабочей силы для освоения Севера привела к созданию образа советского человека, каждодневный труд которого описывался в поэтически возвышенных тонах; градус риторической похвалы в публицистике зашкаливал:

...Человек все дерзновеннее, все масштабнее проникает в толщу вечной мерзлоты, покрывающей более половины территории России, в вековые дебри тайги, неоглядную синь воздушного океана и просторы Северного Ледовитого. И проникает не только как первопроходец, но и как созидатель, возводя города, сооружая дороги, рудники, электростанции. И мерой времени, и мерой пространства, и мерой ресурсов, и темпом их освоения, и, наконец, мерой труда и подвига человека Север СССР не имеет себе равных на земле [Яновский, с. 13].

Некоторое отрезвление наступило начиная с 1970-х гг., когда стало складываться понимание специфики северной природы. Разрушенные природные комплексы восстанавливаются трудно и медленно: достаточно несколько раз гусеничной технике проехать по тундре, и скудный покров из ягеля и мхов повреждается навсегда, оставляя незаживающие раны в виде оползней, эрозии почвы, опустынивания: «Только один вездеход, пройдя летом по тундре 3 км, повреждает до 1 га оленьих паст-

бищ, многократные же переезды уничтожают их полностью» [Земцов, с. 40]. Вырубки нередко заболачиваются, ценные пушные животные истребляются быстро, а восстанавливаются их популяции медленно, так как темпы их воспроизводства ниже, чем в более южных районах. Факты существенных изменений условий естественного воспроизводства биологических ресурсов вследствие интенсивного развития промышленности и других отраслей хозяйства на Севере – сокращение уловов рыбы, особенно ценных пород, заготовок промысловой пушнины и птицы – стали проникать в литературу, ориентированную на широкий круг специалистов и заинтересованных читателей [Белорусов, Панфилов, Сенников, с. 40–42]. Первозданная природа Севера, оказавшись под мощным прессом антропогенного воздействия, оказалась хрупкой и ранимой. В научной и научно-популярной литературе, посвященной проблемам освоения Севера, появляются разделы, непосредственно касающиеся вопросов охраны окружающей среды [Проблемы Севера]. Необходимость ее охраны начинает осознаваться обществом.

Изменение приоритетов в освоении природных богатств Севера с биологических ресурсов на добычу полезных ископаемых в промышленных масштабах, да еще стремительными темпами, в 1960–1980-е гг. означало автоматическое исключение представителей коренных малочисленных народов из разряда субъектов хозяйственного освоения региона. В большей степени ими интересовались археологии и этнографы. Несмотря на проведение различных конференций, на которых признавалось целесообразным и экономически оправданным использование труда народностей Севера не только в традиционных отраслях (оленоводство, охота, рыболовство), но и в промышленности, на практике рациональное сочетание традиционных и новых отраслей хозяйства носило декларативный характер в ущерб последним⁵. В советскую систему хозяйствования они вписывались плохо.

Индустриальные стандарты освоения требовали подготовленного «индустриального» человека. Вопрос заселения Сибирского Севера решался путем ширококомасштабной миграции трудоспособного населения из густонаселенных регионов СССР. «Героическим покорителем» сибирских северных просторов стал трудовой мигрант, переселенец, который, кстати, совсем не был озабочен вопросом сохранения природы. Быстрее всего росло население ближнего Севера⁶ (за 1972–1984 гг. – на 50 %), что было связано с освоением нефтяных ресурсов Тюменского Севера, лесных, минерально-сырьевых и гидроэнергетических ресурсов Приангарья, со строительством БАМа.

⁵ В качестве примера можно привести Всесоюзную научную конференцию «Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития», которая состоялась 11 октября 1983 г. в Новосибирске (см.: [Шапалин, с. 215–217]).

⁶ К ближнему Северу относились территории, находящиеся в относительной близости к основной железнодорожной сети (200–400 км), к крупным промышленным центрам с менее суровыми климатическими условиями, чем в высоких широтах [Славин, с. 12–13].

Ускоренный рост населения Севера был обусловлен, во-первых, притоком населения из других районов страны, во-вторых, высоким уровнем естественного прироста, который, как правило, был в 1,5–3 раза выше, чем в среднем в РСФСР. Приток его из других регионов был вызван интенсивным промышленным освоением этих территорий и теми льготами, которые предоставлялись населению в законодательно установленных районах Севера. Высокий уровень естественного прироста объяснялся большой долей молодых возрастов в общей численности населения [Социально-экономические проблемы Севера, с. 14].

В автономных округах Тюменской области наблюдался наибольший прирост численности населения, которое за 14 лет (1970–1984) увеличилось в ХМАО в 3,3 раза, в ЯНАО – в 3,8 раза. Эти округа дали почти 30 % общего прироста населения зоны Севера. Рост численности населения зоны Севера приходил в основном за счет горожан, число которых за указанный период увеличилось на 2,7 млн чел., что было связано с промышленной специализацией этого региона [Там же, с. 17].

Для зоны Севера стал характерен более высокий рост численности населения, чем в целом по СССР или РСФСР. С 1970 по 1984 г. население СССР выросло на 40 %. Темпы роста населения на Севере были одними из самых высоких в стране, уступая лишь Средней Азии. В результате доля населения этой зоны постоянно увеличивалась (в 1970 г. – 6,6 %, в 1984 г. – 8 % от общей численности населения РСФСР).

Такой стремительный рост не обеспечивался соответствующей подготовкой инфраструктуры, что резко обостряло социально-бытовые проблемы (с жильем, питанием, образованием, лечением и т. п.). В отдельных районах Севера он не всегда был обусловлен производственной необходимостью. Значительная часть прибывавшей сюда рабочей силы была занята в обслуживающих и вспомогательных отраслях, и ее численность была неоправданно высокой. Если в Воркутинском промузле на одного занятого в угольной промышленности приходилось четыре человека, занятых в обслуживании и вспомогательных отраслях, то в районах Среднего Приобья одного занятого на добыче нефти обслуживали 30 человек. За рубежом это соотношение составляло 1 : 1 или 1 : 2 [Там же, с. 16].

Наиболее актуальными проблемами социально-территориального развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) были повышенный уровень миграции из его подразделений и связанное с этим недостаточное соответствие вновь прибывших мигрантов по профессиональным, социально-демографическим, медико-биологическим и другим параметрам уровню требований, определяемых природными и экономическими условиями региона. В итоге на Севере оказывалось много «лишних» людей, что значительно ухудшало социальную ситуацию. Каждый второй прибывший на предприятия и стройки ЗСНГК уезжал с Севера, прожив здесь менее полутора лет [Силин, Симонов, с. 51]. Однако эти факты не предавались широкой огласке. Они становились известны узкому кругу специалистов и публиковались в отраслевых научных изданиях уже на излете советской эпохи.

Особенно выделялся север Западной Сибири. Это регион, который в беспрецедентно короткое время (середина 1960-х – середина 1980-х гг.) прошел путь от очагового освоения территории, где надо было лишь контролировать объемы добычи определенных ресурсов, до сплошного индустриального освоения с необходимостью комплексного обеспечения охраны окружающей среды. Здесь индустриальный стандарт освоения территории был реализован в полной мере.

Рассматривая образ Сибирского Севера в природно-географическом и социально-экономическом пространстве СССР, мы убеждаемся в том, что на него оказала влияние политическая парадигма «покорения природы», доминировавшая в СССР. Она выражалась и в устойчивых выражениях, таких как, например, «наступление на Север», «покорение Севера», «завоевание Севера». Преобладающим стал «ресурсный» подход, выразившийся в первостепенном развитии добывающей и тяжелой промышленности.

Акцент на развитие индустрии, на освоение природных богатств региона в промышленном масштабе привел к появлению и перемещению в символическом и географическом пространстве границы между природой и окружающей средой. В отличие от природы, не нуждающейся в людях, окружающая среда существует только там и тогда, где и когда существуют люди. Эта разница концептуальна и исторически обусловлена [Лайус, с. 94]. Промышленное освоение Севера Сибири привело к расширению территории окружающей среды и сокращению пространства природы. Образ Сибирского Севера в социально-географическом пространстве СССР и в общественном сознании совершил переход от «бесплодной земли» к «северной равнине». Отрицательная модальность сменилась положительной. Но «плюс» этот оказался в определенной степени эфемерным, будучи обременен зонами экологического бедствия и техногенных катастроф.

Список литературы

- Белорусов Д. В.* Западно-Сибирский ТПК. М. : Знание, 1982. 64 с.
- Белорусов Д. В., Великопольский С. Д.* Особенности освоения природных богатств Севера. М. : Знание, 1983. 48 с.
- Белорусов Д. В., Панфилов И. И., Сенников В. А.* Проблемы развития и размещения производительных сил Западной Сибири. М. : Мысль, 1976. 269 с.
- Бианки В.* Конец земли. Путевые впечатления 1930 года : Путевые зарисовки В. Курдова. Л. ; М. : ОГИЗ ; Молодая гвардия, 1933. 152 с.
- Бутурлин С. А.* Что такое «Север», кто там живет, и будущее мировое значение его // Советский Север : сб. ст. М. : Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. Вып. 1. С. 5–66.
- Газетные вырезки о работе на Тобольском Севере 1926–1929 гг. // ГАРФ. Ф. Р–3977. Оп. 1. Д. 485. Л. 23.
- Письма В. В. Васильеву, первому директору Кондо-Сосьвинского заповедника, от писателя В. Бианки и других // ГА ХМАО. Ф. 421. Штильмарк Феликс Робертович. Оп. 1. Д. 43. Л. 4–7.
- Гоголь Н. В.* Мысли о географии // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. М. : Худож. лит., 1967. Т. 6.
- Житков Б. М.* О путях сообщения на Севере / Советский Север. М. : Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. Вып. 1. С. 98–110.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география : Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. 331 с.

Земцов А. А. Север Западной Сибири под техногенным прессом // География и природные ресурсы. 1995. № 4. С. 38–43.

Крючков В. В. Север: природа и человек. М. : Наука, 1979. 128 с.

Лайус Ю. А. Конец природы и перспективы экологической истории [рец. на кн.: Nature's End : History and the Environment / eds. S. Sorlin & P. Warde. L. : Palgrave Macmillan, 2009] // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 93–96.

Налимов В. П. К вопросу о сотрудничестве полярных народов в научной работе и в частности в охране природы // Охрана природы. 1928. № 1. С. 20–21.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 4. Поэмы 1855–1877 гг. Л. : Наука, 1982.

Ногач З., Оборский С. Где раньше была тайга... М. : Совет. Россия, 1962. 358 с.

Проблемы Севера. Вып. 18. Развитие производительных сил и проблемы окружающей среды. М. : Наука, 1973. 238 с.

Силин А. Н., Симонов С. Г. Социально-экономическое развитие Западно-Сибирского Севера: проблемные ситуации / Изв. Сибир. отд. АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. № 1. Вып. 1. 1988. С. 50–60.

Скачко А. Е. Организация территории малых народов Севера // Советский Север : сб. ст. М. : Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. С. 3–47.

Славин С. В. Освоение Севера. М., 1975. 198 с.

Советский Север : сб. ст. М. : Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. Вып. 1. 272 с.

Социально-экономические проблемы Севера : науч. докл. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. 45 с.

Сыроечковский Е. Е. Современные проблемы охраны природы на Крайнем Севере. М. : Об-во «Знание» РСФСР, 1984. 56 с.

Там внутри : Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 960 с.

Шапалин Б. Ф. Всесоюзная научная конференция по вопросу «Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития» // Проблемы Севера. Вып. 22. Основные научные проблемы хозяйственного освоения Севера. М. : Наука, 1986. С. 215–217.

Швецов С. Очерк Сургутского края // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Кн. 10. Омск, 1888. С. 11–34.

Эткинд А. Русская литература XIX века: роман внутренней колонизации // Новое лит. обозрение. 2003. № 59. С. 103–124.

Яновский В. В. Человек и Север. Магадан : Книж. изд., 1969. 160 с.

References

Belorусov, D. V. (1982). *Zapadno-Sibirskiy territorial'no-proizvodstvenniy kompleks* [Western Siberian Territorial Production Complex]. 64 p. Moscow, Znanie.

Belorусov, D. V., Velikopol'skiy, S. D. (1983). *Osobennosti osvoeniya prirodnykh bogatstv Severa* [Peculiarities of the Natural Resources Development of the North]. 48 p. Moscow, Znanie.

Belorусov, D. V., Panfilov, I. I., Sennikov, V. A. (1976). *Problemy razvitiya i razmesteniya proizvoditel'nykh sil Zapadnoy Sibiri* [Problems of Development and Location of Production in Western Siberia]. 269 p. Moscow, Mihsli.

Bianki, V. (1933). *Konec zemli. Putevihe vpechatleniya 1930 goda : Putevihe zarisovki V. Kurdova* [The End of the Earth. Impressions of the Trip of 1930: V. Kurdov's Travel Journal]. 152 p. Leningrad, Moscow, Molodaya gvardiya.

Buturlin, S. A. (1929). Chto takoe "Sever", kto tam zhivet, i buduthee mirovogo znachenie ego [What Is "North", Who Lives there and Its Future Global Importance]. In *Sovetskiy Sever. Komitet sodeystviya narodnostyam severnykh okrain pri Prezidiume VCIK*, 1, pp. 5–66.

Etkind, A. (2003). Russkaya literatura XIX veka: roman vnutrenney kolonizatsii [19th Century Russian Literature: The Novel of Internal Colonisation]. In *Novoe literaturnoye obozrenie*, 59, pp. 103–124.

Etkind, A., Uffelman, D., Kukulin, I. (Ed.) (2012). Tam vntri : Praktiki vnutrenneyi kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii [There inside: Practices of Internal Colonisation in the Cultural History of Russia]. 960 p. Moscow, Novoe literaturnoye obozrenie.

Gogol, N. V. (1967). Mihsli o geografii [Thoughts on Geography]. In Gogol N. V. *Sobr. soch.* : v 7 t. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, Vol. 6.

Kryuchkov, V. V. (1979). *Sever: priroda i chelovek* [The North: Nature and Man]. 128 p. Moscow, Nauka.

Layjus, Yu. A. (2010). Konec prirodih i perspektivih ehkologicheskoy istorii [The End of Nature and Perspectives of Environmental History. Review of: Nature's End : History and the Environment / eds. S. Sorlin & P. Warde. L., Palgrave Macmillan, 2009]. In *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, vol. 2, Iss. 4, pp. 93–96.

Nalimov, V. P. (1928). K voprosu o sotrudnichestve polyarnikh narodov v nauchnoy rabote i v chastnosti v okhrane prirodih [On the Cooperation of Polar Peoples to Scientific Work and Environmental Protection]. In *Okhrana prirodih*, 1, pp. 20–21.

Nekrasov, N. A. (1982). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works, 15 Vols.]. Vol. 4. Poemih 1855–1877 gg. Leningrad, Nauka.

Nogach, Z., Oborsky, S. (1962). *Gde ranjshe bihla tayjga...* [Where there Used to Be Taiga]. 358 p. Moscow, Sovetskaya Rossiya.

Gazetnye vyrezki o rabote na Tobol'skom Severe 1926–1929 gg. [Newspaper Clippings on the Work in the Tobolsk North between 1926 and 1929]. In GARF. F. R–3977. Op. 1. D. 485.

Pis'ma V. V. Vasiljevu, pervomu direktoru Kondo-Sosjvinskogo zapovednika, ot pisatelya V. Bianki i drugikh [Letters to V. V. Vasilyev, First Head of Kondo-Sosvinsky Nature Reserve from Writer V. Bianki and Others] // GA KhMAO. F. 421. Shtiljmark Feliks Robertovich. Op. 1. D. 43. L. 4–7.

Problemih Severa. Vihp. 18 [Problems of the North. Iss. 18]. *Razvitie proizvoditelnykh sil i problemih okruzhayutheyj sredih*. Moscow, Nauka, 1973. 238 p.

Silin, A. N., Simonov, S. G. (1988). Socialjno-ehkonomicheskoe razvitie Zapadno-Sibirskogo Severa: problemnihe situatsii [The Social and Economic Development of the Western Siberian North: Troublesome Situations]. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Ser. ehkonomiki i prikladnoy sociologii*, 1, pp. 50–60.

Skachko, A. E. (1929). Organizatsiya territorii malihkh narodov Severa [Territorial Structure of the Minor Peoples of the North]. In *Sovetskij Sever: Komitet sodejstvviya narodnostyam severnykh okrain pri Prezidiume VCIK*, pp. 3–47.

Slavin, S. V. (1975). *Osvoeniya Severa* [The Development of the North]. 198 p. Moscow. *Sovetskij Sever : sbornik statey* [The Soviet North : A Collection of Articles]. Moscow, Komitet sodejstvviya narodnostyam severnykh okrain pri Prezidiume VCIK, 1929. Vihp. 1. 272 p.

Socialjno-ehkonomicheskie problemih Severa : nauchniye doklady (1985) [The Social and Economic Issues of the North. A Report]. 45 p. Sverdlovsk, Akademiya Nauk SSSR.

Sihroechkovskij, E. E. (1984). *Sovremennihe problemih okhranih prirodih na Kraynjem Severe* [The Modern Issues of Environmental Protection in the Far North]. 56 p. Moscow, Znanie.

Shapalin, B. F. (1986). Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya po voprosu “Narodnosti Severa: problemih i perspektivih ehkonomicheskogo i socialjnogo razvitiya” [All-Union Scholarly Conference “The People of the North: Issues and Perspectives of Socio-Economic Development”]. In *Problemih Severa*, 22. *Osnovnihe nauchnihe problemih khozyaystvennogo osvoeniya Severa*. Moscow, Nauka, pp. 215–217.

Shvecov, S. (1888). Ocherk Surgut'skogo kraja [A History of Surgut Region]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya IRGO. Kniga 10*. Omsk, S. n., pp. 11–34.

Yanovsky, V. V. (1969). *Chelovek i Sever* [Man and the North]. 160 p. Magadan, S. n. Zamyatin, D. N. (2003). *Gumanitarnaya geografiya : Prostranstvo i yazikh geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: The Space and Language of Geographical Images]. 331 p. St Petersburg, Aletejya.

Zemcov, A. A. (1995). Sever Zapadnoy Sibiri pod tekhnogennim pressom [The North of Western Siberia under Industrial Pressure]. In *Geografiya i prirodnihe resursih*, Iss. 4, pp. 38–43.

Zhitkov, B. M. (1929). O putyakh soobtheniya na Severe [About the Transportation System of the North]. In *Sovetskij Sever: Komitet sodejstvviya narodnostyam severnykh okrain pri Prezidiume VCIK*, 1, pp. 98–110.

DOI 10.15826/qr.2017.1.217
УДК 913(985)+314.72+94(470)

ПОЛИТИКА ОСВОЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И КРИТИКА ЖИЗНЕННЫХ УСЛОВИЙ АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ В НАРРАТИВАХ ХРУЩЕВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Екатерина Калеменева

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия

MASTERING THE EXTREME NORTH: POLICIES AND LIVING CONDITIONS IN ARCTIC CITIES UNDER KHRUSHCHEV'S TIME**

Ekaterina Kalemeneva

National Research University Higher School of Economics,
St Petersburg, Russia

This article considers the way in which the development policy for the Extreme North during the post-Stalin era influenced criticism of living conditions in Arctic cities. With reference to periodicals published in Vorkuta, Norilsk, and Mirny, the author analyses how the official rhetoric that claimed to improve the well-being of the local population and change the social structure of northern cities contributed to a reflection on urban issues both in the former labour camps and in new industrial cities. The abolition of the gulag and the extensive exploitation of natural resources in the USSR's Extreme North caused more people to migrate to the region in the first half of the 1950s. In official narratives of this period, the cities of the Extreme North became symbolic of the conquest of harsh nature: they were used as proof of the homogeneity of inhabited space

* Исследование проведено при поддержке программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2016 (проект № Т3–59).

** *Citation:* Kalemeneva, E. (2017). Mastering the Extreme North: Policies and Living Conditions in Arctic Cities under Khrushchev's Time. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 153–170. DOI 10.15826/qr.2017.1.217.

Цитирование: Kalemeneva E. Mastering the Extreme North: Policies and Living Conditions in Arctic Cities under Khrushchev's Time // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 153–170. DOI 10.15826/qr.2017.1.217 / Калеменева Е. Советская политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 153–170. DOI 10.15826/qr.2017.1.217

and the fact that a Soviet reality could be created in any natural conditions. Mass immigration to these cities (and the outflow of workers from central regions) favoured the free circulation of information and the emergence of strong criticism of the living conditions in the cities in question.

Keywords: Extreme North; Arctic cities; Khrushchev's thaw; migration; living conditions.

Рассматривается влияние политики освоения Крайнего Севера в после- сталинский период на появление критики условий жизни в арктических городах. Анализ материалов периодической печати Воркуты, Норильска и Мирного показывает, как официальная риторика, провозгласившая целью улучшение благосостояния населения, изменение социального состава северных городов, способствовала появлению рефлексии на городские проблемы как в бывших лагерных поселениях, так и в новых индустриальных городах. Закрытие системы ГУЛАГ, усиленное освоение полезных ископаемых на Крайнем Севере СССР стимулировали широкие и слабо контролируемые миграционные потоки в регион со второй половины 1950-х гг. С этого времени в официальных нарративах города Крайнего Севера стали символами покорения суровой природы и использовались в качестве доказательства однородности жизненного пространства, возможности создать советскую повседневность в любых природных условиях. Динамика массового притока и оттока рабочих из центральных регионов способствовала открытости информации и возникновению резкой критики существующих условий жизни в этих городах.

Ключевые слова: Крайний Север; арктические города; хрущевская оттепель; миграции; условия жизни.

Определение проблемы

Понятие «Крайний Север» имеет множество определений и географических локализаций, при этом практически половина территории России относится к регионам Крайнего Севера или приравненных к нему¹. Будучи слабо освоенной и мало исследованной территорией еще в начале XX в., с конца 1920-х гг. Крайний Север стал одним из наиболее динамично изменяющихся регионов благодаря обнаружению богатейших запасов различных полезных ископаемых. Массивное индустриальное освоение Заполярья началось с 1930-х гг., чему способствовало развитие судоходства по Северному морскому пути². История освоения советского Крайнего Севера зачастую описывает-

¹ В статье понятия «северный», «арктический» и «полярный» используются в качестве синонимов.

² В работе речь идет только о новых индустриальных поселениях на Крайнем Севере, возникавших параллельно с ресурсными и производственными очагами. Более старые северные города (например, Архангельск, Якутск и др.) имели иную социальную структуру, другие практики хозяйствования и систему управления.

ся исследователями через призму обнаружения новых месторождений и развития индустрии, колебаний или стабильности геополитических интересов и административных подходов к освоению региона [McCannon, 1998; Josephson]. Однако создание индустриальных центров влекло за собой не только появление разветвленной транспортной инфраструктуры, миграции населения, но и строительство многочисленных городов. Полярные города, нередко расположенные в сотнях километров друг от друга, стали важнейшими элементами сети (или «очагами пионерного освоения» [Славин, 1958, с. 4]), которая связала Арктический регион с центром страны в административном, социальном, экономическом и культурном отношении.

Первая массовая волна создания индустриальных поселений на Крайнем Севере была связана с разрастанием системы ГУЛАГа, когда параллельно с лагерями формировались поселки вольнонаемных, из которых позднее выросли некоторые крупнейшие арктические города [Barenberg, с. 161–198]. Однако этот процесс сложно назвать полноценной урбанизацией, если учитывать, что понятие города подразумевает не только административный статус, размеры и характер занятости населения, но и определенные социальные практики и отношения внутри пространства и к этому пространству, а потому – публичность [Сояя, с. 133–134]. Последнее было не характерно для многих северных индустриальных поселений: большинство из них не имело официального статуса города до 1940–1950-х гг. Их также сложно считать типичными городами как по организации социальной жизни (с учетом того, что большинство обитателей оказывались там не по своей воле)³, так и по их планировочной структуре. Даже возникшие в 1930-е гг. крупнейшие арктические населенные пункты Норильск и Воркута за пределами торжественно спланированного центра представляли собой хаотичное нагромождение бараков, щитовых деревянных домов или палаток, мало приспособленных к арктическому климату. Лариса Назарова, приехавшая вслед за сосланным мужем в Норильск в 1952 г. и после закрытия лагеря ставшая главным архитектором города, так описывает место, где они поселились:

Вдоль Октябрьской улицы за линией домов громоздились самодельные жилые сарайчики, так называемые балки, заносимые снегом по самую крышу. Входы в них напоминали норы, ведущие в сугроб. Здесь не было улиц, адресов и номеров построек [Назарова, с. 479–480].

Судя по материалам комплексных северных экспедиций конца 1950-х гг., внешний вид и техническое устройство других полярных городов еще меньше подходили арктическому климату [Ястребов, с. 24].

³ Говоря о социальной среде лагерных поселений, историк Голфо Алексополос вводит метафору лагеря как «крутящейся двери» (revolving door), через которую за короткое время проходили тысячи человек, зачастую не задерживаясь надолго на одном месте [Alexopoulos, с. 274–306].

Серьезные изменения в арктических индустриальных поселениях произошли после смерти Сталина, что в первую очередь было связано с постепенным закрытием системы лагерей и, как следствие, с необходимостью поиска иных принципов организации промышленности и строительства в суровом климате без применения принудительного труда [Славин, 1958; Калеменова]. Одним из наиболее действенных мобилизационных инструментов по привлечению нового населения в промышленные центры стали так называемые комсомольские призывы. Строительство тех или иных индустриальных объектов объявлялось «комсомольскими стройками», и тысячи молодых людей и девушек из различных регионов страны отправлялись в неосвоенные северные районы. Одним из последствий этого стало коренное изменение социального ландшафта поселений, куда ежегодно после 1956 г. приезжали новые строители и рабочие, часть из которых закреплялась в регионе на долгое время.

Возникает вопрос, каким образом подобное «открытие» Крайнего Севера для новых миграционных потоков с середины 1950-х гг., а также создание индустриальных городов уже без использования труда заключенных повлияло на жизнь в этих поселениях? Ряд современных исследований, посвященных развитию индустриальных городов на Крайнем Севере во второй половине XX в., затрагивают проблемы формирования новой среды Севера и Сибири [Деятельность государственных органов...; Рожанский]. К примеру, М. Рожанский на материалах устной истории жителей «палаточного» Братска, оставшихся в городе на долгие годы, анализирует современные нарративы о первом этапе формирования новых городов в Сибири [Рожанский]. Он показывает, что добровольный переезд на «стройки социализма» воспринимался как абсолютно иной этап жизни для новоприбывших. Социальная среда этих городов формировалась практически с нуля, что открывало неповторимые возможности для приезжих из разных мест, рождало ощущение романтики покорения природы и создания города своими руками. А. Болотова также указывает на важную психологическую привязку населения северных городов к их месту проживания [Болотова, с. 171–172].

В современных интервью переселенцев периода оттепели практически нет критических описаний действительности конца 1950-х гг., хотя известно, что одной из самых серьезных проблем северных индустриальных городов был масштаб обратной миграции населения. В первые годы после основания Мирного в Якутии количество ежегодно уезжавших составляло половину от приехавших в город [Протоколы Первой городской комсомольской конференции]. Позднее советские экономисты отмечали, что одной из наиболее часто проговариваемых причин этого было недовольство условиями жизни [Куцев].

Преломление официального курса освоения Севера и общественных изменений на локальном уровне прослеживается на примере трех северных городов – Норильска, Воркуты и Мирного (а также окружа-

ющих их рабочих поселков). Все эти города основаны на необжитых территориях при строительстве крупных промышленных предприятий. Тяжелые природные условия препятствовали созданию качественной инфраструктуры, что приводило к многократному удорожанию строительства, осложняло снабжение и повседневную жизнь. При этом с 1956 г. все три города благодаря приезду тысяч новых рабочих превратились в растущие промышленные центры с формирующейся урбанистической средой и со схожими проблемами для населения.

Однако между этими городами существует определенная разница. Норильск и Воркута возникли в 1930–1940-е гг. параллельно с организацией лагерей системы ГУЛАГ. Статус города Воркута получила в 1943 г., а Норильск – только в 1953. В пространственном отношении привычный городской вид имели только административные центры поселений, застроенные каменными зданиями в стиле сталинского неоклассицизма. Основное же население жило в небольших рабочих поселках при шахтах, условия жизни в которых мало отличались от лагерных. И заключенные, и вольнонаемные зачастую проживали в бараках или балках на протяжении долгого времени. Третий населенный пункт – город Мирный – был основан в 1955 г. в связи с обнаружением крупнейшего месторождения алмазов на западе Якутии, поэтому он строился уже в новых обстоятельствах – без использования принудительного труда, с учетом уже имевшегося опыта в области технологии строительства в полярном регионе. Сопоставление этих процессов позволяет выявить, насколько схожие изменения происходили в индустриальных поселениях Крайнего Севера в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Новые обитатели северных поселений, приезжавшие в годы «оттепели», сталкивались с отсутствием привычных бытовых удобств центральных городов. То, на что в годы «героического освоения Севера» в 1930-е гг. можно было закрыть глаза, стало проблемой, проговаривавшейся на разных уровнях. Для того, чтобы проследить, как менялось отношение населения северных городов к условиям жизни, как менялся градус критики, артикулировались требования улучшения жилищных и бытовых условий, автором были проанализированы материалы местной прессы с 1955 по 1965 г. (норильская газета «Заполярная правда», воркутинская «Заполярье», газета «Мирненский рабочий»), а также упоминания о проблемах северных городов в центральной прессе этого периода. Эти сведения сопоставлялись и дополнялись информацией из доступных воспоминаний и архивных материалов – результатов обследований жилой среды этих городов в 1950–1960-е гг.

Советская пресса была действенным инструментом политического воспитания, поэтому материалы газет, с одной стороны, отражают колебания партийного курса, с другой – они использовались как канал коммуникации власти и населения. Следовательно, наполнение выпуска частично делегировалось трудящимся, самостоятельно писавшим в газету о жизненных проблемах. Однако при использовании этого источника исследователь должен определить степень репрезен-

тативности содержащейся в нем информации. Кто в действительности составлял эти заметки, читатели или редакторы? Какова была их цель, и насколько достоверной и полной (с учетом цензурных ограничений⁴) была информация в советских газетных жалобах?

Во второй половине 1950-х гг. происходили важные изменения в функциях советской прессы – наряду с инструктивными и мобилизационными, она стала осуществлять задачу обратной связи между населением и администрацией [Грушин]. Поэтому даже если критические письма не полностью отражали действительность, то редакция (или вышестоящие инстанции) считали должным поднимать эти проблемы на страницах газет. Неизменная критика одних и тех же проблем на протяжении длительного времени свидетельствует о том, что в течение десятилетий конструктивного решения они не находили.

Репрезентация городов Севера в центральной прессе

Материалы местной прессы позволяют реконструировать, каким образом новая политика освоения Севера повлияла на появление критики условий жизни в северных городах. С середины 1950-х гг. стали регулярно выходить призывы лидеров партии и юридические постановления, нацеленные на освоение новых районов. Благодаря обнаружению и разведке большого количества ценнейших полезных ископаемых на Севере Сибири, в Якутии и на Дальнем Востоке в официальном дискурсе все чаще начинали звучать заявления о необходимости «всемерно развивать промышленность» северных регионов. С XX съезда КПСС особо подчеркивались значимость энергетических ресурсов Восточной Сибири и необходимость разведки нефтегазовых месторождений Западной Сибири [XX съезд, с. 80]. Из пятилетки в пятилетку увеличивались планы производства по различным отраслям тяжелой промышленности, что тоже стимулировало развитие и рост числа северных городов, являвшихся в основном промышленными моногородами. Об усилении внимания к региону также свидетельствует резкое увеличение инвестиций в развитие Крайнего Севера: в то время как с 1918 по 1960 г. на его освоение было направлено 13,5 млн руб., с 1961 по 1965 г. эта сумма составила 10,7 млн руб., а в следующие пятилетие – 17,9 млн руб. [Славин, 1972, с. 19].

Параллельно был предпринят ряд шагов по привлечению трудовых ресурсов для реализации нового курса. Одним из наиболее действенных мобилизационных инструментов были так называемые «северные льготы» – комплекс материальных и других поощрений для работников определенных отраслей. Подобные льготы законодательно были установлены Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от

⁴ К примеру, ни в норильской, ни в воркутинской газете никак не фигурирует упоминание о существовании исправительно-трудового лагеря при городе, также нигде не встречаются подробности, связанные с местными производственными комбинациями или их руководством.

10 мая 1932 г. На протяжении 1960-х гг. список районов, на которые они распространялись, и категорий лиц, которым они предоставлялись, неоднократно пересматривался. Однако об их высокой значимости свидетельствует то, что на основе этих постановлений происходило юридическое определение зоны Крайнего Севера. Социологические исследования конца 1960-х гг. показали, что материальный фактор был главным мотивом трудоустройства на северные предприятия и переезда в регион вместе с семьей [Навасардов, Сидоренко, Яновский, с. 42–43].

Другим способом стимулирования миграции являлись «комсомольские призывы», существенно изменившие социальный ландшафт Крайнего Севера. В каждый новый город или поселок переезжали молодые люди из разных регионов страны [Там же, с. 39]. К примеру, всего за полгода массовой кампании переезда комсомольцев, начавшейся с июня 1956 г., в Норильск приехало несколько тысяч молодых людей из Москвы и Ленинграда [На стройки Норильска – из Москвы, с. 1]. В результате этого в городах, возникавших на месте расформированных лагунктов, создавалась «обычная» жизнь.

Это способствовало трансформации восприятия Крайнего Севера: в то время как ранее в популярных нарративах, будучи местом деятельности героев-полярников, он романтизировался как зона подвига и борьбы с суровой стихией [McCannon, 2011], с началом массовых мобилизационных кампаний Север все больше стал позиционироваться как равнозначный другим регионам страны. С конца 1950-х гг. наряду с нарративами о «штурме природных богатств Севера» зазвучали утверждения, что «одну из важных своих задач партия видит в коренном улучшении жилищных условий трудящихся» [XX съезд, с. 80]; для подтверждения этого приводились численные показатели ежегодного увеличения капиталовложений в эту сферу.

Итак, если в первые годы индустриального освоения Крайнего Севера основное внимание уделялось вопросам добычи полезных ископаемых и развития промышленности, то в многочисленных очерках и статьях центральной прессы середины 1950-х г. важнейшим символом освоения и «усвоения» Севера стали города, внешний облик которых обязательно сравнивался с обликом городов центральных. В качестве примера можно привести слова из статьи 1958 г. с примечательным названием «Наша Арктика»:

По своей оживленности улицы поселка мало чем отличаются от улиц любого нашего районного города. Бегут автомашины, трактора тянут санные прицепы, изредка пронесется вездеход. У ребятишек те же игры: катанье с гор, лыжи, коньки [Наша Арктика].

Заметно, что основными маркерами схожести северных городов с центральными служило указание на технологическую развитость поселений, а также на их социальное благополучие.

Стремительный рост внимания к Северу со стороны государственных органов сказался на организации жизни в северных городах, на материальном и социальном облике, а также на их репрезентации. Именно с этого момента северные города стали описываться в категориях не только «нормальной жизни», но и эстетики. В одном из многочисленных писем новоприбывших комсомольцев, опубликованном в газете «Правда» в 1956 г., можно прочесть:

Что характерно для жизни в Норильске? Жизнь такая же, как в Москве. В магазинах есть все необходимое. Правда, со свежими овощами иногда трудно. Больше всего нас удивила красота города. Прямые улицы, здания очень красивой архитектуры [У нас в Норильске].

В качестве доказательства «нормальности» этих мест было достаточно базовых элементов общественной сферы: клубов, столовых, спортивного зала, кружков, а также упоминания о наличии местной газеты [Там же].

Таким образом, поворот правительственного курса к индустриальному освоению Севера в 1950-е гг. кардинальным образом изменил регион с хозяйственной, социальной и символической стороны. В риторике центральной прессы индустриальные города Крайнего Севера изображались не только как символы покорения суровой природы, но и использовались в качестве доказательства однородности советского пространства, позволявшей создавать счастливую жизнь в любых природных условиях.

Критика жилищных условий на страницах северных изданий

В конце 1950-х гг. не существовало научно обоснованной концепции заселения этих районов, и миграционные потоки практически не поддавались регулированию [Яновский, с. 83]. Поэтому изменения материальной среды всех трех городов не поспевали за резким ростом населения. Основной темой локальных газет 1950-х гг. стала городская среда, поскольку именно она в эти годы претерпевала серьезные изменения ввиду расширения производства и больших миграционных потоков. Однако в отличие от героических нарративов центральной прессы, одним из самых распространенных сюжетов здесь стали проблемы строительства: статьи или письма, затрагивавшие эти вопросы, на протяжении всех рассматриваемых лет публиковались практически в каждом номере; появлялись и специальные рубрики, посвященные письмам читателей и редакторским откликам, красноречиво именовавшиеся «Короткие сигналы», «На тему дня», «По следам неопубликованных писем». Выходили они с завидной регулярностью – с 1950-х гг. практически в каждом выпуске

можно встретить подобные сообщения. Хотя перечисленным изданиям был свойственен разный уровень партийной выдержанности и тематический разброс, обсуждение проблем, связанных с урбанистической средой, в них было предельно схожим. К примеру, в Воркуте почти сразу после закрытия лагеря, с конца апреля – начала мая 1953 г., в газете «Заполярье» стала появляться информация о проблемах бытового характера, статьи с призывами «неустанно проявлять заботу о бытовых нуждах трудящихся» и критикой ее отсутствия [Алексеев]. Более того, если в первых выпусках публиковались только редакторские критические статьи, то уже с октября 1953 г. регулярно стали появляться жалобы населения с примечательными названиями вроде «Кто должен отремонтировать дом?» или «Одни обещания» [Орехов; Гурышев]. Безусловно, определенная часть статей была посвящена демонстрации успехов строительства и повседневного героизма строителей [Передовой опыт]. Но в качестве подтверждения обращалось внимание только на количественные показатели, выражающиеся в общей сумме квадратных метров, а не на качественные. К тому же сразу после 1956 г. заметки с резкой критикой условий быта становятся намного более распространенными.

С первых же выпусков становится заметным, что одним из наиболее актуальных вопросов во всех трех городах была проблема выполнения (вернее, срыва) планов жилищного строительства. К примеру, автор статьи под названием-призывом «Покончить с оставанием на строительстве» из Воркутинского «Заполярья» апеллировал к настораживающим цифрам: годовой план строительства жилых домов на 1953 г. за девять месяцев был выполнен всего на 30 %, а план сооружения культурно-бытовых объектов – на 17 % [Викторов]. Из дальнейшего текста статьи известно, что даже полный план предполагал строительство всего четырех домов. В то же время, по данным обследования, проведенного специальной комиссией архитекторов из Ленинграда в 1957 г., ситуация с жильем в городе была катастрофической: на одного человека приходилось 2,7 м², при этом весомая часть жилого фонда состояла из непригодных помещений ввиду их недопустимого охлаждения или частичного разрушения [Перспективы развития]. Местные сессии Городских советов депутатов трудящихся неоднократно констатировали, что строительство ведется «крайне медленно и неудовлетворительно» [Задачи работников].

Даже наличие должного оборудования на стройке не являлось залогом его эффективного использования. Так, корреспондент воркутинской газеты сообщала, что работники одной из городских строек не могли использовать имевшийся у них башенный кран, поскольку на стройплощадке не были установлены рельсы, по которым он мог бы передвигаться. Впрочем, даже решение этой проблемы не спасло бы от простоя – в коллективе строителей не было специалиста, который имел право им управлять [Митякина].

Условия жизни в городах оставались неудовлетворительными и в 1960-е гг. Обязательное после 1955 г. внедрение типового каменного строительства должно было распространяться и на зону Крайнего Севера. Однако сказывались слабая разработка технологии строительства в арктических условиях, отсутствие квалифицированных кадров и сложности с поставками оборудования и строительных материалов, а также высокая стоимость труда. Экономистами в эти годы было подсчитано, что строительство в полярном регионе обходилось дороже в три-пять раз по сравнению с более южными [Славин, 1965, с. 103]. Потому даже в конце 1960-х гг. в этих городах преобладали деревянные здания барачного типа, а также палатки и балки [Выписка из протокола № 4, с. 25]. В местной прессе конца 1950-х гг. виновниками трудностей со строительством привычно указывались сами строители или руководители местных трестов. Нередко статьи заканчивались подобными резюме: «конечно, виновата не техника. Виноваты люди, которые руководят, и люди, которые работают на этой технике» [Механизмам работать]. Однако стоит усомниться в верности выбранного объекта обвинения, поскольку в эти годы большинство использовавшейся на Крайнем Севере техники совершенно не было приспособлено к местным условиям, из-за чего последняя постоянно выходила из строя [Славин, б. г., с. 214].

Влияние реформы Н. С. Хрущева на репрезентацию жилищной проблемы в северных городах

Появление требований улучшения условий проживания было связано не только с приездом сотен рабочих из центральных регионов, но и являлось следствием жилищной реформы Н. С. Хрущева, повлиявшей на актуализацию вопросов бытового комфорта в конце 1950-х гг.

В программных работах по теории социалистической архитектуры сталинского времени постулировалось, что «архитектура должна отражать все величие и красоту социалистической эпохи» [Гегелло]. Это проявилось в особой архитектурной стилистике, соединившей помпезность и солидность, что требовало существенных затрат как при строительстве публичных зданий, так и при возведении жилищ [Косенкова]. Однако в отличие от первых, доступ к квартирам в этих жилых зданиях был обеспечен сравнительно малому числу нуждающихся в жилье.

В хрущевское время официально провозглашавшиеся принципы советской архитектуры претерпели серьезные изменения. Одним из центральных мероприятий нового курса был директивный переход на типовое индустриальное строительство [Smith]. В 1957 г. необходимость отдельной квартиры для семьи была определена законодательно, что повлекло за собой серьезные трансформации в сфере системы потребления в Советском Союзе. В результате новой жилищной

политики только с 1956 по 1965 г. почти треть населения СССР переехала в отдельные новые квартиры [Жуков, с. 1]. Став важным элементом официальной риторики, картины новых микрорайонов типовых домов и переезда в отдельную квартиру практически не сходили со страниц прессы и экранов кино с конца 1950-х гг., советским людям открывалась ценность частной жизни и культура быта. Важным изменением являлось то, что дискурс культуры потребления хрущевского времени распространялся не только на средний класс, но подчеркнуто на все слои населения, в риторике времени стала фигурировать апелляция не к «населению», а к «человеку».

Последствия перехода на типовое строительство в СССР не исчерпывались только улучшением бытовых условий населения: современные исследования показывают, что опыт переезда в собственную квартиру, конструируемые принципы «научно обоснованного» современного обустройства быта способствовали трансформации советской городской повседневности, породив новые культурные образы домостроения жилого пространства [Лебина; Varga-Harris; Reid]. Важным результатом этого процесса являлось то, что населению позволялось выдвигать требования к материальной среде.

Материалы местной прессы показывают, что красивые образы «современного домашнего быта», характерные для центральных изданий, не находили места на страницах локальной печати по причине того, что местные условия жизни сложно было отнести к благоустроенным. Однако переориентация официального дискурса и изменения общественных ожиданий способствовали всплеску откликов населения на состояние жилой среды и дали ему возможность быть требовательным к бытовому комфорту. Одним из ярких идейно-событийных нарративов в северных городах стало утверждение о возможности создания города своими руками, что нередко подразумевало исполнение желания иметь такие же условия жизни, как и по всей стране [Протоколы Первой городской комсомольской конференции]. Тон голосов «снизу», звучавших на страницах печати, становился все более уверенным и критическим.

Важной вехой для Норильска и Воркуты явился 1956 г., поскольку в это время жилищный вопрос стал проявляться особо остро из-за большого притока добровольцев на комсомольские стройки. Для приема новоприбывших не нашли ничего лучшего, как оперативно переоборудовать бараки, оставшиеся после закрытия лагерей, под общежития для прибывающих сотрудников. Работавшая в эти годы в Норильской проектной конторе Л. Назарова вспоминала, в каких условиях за пару недель это было необходимо сделать:

По приезду в поселок мы увидели: столбы выдернуты, колючая проволока ограды скатана, территория покрыта зеленоватым льдом, тянущимся от деревянной уборной. Вошли в первый попавшийся барак, и в нос пахло таким воздухом, что я чуть не упала в обморок. <...>

Там еще не были убраны нары в два яруса, закрывающие небольшие зашпательные окна... Я прикинула, что можно сделать в этих условиях. Все нужно убрать, окна увеличить, а все пространство барака разделить перегородками на три части и сделать квартирki. <...> По этой схеме я переоборудовала бараки всех лаготделений [Назарова, с. 496–497].

Эта ситуация нашла отражение даже на страницах местной газеты, где в течение пары недель (срок, который первая бригада комсомольцев из Москвы находилась в пути до Норильска) публиковались тревожные статьи, сообщавшие, что ничего не готово к их приезду: у части бараков была разрушена кровля, у окон не было рам, окна даже в «готовых» бараках либо не были окрашены, либо не закрывались, отопление отсутствовало [Беспечность к доброму не приведет].

Переезд новых горожан из центральных регионов на Крайний Север совпал с частичной либерализацией местной печати, поэтому о жилищных проблемах (особенно в общежитиях) стали говорить намного чаще. В коллективном письме приехавших в Норильск говорилось:

Нас поселили в зрительном зале клуба поселка Медвежий Ручей. Здесь холодно, грязно, нет возможности спокойно отдохнуть после работы. Нередки случаи, когда по несколько дней не бывает горячей воды. Не созданы условия для приготовления пищи, а столовой в поселке нет. <...> Такое положение не может быть дальше терпимым [Короткие сигналы].

Публикация писем, столь откровенно рисующих недостатки, была не самой распространенной практикой. Чаще критика формулировалась более обтекаемо – как «ненормальные бытовые условия в некоторых общежитиях» [По следам неопубликованных писем]. Судя по публикуемым материалам, проблемы были не только в общежитиях, перестроенных из бывших бараков, но и в капитальном фонде. К примеру, в одном из писем из Норильска сообщалось, что в доме, «где живет 300 человек взрослых и 120 детей, всю зиму не работала отопительная система. На все четыре этажа имеется только один санузел... часто не бывает электросвета» [Иланский, Никифоров, Борсин].

В 1960-е гг., когда в северных городах активнее стало внедряться типовое каменное строительство, вопросы качества жизни стали подниматься чаще из-за сложностей капитального строительства в арктическом климате. Газеты печатали обращения с жалобами на «страшный холод», вследствие которого хозяевам «не в радость благоустроенная квартира», или о «текущей с потолка воде» [Человек приходит домой]. В жалобах 1960-х гг. все чаще встречается не просто формальная фраза, призывающая к «заботе о благосостоянии населения», нередко являющаяся прямой калькой с текстов выступлений лидеров партии: говоря о плохих условиях жизни, авторы уже констатируют отсутствие этой заботы. Так, характеризуя усло-

вия проживания в одном из общежитий Мирного в 1962 г., автор письма апеллирует к необходимости заботы о простых рабочих, упрекая руководителей треста в том, что они «забывают, что все это сделано руками людей, и зачастую не заботятся о создании для них нормальных бытовых условий» [Егорова]. При этом в публикациях центральных изданий сообщали о технических и промышленных победах СССР – строительстве ГЭС, прокладывании каналов и прочих «трудовых подвигах». Бесспорна мобилизационная направленность подобной информации, призывающей к повседневному героизму, а также демонстрирующей возрастающую мощь современных технологий, по соседству с которой сообщения о неподобающем уровне жизни конкретного города смотрелись особо контрастно. Таким образом, активизация жалоб являлась не только результатом остро назревшей проблемы, но и была спровоцирована официальными обещаниями «улучшения благосостояния каждой советской семьи», а также изменением общественных ожиданий и границ требований к бытовым условиям.

Судя по материалам, из рассматриваемых городов наиболее сложной была ситуация в Мирном, где директивными решениями и составлением планов на бумаге разрешить жилищную проблему никак не удавалось. К примеру, в одном из выпусков «Мирненского рабочего» за 1963 г. был опубликован отчаянный крик:

...Планы срываются из года в год. В результате до настоящего времени не ликвидированы палаточные городки, более 1300 человек проживают в палатках, насыпных городках, сараях, сотни семей ютятся в бараках, именуемых общежитиями... В результате у города до сих пор нет лица, у него нет дорог, нет благоустройства, нет нормального водоснабжения и канализации [Басанец].

По архивным источникам можно судить о том, что проект Мирного был действительно составлен с большими ошибками. Так, руководитель сектора Севера Ленинградского филиала Академии строительства и архитектуры Б. Муравьев в отчете по исследованию современной застройки северных городов отмечал:

...Проект Мирного разработан... без учета специфических условий Крайнего Севера и наличия многолетнемерзлых грунтов и без правильного прогноза бурного развития Мирного. <...> Потому население города уже сейчас испытывает большие трудности в организации нормальной жизни, быта и отдыха, что, безусловно, сказывается и на производительности труда [Тезисы выступления Муравьева Б. В.].

Примечательно эмоциональное завершение процитированной ранее газетной статьи, содержащее в себе оттенок будущего, вернее, угрозы его ненаступления:

Каждый месяц, каждый день такого строительства [по устаревшим проектам] грозит Мирному навсегда потерять возможность стать современным городом, навсегда остаться тем, что он есть, – поселением времен 1930-х годов [Басанец].

В этом отрывке интерес вызывает отождествление будущего с категорией современности, равно как и негативное использование образа города 1930-х гг., противопоставленного желаемой современности (парадоксально, что сам город был основан в 1950-е).

Таким образом, столкновение крайне неудовлетворительных бытовых условий в городах Крайнего Севера и дискурса о силе современной науки и техники, так же, как и декларируемой партийными лидерами заботы о советском человеке и постоянных срывов жилищного строительства на местах, способствовало формированию публичных требований улучшения жилой среды. В официальное понятие «современного уровня жизни» включался минимальный набор услуг, необходимых для жилищной реформы – отдельная теплая квартира в сочетании с базовыми элементами социальной сферы (детские сады и школы, больницы и магазины).

Практически невозможно установить, какие люди и какие дискуссии стояли за критическими письмами в газеты. Важнее показать, что именно в это время в арктических городах появляются требования улучшения жилой среды, ее адаптации к условиям Крайнего Севера, и одной из причин появления усиленного внимания к этим проблемам стало усиление критики в самих северных индустриальных городах, что значительно углубляет те социологические исследования мотиваций и трудностей переселенцев в районы Севера и Сибири, которые ведутся с конца 1960-х гг.

* * *

Начавшиеся в середине 1950-х гг. масштабные проекты по освоению Крайнего Севера СССР привели к серьезным изменениям социальной среды и материального пространства региона. На не обжитых ранее территориях с суровыми природными условиями за пару десятилетий возникло несколько сотен городов и рабочих поселков, население которых составляли в основном приезжие из более южных районов. Все это способствовало интериоризации огромных территорий Севера в пространство советской политики и культуры. Условия жизни в тех поселениях были далеки от комфортных, но происходившие в годы «оттепели» изменения привели к актуализации требований достойных бытовых условий для населения как в официальных нарративах, так и в среде поселенцев.

В 1950–1960-е гг. в рассмотренных нами трех северных городах произошло изменение отношения к городским проблемам, обусловленное рядом политических и общественных факторов.

Происходившие тогда перемены в официальной риторике и изменение социального состава населения северных городов способствовали появлению рефлексии на бытовые проблемы на страницах местных изданий. И хотя они не привели к быстрому кардинальному решению проблем, так как жилищное строительство сопровождалось в этих городах большими трудностями, и даже в 1960-е гг. не все нуждающиеся категории граждан могли переселиться из бараков в обещанные квартиры, однако эти перемены дали возможность публично требовать улучшений условий жизни. Именно на страницах местной прессы происходила фиксация несоответствия рисовавшейся в официальной риторике «красивой жизни» и реальных условий, которая затем проникала и в центральные издания, диктуя запрос на серьезное улучшение городской среды.

Список литературы

- Алексеев Г.* Благоустройство // Заполярье. 1953. 31 мая. С. 4.
- Басанец В.* Жилищное строительство – под контроль Совета // Мирненский рабочий. 1962. 27 янв. С. 3.
- Болотова А.* «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда» : взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 170–188.
- Викторов В.* Покончить с отставанием на строительстве // Заполярье. 1953. 11 окт. С. 4.
- Выписка из протокола № 4 заседания бюро Верхоянского районного комитета КПСС // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 8. Л. 25.
- Гегелло А. И.* Социалистический реализм в архитектуре : Основные черты советской архитектуры // ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 85.
- Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале общественного мнения : в 4 кн. М. : Прогресс-Традиция, 2001. Кн. 1. 624 с.
- Гурьшиев К.* Одни обещания // Заполярье. 1953. 18 окт. С. 3.
- Деятельность государственных органов по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI века : сб. науч. тр. Вып. 1. Новосибирск : Сибир. науч. изд-во, 2009. 226 с.
- Егорова Ф.* Не откладывать в долгий ящик // Мирненский рабочий. 1962. 15 февр. С. 3.
- Жуков К.* Техническая эстетика и оборудование квартир // Техническая эстетика. 1962. № 2. С. 1–3.
- Задачи работников строительной индустрии // Заполярная правда. 1956. 10 янв. С. 1.
- Иланский И., Никифоров Г., Борсин В.* Не занимаются бытом // Заполярная правда. 1956. 10 мая. С. 4.
- Калеменева Е. А.* Город под куполом: советские архитекторы и освоение Крайнего Севера в 1950–1960-е годы // Bulletin des Deutsches Historisches Institut Moskau. 2013. № 7. С. 93–108.
- Косенкова Ю. Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов : От творческих поисков к практике строительства. 2-е изд., доп. М. : Либроком, 2008. 440 с.
- Куцев Г. Ф.* Человек на Севере. М. : Политиздат, 1989. 217 с.
- Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы : Деструкция большого стиля : Ленинград, 1950–1960-е гг. СПб. : Победа, 2015. 484 с.
- Митякина Т.* Справедливая критика // Заполярье. 1955. 25 февр. С. 2.
- Навасардов С. М., Сидоренко И. В., Яновский В. В.* Опыт демографического обоснования проектирования экспериментальных жилых комплексов на Северо-Востоке СССР // Тр. Сев.-Вост. комплекс. науч.-исслед. ин-та. М. : Наука, 1967. С. 39–51.

- Назарова Л.* «Мы, молодые архитекторы, не сдавались и свято верили лозунгу “Все во имя человека, все для блага человека”» // О времени, о Норильске, о себе / ред.-сост. Г. И. Касабова. Кн. 5. М. : ПолиМедиа, 2004. С. 472–551.
- Наша Арктика // Известия. 1958. 1 июня. С. 3.
- Орехов Б.* Кто должен отремонтировать дом? // Заполярье. 1953. 14 окт. С. 3.
- Передовой опыт новаторов производства // Заполярная правда. 1956. 3 янв. С. 2.
- Перспективы развития населенных мест Крайнего Севера [1958] // ЦГАНТД. Ф. 17. Оп. 2–2. Д. 432. Л. 32.
- По следам неопубликованных писем // Заполярная правда. 1956. 9 февр. С. 4.
- Протоколы Первой городской комсомольской конференции // НАРС. Ф. 3051. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
- Рожанский М. Я.* Оттепель на сибирском морозе : Устная история сибирских строек. // Отеч. зап. 2012. № 5 (50). С. 184–206.
- Славин С. В.* Наступление на Север // РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 18. Л. 214.
- Славин С. В.* Некоторые закономерности хозяйственного развития Севера и пути повышения его эффективности // Проблемы Севера. Вып. 16. 1965. С. 103.
- Славин С. В.* Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М. : Изд-во экон. лит-ры, 1961. 301 с.
- Славин С. В.* Развитие производительных сил Севера и проблемы регионального научного прогресса // Проблемы Севера. Вып. 17. 1972. С. 5–20.
- Славин С. В.* Северо-Восток Советского Союза как новый формирующийся экономический район : докл. на секции район. и междунар. комплекс. проблем. М. : [Б. и.], 1958. 30 с.
- Соия Э.* Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3. С. 130–140.
- Тезисы выступления Муравьева Б. В. в Совете министров Якутской ССР о строительстве на Крайнем Севере и Северо-Востоке СССР от 21 августа 1961 года // ЦГАНТД СПб. Ф. 17. Оп. 1–1. Д. 502. Л. 1.
- У нас в Норильске // Комсомольская правда. 1956. 25 дек. С. 2.
- XX Съезд КПСС : 14–25 февраля 1956 года : стеногр. отчет : в 2 т. М. : Политиздат, 1956. Т. 1. 640 с.
- Человек приходит домой // Заполярная правда. 1964. 12 янв. С. 1.
- Яновский В. В.* Проблемы освоения Севера с привлечением минимальных трудовых ресурсов // Тр. Сев.-Вост. комплекс. науч.-исслед. ин-та. М. : Наука, 1967. С. 81–94.
- Ястребов А. Л.* Освоение Крайнего Севера и проблемы строительства // Проблемы Севера. 1964. Вып. 10. С. 19–28.
- Alexopoulos G.* Amnesty 1945 : The Revolving Door of Stalin’s Gulag // Slavic Rev. 2005. Vol. 64, № 2. P. 274–306.
- Barenberg A.* Gulag Town, Company Town : Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2014. 352 p.
- Josephson P. R.* The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge ; Massachusetts : Harvard Univ. Press, 2014. 441 p.
- McCannon J.* Red Arctic : Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. 256 p.
- McCannon J.* Tabula Rasa in the North : The Soviet Arctic and Mythic Landscapes in Stalinist Popular Culture // Studies in Modernity and National Identity: Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space / ed. by E. A. Dobrenko, E. Naiman. Seattle : WA, 2011. pp. 241–260.
- Reid S.* Cold War in the Kitchen : Gender and the De-Stalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev // Slavic Rev. 2002. Vol. 61. № 2, pp. 211–252.
- Smith M.* Property of Communists : The Urban Housing Program from Stalin to Khrushchev. DeKalb, IL : Univ. of Northern Illinois Press, 2010. 252 p.
- Varga-Harris C.* Homemaking and the Aesthetic and Moral Perimeters of the Soviet Home During the Khrushchev Era // J. of Social History. 2008. Vol. 41. № 3, pp. 561–589.

References

(1956). 20 S[”]ezd KPSS. 14–25 fevralya 1956 goda. Stenograficheskiy otchet. T. 1. [20th Congress of the Communist Party of USSR. Feb.14–25, 1956. Verbatim Report]. 640 p. Moscow, Politizdat.

(1956). *Peredovoy opyt novatorov proizvodstva* [Foremost Experience of Industrial Inventors], In *Zapolyarnaya Pravda*. 3 Jan. P. 2.

(1956) *Po sledam neopublikovannykh pisem* [Following Unpublished Letters], In *Zapolyarnaya Pravda*. 9 Feb. P. 4.

(1956). *U nas v Noril'ske* [Here, in Norilsk], In *Komsomol'skaya Pravda*. Dec. 25. P. 2.

(1956). *Zadachi rabotnikov stroitel'noy industrii* [Tasks of Building Industry Workers], In *Zapolyarnaya Pravda*. 10 Jan. P. 1.

(1958). *Nasha Arktika* [Our Arctic]. In *Izvestiya*. Jun. 1. P. 3.

(1964). *Chelovek prikhodit domoy* [Man Comes Home]. In *Zapolyarnaya Pravda*. 12 Jan. P. 1.

(2009). *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov po industrial'nomu osvoeniyu Sibiri v 20 – nachale 21 veka*. Vyp. 1 [Activities of the State Institutions for Industrial Development of Siberia. Vol. 1]. 226 p. Novosibirsk, Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo.

Alexeev, G. (1953). *Blagoustroystvo* [Domestic Improvement]/ In *Zapolyar'ye*. May 31. P. 4.

Alexopoulos, G. (2005). *Amnesty 1945: The Revolving Door of Stalin's Gulag*, In *Slavic Rev. Vol. 64, № 2*, pp. 274–306.

Barenberg, A. (2014). *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. 352 p. N. Haven, L., Yale Univ. Press.

Basanets, V. (1962). *Zhilishchnoe stroitel'stvo – pod kontrol' Soveta* [Housing – under Control of the Council], In *Mirnenskiy rabochiy*. 27 Jan. P. 3.

Bolotova, A. (2014). “*Esli ty polyubish' Sever, ne razlyubish' nikogda*”: *vzaimodeystvie s prirodoy v severnykh promyshlennykh gorodakh* [If You Fall in Love with the North, You Will Never Fall out of Love with It: Interactions with Nature in Northern Industrial Cities], In *Neprikosnovennyi zapas, 5 (97)*, pp. 170–188.

Egorova, F. (1962). *Ne otkladyvat' v dolgy yashchik* [Do not Lay aside], In *Mirnenskiy rabochiy*. 15 Feb. P. 3.

Goldin, V. I. (2011). *Arktika v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i geopolitike v 20 – nachale 21 veka: vekhi istorii i sovremennost'* [The Arctic in International Relations and Geopolitics in the 20th – Early 21st Centuries], in *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2*, pp. 22–34.

Grushin, B. A. (2001). *Chetyre zhizni Rossii v zerkale obshchestvennogo mneniya. Kn. 1.* [Four Lives of Russia through the Mirror of Public Opinion. Vol. 1]. 624 p. Moscow, Progress-Traditsiya.

Guryshv, K. (1953) *Odni obeshchaniya* [Only Promises]. In *Zapolyar'ye*. 18 Oct. P. 3.

Ilsansky, I. & Nikiforov, G. & Borsin, V. (1956) *Ne zanimayutsya bytom* [They do not Take Care of Domestic Space]. In *Zapolyarnaya Pravda*. 10 May. P. 4.

Josephson, P. R. (2014) *The Conquest of the Russian Arctic*. 441 p. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. Press.

Kallemeneva, E. A. (2013). *Gorod pod kupolom: sovetskie arkhitektory i osvoinie Kraynego Severa v 1950–1960-e gody* [City under the Dome: Soviet Architects and the Development of the Far North between the 1950s and 1960s]. In *Bulletin des Deutsches Historisches Institut Moskau, 7*, pp. 93–108.

Kosenkova, Yu. L. (2008). *Sovetskiy gorod 1940-kh – pervoy poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [Soviet City of the Late 1940s – First Part of the 1950s. From Creative Search to Building Practice]. 440 s. Moscow, Librikom.

Kutsev, G. F. (1989). *Chelovek na Severe*. [Man in the North]. 217 p. Moscow, Politizdat.

Lebina, N. B. (2015). *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy. Destruktsiya bol'shogo stilya. Leningrad, 1950–1960 gg.* [Everyday Life of the Epoch of Space and Corn. Deconstruction of the Big Style]. 484 p. St Petersburg, Pobeda.

McCannon, J. (1998). *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union*. 256 p. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press.

McCannon, J. (2011). *Tabula Rasa in the North: The Soviet Arctic and Mythic Landscapes in Stalinist Popular Culture*. Dobrenko E. A., Naiman E. (Eds). *Studies in Modernity and National Identity: Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space*, pp. 241–260. Seattle, WA.

Mityakina, T. (1955). *Spravedlivaya kritika* [Fair Criticism]. In *Zapolyar'ye*. 25 Feb. P. 2.

NARS [National Archive of the Sakha Republic]. Stock 3051. List 1. Dos. 11.

Navasardov, S. M. & Sidorenko, I. V. & Yanovskiy, V. V. (1967). *Opyt demograficheskogo obosnovaniya proektirovaniya eksperimental'nykh zhilykh kompleksov na Severo-Vostoke SSSR* [The Experience of Demographic Explanation of Designing of Experimental

House Complexes in the North-East of the USSR]. In *Trudy Severo-Vostochnogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Moscow, Nauka, pp. 39–51.

Nazarova, L. (2004). “My, molodye arkhitektory, ne sdavalis’ i svyato verili lozngu ‘Vse vo imya cheloveka, vse dlya blaga cheloveka’” [“We, Young Architects, Did not Give up and sacredly Believed in the Motto ‘Everything in Honour of Humankind, Everything for the Wellbeing of the People’”]. In Kasabova, G. I. (ed). *O vremeni, o Noril'ske, o sebe. Kniga 5*. (pp. 472–551). Moscow, PoliMedia.

Orekhov, B. (1953). Kto dolzhen otremontirovat’ dom? [Who Should Repair the House?]. In *Zapolyar’ e*. 14 oct. P. 3.

Reid, S. (2002). Cold War in the Kitchen: Gender and the De-Stalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev. In *Slavic Rev*, Vol. 61, № 2, pp. 211–252.

RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock. 746. List 1. Dos. 18.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-economic History]. Stock 556. List 14. Dos. 8.

Rozhanskiy, M. Ya. (2012). Ottepel’ na sibirskom morose : Ustnaya istoriya sibirskikh stroek [The Thaw in Siberian Frost. Oral History of Siberian Construction Works]. In *Otechestvennyye zapiski*, 5 (50), pp. 184–206.

Slavin, S. V. (1958). *Severo-Vostok Sovetskogo Soyuza kak novyy formiruyushchisya ekonomicheskii rayon : Doklad na sektiis rayonnykh i mezhdunarodnyy kompleksnykh problem* [The North-East of the USSR as a New Emerging Economic Region. Report on the Session of Regional and International Complex Problems]. 30 p. Moscow.

Slavin, S. V. (1961). *Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR* [Industrial and Transport Mastering of the North of the USSR]. 301 p. Moscow, Izdatel'stvo ekonomicheskoy literatury.

Slavin, S. V. (1965). Nekotorye zakonomernosti khozyaystvennogo razvitiya Severa i puti povysheniya ego effektivnosti [Some Objective Laws of the Development of the North and Ways to Increase Its Effectiveness]. In *Problemy Severa*, 16, pp. 103.

Slavin, S. V. (1972). Razvitie proizvoditel'nykh sil Severa i problemy regional'nogo nauchnogo progressa [The Development of Productive Forces of the North and Issues of Regional Scientific Progress]. In *Problemy Severa*. Vol. 17, pp. 5–20.

Smith, M. (2010). *Property of Communists : The Urban Housing Program from Stalin to Khrushchev*. 252 p. DeKalb, IL, Univ. of Northern Illinois Press.

Soya, E. (2008) Kak pisat’ o gorode s tochki zreniya prostranstva? [How to Write about a City in Terms of Space?]. In *Logos*, 3, pp. 130–140.

TsGALI SPb [Central State Archive of Literature and Arts, St Petersburg]. Stock 347. List 2. Dos. 85.

TsGANTD SPb [Central State Archive of Scientific-Technical Documentation]. Stock 17. List 2–2. Dos. 432. Stock 17. List 1–1. Dos. 502.

Varga-Harris, C. (2008). Homemaking and the Aesthetic and Moral Perimeters of the Soviet Home during the Khrushchev Era. In *J. of Social History*. Vol. 41. № 3, pp. 561–589.

Viktorov, V. (1953). Pokonchit’ s ostavaniem na stroitel'stve [To Finish the Underun in Construction Works]. In *Zapolyar’ e*. 11 Oct. P. 4.

Yanovsky, V. V. (1967). Problemy osvoeniya Severa s privlecheniem minimal'nykh trudovykh resursov [Problems of Development of the North with Minimal Labour Resources]. In *Trudy Severo-Vostochnogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Moscow, pp. 81–94.

Yastrebov, A. L. (1964). Osvoenie Kraynego Severa i problemy stroitel'stva [Mastering of the Extreme North and the Problems of Construction Works]. In *Problemy Severa*, 10, pp. 19–28.

Zhukov, K. (1962). Tekhnicheskaya estetika i oborudovanie kvartir [Technical Aesthetics and Facilities in Apartments]. In *Tekhnicheskaya Estetika*, 2, pp. 1–3.

The article was submitted on 15.05.2016

FOREIGNERS IN RUSSIAN SERVICE

DOI 10.15826/qr.2017.1.218

УДК 94(571.1/.5)+314.72+325.1(495)

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА ГРЕЧЕСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ XVII в.: ПУТИ И СУДЬБЫ*

Татьяна Опарина

Российская академия живописи,
ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
Москва, Россия

THE DEPORTATION OF GREEK SETTLERS TO SIBERIA IN THE 17TH CENTURY: ROUTES AND DESTINIES**

Tatiana Oparina

Ilya Glazunov Academy of Painting,
Sculpture, and Architecture,
Moscow, Russia

This article is devoted to the exile of Greeks to Siberia during the first half of the 17th century. Siberia's colonisation by voluntary immigrants and exiles gave rise to a complex ethno-cultural environment characterised by a mixture of cultures and traditions. It may seem surprising that Greek immigrants lived in such a severe climate, but a colony was formed in Tomsk in the 17th century: it consisted of exiles sent from Moscow to Siberia for various crimes. Exiles would often have unusual fates, which is illustrated here by four biographies. Two exiles (Stepan Aleksandrov and Nikolay Petrov son Skularikov) were false monks who had come to Moscow to collect donations: they then practised alchemy with the help of a magic crystal in an attempt to make gold. The other two came from Trebizond and might have

* Исследование подготовлено при поддержке РФНФ (международный проект КЕРИЕ № 12–21–14001). Автор приносит глубокую благодарность О. Ф. Кудрявцеву, В. Г. Ченцовой, И. Р. Соколовскому за помощь при работе над статьей. Светлая память Д. Я. Резуну, делившемуся своими материалами и наблюдениями.

** *Citation:* Oparina, T. (2017). The Deportation of Greek Settlers to Siberia in the 17th Century: Routes and Destinies. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 171–196. DOI 10.15826/qr.2017.1.218.

Цитирование: Oparina T. The Deportation of Greek Settlers to Siberia in the 17th Century: Routes and Destinies // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 171–196. DOI 10.15826/qr.2017.1.218 / Опарина Т. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 171–196. DOI 10.15826/qr.2017.1.218.

been related. Yuri Trapezundsky had served as an Algerian corsair and as a Dutch and English soldier. In Moscow, he rose through the ranks to become a captain in the *Inozemsky Prikaz* (Office for the Affairs of Foreigners). Manuil Konstantinov had been taken from his homeland by Don Cossacks during a raid and then sold to a German goldsmith in Russia. The fact that he was an Orthodox Christian helped him regain his freedom. During the Smolensk War (1632–1634), these two Greeks found themselves behind enemy lines and provided the Polish commanders with important information about the state of the Russian troops. Managing to leave Poland, they decided to return to Russia to serve in the *Inozemsky Prikaz*. During a major conflict in the Greek community a decade later, Yuri Trapezundsky and Manuil Konstantinov were denounced. They were charged with treason and exiled to Siberia. In Tomsk, they met Stepan Aleksandrov and together participated in numerous activities, such as uprisings, the exploration of new lands, and the construction of jails. They also helped subject indigenous Siberian peoples to Russian rule.

Keywords: immigration; the conquest of Siberia; Greek colony; ethno-cultural environment.

Статья посвящена пребыванию греков в Сибири в первой половине XVII в. Колонизация Сибири добровольными переселенцами и ссыльными породила сложную этнокультурную среду. Сплетение культур и традиций стало особенностью этого региона. Самым неожиданным для современного читателя является появление в зоне с суровым климатом греческих иммигрантов. В частности, в Томске в XVII в. сформировалась греческая колония, которая состояла из поселенцев, сосланных из Москвы за различные преступления. Ссыльные имели необычные судьбы, что ярко представлено в колоритных биографиях четырех героев статьи. Двое ссыльных (Степан Александров и Николай Петров сын Скулариков) являлись лжемонахами, приезжавшими ранее в Москву для сбора пожертвований, а также участвовали в алхимических практиках, пытаясь получить золото при помощи магического кристалла. Другие происходили из Трапезунда и были, возможно, родственниками. Юрий Трапезундский побывал алжирским корсаром, голландским и английским солдатом, а в Москве дослужился до чина ротмистра в Иноземском приказе. Мануил Константинов был увезен с родины донскими казаками во время грабительских рейдов, затем был перепродан в России немецкому ювелиру. Ссылки на православное исповедание помогли холопу добиться свободы. Во время Смоленской войны (1632–1634) земляки оказались в лагере противника и передали польскому командованию важную информацию о состоянии русских войск. Впоследствии они сумели покинуть Польшу и решили вернуться в Россию для службы в Иноземском приказе. Спустя десятилетие во время крупного конфликта в греческом

землячестве на Юрия Трапезундского и Мануила Константинова был составлен донос. Следствие признало их виновными в измене и отправило в сибирскую ссылку. В Томске греки встретили Степана Александра и развернули разнообразную деятельность: участвовали в восстаниях, осваивали новые территории, строили остроги и приводили в русское подданство сибирские народы.

Ключевые слова: иммиграция; освоение Сибири; греческая колония; этнокультурная среда.

Заселение Сибири добровольными мигрантами и ссыльными порождало сложную этнокультурную среду. Освоение новых территорий осуществлялось людьми, не боявшимися расстояний и трудностей, способными на решительные, а иногда и отчаянные поступки. Немалую роль в этом процессе сыграли иммигранты, имевшие боевой опыт сражений и умевшие рисковать.

К середине XVII в. в Сибири находились греческие иммигранты, сосланные туда за различные преступления. Они служили в гарнизоне Мангазеи [Опарина, 2016б], но более всего сконцентрировались в Томске, где сформировалась греческая колония. Факты присутствия греков в Томске фиксировались [Покровский; Соколовский], однако время и причины их появления в городе оставались невыясненными. Между тем, источники позволяют восстановить их биографии в подробностях. Истории жизни этих ссыльных рисуют совершенно определенный тип поведения. Авантюрный склад характера «гречан» помог им не только выжить в новых условиях, но и занять значительное место в администрации сибирского города.

Первоначально в Томске оказались Степан Александров и Николай Петров сын Скулариков, замешанные в деле об алхимических практиках Дмитрия Палеолога, который константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом был признан потомком византийской императорской династии [Опарина, 2016а]. Иностранцы приехали в Россию в свите этого лжекнязя, вероятно, предложившего царю Михаилу Федоровичу пополнять казну за счет опытов с философским камнем. Когда всплыли неблагоприятные поступки иммигрантов, началось расследование. Их опознали в Москве некие греки, заявившие, что под видом архимандрита и монаха они уже приезжали в Россию для получения «милостыни»: «...государево жалованье выгнали воровством» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 37. Л. 514, 522]. К сожалению, в сохранившихся документах не указаны даты поездок. В соответствии с нормами судопроизводства извет греков был подан в Посольский приказ. После проведенного расследования было вынесено незамедлительное решение: «посланы в Сибирь в Томской город, а велено их написать в служивые люди» [Там же. Л. 514]. На Дмитрия Палеолога, помимо обвинений в обмане его приближенных, был получен донос о неоплаченном долге.

Два других человека его свиты, Юрий Стомат и Иван Дмитриев, теперь заявляли, что никогда не нанимались к нему на службу, а были купцами, имевшими собственное дело. Встретившись в «Мутьянской» земле (Румынии), торговцы дали Дмитрию Палеологу займы внушительную сумму в 1070 золотых под залог алмаза. Последний обещал незадачливым купцам, что продаст камень в царскую казну и сможет вернуть долг:

А сказывал он у себя камень, что везет тот камень к государю к Москве, и как де государь пожалует, велит ему за тот камень деньги дати, и он де имь за те золотые заплатит деньгами [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 37. Л. 517].

При допросе Дмитрия на вопрос:

Что ему он тово посулил и тот камень, что он у себя сказывал, где ныне у него на Москве и какой камень?

находчивый иностранец ответил туманно:

А камень де у него был велик олмаз, да как де убили турсково царя Асмана салтана и казну всю розграбили, и про тот де камень учели в Царегороде про него сказывать, и называть иво царевою казною. И он тот камень оставил во Царегороде у друзеи, а с собою иво к Москве не взял [Там же. Л. 525–527].

Выслушав все доносы и допросив обвиняемого, но не получив драгоценность, власти постановили отправить оставшуюся часть свиты Дмитрия Палеолога во главе с ним в ссылку в Казань [Там же. Л. 528]. Иммигрант находился в казанской ссылке в окружении других греков, один из которых через 30 лет объявил себя прямым потомком Александра Македонского [Опарина, 2016а].

Греки, высланные в Сибирь, вскоре снова попали в поле зрения следствия. К ним был выслан из Москвы толмач Посольского приказа Дмитрий Микулин Перванов. В Томске был обнаружен вызвавший столь повышенный интерес властей драгоценный камень. Его нашел томский воевода И. Татев у ссыльных лжемонахов Степана Александрова и Николая Петрова (Скуларикова) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 89. Л. 682]. Судя по описанию, камень имел внушительные формы, хотя степень достоверности его ценности неопределима: белый цвет имеют и другие кристаллы – кварц и топаз, которые гораздо чаще, чем алмазы, достигают значительных размеров. Привезенный в Россию из дальних странствий кристалл греки считали возможным использовать при изготовлении «философского камня». Наиболее вероятно, что алхимическими практиками они занимались в Москве, пока шло

разбирательство (между 1630–1631 гг.), до ссылки в Томск. Рецепт-тура, судя по последующим обвинениям, была знакома Дмитрию Палеологу или придумана им. Степан Александров и Николай Петров (Скулариков) во время московских опытов попросили его опустить кристалл в смесь для проверки его качества. Князь выполнил желание земляков и бросил алмаз в раствор, но произошло непредвиденное – камень потерял свой вид:

А испортил де тот камень нарочно философскою наукою по их велению греческой княз Дмитрией Палеолог [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 89. Л. 682].

Алмаз достался Степану Александрову и Николаю Петрову, которые и увезли его в Томск. Воевода И. Ф. Татев изъял «испорченный» камень и отправил в Москву в Приказ Казанского дворца:

...прислал за Томскою печатью камень, а взять де тот камень у гречан у Степанка Олександрова да у Миколайка Петрова [Там же].

Воевода доносил и о «гречанах», помнивших об обещании князя вернуть камню утраченные свойства. Руководство приказа Казанского дворца отнеслось к происшествию с повышенным вниманием. Осмотрев полученный от И. Ф. Татеева в 1633 г. камень, судья приказа Казанского дворца направил 17 февраля 1636 г. грамоту в Казань (не сохранилась). Не получив ответа, он повторил запрос (18 июля), в котором интересовался стоимостью камня и возможностью его восстановления:

И каков тот у них камень видел сколь велик, и что в нем весу, и что тому камению цена, и где ево у них хто тот камень в котором государстве торговал... и будет он тот камень испортил, и опять ево он тою ж своею философскою наукою по-прежнему своему зделать может в старом лице поставить, как тот камень преж сего был [Там же. Л. 683].

К сожалению, ни «допросные речи» Дмитрия Палеолога из Казани, которых так ждали в Москве, ни подготовленный воеводами официальный ответ не дошли до нас.

Участники опытов и владельцы камня Степан Александров и Николай Петров Скулариков остались в Томске. Достигнув звания сына боярского, Степан Александров, называвшийся Степаном Греченином (Гречаниновым), активно участвовал в дипломатических миссиях в Западную Монголию. Ему доверяли возглавлять русское посольство к Алтын-ханам в 1637 и 1659 г. [Шастина; Милюков; Чимитдоржиева].

Спустя десятилетие в 1643 г. томская греческая община пополнилась двумя новыми ссыльными из Трапезунда – Юрием Ивановым, сыном Трапезундским (Трапизовским, Трапезанским, Драбызон-

ским), и Мануилом Константиновым, с которыми быстро установил контакты Степан Александров Гречанинов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 307. Л. 530].

Ранняя биография Юрия Трапезундского восстанавливается по его рассказам. Первый допрос в Посольском приказе относился к 1627 г. [РГАДА. Ф. 141. 1627. № 50; Ф. 150. 1627. № 7; Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3], второй – к 1633 г. [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6]. Первоначально он именовался как «Юрий Иванов, родом греченин Трапизона города» [Там же. Ф. 141. 1627. № 50. Л. 1; Ф. 150. 1627. № 7. Л. 1], но уже в следующем документе стал обозначаться Юрием Ивановым сыном Трапизовским [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 16]. Эти два повествования не во всем совпадают. В 1627 г., впервые переступив границы России, он предстал невольником-гребцом с турецкого корабля, бежавшим во Фландрию, а затем через Гамбург в Архангельск. В 1633 г., возвращаясь к этому же периоду своей жизни, он называл уже корабль арабских разбойников, умолчав о рабском состоянии. Если видеть причину разночтений не в забывчивости, а в стремлении скрыть определенные детали жизни, то можно попытаться, «сложив» обе истории, реконструировать биографию героя до его переезда в Россию.

Она предстает крайне авантюрной и начинается с упоминаний о Трапезунде. Свое социальное положение перед московскими чиновниками Ю. Трапезундский определил как «служилый человек», а род деятельности его отца чиновники записали как «гайдуцкая служба» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 17]. Дворянином иммигрант не был и, судя по дальнейшей карьере, изначально входил в военную охрану купеческих кораблей. С «торговыми людьми» на судне, перевозившем зерно из Трапезунда, в 20-е гг. XVII в. он направился в Стамбул. Вероятно, греческий корабль, на котором находился Юрий, благополучно пополнив запасы в столице, достиг Средиземного моря. Но здесь судно было захвачено мусульманами, алжирскими пиратами:

...на море погромили турецкие люди и многих гречан побили, а ево взяли жива и свезли в турецкой город Алзер [РГАДА. Ф. 150. 1627. № 7. Л. 4].

Алжирское государство, центр пиратства того времени, находилось в вассальной зависимости от Османской империи [Иванов; Бродель; Видясова, с. 184–194]. В результате поражения в морской битве греческие купцы и вся команда попали в рабство. В Алжире вместе с другими греками Ю. Трапезундский был продан гребцом на галеру. Согласно второму рассказу, он оказался на пиратском корабле, грабившем европейцев: ходил «для добычи с арапы на море под немецких людей» [РГАДА. Ф. 150. 1627. № 7. Л. 4]. Видимо, он сумел изменить свой социальный статус, став пиратом на арабском судне. Как долго находился он в Алжире, мы не знаем. Сам он говорил об очень коротком периоде:

...был де он в неволе у турецких людей с полтретья годы, в неволи будучи, был он у турецких людей на катарге с ыными полоняники [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 17].

Далее он переместился в Западную Европу. В первой «сказке» повествуется о восстании невольников близ границ «Шпанской земли». Можно предположить, что речь идет об Испанском королевстве во главе с династией Габсбургов, где пленники галер чаще всего обретали свободу. Испанские флотилии активно боролись с мусульманами, и, зная об этом, рабы поднимали мятеж при приближении к границам Испанского королевства. Ситуация совпадает с рассказом Ю. Трапезундского. Ночью, когда команда уснула, на корабле произошел бунт:

...и ть де турецкие люди поуснули и они де неволники тех турецких людей всех побили [РГАДА. Ф. 150. 1627. № 7. Л. 2].

Испанские власти оказывали значительную поддержку пленным христианам. Но медицинская, материальная, юридическая помощь предназначалась в первую очередь пленникам католического вероисповедания. Судя по его последующей биографии, Ю. Трапезундский в католической среде представлялся итальянцем-католиком. Доказав свою лояльность испанским миссионерам, ему удалось перебраться из Испании в подчиненную Габсбургам Фландрию: «а сами на том же корабле в Брабанскую землю в Пленно город» [Там же]. Речь идет о Пленво. Другой версией может быть предположение о движении корсарского судна вдоль европейского побережья: алжирские пираты в XVII в. научились переплывать через Гибралтар [Бродель].

Таким образом, в первом случае Ю. Трапезундский говорил о прибытии судна в область Брабанта, во второй же раз он повествовал о столкновении своего корабля с английским. Где тут правда, где ложь, сказать трудно. Не исключено, что в 1633 г. он лишь опустил один из витков своей биографии, и англичане разбили не мусульманский, а голландский корабль, на который переметнулся после Брабанта бывший пленник. В Пленво ему предстояло определить дальнейший путь: «И тут де они с коробля разошлись, хто где захотел» [РГАДА. Ф. 150. 1627. № 7. Л. 2]. Он не вернулся в Османскую империю, но, вероятно, не поехал и в Гамбург, а затем в Москву, как утверждал в 1627 г. Видимо, из Испанских Нидерландов Юрий перешел в Республику Соединенных Провинций, где поступил на голландское судно. Новое морское сражение принесло следующий плен. Столкновение с английским кораблем закончилось поражением, и захваченный корабль был доставлен в Британию [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 4]. Юрию предстояло оправдаться ссылками на приверженность христианству, и, видимо, в данном случае православии (католическое вероисповедание не могло быть спасительным фактором в Великобритании

в тот момент). По его словам, «король велел отпустить на волю, потому что он греченин» [Там же].

Ю. Трапезундский оказался в Великобритании, где находилось немало греков. В Англии он сумел познакомиться с двумя двоюродными братьями, получившими позже в России фамилию Альбертусов-Далмацких, – Иваном и Дмитрием (считавшимися потомками Палеологов) [Кошелева, Симонов, с. 63–73; Опарина 2004, с. 288–325]. Вероятно, под их влиянием он выбрал Россию в качестве постоянного пристанища и оказался первым из «английских греков», отправившихся в Московское царство.

В порт Архангельска Ю. Трапезундский прибыл 8 августа 1627 г., по его словам, из «Немецкой земли» [РГАДА. Ф. 141. 1627. № 50. Л. 1]. Целью путешествия странник назвал стремление «служить государю верою и правдою, слыша к иноземцем царское жалованье и неизреченную милость» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 14]. Причина, по которой он скрывал свое пребывание в Англии при допросе в 1627 г., но говорил об этом в 1633 г., неизвестна. Возможно, так фиксировали его показания чиновники Посольского приказа.

Согласие властей на вступление в царскую службу было получено, и 5 ноября 1627 г. пристав доставил выходцев в Посольский приказ, где и произошло оформление ими русского подданства. «Жалованье за выход» Ю. Трапезундскому составило 12 рублей и сукно. Ему был назначен также «поденный корм» – по алтыну на день. 30 декабря выходцы попросили о верстании. Юрию определили поместно-денежный оклад в 250 чети и 12 рублей [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 18]. В окладных книгах Иноземского приказа имя иммигранта отнесено к категории «греченя и турецкие полоняники». При зачислении в военное ведомство оклад был сохранен, он оставался неизменным до окончания службы в Москве. Однако при столь скромном окладе вызывает удивление огромный поденный корм. Его размер составлял 10 алтын на день. Ю. Трапезундский оказался самым высокооплачиваемым участником «греческой роты». Безусловно, он имел дар убеждения, но что именно он рассказал служащим Иноземского приказа, как смог обосновать необходимость подобного жалованья, выяснить сложно. Это могло быть повествование о периоде пиратства или о высоких назначениях в английской армии. В Москве Юрий обустроился, женился, следовательно, был признан православным.

В 1628 г. из Англии в Россию прибыл Иван, а в 1630 г. – Дмитрий и Павел Альбертусы. Российское государство охотно принимало на службу гонимых единоверцев из Османской империи и вассальных ей государств. Присутствие с XVI в. в России значительного числа «греков» породило формирование землячества. Наиболее родовитые иммигранты, относившие себя к правящим родам Византии, вливались в русское привилегированное сословие и допускались к государеву двору. Иван и Павел Альбертусы-Далмацкие удостоились звания князя, Дмитрий Альбертус – московского дворянина. Они

вошли в число светских лидеров греческой общины, до того главным духовным авторитетом и заступником перед властями являлся келарь Новоспасского монастыря Иоанникий [Фонкич, с. 85–110].

Менее знатные выходцы из Османской империи попадали в социальную группу «служилых кормовых иноземцев». В их числе был и «гайдуцкий сын» Юрий Трапезундский. Неравенство статусов не исключило тесных контактов. Рядовой военный сблизился с родовитыми греками, с которыми его объединяла, очевидно, служба на Британских островах. Помимо князей Альбертусов-Далмацких, Ю. Трапезундский обнаружил в Москве человека, связанного с ним общим прошлым: в его круг общения вошел Мануил Константинов [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 5–7; Там же. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 41–45; Оп. 13. № 33. Л. 93–96 об.]. Оба иммигранта происходили из одного города, когда-то были невольниками, соприкасались с западным христианством, не исключено, что имели общие родовые корни. М. Константинов, по его словам, стал жертвой донских казаков, грабивших окрестности Трапезунда в 1626–1627 гг. :

...в прошлом во 135-м году во Оспожине дни приходили донские казаки в Турки и меня взяли в Турках [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42, 43–44].

Известно, что крупный казацкий морской поход приходился на 1625 г. [Ostapchuk, p. 23–95; Остапчук, Галенко, с. 371–372]. Вероятно, именно в этот период Мануил был взят в плен. Судя по его рассказу, принадлежал он к семье, обладавшей значительным весом в мусульманском обществе. Иммигрант говорил и об отцовском прибрежном имении, на которое совершили рейд казаки [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 5]. Безусловно, допущенный к властным структурам чиновник и члены его семьи исповедовали ислам. Это признал и сам М. Константинов: «был он в турках в босурманстве» [Там же]. Однако семья мусульманина хранила память о греческих корнях: «взяли меня в Турках, не ведая, что я греченин» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42].

Но казаки, уводя в плен мусульман во время набега, не вдавались в тонкости родословия. Турецкий мальчик был схвачен и пригнан на корабль, доставлен на территорию Войска Донского, а далее переправлен в Воронеж, ставший центром работорговли. В результате ряда перепродаж он попал к столичному ювелиру мастеровых палат англичанину-протестанту Якову Гасту [Селезнева, с. 66; Цветаев, с. 179, 184]. Согласно русскому законодательству (указ 1623 г.), холопы иноземных купцов не могли быть православными [Опарина, Орленко; Опарина 2005, с. 22–39]. Вероятно, желая быть уверенным в неизменном обладании холопом, Яков Гаст обратил М. Константинова в одну из ветвей протестантизма. Законы русской православной церкви не нарушались, когда пастор «окрестил» Мануила Константинова «по своей вере немецкой» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 6]. Таким образом, в доме англичанина бывший пленник перешел из ислама

в протестантизм. Позже он скажет, что владелец крестил его больного (то есть насильно): «а он в тѣ поры был мал и лежал в болести» [Там же. Л. 6]. Освоившись в новой среде, Мануил узнал о недавно оглашенном законе 1627 г., имевшем к нему прямое отношение [Опарина, 2005, с. 72–83]. Содержание законодательного акта оказалось доступно иноземцу:

...и как по государеву указу руским людям у некрещеных иноземов жить не велено, и он Мануйло от Якова Гаста сшел [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42].

После обнаружения указа власти поощряли переход православных холопов от иностранцев к русским и в судебных спорах принимали сторону православных владельцев [Лаптева]. Холоп осознал преимущества православного вероисповедания перед мусульманским и протестантским и заявил об изначальной приверженности православию. Он «сказался, что греченин, а не турченин, а зовут ево Мануйло» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42; Оп. 13. № 33. Л. 94]. В поступке просматривается поддержка представителя русской знати. Холоп решился на побег, очевидно, предварительно сговорившись с И. Ф. Татевым:

И обмогшись, не похотя у Якова в неметцкой вѣре жить от него збежал и придался жить ко князю Ивану княж Федорову сыну Татеву [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 6].

Оказавшись в доме князя, с его помощью Мануил Константинов составил патриарху Филарету челобитную, декларируя стремление вернуться в веру предков, представив себя жертвой прозелитизма хозяина, обратившего его в протестанство время болезни. Патриарх Филарет совершил таинство, и Мануил Константинов обрел волю: «тот турченин от тово немчина Якова Хаста свободен» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 33. Л. 93–96 об.]. Причем он оговорил особенности ритуала: «и я был [под началом] семь недель» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42], то есть речь шла о крещении.

Выходцу из Трапезунда удалось в этот момент установить контакт не только с русским аристократом, но и с признанным духовным главой греческого землячества келарем Новоспаского монастыря Иоанникием [Фонкич, 2006, с. 85–110]. Многообразие конфессий Мануила Константинова не стало для греческого пастыря препятствием к покровительству. Иоанникий воспринимал холопа как соотечественника и тайного единоверца. Переход греческого рода в ислам в Османской империи был общепринятым. Принятие протестантизма под давлением обстоятельств виделось еще меньшим грехом. Келарь обратился к патриарху Филарету с прошением о предоставлении личной свободы М. Константинову:

...и в тѣ де поры бил челом государю светѣшему патриарху греченин келарь Аникеи и иные гречане об немь, чтоб ему дати воля [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 6].

Очевидно, он ссылался на действие правовых норм: согласно указу 1627 г., обращение в православие иностранных холопов означало прекращение зависимости. Иоанникий обладал огромным авторитетом при дворе патриарха, и прошение было немедленно удовлетворено. Вероятно, первоначально появилось специальное распоряжение главы церкви: Мануил говорил об именном приказе Филарета Никитича. Патриарший указ подтвердило царское определение: «ты, государь, меня пожаловал, велел меня ото всех людей свободить» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №. 911. Л. 42]. Расторгнув зависимость от Якова Гаста, Мануил не стал собственностью князя, положение холопа он сменил на статус «кормового иноземца».

«Грека» Мануила Константинова определили в рядовые Иноземского приказа. Первоначально наемнику было назначено жалованье в шесть денег на день [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №. 902. Л. 30]. Вскоре он попросил о верстанье. Были привлечены «знатцы», которые подтвердили показания иммигранта и его происхождение. 20 октября 1628 г. администрация Иноземского приказа вынесла решение о наделении М. Константинова поместным окладом в 250 чети, денежным – в 13 рублей. Поденный корм составил восемь денег на день [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. №. 46. Л. 732].

В военном ведомстве М. Константинов смог найти поддержку у Ю. Трапезундского, зачисленного в Иноземский приказ чуть ранее. Бывшие холоп и «каторжник» – уроженцы Трапезунда, возможно, члены одного рода, начали службу в одном подразделении. М. Константинов стал постоянным спутником Ю. Трапезундского, который ввел юного «грека» в клиентуру князей Альбертусов-Далмацких.

В преддверии Смоленской войны в России активно шла военная реформа. «Полки нового строя», находившиеся в ведении Иноземского приказа, переформировывались и стремительно увеличивались. В 1630 г. было выделено специальное подразделение для бывших подданных Османской империи – «греческая рота» [Скобелкин]. Ее возглавил Николай Мустофин, избранный всеми своими сослуживцами. Ю. Трапезундский и М. Константинов были зачислены в роту рядовыми военными. Начало войны связывалось с завершением действия Деулинского перемирия. Но еще за несколько месяцев до этой даты Земский собор 20 июня 1632 г. объявил о вступлении в боевое противоборство. Однако выступление затягивалось, русские полки торжественно двинулись из Москвы только 9 августа 1632 г.

«Греческая» рота в составе иноземческого корпуса была включена в Большой полк, возглавлявшийся Михаилом Шеином и Артемием Измайловым. Армия двигалась через Можайск к русско-польской

границе. Смоленская война началась взятием Дорогобужа. В штурме участвовала «греческая рота», в том числе Ю. Трапезундский и М. Константинов. «Греческое» подразделение расположилось под стенами города и совершало рейды в стан противников. Одна из таких вылазок повлекла новую одиссею Юрия и Мануила: из боя не вернулись 13 человек, но их не оказалось и среди погибших. Ротмистр Николай Мустофин подал записку о «безвестно» исчезнувших подчиненных [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 45. 1632. Л. 13–13 об.].

Информация о греках вскоре появилась, причем самым неожиданным образом. Под Смоленском был пойман лазутчик, пытавшийся проникнуть в осажденный город. Он вез послание из Орши, жители которой поддерживали оборонявшихся польских и литовских шляхтичей, убеждая стойко держаться и не сдаваться русским войскам. Они передавали обнадеживавшую информацию о плачевном состоянии русской армии. В послании упоминались имена информаторов-перебежчиков Юрия Трапезундского и Мануила Константинова [РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Стлб. 120. Л. 391]. Обнаруженное письмо вместе со списком «изменников» было направлено в Москву и сразу повлекло разбирательства. Для родственников пропавших «греков» они имели самые печальные последствия:

А велено тех изменников иноземцов сыскати жон их и детей и о тех изменничьих женах и детех и об их поместьях велено доложить государя [Там же. Л. 391 об.].

Жена и дети Ю. Трапезундского были отправлены из Москвы под надзор в Устюг. Сам он писал позже:

...как де он за рубежом заблудился и в полон его литовские люди с сынами гречаны взяли и после де его на Москве жену его и детей по государеву указу сослали с Москвы на Устюг [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 28 об.].

Характерно, что в более поздней версии ситуация описывалась Ю. Трапезундским иначе. Он объяснял, что «греческий» отряд отправился за фуражом, но заблудился во время вьюги и был пойман польскими властями:

...ис-под Дорогобужа... поѣхали в загон для кормов своих и конских в порубежные места без боярского ведома и как де они приехали в порубежье и розѣхались по деревням и их обняла меж деревень на лесу ночь и учала быть вьюга. И они де Юшко да Манулко да с ними иных гречан человек з десять блудили по лесу два дни да ночь и приблудили в другую ночь в неведы в деревню [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 8; См. также: Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 162–162 об.].

М. Константинов в плену заявил о своей приверженности православию и изначальном подданстве Османской империи [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 14]. В этот период Речь Посполитая ожидала атаки турецкой армии, и находящиеся на грани войны державы опасались взаимного шпионажа. Православного подданного султана не выпустили из Речи Посполитой:

А Манулка и иных гречан, которые сказались Турские земли греческие веры, и он де их для того ис Кракова и не велел отпущать в свою землю, а велел быть в Кракове [Там же. Л. 13].

Ю. Трапезундский представился итальянцем на русской службе, бежавшим от московского правления. Он предпочел выдать себя за влиятельную фигуру русской армии. Во всяком случае, согласно его изложению, его допросы вели члены польского правительства. Юрий согласно перечислял, что первоначально был привезен в Мстиславль к князю Степану Массальскому, где начал сотрудничать и давать сведения, затем – в Вильно к гетману Льву Сапеге, и наконец к наследнику престола Владиславу. Что он доносил им в своих беседах, определить трудно, но его допускали до важных церемоний. Греческие иммигранты стали свидетелями как смерти и погребения Сигизмунда III (30 апреля 1632 г.), так и коронации Владислава IV (8 августа 1632 г.). По словам Юрия, он отправился совместно с принцем Владиславом с траурной процессией из Варшавы в Краков. Юрий якобы сопровождал наследника престола в карете, беседуя на итальянском языке и обсуждая проблемы нарушения московским правительством мирного договора и начала войны.

В Речи Посполитой Ю. Трапезундский продолжал вести какие-то политические игры. В Посольском приказе он заявил, что выведывал информацию и у крымского посла, владея татарским языком. Видимо, перед представителем хана он сказался единоверцем, подданным Порты:

И хотя от него ведати вестей, сказался нароком, что будто от московских людей отъехал в Литву для того, чтоб ему из Литвы выехать в свою землю [Там же. Л. 16].

В резиденции крымского посла он обсуждал проблемы крымских набегов периода Смоленской войны и роли польской дипломатии в их подготовке, а также перспективы заключения русско-крымского и русско-польского договоров [Там же. Л. 12, 16–18].

Согласно объяснению Ю. Трапезундского, он благосклонно был отпущен в Италию королем Владиславом IV. Таким образом, принятие роли католика дало ему возможность получения воли:

...сказался, что он Итальянские земли и веры. И король де его для того и отпустил в Итальянскую землю [Там же. Л. 14].

Он обрел свободу передвижений, в то время как М. Константинов принужден был оставаться в Кракове, а затем бежал к Юрию.

В силу каких-то причин «греки» устремились в Россию. Что послужило мотивом побега – верность присяге, тоска по родине (связанная уже с Россией) или, напротив, шпионаж, сказать невозможно. Ю. Трапезундским могло двигать опасение за судьбу родных: в России у него остались жена и дети. М. Константинов, не имевший в России семьи, тем не менее, вместе с Юрием пожелал вернуться.

В Польше Ю. Трапезундский познакомился с греком Андреем (его отчество и фамилия не названы), исполнявшим должность переводчика при гетмане Конецпольском, и его уговорили также ехать в Россию. С его помощью Мануил Константинов, нарушив запрет короля, покинул Краков: «Манулка греченина привел с собою» [Там же. Л. 15]; «А Мануйлик ис Кракова к Юшке убог» [Там же. Л. 26]. Через Гданьск (Данциг) и Любек они направились в Амстердам. Переводчик Андрей остался здесь, желая выучить голландский язык и лишь затем ехать в Россию. Мануил и Юрий отправились на голландских кораблях в Архангельск.

Удивительно, но и в этой ситуации Ю. Трапезундский говорил о своих контактах с верховной властью, теперь уже голландской. Он или располагал рекомендательной грамотой принца Фридриха Генриха Оранского, или же устно сообщил об исполнении им поручения правительства Республики Соединенных Провинций. В делопроизводственной документации было зафиксировано, что его прислал к царю Михаилу Федоровичу «голанской князь голанских немец» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 896. Л. 317]. Указания на столь важные контакты позволили Трапезундскому снова беспрепятственно войти в русское общество.

В Посольском приказе в 1633 г. Ю. Трапезундский и М. Константинов поведали свою историю думным дьякам Ивану Грязеву и Максиму Матюшкину. Беглец не утаивал от чиновников своих конфессиональных и политических превращений. Трудно представить, что действительно происходило с ним в Речи Посполитой, так много компрометирующего присутствует в его рассказе. Вряд ли была одобрена в Москве его игра в католика. Но следствие об измене, начатое еще Михаилом Шеиным, было забыто (полководца уже не было в живых), и беглецов приняли в России.

При столь невыгодных обстоятельствах Юрий вновь оказался в выигрыше, очевидно, сославшись на голландского правителя. Главное, что они вернулись, «помня крестное целование», и изъявили желание продолжить службу московскому государю. Объяснялось, что Юрий и его спутники не совершали военного преступления: они не перебежали к противнику во время боя, а оказались в стане врага по

оплошности при сборе провианта – «в загоне». Власти хорошо знали о голоде, случившемся в русской армии из-за не выплачивавшегося долгое время жалованья. Многочисленные приключения в Речи Посполитой не были осуждены, а, напротив, были признаны заслугами. Ничего не известно даже о церковных взысканиях, «очищении» веры после пребывания в Западной Европе и, очевидно, посещении «итальянцем» костела. В деле нет свидетельств об «исправлении веры», существует лишь резолюция об отправке вновь в Иноземский приказ:

И по государеву указу велено им государева служба служить и государева жалованья кормовые деньги давати по прежнему в Иноземском приказе с иноземцы вместе [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 162–162 об.].

Бывшие пират и невольник были восстановлены в низшем чине «греческой роты» и получили прежний размер поденного корма [Там же]. Ю. Трапезундский составил прошение о воссоединении с семьей. Его жена, сосланная ранее с детьми в Устюг, была возвращена к супругу:

А жену ево Юшкину и з детьми с Устюга указали государь и государь светеиший патриарх взяти к Москве и отдати ему [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 28].

По возвращении в Россию военная карьера Ю. Трапезундского складывалась успешно, хотя изначально ротмистр Николай Мустафин, недавно подававший челобитную о его измене, вряд ли доверял бывшему беглецу. Но как только в августе 1635 г. должность ротмистра на короткое время занял Федор Сулейманов Черкизов, Юрий получил звание поручика [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 62].

Как и другие иностранные формирования, «греческая рота» была направлена на оборону южных границ в регион Тульско-Белгородской засечной черты. Ю. Трапезундский проявлял себя отважным воином, отчаянно сражавшимся с крымскими набегами. В сражении под Ливнами, когда ротой вновь руководил Федор Сулейман, он был награжден [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 292. Л. 190–190 об., 206–206 об.].

Не позднее 1637 г. Ю. Трапезундский возглавил «греческую роту», сменив на этом посту Федора Сулеймана. В 1638 г. он назван среди других руководителей иностранных подразделений в период подготовки Москвы к обороне от возможного татарского набега [Разрядная книга, с. 132]. Обязанности ротмистра Трапезундский исполнял до 1642 г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. №. 50. Л. 15]. Боевые заслуги и новые должности определили повышение оклада и корма. Если первоначально при выезде ему был назначен оклад «в 250 чети и 12 рублей, корму по 10 алтын на день, а на месяц по 9 рублей», то в 1641 г. его поместный и денежный оклады составляли уже 400 чети и 30 рублей, ежемесячное кормовое жалованье – 10 рублей [Там же. Оп. 9. № 848. Л. 6].

В подчинении ротмистра Ю. Трапезундского находился рядовой Мануил Константинов. Разница в их положении оказалась слишком значительной. Поместный и денежный оклады Мануила Константинова составляли 200 чети и 10 рублей, поденный корм – 8 денег. Но в 1641 г. его поденный корм исчислялся в 3 алтына в день при сохранении прежнего оклада [Там же. Л. 18]. Вероятно, ротмистр способствовал росту выплат своего «племянника».

Занятие военных должностей не потребовало от Юрия Трапезундского хорошего усвоения письменного языка, оригиналов его писем нет. В 1635 г. два раза он подписался по-гречески, проявив себя не слишком грамотным и в этом языке. В 1628 г. свой автограф за Юрия оставил переводчик греческого языка Борис Богомольцев [Там же. № 911. Л. 36 об.]. В 1642 г. ротмистр предоставил возможность по-русски заверить показания другому сподвижнику клана Альберусов-Далмацких, выехавшему в 1633 г., – Петру Иванову Волошенинову. До конца своей жизни Ю. Трапезундский продолжал передавать право подписи иным лицам. Так, в 1658 г. (уже в Томске) «руку приложил» за него И. Тихонов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 84. Л. 7, 9 об.]. Наиболее вероятно, профессиональный военный владел только устным языком, что не мешало продвижению по служебной лестнице, и его карьера складывалась удачно.

Должность ротмистра «греческого» подразделения Иноземского приказа определила высокий ранг иммигранта среди земляков. Ю. Трапезундский в 30-40-е гг. XVII в. становится одним из влиятельных лиц греческой общины, чему, видимо, способствовало доверие, оказывавшееся ему русскими чиновниками. Он постоянно выступал в качестве «знатца». В окладных книгах Иноземского приказа он был поручителем почти за всех «иноземцев нового выезда».

В 1641 г. за пределами Москвы в Заяузье недалеко от Андроникова монастыря была сформирована Греческая слобода [Шахова, с. 199, 201]. Ее центром стал храм Святителя Николая на Ямах. Глава подразделения выходцев из Османской империи и вассальных ей государств перебрался на ее территорию вместе с другими соотечественниками. Колония представляла собой круг теснейшим образом связанных между собой иммигрантов:

А живут... они все в единой слободе, пьют и едят вместе, кумовство и сватовство у них заодно [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 6].

Ю. Трапезундский был одним из активных деятелей греческого общества. С большинством его жителей его объединяли самые различные отношения. Так, он выступал «дядей» Мануила Константинова, стал «названным отцом» Остафия Власиева и крестным отцом детей Николая Зотова сына Макидонского:

Остафеи Власьев, а греческому ротмистру сын названной. А Микула Зотов, и у него ротмистр детей крестил [Там же. Л. 6].

В греческой слободе ротмистр установил свой жесткий контроль. Безусловно, он отстаивал свое положение от любых посягательств.

Известно об инциденте 1638 г., когда ротмистр объявил о покушении на свою жизнь Григория Савельева Гречанинина [РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. № 107. Л. 289–293]. По словам офицера, ему были нанесены телесные и словесные оскорбления:

И учал я... ему Григорью говорить: «За что ты, Григореи, товарищев своих бьешь и матерны бранишь и всякою неподобною лаею лаешь?». И он, Григореи, учал меня... лаять и... по щокам меня... учал бить и за бороду драть и с саблею наголо ко двору моему приходить, и товарищи мои роты на улицы от него оборонили [Там же. Л. 289].

Глава подразделения, не найдя управы на подчиненного, требовал суда о «бесчестье» и следствия. Для проведения разбирательств под Тулу, где развернулись драматические события, направили Афиногена Гравина. Судя по дальнейшим извещениям ротмистра, можно предположить, что действия Григория Гречанинина являлись лишь ответом на рукоприкладство самого Ю. Трапезундского.

Ротмистр успешно устранял обидчиков, пока не столкнулся с сопротивлением более влиятельных конкурентов. Принадлежа к клану Альбертусов-Далмацких, Ю. Трапезундский оказался втянут в противоборство с другой влиятельной фамилией из Османской империи – Алибеевых-Макидонских [Опарина, 2004, с. 306–307]. Между двумя родами постоянно вспыхивали судебные тяжбы, отражавшие соперничество за лидерство внутри греческой общины. По словам Федора Алибеева, Дмитрий Альбертус переманивал зависевших от него людей. Последний долго не являлся на заседания суда, ссылаясь на плохое самочувствие и посылая вместо себя в качестве представителя Мануила Константинова. В конечном счете, когда оттягивать заседание стало невозможным, Дмитрий Альбертус в сопровождении Мануила отправился на суд в Холопьем приказе. Перед слушанием между истцом и ответчиком возник конфликт, завершившийся поножовщиной: Дмитрий Альбертус набросился с оружием на Федора Алибеева. Хозяина заслонил холоп, и грек по ошибке нанес ему пять ножевых ударов, от которых тот скончался.

Под следствие в Стрелецком приказе попали Дмитрий Альбертус и Мануил Константинов, на защиту которых встал Юрий Трапезундский. Альбертус сумел организовать извет на Анастаса и Федора Алибеевых-Макидонских: «будто они [в своей земле] были не князья» [РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 4885. Л. 5]. Оппоненты Трапезундского испытали на себе всю силу его таланта интригана. Создается ощущение, что к началу 40-х гг. XVII в. ротмистр воспринимал себя человеком,

способным даровать или отнимать княжеские титулы у выходцев из Османской империи.

Первоначально в доме Дмитрия Альбертуса была подготовлена бумага с царской титулатурой, к которой заговорщики подклеили два чистых листа. Они объявляли, что готовят на него поручную запись, стремясь уберечь от тюрьмы. Членам греческой общины Москвы его сторонники настойчиво предлагали подписать документ. Ротмистру со сподвижниками удалось найти 53 представителей греческой общины (в большинстве своем членов «греческой роты», живущих в Греческой слободе), способных оставить свою подпись. Сторонники Ю. Трапезундского позже будут настаивать, что ознакомили земляков с полным текстом обращения к властям. Жители же слободы говорили об обмане, когда речь шла о поручной записи в защиту Д. Альбертуса:

Их оманули, велели им руки приложить к порожним столбцом. А сказали, что в статье по князе Дмитрее Албертусе. А того они не ведали, что у них со князем Анастасом да со князем Федором Макидонским брань [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 146–147].

Ротмистр вынудил своих подчиненных – членов «греческой роты» исполнить приказ и добился полного повиновения. Методы собирания подписей соответствовали стилю жизни бывшего корсара. На этот раз полученные листы с внушительным числом автографов доставили Дмитрию Альбертусу. Вероятно, на первом листе находился текст поручной записи, которую показали властям. Д. Альбертус и М. Константинов остались на свободе.

Затем в доме Дмитрия Альбертуса при помощи площадного подьячего прошение поменяли. Заговорщики отклеили первый лист, заменив его изветной челобитной на Алибеевых-Макидонских. Полученный документ, представлявший теперь коллективный донос, подали главе Стрелецкого и Иноземского приказов Ф. И. Шереметьеву. Однако Алибеевы-Макидонские еще ранее направили встречный извет в Посольский приказ, где и проходило все дальнейшее следствие. Судебное разбирательство, в ходе которого проводились многочисленные очные ставки, растянулось на несколько лет. Все подписавшиеся греки принесли в Посольский приказ явки, повествуя о причинах, по которым их автографы оказались на коллективной челобитной против Алибеевых-Макидонских. В частности, Афанасий Семенов утверждал, что «грозил им ротмистр Юрьи с товарищи: толко рук не приложат, и он зделает без корму» [Там же, л. 145–148].

Ю. Трапезундский и его сподвижники явно переоценили степень своего влияния на русских чиновников и соотечественников, посягнув на статус слишком крупных фигур. Для Макидонских не составило труда узнать не только имена действительных авторов извета, но и все их сомнительные поступки. В ходе длительного судебного процесса

Алибеевы-Макидонские едва ли ни ежедневно подавали новые обвинения на каждого из своих оппонентов. Среди них прозвучало указание на несанкционированные контакты с османскими дипломатами:

А тои греческой ротмитр Юрья да он Остафеи да Петр Волошенин с товарищи к тем турским нынешним посланником ходили почасту, и смуту учинили болшую. И то их безделья ведомо в Посольском приказе. А крест оне тебе государю целовали, чтобы служить и во всем тебе государю прямить; А по твоему государеву указу приходить было к ним никаким иноземцем не велено [Там же. Л. 5–6, 219].

Отстаивая перед властями свой княжеский титул, Алибеевы-Макидонские нашли человека, который был вместе с Ю. Трапезундским на Смоленской войне. Изветчик Афанасий Семенов оповестил московские власти о крайне неблаговидной деятельности Ю. Трапезундского и М. Константинова за границей [Там же. Ф. 210. Оп. 10. № 120. Л. 390]. Через семь лет Ю. Трапезундского настигло обвинение в том, что он нарушил присягу и занимался шпионажем.

11 марта 1642 г. против ротмистра началось следствие в Стрелецком приказе [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 104], была запрошена информация в Разрядном приказе. 19 марта дьяк Разрядного приказа Иван Зиновьев составил отписку с описанием событий декабря 1632 г. Он перечислял факты исчезновения 13 «гречан» из русской армии, обнаружения послания к смоленской шляхте с упоминанием о них, отписке Михаила Шеина государю [Там же. Ф. 210. Оп. 10. Стлб. 120. Л. 389]. Ю. Трапезундского и М. Константинова посадили в тюрьму Стрелецкого приказа, где они находились до 22 апреля, а затем были отправлены в Сибирь [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 114, 177, 180–184, 186–189]. Ротмистра обвинили в государственной измене:

А тот... изменник рохмистрь Юрья Тропизонской... ведомой вор и крестопреступник, под Смоленским сперва государю изменил и переехал к литовским людям, весть подал, и, быв в Литве, опять переехал к государю, а сказал, будто ево взяли в языках. И про то ево воровство и про измену сыскано. И по сыску сослан он, Юрьи, в Сибирь [Там же. Л. 245].

В Москве у «государева изменника» остался дом в Греческой слободе, где, видимо, продолжала проживать его супруга [Там же. Ф. 214. Оп. 3. № 307. Л. 530]. Бывший «каторжник» с галер оказался в сибирской ссылке, откуда бежать и передавать сведения за границу было невозможно. «Сослан за измену», как воспроизводит в 1648 г. резолюцию по его делу воевода О. И. Щербатов [Там же. Ф. 214. Оп. 3. № 896. Л. 317]. В деле Ю. Трапезундского оказался замешан М. Кон-

стантинов, следствие над которым было начато еще по обвинению в убийстве холопа Алибеевых-Макидонских. Он был доставлен в Сибирь в 1642–1643 гг. [Соколовский, с. 75]. Местом его пребывания был определен Томск, который вновь уравнивал бывших сослуживцев.

О семье Юрия Трапезундского в Сибири не сохранилось сведений. Как отмечалось, он женился в России в конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в., в 1633 г. сумел возвратить жену и детей из ссылки в столицу. Но что стало с его супругой позже, неизвестно. Не исключено, что она осталась в Москве, в Греческой слободе.

Многочисленным семейством в Сибири выделился Мануил Константинов. В Томске он быстро оброс родственными связями, породнился с другим ссыльным, доставленным в Томск 22 сентября 1635 г., Христофором Тонгайловым [Там же]. Х. Тонгайлов, перешедший на сторону русских войск из Смоленска во время ведения боевых действий, вероятно, попытался затем бежать обратно. Это стало причиной направления его из Москвы в Томск закованным в колоды и в сопровождении семьи – сына Мануила Христофорова Греченинова и дочерей Марии и Анны. Одна из них стала женой Мануила Константинова [Там же]. Потомки М. Константинова и Х. Тонгайлова образовали разветвленный клан Гречениновых, занимавших в дальнейшем видные административные посты в Сибири. Восемь сыновей Мануила Константинова входили в земский мир Томска, проявляя себя на должностях послов, военачальников, «рудознавцов» [Там же; Резун, с. 49].

Острая нехватка служилых людей на окраинах Российского государства определила применение сил и квалификации ссыльных в качестве военных. В глубине континента корсар из Алжира Ю. Трапезундский стал сыном боярским по городу Томску. Он нес службу по охране границ от нападений татар и киргизов, участвовал в военных походах [Резун, с. 188–189]. Ему удалось добиться расположения томского воеводы князя О. И. Щербатова. Они являлись членами одного прихода, имели одного духовного отца – богоявленского священника Сидора Лазарева [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 469. Л. 198]. Приближение к власти позволило Ю. Трапезундскому сочетать непосредственные обязанности служилого человека – сбор «ясака» с коренного населения Сибири – с личным обогащением. Несмотря на то, что добыча пушнины находилась в монополии государства, в реальной практике воеводы утаивали часть собранной дани. Помощником в незаконном промысле главы города стал Ю. Трапезундский.

Новоявленный сын боярский включился в контрабандную торговлю (возможно, сказались пиратские навыки). Под руководством О. И. Щербатова он выменивал у местного населения меха на алкоголь и предметы первой необходимости, на Чулыме и в Мелесском остроге занимался незаконной торговлей пушниной с «ясачными людьми». В 1648 г. в челобитных, поданных во время бунта (о чем ниже), отмечалось:

Да он же, князь Осип, посылал от себя с товары во многие земли и в твои в государевы в ясашные волости на Чулым, в Мелеской острог многие русские товары и вино с сыном боярским с Юрьем Тропизонским да служивыми людьми и велел на те свои товары покупать у твоих государевых служивых ясашных людей всякую мяхкую рухлядь [Покровский, с. 97].

Безусловно, это открыло ему широкие возможности для увеличения состояния. Не исключено, что он сумел передавать «соболиную рухлядь» в Москву имевшему обширные связи с греческими купцами Дмитрию Альбертусу.

В 1648 г. в Томске начался острый конфликт мира и воеводы, вылившийся в восстание. Важным аргументом компрометации воеводы перед верховной властью стало обвинение в нарушении интересов государства. Восставшие составили серию челобитных царю с просьбой организовать следствие над главой города, где, в частности, называлось имя Ю. Трапезундского и была описана его незаконная деятельность.

В ситуации, когда вскрылись его нарушения, Ю. Трапезундский перешел на сторону восставших. Авантюрная натура брала верх над прагматизмом, и он, как и ранее, принял сторону победителей (хотя и временных). Включившись в бурные события, преследуя сторонников своего бывшего патрона, он становится активным участником казачьего «воровского» круга. К нему присоединился еще один член греческого землячества Степан Греченинов, бывший лжеархимандрит и участник алхимических практик Дмитрия Палеолога [Там же]. Подвергнутый изгнанию, воевода О. И. Щербатов в своей отписке в Москву 4 августа 1648 г. внес их имена в число главных «советников» главы восставших И. Бунакова, которые «почали свой воровской злой завод и свою воровскую мысль укреплять» [Там же, с. 232].

Власть в томском гарнизоне перешла к восставшим, среди которых деятельно проявлял себя Ю. Трапезундский. Так, 4 августа он оказался среди главных организаторов столкновения «воровских казаков» с оставшимися верными О. И. Щербатову служивыми людьми. Воевода попытался отправить на корабле из восставшего города семью и имущество, а казачий круг постановил предотвратить его бегство и вывоз запасов. Юрий набросился на защитников бывшего главы города и «бил их нещадно», не дав покинуть город [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 89632. Л. 300].

По словам воеводы, мятежники действовали крайне сплоченно: «укреплено у них меж себя, что друг за друга стоять, а которые будут не в их мысль и тех побивать» [Там же. Л. 302]. Ю. Трапезундский готов был на жестокие действия даже по отношению к духовенству. В священнике Сидоре Лазареве он видел лишь политического противника и стал одним из инициаторов нападения на духовного отца, что не показалось ему кощунственным [Там же. № 469. Л. 198].

В руки восставших попали письма священника к сибирскому архиепископу Герасиму с резкой критикой происходящего. На казачьем круге они были оглашены и повлекли обвинения в измене интересам «мира». Узнавший о грозящем наказании духовный наставник попытался найти спасение в алтаре, но Ю. Трапезундский совместно с церковным старостой Сергеем Алексеевым отдал распоряжение закрыть церковь. Священник смирился с грозящей опасностью, полагаясь на Бога и благоразумие своих духовных чад: «видя, что ему от тех воров не обуть, приложась к образом, да к ним вышел» [Там же]. Доставленный на судилище, он был вынужден присутствовать, когда зачитывали его корреспонденцию. Предъявив доказательства преступления, восставшие потребовали возмездия, и Ю. Трапезундский с другими мятежниками приступил к расправе. Пострадали и жена и дочь священника, пытавшиеся спасти главу семьи от побоев [Там же. Л. 196–198, 206].

Участие Ю. Трапезундского в противостоянии воеводе не ограничилось организацией карательных мер. Связи в Москве, знакомство с чиновничьим миром, правилами подачи челобитных определили повышенное внимание к нему мятежников при их обращении к высшей власти. Можно предположить, что сын боярский рассказывал своим новым сподвижникам о былом величии, высоком положении в обществе и многочисленных связях. Ему доверили ответственное поручение – оправдать бунтовщиков перед государем и чиновниками. Его направили в Москву с петицией, в которой перечислялись «неправды» Щербатова. Дабы подчеркнуть полную лояльность к верховной власти, мятежники послали в столицу собранный предшествующей администрацией «ясак». По настоянию руководителей восстания Ю. Трапезундский привез конфискованные у воеводы меха (которые сам помогал ему незаконным образом утаивать) в качестве доказательств правоты восставших [Покровский, с. 198].

В Сибирском приказе Ю. Трапезундский подробно изложил точку зрения восставших. Но власти предпочли остаться на стороне воеводы и не оправдали действий казачьего круга. Как неоднократно уже бывало в судьбе «каторжника», он перешел к сильнейшим. Очевидно, Ю. Трапезундский столь успешно начал давать показания на своих недавних соучастников, что быстро завоевал доверие властей. В своих челобитных 1649 г. он утверждал, что лишь выполнил поручения главы города И. Бунакова, привезя «ясак» в столицу. Вероятно, он уже тогда планировал отправиться в Сибирь. Он попросил забрать в Томск из своего дома в Москве «старинных холопов» Кирилла Миклаева и его сына Ивана, Марию Фомину и Домну Фадееву [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 307. Л. 529, 532–533]. Власти дали согласие, и 24 февраля 1649 г. холопам была выписана проезжая грамота [Там же].

Но Ю. Трапезундский задержался в Москве еще на год. На короткое время ротмистр даже восстановил свой прежний статус и в 1650 г.

был вновь определен в Иноземский приказ, возглавив «греческую роту» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 52. Л. 10]. Однако удержать пост ему не удалось, на следующий год он оказался в Томске, а «греческой ротой» руководил уже его бывший соперник Николай Кралев.

Ю. Трапезундский возвратился в Сибирь в качестве представителя властей и в 1651 г. судил организаторов восстания [Покровский, с. 330]. Парадоксально, но бывший участник «воровского круга» вышел из Томского восстания 1648 г. со значительным повышением социального статуса. С 1652 по 1661 г. в звании сына боярского он получал один из самых высоких окладов – 14 четей ржи [Соколовский, с. 101, 140]. Проявление авантюрных черт характера лишь помогало его карьере в России. Около 1650 г. он осуществлял приведение в русское подданство кочевников, ездил к киргизам с шерстью. В мае-июне 1658 г. он «дозирал» земли Басогорской волости, где отстроил новый Ачинский острог, перенеся укрепление в другое место – между Чулымом и Кангалом [Резун, с. 189]. После 1662 г. информация о нем обрывается.

К этому времени Ю. Трапезундскому было немало лет (вероятно, больше 60). Первое упоминание о нем относится к 1627 г., причем, судя по списку стран, в которых он успел побывать, он приехал в Россию зрелым человеком. Мануил Константинов, отмеченный в русских документах также с 1627 г., был значительно моложе. Он попал в Россию подростком, его имя встречается в окладных книгах Томска до 1680 г. [Соколовский, с. 101, 140]). Род Мануила Константинова продолжился в Томске дольше всего. А моряк из Трапезунда, побывавший корсаром в Алжире, закончил жизнь в Сибири. География его путешествий невероятна. Во время многолетних странствий он обогнул континент, пройдя из южных морей вдоль берегов Европы, а затем через Северный морской путь попал в Россию. Его жизнь, наполненная удивительными авантюрами, отражает не только склонности его натуры, но и реалии Западной Европы и Малой Азии того времени, когда сложнейшие миграции порождали непредвиденные перемещения людей.

В России военный быстро освоился. Очевидно, этому способствовала сложная идентификация выходца из Трапезунда. Можно предположить, что Юрий Трапезундский не испытывал кризиса идентичности, но каждый раз выбирал наиболее подходящую на тот момент этническую принадлежность, а с ней и конфессию. Не знавший русской письменности, но владевший несколькими языками (итальянским, греческим, турецким, татарским), бывший моряк занял достойное место среди иностранных наемников. В представленных им рассказах, свидетельствах судебных разбирательств и хода службы отчетливо проступает характер иммигранта. Находясь в Москве и Сибири, корсар не менял особенностей поведения, его деятельная натура находила воплощение в походах, вылазках в стан врага, сборах ясака и восстаниях. Смелость,

подвижность и авантюризм отличали всю его жизнь. К иным чертам личности можно отнести склонность к вымыслам и преувеличению своих заслуг.

Греческая колония Сибири XVII в. представляла собой сообщество очень колоритных личностей, прошедших через многие страны и имевших различный цивилизационный опыт. Они пополняли население сибирских городов, зачастую достигая высоких должностей и активно участвуя в освоении новых территорий.

Список литературы

Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 2 ч. М. : Языки славян. культуры, 2003. Ч. 2. 496 с. (Сер. *Studia historica*).

Видясова М. Ф. Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. М. : Наука, 1987. 300 с.

Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран // История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко : в 2 т. 2-е изд. М. : Вост. лит. РАН, 2001. Т. 2. 287 с.

Кошелева О. Е., Симонов Р. А. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии и ее автор // Книга : исследования и материалы. Сб. 42. М. : Наука, 1981. С. 63–73.

Лантвева Т. А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII в. // Архив русской истории. 1994. Вып. 5. С. 109–127.

Милюков А. Н. Специфика русско-монгольских отношений во второй половине XVII в. // История и археология : материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, нояб. 2012 г.). СПб. : Реноме, 2012. С. 16–21.

Опарина Т. А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 288–325.

Опарина Т. А., Орленко С. П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных иноземцев» // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39.

Опарина Т. А. Новые документы с изложением указа 1627 г. о православной прислуге у неправославных господ // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. / под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск : Наука, 2005. С. 72–83.

Опарина Т. А. Алхимик, янычар и «родич византийских царей» : Палеологи в России конца XVI – первой половины XVII в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2016а. № 1. С. 131–158.

Опарина Т. А. План захвата Константинополя греческого купца Николая Христофорова (1644 г.) // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер. История. 2016б. Т. 15. Вып. 8. С. 86–95.

Остапчук В., Галенко О. Казачькі Чорноморські походи у Морській Історії Кятіба Челебі «Дар великих мужів у воюванні морів» // *Mapra Mundi* : збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів ; Київ ; Нью-Йорк : Изд-во М. П. Коць, 1996. С. 371–372.

Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. : Воеводская власть и земские миры. Новосибирск : Наука, 1989. 388 с.

Разрядная книга 1637–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, А. П. Богданов ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1983. 186 с.

РГАДА. Ф. 141. 1627; ф. 159. Оп. 2; Ф. 150. 1627; Ф. 138. Оп. 1; Ф. 52. Оп. 1; Ф. 77. Оп. 1; Ф. 396. Оп. 2; №. 299; Ф. 210. Оп. 6; Оп. 9; Оп. 10. Оп. 12; Оп. 13. ; Оп. 14; Ф. 214. Оп. 3.

Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий : История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск : Наука, 1993. 250 с.

Селезнева И. А. Золотая и Серебряная палаты. М. : Древлехранилище, 2001. 256 с.

Скобелкин О. В. Служба иноземцев в Украинном разряде в 20-х гг. XVII в. // Иноземцы в России XV–XVII : материалы междунар. конф. / под ред. А. К. Левыкина. М. : Древлехранилище, 2006. С. 292–302.

Сokolosкий И. П. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск : Сова, 2004. 209 с.

Фонкич Б. Л. Иоанникий Грек : (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // Очерки феодальной России. Вып. 10. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2006. С. 85–110.

Фонкич Б. Л. Кипрский священник в Ярославле и Москве : (Из истории кипрско-русских отношений в первой четверти XVII в.) // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 238–247.

Цветаев Д. В. Памятники к истории протестантизма в России. Вып. 1. М. : Университет. тип., 1888. С. 246.

Чимитдоржиева Л. Ш. Посольство Степана Греченина к Алтан-хану // Взаимоотношения народов России, Сибири и Дальнего Востока: история и современность : Национальное, социальное и экономическое развитие Байкальской Азии : материалы III междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. К. Б.-М. Митупов. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2000. С. 70–74.

Шастина Н. И. Русско-монгольские посольские отношения в XVII в. // М. : Вост. лит., 1958. 172 с.

Шахова А. Д. Греки в Москве в XVI–XVII вв. // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 186–197.

Ostapchuk V. The human landscape of the Ottoman Black Sea in the face of the Cossack naval raids // Oriente Moderno : The Ottomans and the Sea. 2001. Vol. 20. S. n., s. 1. P. 23–95.

Reference

Braudel, F. (2003). *Sredizemnomor'e i sredizemnomorskiy mir v jepohu Filippa II* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II, 2 Parts]. Part 2, 496 p. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Cvetaev, D. V. (1888). *Pamjatniki k istorii protestantizma v Rossii* [Documents of the History of Protestantism in Russia]. Vol. 1, 246 p. Moscow, Universitetskaya tipografija.

Chimitdorzhieva, L. Sh. (2000). Posol'stvo Stepana Grechenina k Altan-hanu [The Embassy of Stepan Grechanin to Altan Khan]. In Mitupov K. B.-M. (Ed.). *Vzaimootnoshenija narodov Rossii, Sibiri i Dal'nego Vostoka: istorija i sovremennost' : Nacional'noe, social'noe i jekonomicheskoe razvitie Bajkal'skoj Azii : materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Ulan-Ude, Izdatelstvo Burjatskogo universiteta*, pp. 70–74.

Fonkich, B. L. (2006). Ioannikij Grek : (K istorii grecheskoj kolonii v Moskve v pervoj treti XVII v.) [Ioannikes the Greek (On the History of the Greek Colony in Moscow in the First Third of the 17th Century)]. In *Ocherki feodal'noj Rossii*. St Petersburg, Al'jans-Arheo, pp. 85–110.

Fonkich, B. L. (2004). Kiprskij svjashennik v Jaroslavle i Moskve : (Iz istorii kiprsko-russkih otnoshenij v pervoj chetverti XVII v.) [A Cypriot Priest in Yaroslavl and Moscow (From the History of Cypriot-Russian Relations in the First Quarter of the 17th Century)]. In *Rossija i Hristianskij Vostok*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, pp. 238–247.

Ivanov, N. A. (2001). *Osmanskoe zavoevanie Arabskih stran* [The Ottoman Conquest of Arab Countries]. Vol. 2. 287 p. Moscow, Vostochnaja literatura RAN.

Kosheleva, O. E., Simonov, R. A. (1981). Novoe o pervoj russkoj knige po teoreticheskoj geometrii i ee avtor [New Data about the First Russian Book on the Theory of Geometry and Its Author]. In *Issledovanija i materialy*. Moscow, Nauka. Vol. 42, pp. 63–73.

Lapteva, T. A. (1994). Dokumenty Inozemnogo prikaza kak istochnik po istorii Rossii XVII v. [Documents of the Foreign Prikaz as a Source on the Russian History of the 17th Century]. In *Arhiv russkoj istorii* [Archives of Russian History]. Moscow, 1994. Iss. 5, pp. 109–127.

Miljukov, A. N. (2012). Specifika rusko-mongol'skih otnoshenij vo vtoroj polovine XVII v. [The Peculiarities of the Russian-Mongolian Relations in the Second Half of the 17th Century]. In *Istorija i arheologija: materialy mezhdunar. nauch. konf.* St Petersburg, Renome, pp. 16–21.

Oparina, T. A. (2004). "Ispravlenie very grekov" v ruskoj cerkvi pervoj poloviny XVII v. ["The Purification of the Faith of the Greeks" in the Russian Church the First Half of the 17th Century]. In *Rossija i Hristianskij Vostok*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury. Vols. 2–3, pp. 288–325.

Oparina, T. A., Orlenko, S. P. (2005). Ukazy 1627 i 1652 godov protiv "nekreshhenyh inozemcev" [Decrees of 1627 and 1652, against "Unbaptized Foreigners"]. In *Otechestvennaja istorija*. Iss. 1, pp. 22–39.

Oparina, T. A. (2005). Novye dokumenty s izlozheniem ukaza 1627 g. o pravoslavnoj prisluge u nepravoslavnyh gospod [New Documents Containing the Decree of 1627 of the Orthodox Servants under non-Orthodox Landlords]. In Romodanovskaya, E. K. (Ed.). *Obshhestvennaja mysl' i tradicii ruskoj duhovnoj kul'tury v istoricheskikh i literaturnyh pamjatnikah XVI–XX vv.*, Novosibirsk, Nauka, pp. 72–83.

Oparina, T. A. (2016a). Alhimik, janychar i "rodich vizantijskih carej" : Paleologi v Rossii konca XVI – pervoj poloviny XVII v. p [The Alchemist, the Janissaries and the "Relatives of the Byzantine Tsars": Palaeologists in Russia in the Late 16th – First Half of the 17th Centuries]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie slavjanskije i balkanskije issledovanija*. St Petersburg, Slavic and Balkan studies, Iss. 1, pp. 131–158.

Oparina, T. A. (2016b). Plan zahvata Konstantinopolja grecheskogo kupca Nikolaja Hristoforova (1644 g.) [The Plan to Seize Constantinople by Greek Merchant Nikolay Khristoforov (1644)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija*. Vol. 8, pp. 86–95.

Ostapchuk, V. (2001). The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids. In *Oriente Moderno: The Ottomans and the Sea*. Vol. 20, pp. 23–95.

Ostapchuk, V., Galenko, O. (1996). Kazac'ki Chornomors'ki pohodi u Mors'kij Istorii Kjatiba Chelebi "Dar velikih muzhiv u vojuvanni moriv" [Black Sea Cossack Raids in Maritime History of Kâtip Çelebi "The Gift of the Great Men in Seas Fought for"]. In *Mapa Mundu : Zbirnik naukovih prac' na poshamu Jaroslava Dashkevicha z nagodi jogo 70-richchja*. Lviv, Kiev, N. Y., M. P. Koc', pp. 371–372.

Pokrovsky, N. N. (1989). Tomsk 1648–1649 gg. : Voevodskaja vlast' i zemskie miry [Tomsk between 1648 and 1649: Provincial Power and Self-governance]. 388 p. Novosibirsk, Nauka.

Razrjadnaja kniga 1637–1638 gg. (1983). [Noble Families Register Book of 1637–1638]. 186 p. Moscow, Institut Istorii SSSR.

Rezun, D. Ja. (1993). *Rodoslovnaja sibirskih familij: Istorija Sibiri v biografijah i rodoslovnnyh* [The Etymology of Siberian Surnames : History of Siberia in Biographies and Genealogies]. 250 p. Novosibirsk, Nauka.

RGADA. F. 141 (Prikaznye case of Old age). 1627. № 50; F. 159 (Prikaznye case New Years), op. 2, № 4885; F. 150 (Cases of departures of foreigners in Russia). 1627, № 7; F. 138 (Cases of the Ambassadorial order and employees in it), Op. 1, 1642, № 5; F. 52 (Relations with Greece). Op. 1. 1628. № 3; F. 52. Op. 1. 1633, № 6; F. 52. Op. 1, 1635, № 12; F. 52. Op. 1. 1643. № 1; F. 77 (Relations with Persia). Op. 1, 1627, № 1; F. 396. Op. 2. № . 292, 299; F. 210. Op. 6. №. 45; №. 46; №. 47; №. 48, 50, 52; Op. 9 (Moscow Columns table), №. 902, 911 stlb 2; №. 848; Op. 10. №. 120; Op. 12. №. 93; F. 210, Op. 13, №. 33, 37 131, 278; F. 210, Op. 14. № 107; F. 214 (Siberian Department), Op. 3. №. 84, 89, 307, 469, 659, 896.

Selezneva, I. A. (2001). *Zolotaja i Serebrjanaja palaty* [Gold and Silver Treasuries]. 256 p. Moscow, Drevlehranilice.

Skobelkin, O. V. (2006). Sluzhba inozemcev v Ukrainnom Razryade v 20-h gg. XVII v. [Foreigners' Service in the Ukrainian Razryad during the 1620s]. In Levikin A. K. (Ed.). *Inozemcy v Rossii XV–XVII : materialy mezhdunarodnoj konferencii*. Moscow, Drevlehranilishhe, pp. 292–302.

Sokolovskij, I. R. (2004). Sluzhilye “inozemcy” v Sibiri XVII v. (Tomsk, Enisejsk, Krasnojarsk) [Foreign Servicemen in Siberia in the 17th Century (Tomsk, Yeniseisk, Krasnojarsk)]. 209 p. Novosibirsk, Sova.

Shastina, N. P. (1958). Russko-mongol'skie posol'skie otnoshenija v XVII v. [Russian-Mongolian Ambassadorial Relations in the 17th Century]. 172 p. Moscow, Vostochnaja literatura, 1958.

Shahova, A. D. (2004). Greki v Moskve v XVI–XVII vv. [The Greeks in Moscow between the 16th and 17th Centuries]. In *Rossija i Hristianskij Vostok*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury. Vols. 2–3, pp. 186–197.

Vidjasova, M. F. (1987). *Social'nye struktury dokolonial'nogo Magriba: genezis i tipologija* [The Social Structure of Pre-colonial Maghreb: Genesis and Typology]. 300 p. Moscow, Nauka.

The article was submitted on 28.11.2015

DOI 10.15826/qr.2017.1.219

УДК 94(470)"16/18"+316.344.43(470)+391

РАННЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПЕТРА I: ПАТРИК ГОРДОН И ФРАНЦ ЛЕФОРТ В КОНЦЕ XVII В.*

Николай Петрухинцев

Российская академия народного хозяйства
и государственного управления при Президенте РФ,
Липецкий филиал,
Липецк, Россия

EARLY EUROPEAN INFLUENCES ON PETER THE GREAT: PATRICK GORDON AND FRANZ LEFORT AT THE END OF THE 17TH CENTURY**

Nikolay Petrukhintsev

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Lipetsk Branch,
Lipetsk, Russia

The author examines issues connected with the expansion of European influence on the Russian elite in the late 17th century with reference to Tsar Peter I. Describing the early stages of the foreign influence on Peter the Great, the author argues that Peter's Europeanisation became noticeable a lot later than was previously thought (i. e., when he was turning into a young man and after the dynastic crisis of 1689). An analysis of concomitant events contradicts the stereotypes still present in popular books on the history of the period, according to which the young ruler's outlook was formed under the influence of Franz Lefort and Patrick Gordon. They were favourites of V. V. Golitsyn, a leader of a long-lived group in opposition to Peter I. As a result of this (and also because of their status as foreign officers completely dependent on the state), they

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 17-01-00389/а.

** *Citation*: Petrukhintsev, N. (2017). Early European Influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 198–218. DOI 10.15826/qr.2017.1.219.

Цитирование: Petrukhintsev N. Early European Influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 198–218. DOI 10.15826/qr.2017.1.219 / Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 198–218. DOI 10.15826/qr.2017.1.219.

did not seek any closer contacts with the young tsar. It was only after the dynastic crisis ended well for Peter I in 1689 that there was a turning point in their relationship with the tsar. Due to these factors, the first signs of the Europeanisation of Peter's everyday life became noticeable at around this time: this can be seen in changes to his clothing and in his behaviour.

Keywords: Peter I; European influence; Patrick Gordon; Franz Lefort; V. V. Golitsyn; German Quarter; Patriarch Joachim; Europeanisation of everyday life; "German dress".

Рассматриваются проблемы распространения европейского влияния в среде русской элиты в конце XVII в. на примере европеизации ее главы – русского царя Петра I. Автор, характеризуя ранние этапы «иноземного» влияния на царя, приходит к выводу, что заметная внешне европеизация Петра началась позднее, чем это обычно представлялось, – лишь на грани его юности и молодости, после династического кризиса 1689 г. Анализ связанных с этим событий не подтверждает все еще распространенного в популярных изданиях стереотипного представления о раннем влиянии на молодого государя Франца Лефорта и Патрика Гордона, которые долгое время были фаворитами В. В. Голицына (одного из лидеров оппозиционной Петру I группировки), и в силу этого, а также в силу особенностей их карьеры и положения как представителей целиком зависимого от государства слоя иноземного офицерства отнюдь не стремились к сближению с молодым царем. Лишь благополучный для царя исход династического кризиса в сентябре 1689 г. стал поворотным пунктом в их отношениях с государем и привел к стремительному сближению с ним, а также к ставшему его следствием началу заметной именно с этого времени европеизации быта Петра, которая прослеживается автором по материалам, свидетельствующим об изменениях в его одежде и поведении.

Ключевые слова: Петр I; европейское влияние; Патрик Гордон; Франц Лефорт; В. В. Голицын; Немецкая слобода; патриарх Иоаким; бытовая европеизация; «немецкое платье».

Европеизация русской элиты, особенно заметная с XVIII в., во многом началась «сверху» и в определенной степени была результатом усилий и воли Петра I. Но когда начался процесс европеизации самого Петра?

Этот вопрос во многом остается открытым, и на нем, как правило, не акцентируется внимание. Желание видеть «самого европейского» царя склонным к усвоению европейского опыта едва ли не с колыбели приводит к преувеличению значения единичных фактов, связанных с европейскими влияниями в его детстве – например, европеизированных театральных представлений, устраивавшихся в Преображенском при жизни Алексея Михайловича, когда Петру было всего два-три года, и он вряд ли мог вполне осознавать происходящее

[Богословский, с. 21; Бушкович, с. 80, ссылка 39]. В силу этого до сих пор сохраняются стереотипные представления о ранней европеизации Петра I, подвергшиеся обоснованной критике уже первым серьезным биографом Петра Н. Г. Устряловым [Устрялов, с. 7–26].

Они периодически всплывают и в наше время – даже в недавней в целом добротной работе Е. Ю. Болтуновой о петровской гвардии вдруг реанимируется давно развенчанный Н. Г. Устряловым и автором классических работ по истории гвардии П. О. Бобровским миф о раннем формировании гвардейских полков и о том, что их первым командиром (по крайней мере, с 1687 г.) был Франсуа Лефорт, даже вопреки очевидному факту участия последнего в это время в первом Крымском походе [Болтунова, с. 38; Бобровский, 1900а, с. 177, 189–197]. Желание «удревнить» влияние Лефорта на юношу-Петра неудивительно – почти общепризнанно, что именно он вкупе с известным Патриком Гордоном оказал решающее воздействие в «повороте Петра к Европе», корни которого нам хочется видеть уже в детстве царя. Однако представление о ранней европеизации Петра наталкивается на очевидные несообразности.

Во-первых, и в 1682, и в 1689 г. на стороне Петра оказывалась скорее традиционалистская группировка русской знати, поддержанная патриархом Иоакимом, во всяком случае, гораздо более «фундаменталистская» и менее склонная к европейским влияниям, чем окружение В. В. Голицына. Эту группировку скорее могли оттолкнуть европеизированный облик и наклонности Петра-ребенка.

Во-вторых, после короткого периода европейских культурных влияний в последние годы жизни Алексея Михайловича Петр оказался надолго отлучен от активной жизни «большого двора» брата Федора Алексеевича с начатой при нем частичной и непоследовательной европеизацией, ориентированной скорее на наиболее близкий польский образец [Седов, с. 491–550]. Петр рос в первую очередь в окружении ближайших родственников по материнской линии, происходивших из тесно связанной с провинциальным дворянством династии стрелецких полковников. Его прадед Полуэкт Иванович Нарышкин после Смуты принадлежал к «городовому» провинциальному дворянству и служил в «выборе» по Тарусе, а его дети входили в жилецкий список низших чинов государева двора [Бушкович, с. 63; Романов, с. 96]. Краткое вхождение Нарышкиных в верхи русской элиты (1672 – весна 1676 г.) вряд ли могло серьезно поколебать в них традиционалистскую психологию этого социального слоя, не отличавшегося особенной любовью к иноземцам. Это отчетливо демонстрирует поведение двоюродного деда Петра Ф. П. Нарышкина во время приезда в Архангельск в 1675 г. группы иноземных офицеров – той самой, в составе которой в Россию въехал Ф. Лефорт. Архангельский воевода, отказывавшийся пропускать офицеров в Россию и грозившийся сослать их в Сибирь, показался Лефорту «хуже самого дьявола» [Мышлаевский,

с. 635–643; Лефорт, с. 44¹). Так что Петр в детстве получил, скорее всего, традиционное воспитание, частью которого стало прекрасное знание православной традиции и церковных служб, на которых он вместе с собственным хором певчих лично пел вплоть до самого конца жизни, при обнаружившемся уже довольно рано равнодушии к европейской музыке.

В-третьих, источники практически не фиксируют ранних контактов Петра I с иностранцами. Свод выписок из дворцовых архивов, подготовленный Г. В. Есиповым и дополненный П. О. Бобровским, практически не содержит сведений о ранних контактах Петра с иностранцами или об иностранном влиянии на него вплоть до 1688 г. [Есипов; Бобровский, т. 1, прим., с. 1–202]. До это времени можно говорить лишь о случайных эпизодах его соприкосновения с иностранцами – они отмечены единичными пожалованиями сукна капитану выборного полка Аггея Шепелева пруссаку Симону Зоммеру за стрельбы в Преображенском при молодых царях 19 июня 1684 г., а также аптекарю Петру Пилю и лекарю Ягану Термонту за участие в 1683–1684 гг. в Троицких походах (за сопровождение Петра в традиционных осенних выездах в Троице-Сергиев монастырь) [Бобровский, т. 1, прим., с. 39].

Похоже, единственным каналом иностранного влияния на Петра I вплоть до лета 1688 г. была только среда иностранных медиков – по собственным словам царя, именно врач Захарий фан дер Гульст (не ранее 15 мая², а возможно, и после 20–21 июня 1688 г.³ порекомендовал ему голландца Франца Тиммермана как специалиста по обращению с привезенными из посольства во Францию князем Я. Ф. Долгоруким астролябией и готовальной с циркулями. Тиммерман начал преподавать молодому царю математику и фактически стал первым иностранцем, вошедшим в ближнее окружение царя («через сей случай стал при дворе быть безпрестанно и в компаниях с нами» (цит. по: [Устрялов, с. 18])). Именно он после находки ботика в Измайлове порекомендовал Петру для его починки своего соотечественника мастера Карстена Бранта, который тоже оказался связан с «медицинским» окружением царя. По словам самого Петра, Карстен Брант и лекарь Иоганн (Яган) Термонт (Тормонт), когда-то служившие вместе на первом русском корабле «Орел», счастливо избежали смерти от рук разинцев и (возможно, после скитаний по Персии – скорее всего, по ее кавказским владениям) смогли вернуться в Москву⁴. Следовательно, история «волжского» кораблестроения его отца

¹ Письмо Ф. Я. Лефорта брату Ами от 5 сентября 1676 г.

² Я. Ф. Долгоруков вернулся в Москву 15 мая 1688 г. [Устрялов, с. 18, прим. 35].

³ Именно в это время П. Гордон ездил поздравлять вернувшегося в Москву Я. Ф. Долгорукова, а через день в город вернулся Петр I [Гордон, 2009, с. 170, 176].

⁴ «А двое из них, лекарь Иван Тормонт и корабельный плотник и констапель Карстерс Брант, по усмирении бунта возвратились к Москве, и лекарь пристал к доктору Симону Зомеру, а Карштен Брант кормился столярною работою даже до нашего времени...» [Устрялов, с. 398].

была, вероятно, известна Петру уже в юности и со слов ее непосредственных очевидцев и участников.

Тесные контакты Петра с иноземным окружением начались не ранее лета 1688 г., когда ему было не менее 16 лет. Одними из первых таких иностранцев были маловлиятельные и, видимо, заметно обрусевшие голландцы Карстен Брант и Франц Тиммерман, уже давно жившие в России (Тиммерман – с 1664 г.; Брант – по меньшей мере с 1669 г.) [Устрялов, с. 352, 236; ДАИ, с. 263, 270]. Они участвовали в первом самостоятельном «проекте» Петра – строительстве потешного корабля в Преображенском в июне-сентябре 1689 г. Работы не прервал даже августовский правительственный кризис: 20 августа Петр из-под Троицы отдает распоряжение Приказу Большого дворца обеспечить строительство всем необходимым и кормить из дворцовых запасов «иноземца, что у корабельного дела» [Бобровский, т. 1, прим., с. 29–30]. Никакого сонма других иностранцев, и уж тем паче Франца Лефорта и Патрика Гордона, в 1687–1689 г. рядом с Петром не было и быть не могло по той простой причине, что последние, будучи фаворитами В. В. Голицына, обеспечившего им карьеру в предыдущее десятилетие, в тот момент принадлежали к противоположной партии царевны Софьи.

Патрик Гордон и Франсуа Лефорт – фавориты В. В. Голицына

Известно, что ранняя стадия «русской» карьеры Патрика Гордона была определена не столько его военными заслугами (в боевых действиях Русско-польской войны 1654–1667 гг. столичный тыловой офицер Гордон почти не участвовал), сколько удачной брачной стратегией в офицерской среде Немецкой слободы и дружескими связями с шотландской верхушкой иноземного генералитета того времени. В первую очередь карьеру обеспечил брачный союз с «полковничьим» родом фон Бокховенов, тесно связанных с царским тестем и главой Иноземного приказа И. Д. Милославским [Петрухинцев, 2014а, с. 273–274, 282]. Вероятно, апоплексический удар, полученный И. Д. Милославским 1 октября 1665 г., после которого боярин и царский тесть потерял дееспособность и выпал из состава российской элиты (перестав после 1666–1667 г. упоминаться в боярских списках, хотя был жив до 1688 г.), повлиял и на судьбу патронируемого им клана Бокховенов и самого Гордона, зятя генерал-майора Филиппа Альберта ван Бокховена [Гордон, 2003, с. 161; Рое, р. 423].

После возвращения из Англии летом 1667 г. в карьере Гордона наметился заметный спад: в 1668 г. он был отправлен из столицы на службу в Белгородский разряд и почти на десять лет стал одним из многочисленных рядовых провинциальных полковников [Гордон, 2005, с. 100–101; Гордон, 2014, с. 124]. Он получил под команду даже

не престижный рейтарский или обычный солдатский, а фактически «полумилиционный» полк комарицких «поселенных» драгун [Гордон, 2005, с. 126] – один из первых полков «нового строя», созданных на заре военной реформы Алексея Михайловича в 1645–1646 гг. [Петрухинцев, 2013, с. 502–523]. Гордон надолго осел в Севске, обзаведясь здесь в 1671–1672 г. собственным двором и, возможно, утратив жилье в Немецкой слободе Москвы [Гордон, 2005, с. 128]. Одной из причин ослабления связей со столицей могла стать и смерть его первой жены Катарины фон Бокховен в 1671–1672 гг.

В это десятилетие П. Гордон постепенно погружался в среду провинциальных иноземных полковников, не сулившую блестящих перспектив в карьере. Новое окружение формировало и его новые родственные связи: вторым браком он женился в 1673 г. на Элизабет Ронаэр, дочери севского полковника Якоба Ронаэра (Ронорта) [Гордон, 2014, с. 487]. Старшая дочь Гордона от Катарины фон Бокховен Кэтрин Элизабет в 1682 г. в 17-летнем возрасте вышла замуж за Рудольфа (Родиона) Штрасбурга, сына происходившего из Лифляндии и погибшего в 1664 г. при попытке штурма Чигирина лихого полковника Иоганна Штрасбурга, служба которого тоже проходила в Белгородском и Севском разрядах [Гордон, 2003, с. 122, 130, 139, 144]. В ближайшее окружение Гордона входили севские полковники шотландец Юрий (Джордж) Скотт и лифляндец Юрий фон Менгден (Юрья Фамендин), остававшиеся в Белгородском разряде до начала 1690-х гг. Менгден лишь 30 марта 1692 г. был отозван в Москву, и именно он (вероятно, по рекомендации Гордона) был назначен первым командиром только что сформированного Преображенского полка [Устрялов, с. 355, прим. 28; Бобровский, т. 1, с. 196].

Гордон в этой ситуации рисковал остаться обычным рядовым иноземным полковником, затерявшимся в русской провинции. Только руководство героической обороной Чигирина в 1678 г. стало стартом для нового витка его карьеры – оно выделило его из провинциальной среды, ввело в состав немногочисленного российского генералитета (за оборону Чигирина Гордон был произведен в генерал-майоры) и обеспечило пост киевского коменданта, вводивший его в круг российской и украинской элиты, связанной с управлением Украиной и Киевом. Тогда же, видимо, началось и его тесное сближение с В. В. Голицыным.

Впрочем, еще до Чигирина в январе 1677 г. Гордон в Москве был приглашен на обед к В. В. Голицыну, но не смог пойти из-за болезни; затем в феврале встречался с ним в Слободе на свадьбе своего друга полковника Пола Менезиса, а в июне со своим полком уже встречал князя на подъезде к Севску и на следующий день (по желанию самого Голицына) принимал его в своем севском доме [Гордон, 2005, с. 6–7, 10–11]. Голицыну, видимо, там так понравилось, что впоследствии он на время своего похода в 1681 г. сделал дом Гордона, конфискованный казной после его перевода в Киев, своей временной

резиденцией [Гордон, 2005, с. 127–128]. Но дальнейшие контакты с князем во время кампании 1677 г. осложнились соперничеством В. В. Голицына и непосредственного начальника Гордона долголетнего главы Белгородского разряда боярина Г. Г. Ромодановского, хотя по окончании похода Гордон все-таки проводил Голицына по его отъезде из Севска [Там же, с. 28–29]. В декабре 1677 г. Гордон при посредничестве Голицына добился разрешения на приезд в Москву и, вероятно, навещил там князя в январе 1678 г. в числе «главных бояр и советников, с коими имел знакомство» [Там же, с. 30, 32]. Может быть, и назначение Гордона комендантом Чигирина в кампании 1678 г. состоялось не без влияния или же одобрения Голицына.

К сожалению, из-за утраты «киевского» дневника 1679–1683 гг. последующие стадии сближения генерала и политика нам неизвестны, но уже в январе 1684 г. по приезде в Москву Гордон первым делом навещает В. В. Голицына и встречает самый любезный прием [Гордон, 2009, с. 6].

С этого момента Гордон является ближайшим советником В. В. Голицына по украинским делам и осторожно склоняет боярина, пока не слишком настроенного на войну против Турции, к вступлению в Священную лигу и в Русско-турецкую войну. Фактически именно Гордон тогда же становится одним из главных инициаторов Крымских походов. 17 января 1684 г. он подает Голицыну меморандум, вторая часть которого подводила к мысли о вхождении в Священную лигу и выдвигала идею Крымского похода, чуть ранее (в мае 1683 г.) уже озвученную польским посольством Я. Зембоцкого в Москве, переговоры с которым тоже вел Голицын [Кочегаров, с. 161–162]. Гордон считал, что будет достаточно 40 тыс. пехоты и 20 тыс. конницы для завоевания Крыма в течение одного или двух лет [Гордон, 2009, с. 7–11]. Через неделю в Москву въезжает австрийское посольство, начавшее 29 января 1684 г. переговоры с Голицыным, которые, вероятно, сопровождаются новыми консультациями последнего с Гордоном. Он добивается в эти дни от Голицына не только компенсации за свой севский дом, но и указа о разрешении католического богослужения в России [Там же, с. 12].

Характерно, что П. Гордон в эти же январские дни 1684 г. под благовидными предложениями активно уклоняется от предложенного В. В. Голицыным визита к заболевшему оспой юноше Петру I, пытаясь ограничиться поездкой к обоим государям сразу. В конце концов он наносит визит лишь Ивану Алексеевичу, только что отпраздновавшему свою свадьбу с П. Ф. Салтыковой, дававшую группировке Софьи шанс на появление наследника мужского пола по линии царя Ивана, и при этом удостоивается аудиенции у самой Софьи, поблагодарившей его за службу [Там же, с. 11–12].

Подобная позиция П. Гордона вполне естественна – принадлежа к группировке В. В. Голицына, державшего, к тому же, в тот момент основные нити управления военными ведомствами и армией, он

отнюдь не стремился к установлению контактов с Петром, который имел в 1684–1685 гг. крайне сомнительные шансы на успех, и сближение с ним могло ухудшить положение Гордона в России.

Именно В. В. Голицын добился для П. Гордона в конце 1685 г. последнего в его жизни полугодового отпуска на родину, которого тот настойчиво требовал, после того как получил 23 апреля 1685 г. в Киеве известие о восшествии на английский престол короля-католика [Гордон, 2009, с. 60, 62–66, 85]⁵. Во время поездки в Англию в апреле-мае 1686 г., где П. Гордон при посредничестве старого сослуживца и патрона на старте его «русской» карьеры генерала У. Драммонда не менее десяти раз лично встречался и беседовал с королем Яковом II Стюартом (Джеймсом II английским и Джеймсом VII шотландским), перед ним развернулись неплохие стартовые позиции для карьеры на родине [Там же, с. 103–110]. Поэтому по возвращении в Москву он начал настойчиво добиваться отпуска из русской службы (с которой, надо сказать, он никогда не связывал свои жизненные перспективы, вовсе не стремясь окончательно осесть в России). Гордон, к тому же, очевидно, уже прекрасно осознавал нарастающую нестабильность ситуации в России и связанные с ней чрезвычайные риски для него самого в связи с близостью к партии В. В. Голицына и Софьи [Там же, с. 128].

Но требование отставки, высказанное в конце сентября 1686 г. после того, как была получена и переведена на русский язык грамота Джеймса II с просьбой об отпуске Гордона с русской службы, привело к острейшему полуторамесячному кризису в отношениях с его главным патроном В. В. Голицыным. Конфликт развернулся в конце октября – ноябре 1686 г. и закончился капитуляцией генерала и крушением надежд на английскую карьеру Гордона, «весьма удрученного» «причиненной мне великой несправедливостью и обидой» [Там же, с. 128–130].

Однако решение не отпускать Гордона было отнюдь не только капризом Голицына или же следствием «деспотической» политики российского правительства, затруднявшей отпуск иностранцев с русской службы и тем самым ограничивавшей их свободу. В данном конфликте прав был скорее В. В. Голицын, занятый именно в эти дни острой борьбой вокруг вопроса о военном руководстве предстоящей кампанией и подвергающийся жестким атакам в Думе за выбранную им внешнеполитическую ориентацию [Бушкович, с. 153–154]. Он, очевидно, справедливо считал, что Гордон как один из инициаторов нового внешнеполитического курса и автор идеи Крымских походов должен был разделить ответственность за его реализацию на практике. Кроме того, Голицын нуждался в Гордоне как в военном специалисте.

⁵ Голицын при отъезде Гордона в январе 1686 г., по словам последнего, «просил меня скоро возвращаться, не губить его – моего ручателя и писать к нему с каждой почтой» [Гордон, 2009, с. 87].

Ущерб был отчасти компенсирован Гордону новым взлетом его военной карьеры: он был отозван из Киева в Москву (чего он безуспешно добивался еще в 1684 г.) и 3 января 1687 г. получил командование вторым из двух «выборных» (гвардейских) полков, которыми до этого командовали почти исключительно русские [Гордон, 2009, с. 134; Малов, с. 111–118]⁶. По возвращении из похода 11 сентября 1687 г. Гордон был произведен в генералы [Гордон, 2009, с. 157].

Фаворит В. В. Голицына все это время отнюдь не стремился к контактам с Петром. Об этом говорит даже словоупотребление Гордона. Его дневник за 1684–1687 г. содержит по меньшей мере 37 упоминаний о юных монархах. В 84 % случаев (в 31 эпизоде) это безликая формула «их величества», «цари», «императоры». «Младший император» или «младший царь» за целых четыре года упоминается в дневнике лишь в пяти случаях (за последние два года (1686–1687) – всего дважды), при этом Гордон ни разу не называет Петра по имени. В первый раз «царь Петр Алексеевич» появляется в дневнике Гордона лишь 21 июня 1688 г., но даже в этот момент о каких-то личных контактах с ним речь не идет.

Схожую картину нам демонстрирует и образ действий Франсуа Лефорта, который, прибыв в Россию в 1675 г., выстраивал подобную стратегию карьерного поведения. Не имея до приезда в Россию серьезного военного опыта и даже младшего офицерского чина, он не сразу был принят на службу. Начало его военной карьеры тоже было определено брачной стратегией. Еще в 1676 г. Лефорт мог породниться с влиятельным и старейшим полковничьим кланом Крофуордов [Лефорт, с. 45]. Однако срыв этой комбинации по причине запрета родными Лефорта этого брака, смерть невесты, а затем и ее отца, а также собственные продолжительные болезни помешали Лефорту вступить на военную службу уже в 1677 г. Он был принят на нее в чине капитана лишь в конце лета 1678 г., после того, как женился на дочери умершего подполковника Франсуа Суэ, француза из Меца в Лотарингии. Мать невесты была сестрой первого тестя Гордона генерал-майора Филиппа фон Бокховена и крестной матерью его первой дочери Кэтрин Элизабет [Лефорт, с. 46–54; Гордон, 2003, с. 161]. На выбор Лефорта, как в свое время на выбор Гордона, могла повлиять и языковая близость: невеста, дочь чуть ли не единственного французского офицера, состоявшего на русской службе⁷, как показывает ее письмо матери Лефорта, владела французским языком, пожалуй, лучше своего мужа [Лефорт, с. 58].

После женитьбы и вступления на службу Лефорт, как и Гордон, оказался включен в систему кланово-патронажных связей в среде иноземного офицерства. П. Гордон, только что произведенный в ге-

⁶ Командование будущим Бутырским полком в 1685–1686 гг. Алексеем Бюстом А. В. Маловым, судя по всему, не подтверждается.

⁷ Как отмечал сам Лефорт, в 1676 г. в Немецкой слободе было лишь три француза, приехавших с ним (письмо Лефорта брату Ами от 5 сентября 1676 г.) [Лефорт, с. 44].

нерал-майоры, затребовал 21 ноября 1678 г. нового родственника под свою команду в гарнизон Киева, где тот прослужил более трех лет [Гордон, 2005, с. 122]. Вместе с гордоновским кланом, частью которого он стал, Лефорт делал карьеру в первую очередь благодаря патронажу В. В. Голицына. Особенно наглядно это проявилось во время первого Крымского похода 1687 г. Как писал сам Лефорт, «я не покидал его [В. В. Голицына] в течение всей кампании и даже возвращался с ним вплоть до ворот его дома, где он прочувственно благодарил нас троих-четверых и даже сказал, что если он останется в милости, мы тоже почувствуем на себе милость его величества» [Лефорт, с. 91]⁸. Среди этих троих был и зять П. Гордона подполковник Родион Штрасбург, пожалованный в полковники на следующий день после производства Гордона в полные генералы одновременно с Ф. Лефортом [Там же, с. 91, 90]. В тот момент Ф. Лефорт вряд ли стремился к личным контактам с Петром I: их общение осенью 1687 г. ограничилось короткой официальной аудиенцией с целованием руки царя [Там же, с. 91].

Однако карьерная стратегия Лефорта, делавшего, в отличие от Гордона, ставку на продвижение по службе именно в России, отличалась большей гибкостью. Он с самого начала ориентировался не только на клановые связи в полковничьей среде иноземного офицерства, но и на личные контакты с представителями русской знати.

Немецкая слобода уже с самого возникновения не была замкнутым миром. Русская аристократия навещалась сюда задолго до Петра. Секретарь датского посольства Андрей Родэ в 1659 г. встречался там с князем Ю. И. Ромодановским [Описание второго посольства, с. 29]. 12 февраля 1677 г. князя Голицыны и «молодой Долгорукий» присутствовали на свадьбе друга Гордона полковника Пола Менезиса с вдовой Питера Марселиса. В 1685 г. все знатные русские вельможи и князя В. В. и Б. А. Голицыны обедали здесь у тесно связанного с Лефортом комиссара Г. Бутенанта и иезуита Э. фон Гартмана [Гордон, 2005, с. 7; Лефорт, с. 77⁹]. Лефорт уже в 1678 г. опирался не только на брачные связи с Бокховенами и Гордоном, но и на личные контакты с князьями Голицыными (возможно, как раз и завязавшиеся в Слободе в 1677 г.), тоже способствовавшие принятию его на службу [Лефорт, с. 91¹⁰]. В. В. Голицын в 1681 г. добился для Лефорта отпуска на родину и обещал ему по возвращении продвижение по службе [Там же, с. 91¹¹]. Вероятно, именно он (но только после занятия ключевых позиций в управлении страной осенью 1682 г.) добился производства Лефорта в 1683–1684 г. в майоры, а затем и в подполковники. Последний поэтому не так жестко зависел от клана Гордона и был гораздо свободнее в выборе связей и в стратегии карьерного поведения. Уже в 1685 г. он выбирал между двумя братьями, принадлежащими

⁸ Письмо Лефорта брату Ами от 1 октября 1687 г.

⁹ Письмо Лефорта брату Ами от 1 марта 1685 г.

¹⁰ Письмо Лефорта матери от 23 июля 1678 г.

¹¹ Письмо Лефорта брату Ами от 1 сентября 1681 г.

к разным лагерям, и едва не согласился на вариант Б. А. Голицына, предлагавшего ему скорое производство в полковники в рейтарском полку, подчиненном Казанскому дворцу, находившемуся под его руководством [Там же, с. 76–77¹²].

В конечном счете Лефорт предпочел покровительство более влиятельного В. В. Голицына, но не порвал связей и с князем Борисом Алексеевичем. Известная рекомендательная грамота 1686 г. В. В. Голицыну в пользу Лефорта от Женевской республики, пересланная к нему в Крымский поход Г. Бутенантом, имела своего «двойника», адресованного Б. А. Голицыну и переданного ему тем же Бутенантом уже в Москве [Там же, с. 86–87, 90–91]. Кроме того, Ф. Лефорт уже в 1687 г. имел тесные связи с князем Яковом Федоровичем Долгоруковым, часто посещавшим его с братьями (очевидно, Григорием, Борисом и Лукой Федоровичами) в Немецкой слободе [Там же, с. 89] и тоже скорее принадлежавшим к группировке, ориентировавшейся на Петра и враждебной В. В. Голицыну.

Дневник Гордона на этот момент не фиксирует ни одного визита Петра в Немецкую слободу, но, возможно, первые посещения царя состоялись еще до лета 1689 г. – по показаниям стрелецкого капитана Филиппа Сапогова, по его возвращении из второго Крымского похода (то есть не ранее июля 1689 г.): «Федор Шакловитой говорил и про государя... Петра Алексеевича: *пьет де, и на Кокуй ездит*, и своими руками потешных конюхов кнутом бьет, и никоими де мерами в соединение и мир привести нельзя для того, что пьет допьяна» [Розыскные дела, ст. 31]. Скорее всего, это были единичные приезды к Ф. Тиммерману или К. Бранту, но в накаленной и крайне неопределенной обстановке не исключены были и первые осторожные контакты царя в Слободе и с Ф. Лефортом через посредство склонного к подобному бражничанью Б. А. Голицына. Однако близкий к семье Петра (женатый на сестре его жены) князь Б. И. Куракин определенно свидетельствует, что активные связи царя с Немецкой слободой начались только после Троицкого похода августа-сентября 1689 г.: «...по приходе к Москве начал его величество в слободу ездить чрез предвождение его ж, князя Бориса Алексеевича Голицына» [Куракин, с. 62]. Тем не менее, вероятно, именно Лефорт, имевший большую свободу для маневра, чем П. Гордон, способствовал завязыванию первых осторожных связей Гордона с группировкой Петра, начавшихся только в промежутке между первым и вторым Крымскими походами.

Именно после своего первого обеда в подмосковном имении Б. А. Голицына 25 июля 1688 г. П. Гордон, несмотря на недовольство В. В. Голицына, только с начала сентября 1688 г. стал откликаться на первые просьбы Петра о присылке солдат его Бутырского полка в начавшие формироваться тогда в Преображенском потешные части [Гордон, 2009, с. 172, 174, 175]. Однако даже тогда ни он, ни Ф. Лефорт с Петром не контактировали и в обучении «потешных» лично

¹² Письмо Лефорта брату Ами от 1 марта 1685 г.

не участвовали – иначе Петру не пришлось бы выяснять иерархию между сержантами и писарями полка у пьяного стряпчего Анкудина [Там же, с. 176]. Только 17 сентября 1688 г. Петр встречается с Гордоном на дороге из Преображенского и осведомляется о его здравии [Там же, с. 175], после чего вплоть до выступления во второй Крымский поход их контакты прерываются, и Гордон проводит время в компаниях сторонников В. В. Голицына [Там же, с. 176, 177, 178, 184]. По возвращении из этого похода Гордон даже не был допущен в Преображенское благодарить Петра за награды [Там же, с. 201].

Гордон и Лефорты до династического кризиса не только не были наперсниками и учителями Петра, но как активные фавориты В. В. Голицына, видимо, сознательно избегали личных контактов с ним. Изменил ситуацию лишь династический кризис лета 1689 г.

Династический кризис и начало инострannого влияния на Петра I

Августовский кризис 1689 г. не был неожиданностью, но, вероятно, рассматривался российским обществом в первую очередь как «семейная ссора» – ни стрельцы, ни основная масса дворянства, ни тем паче иноземное офицерство не хотели активно участвовать в конфликте и в большинстве своем заняли выжидательную позицию, не вмешиваясь активно в события ни на стороне Софьи, ни на стороне Петра. Однако чаша весов постепенно начала склоняться на сторону Петра, что вынуждало определяться и группировку Гордона и Лефорты. Впрочем, иноземное офицерство вряд ли могло оказать решающее влияние на события: полки «нового строя» базировались в основном в провинции и по окончании кампании 28 июня 1689 г. были распущены по домам [Гордон, 2009, с. 199]. Исключение, видимо, составляли выборные полки, расквартированные в столице, в том числе и Бутырский полк Гордона, который, однако, группировка Софьи даже не пыталась ввести в дело, добиваясь лишь его нейтралитета [Там же, с. 203, 204].

4 сентября 1689 г., когда перевес сил уже вполне определенно оказался на стороне Петра, постепенно перетянувшего к себе к 31 августа – 1 сентября ядро стрелецкого гарнизона столицы, Гордон наконец сделал выбор: получив ультиматум Петра, он решил уйти на его сторону и увлек за собой значительную часть полковников и офицеров Немецкой слободы [Там же, с. 207]. Для него как представителя клана иноземных офицеров, живущего на государево жалование и не имеющего других источников дохода, это было вопросом самосохранения и выживания, и он предпочел оставить своего бывшего патрона, перейдя к Петру. Вечером 7 сентября 1689 г. по прибытии В. В. Голицына в Троицу он, видимо, даже не сделал попытки подъехать и переговорить с ним [Там же, с. 209].

Гордон, однако, прекрасно понимал, что как бывший фаворит В. В. Голицына он вызывает вполне справедливое недоверие у ближайшего окружения Петра. Единственным спасением и средством сохранить свое положение для него могло стать лишь сближение с самим Петром.

Но оно началось лишь 14 сентября 1689 г., спустя почти две недели после приезда Гордона в Троицу, когда он получил приказ Петра, не спешившего сразу возвращаться в Москву, сопровождать его в Александрову слободу, где прошли недельные военные учения [Гордон, 2009, с. 212–213]. Только тогда, то есть только после прихода Петра к реальной власти, Гордон впервые лично занялся его военным обучением. Таким образом, речь шла вовсе не о бескорыстном интересе к пытливному юноше, а о тривиальной попытке самосохранения в кризисной ситуации, грозившей если не гибелью, то возможной опалой Гордона и Лефорта как фаворитов только что сосланного главы проигравшей борьбу группировки.

Этот момент четко зафиксировал впоследствии князь Б. И. Куракин: «И в ту бытность в Троицком монастыре князь Борис Алексеевич Голицын *тут привел в милость иноземцов*, как Петра Гордона генерала, полковника Лефорта, Радивона Страсбурга, Ивана Чамбурса и других многих, то есть *начала вступить в милость и фамилиариту иноземцов*» [Куракин, с. 62] (курсив наш. – Н. П.).

И клан Гордона в короткие сроки (буквально в два-три месяца) сделал все возможное, чтобы заслужить внимание и привлечь интерес юного царя. Те же люди, которые окружали в 1687 г. В. В. Голицына, стремились теперь занять места в ближайшем окружении Петра I. Одним из главных потенциальных фаворитов молодого царя мог стать лишь недавно обласканный В. В. Голицыным зять Гордона полковник Родион Штрасбург, но 27 января 1691 г. он настолько сильно пострадал при взрыве фейерверка, что так и не оправился от болезни и умер спустя год 4 января 1692 г. [Гордон, 2014, с. 71]. Все это время больного Штрасбурга достаточно регулярно навещал Петр (2, 4, 9 февраля, 5 марта, 21 апреля, 8, 20 мая, 22, 25, 30, 31 декабря 1691 г.).

Именно с влиянием окружения Гордона и оказалось связано начало бытовой европеизации Петра.

Разрыв с традицией и конфликт с патриархом Иоакимом

Фактически она (европеизация) началась лишь после династического кризиса уже в Троицком походе и развернулась с поздней осени 1689 г. по возвращении в Москву. Именно тогда стало складываться иноземное окружение Петра и проявились первые зримые признаки смены культурных стандартов и модели поведения царя. Петр начинает окружать себя иноземными предметами одежды и быта, в те же несколько месяцев кардинально меняется и его гардероб.

Если за три предыдущих года (1687 – лето 1689) фиксируются закупки кож лишь на шесть пар сапог для Петра, то только за конец ноября 1689 – март 1690 г. покупается материал как минимум на 39 пар (при

этом 21 из них – «потешная»). Почему-то переодевание Петра начинается именно с обуви: материалы на «потешный» кафтан Петра закупаются только с января 1690 г., и пока в гораздо меньших количествах.

Очевидно, формирование иноземного окружения Петра, начало первой робкой европеизации его быта и проявившийся уже в январе-феврале 1690 г. неожиданный разрыв с вполне традиционной прежней моделью воспитания молодого царя оказываются неприятным сюрпризом для в основном традиционалистской его «партии», не ожидавшей такого резкого поворота в его поведении. Недовольство этим поворотом высказал незадолго до своей смерти патриарх Иоаким.

Особенно отчетливо оно вылилось в хрестоматийно известном его завещании, подписанном в день смерти 17 марта 1690 г. В нем патриарх предостерегал государей от увлечения иноземными обычаями и обрушивался с инвективами против иноземцев, в первую очередь против руководящей роли их в армии [Устрялов, с. 473–476]. Патриарх, придерживавшийся традиционного православия и считавший важным фактором военных побед небесное заступничество христианских святых, выступал против иноземных офицеров, в большинстве своем протестантов, не признававших икон и лишенных этого покровительства [Там же, с. 474].

Но религиозный мотив был далеко не единственным в поведении Иоакима. Решающую роль играли его позиция по отношению к армии и оценка внутривосточной ситуации.

Патриарх, в миру Иван Большой Петрович Савелов, Можайский дворянин из рода царских сокольников, пробившийся через службу в придворном ведомстве в низы государева двора, принадлежал к первому слою русского офицерства полков «нового строя». Он делал военную карьеру с самых первых стадий военной реформы Алексея Михайловича: уже в 1649–1650 гг. одним из 26 стряпчих он записался в первый рейтарский полк И. фан Буковена, который стал школой русских офицерских кадров, и около трех лет служил рядовым рейтаром. В 1653 г. он был произведен в поручики и направлен в полк Юрия Гутцына – один из четырех самых первых «двухтысячных» солдатских полков, формируемых пока лишь на юге России [Булычев, с. 33]. С началом Русско-польской войны полк в феврале 1654 г. был переброшен в гарнизон Киева [Петрухинцев, 2014а, с. 117], а уже 3 марта 1654 г. И. П. Савелов был произведен в капитаны [Булычев, с. 34]. Возможно, он участвовал в осеннем походе 1655 г. И. Б. Бутурлина на территорию Западной Украины и, скорее всего, уже после него (возможно, в результате потрясения от гибели семьи в Москве во время эпидемии чумы 1654 г.) постригся в монашество в киевском Межигорском монастыре. Однако и после этого он не порывал связи с армией: его младший брат Иван Меньшой Петрович Савелов в декабре 1663 г. служил ротмистром в рейтарском полку С. А. Зубова [Там же, с. 34], что было фактически потолком карьеры для русских офицеров. Таким образом, будущий патриарх был тесно связан

с русской офицерской средой, недовольной иноземцами, как правило, затруднявшими ей доступ к штаб-офицерским чинам.

Случайно ли, что именно после того, как Иоаким стал в 1674 г. патриархом, в годы Русско-турецкой войны 1673–1681 гг. отчетливо проявился курс на формирование собственного офицерского корпуса и начал формироваться русский генералитет полков «нового строя»¹³? Именно тогда генералами стали русские А. А. Шепелев, В. А. Змеев и М. О. Кровков, причем двое последних были сослуживцами Иоакима по рейтарскому полку фан Буковена. Курс этот усилился в царствование Федора Алексеевича («московиты сделались сведущими в эзерцициях и больше не хотят ни иностранных солдат, ни офицеров» [Лефорт, с. 49¹⁴]) и серьезно осложнил карьеру Ф. Лефорта, лишь ценой связей среди русской аристократии и удачной брачной стратегии попавшего на службу в чине всего лишь капитана. Однако он был нивелирован политикой экономии на жалованьи русских офицеров [Петрухинцев, 2014b, с. 286–288; Рогожин, 2013, с. 74–79], а после династических кризисов 1682 и 1689 г. патриарха ждал еще один неприятный сюрприз: «русская половина» генералов оказалась «вымыта» из состава генералитета, снова ставшего исключительно иностранным.

М. О. Кровков стал жертвой стрелецкого восстания 1682 г., после которого был вынужденно отставлен от полка по требованию своих солдат и отправлен в ссылку на воеводство в Якутск. Генерал-аншеф «думный генерал» А. А. Шепелев умер в начале 1689 г. [Малов, с. 110, 118¹⁵], а В. А. Змеев и Г. И. Косагов перешли в думные чины, получив окольниковство, более престижное, чем ранги генерала, и, кроме того, в сентябре 1689 г. попали в опалу как приближенные В. В. Голицына. В то же время группировка таких же его фаворитов из среды иноземного офицерства не только не пострадала, но даже усилила свои позиции в руководстве армии. Гордон вызывал раздражение Иоакима еще и тем, что был одним из инициаторов союза со Священной лигой и Крымских походов, против которых активно выступал Иоаким, а также тем, что приложил руку к устранению украинского гетмана Ивана Самойловича, с которым были тесно связаны патриарх и «партия Петра» [Бушкович, с. 153–155, 157; Петрухинцев, 2014с, с. 25]. Неудивительно, что сближение царя с кланом Гордона вызвало серьезное противодействие патриарха.

Начало европеизации быта Петра I

Смерть патриарха стала еще одним толчком к дальнейшему усилению влияния гордоновского клана и к бытовой европеизации Петра. Последняя нарастала постепенно, начавшись с не столь резко

¹³ Первый русский генерал В. А. Змеев был пожалован в генерал-майоры именно в конце 1674 г. [Рогожин, 2015, с. 83].

¹⁴ Письмо Ф. Лефорта брату Ами от 16 октября 1677 г.

¹⁵ По другим сведениям, умер около 1694 г. [Рогожин, 2015, с. 92].

противоречивших традиции и уже опробованных в ходе культурных реформ Федора Алексеевича образцов одежды.

Единичный эпизод с заказом «немецкого платья» в более ранний период (в феврале 1687 г.) вряд ли свидетельствует о тогдашнем большом интересе Петра к иноземным стандартам в одежде – возможно, оно даже предназначалось не для самого юного царя. Об этом свидетельствует низкая стоимость платья – всего 5 алтын (15 копеек); даже провоз его всего на пару верст из Немецкой слободы обошелся едва ли не дороже стоимости самого кафтана (в 3 алтына) [Бобровский, 1900b, с. 19]. Не исключено, что предназначалось оно для кого-то из рядовых «потешных». Но и немецкое платье для потешных тоже шьется лишь с сентября 1688 г. [Бобровский, 1900b, с. 32].

В приказной документации проводится четкое отличие «потешного» платья от «немецкого», и в первые месяцы сближения с иноземцами Петру шилось именно платье «потешное» (возможно, ориентированное скорее на венгерский или польский образец). Однако через две недели после смерти Иоакима 1 апреля 1690 г. ему шьют уже не потешное, а первое *немецкое* платье, которое обходится в 8 руб. 98 коп.¹⁶ Сукно для него (а также парик) покупаются у *генерала* Франца Лефорта. Это первое известное свидетельство о достаточно раннем (до 1 апреля 1690 г.) пожаловании Лефорта в генерал-майорский чин и о сближении с ним Петра. Скорее всего, Лефорт был произведен в генерал-майоры вскоре после смерти патриарха, в промежутке с 17 марта до 1 апреля 1690 г. С этого момента он явно опережает во влиянии на государя зятя Гордона Родиона Штрасбурга, который, несмотря на совместную работу с Петром над фейерверками, остается в чине полковника. Возможно, что и культурные стандарты Петра начинают меняться уже тогда, в первую очередь именно под влиянием Лефорта. Сближение усиливается и тем, что Гордон и Лефорт стараются быть как можно ближе к Петру и принимают активное участие в начавшемся только тогда формировании и обучении ядра будущих Преображенского и Семеновского полков.

Еще одним рубежом становится русское «новолетие»: после начала 1 сентября 1690 г. нового года в дневнике Гордона впервые зафиксировано посещение Петром Немецкой слободы и обед у Лефорта (3 сентября); 23–24 сентября после серии первых больших маневров еще только формировавшихся и пока крайне немногочисленных потешных частей в Преображенском (всего несколько рот лишь с шестью сержантами без офицеров) [Бобровский, т. 1, с. 190–192] Петр впервые принимает участие в публичной церемонии в Слободе – в свадьбе дочери Патрика Гордона Мэри [Гордон, 2014, с. 27–29].

¹⁶ Здесь и далее в характеристике костюма и быта Петра приводятся мои наблюдения и расчеты, составленные по данным о закупках одежды, материалов и предметов быта для Петра, обобщенным П. О. Бобровским, обработавшим и несколько иначе систематизировавшим сведения Г. В. Есипова [Бобровский, т. 1, прим, с. 17–19, 29–30, 71–78].

Именно с осени 1690 г. облик Петра и его гардероб начинают меняться все заметнее. За 1690 г. ему было сшито как минимум 13 комплектов верхней одежды (три раза упоминаются немецкое платье и немецкий кафтан) и десять «потешных» кафтанов, однако большинство из них – пять из десяти – уже в декабре. В целом на костюм за 1690 г. было потрачено 366 руб. 79 коп., большей частью на закупку «немецкого» платья (как минимум 281 руб. 30 коп., то есть 76,7 %). Однако расходы на «потешное платье» и сапоги, пошитые в дворцовых мастерских, нам неизвестны. Работа здесь практически не оценивалась; даже стоимость материалов учитывалась лишь в 17 случаях из 40 упоминаний о новых предметах одежды (то есть в 42,5 %). В итоге реальная стоимость «потешных» комплектов одежды, сшитых русскими мастерами, была весьма существенно занижена, и общая стоимость «потешного» и «немецкого» гардероба Петра в 1690 г. вряд ли составляла менее 500 руб.

В следующем 1691 г. гардероб Петра обновляется еще сильнее: за этот год ему было сшито не менее 33–35 комплектов одежды (один верхний кафтан «неизвестного манера», все другие – «потешные» и «немецкие»), в том числе не менее 11 теплых кафтанов (три – на белищем меху, шесть – «на лисе хребтовой и чернобурке», два – на песце, один – «на собольих пупках»). Стоимость меха и кафтанов снова, как правило, не указана, но даже по учтенным расходам на гардероб Петра было потрачено как минимум 885 руб. 14 коп., при этом было куплено 552,5 аршина (392 м) разных материалов (от тканей до шнура и лент). Гардероб Петра в этом году явно обошелся более тысячи рублей.

Однако в 1691 г. происходят решительные перемены: «немецкое» и «потешное» платье приобретают в гардеробе царя равные права. Ему шьется не менее 17 единиц «потешной» верхней одежды и не менее 18 комплектов «немецкой». Он уже, очевидно, чаще появлялся в «новоманерной» одежде, и реже – в традиционной. Если в 1690 г. «немецкое» платье покупалось в Немецкой слободе, то с февраля 1691 г. его начинают шить в дворцовых мастерских.

Именно в период с декабря 1690 по январь 1692 г., когда фавор Лефорта уже для всех становится очевидным, и его фиксируют иностранные дипломаты, 18–19-летний Петр превращается в настоящего щеголя: за это время ему покупается и шьется не менее 41 комплекта одежды (в среднем по три в месяц).

Цветовая гамма этой одежды (см. диаграммы 1–3 на цветной вклейке) тоже отражает переходный характер периода только еще начинавшейся европеизации – в целом в верхней одежде по-прежнему доминируют яркие цветовые тона, характерные для праздничного костюма традиционных обществ, с довольно большой долей оттенков красного (почти треть, 29 %). Яркие тона характерны прежде всего для «потешных» кафтанов Петра, где они безусловно преобладают – оттенки красного составляют здесь почти половину цветовой гаммы (45 %). Появившийся в основном уже во второй половине 1691 г.

зеленый, возможно, свидетельствует о начавшемся складывании мундирных цветов преображенцев. Немецкое платье отличается более сдержанной цветовой гаммой: в нем преобладают черный и «дикий цвет» (серебристо-серый или серо-стальной) и крайне невелика доля ярких декоративных цветов (не более трети).

Гардероб Петра дополняется «потешной» и «выходной» обувью. За первых два года «бытовой европеизации» (то есть за период с ноября 1689 г. по май 1691 г., после которого шитье обуви почти прекращается) для него шьют по меньшей мере 129 пар обуви (в среднем по 5–6 пар в месяц), для которых закупают не менее 44–45 юфтей почти исключительно алого и красного сафьяна. При этом он пока сохраняет пристрастие к традиционной форме обуви – сапогам (в приказной документации – «чоботам»): пять пар алых сафьянных башмаков составляют лишь 4 % всей пошитой для него обуви. В шитье сапог проявляется та же тенденция, что и в костюме, – почти две трети их (60,5 %) составляют «потешные чоботы», и только четверть (24 %) – «выходные». Цветовая палитра обуви не отличается таким разнообразием, как цвета верхней одежды, но в целом соответствует доминирующей гамме в костюме, особенно в «потешном»: это свойственные аристократической обуви алые и красные тона (с очень незначительной долей вишневого и лазеревого) и, видимо, полное отсутствие черного.

В этот период 18–19-летний Петр I отнюдь не выглядит аскетом – он уделяет серьезное внимание своему повседневному гардеробу, достаточно качественному и не слишком дешевому (средний костюм, вероятно, обходится не менее 50 руб.). Однако с весны 1692 г. этот юношеский интерес к модной одежде угасает, закупки материалов и пошив одежды резко сокращаются в объемах [Бобровский, т. 1, прим., с. 74]. К 20 годам Петр утрачивает интерес к щегольству и, вероятно, продолжает носить сшитые в предшествующий период костюмы, переключившись с внешних сторон «бытовой европеизации» на более серьезные занятия – именно в это время завершается формирование Преображенского и Семеновского полков [Бобровский, т. 1, с. 196], он становится частым гостем в Немецкой слободе, а новый, приближенный к европейскому стиль одежды превращается для царя в привычную повседневность.

«Бытовая европеизация» отнюдь не была безобидным явлением – благодаря своей публичной наглядности она вела к резкому разрыву с предшествовавшей традицией и, в силу ее стремительного характера, по-видимому, была неожиданностью для преимущественно традиционалистской группировки, ориентировавшейся на победу Петра. Преодоление глухого сопротивления этой группировки, совпавшее с эпохой юношеского максимализма, несомненно, стало важным фактором в становлении личности царя, формируя его характер и установку на независимость в любых сферах деятельности.

Итак, европеизация Петра I началась сравнительно поздно и была связана с политической борьбой, неожиданно вынесшей в ближнее

окружение пока еще не слишком самостоятельного в государственных делах царя группировку иноземцев – бывших фаворитов его противника В. В. Голицына, сумевших благодаря сближению с юным государем уцелеть в схватке, сопровождавшей династический кризис 1689 г. В отличие от русских клиентов сиятельного князя, в силу своей маргинальности и незначительности политического веса в обществе группировка эта не расценивалась русской элитой как серьезная угроза, а потому не только выжила, но и постепенно сумела увеличить свое влияние благодаря личным связям с царем, оставаясь, однако, вместе с ним еще целое пятилетие на периферии политического процесса.

Для самого Петра европеизация началась в том возрасте, когда происходит активное формирование личности и основных жизненных установок, и именно потому, возможно, оказалась более последовательной и прочной, чем если бы она стартовала в более ранний период и превратилась уже тогда в рутину и обыденность.

Список литературы

Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка : в 4 т. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900–1904. Т. 1. 380 с. Приложения к т. 1. 260 с.

Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. М. : Наука, 2005. Т. 1. 535 с.

Болтунова Е. Ю. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 350 с.

Булычев А. А. О светской карьере будущего московского патриарха Иоакима Савелова // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 33–35.

Бушкович П. Петр Великий : Борьба за власть (1671–1725). СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 541 с.

Гордон П. Дневник. 1659–1667. М. : Наука, 2003. 314 с.

Гордон П. Дневник. 1677–1678. М. : Наука, 2005. 233 с.

Гордон П. Дневник. 1684–1689. М. : Наука, 2009. 336 с.

Гордон П. Дневник. 1690–1695. М. : Наука, 2014. 618 с.

ДАИ: в 12 т. Т. 5. СПб., 1853. 538 с.

Есинов Г. В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : в 2 т. М. : Университет. тип., 1872. Т. 1. 1872. 421 с.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах : Заключение договора о вечном мире. М. : Индрик, 2008. 502 с.

Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682–1694 // Архив Ф. А. Куракина : в 10 т. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. Т. 1. С. 39–100.

Лефорт Ф. Сборник документов и материалов. М. : Древлехранилище, 2006. 568 с.

Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории : 1656–1671. М. : Древлехранилище, 2006. 622 с.

Мышлаевский А. З. Выезд в Россию Франца Лефорта // Рус. старина. 1898. № 3. С. 635–643.

Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Утверждение династии. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 231–406.

Петрухинцев Н. Н. К характеристике формирований «нового строя» накануне военных реформ Алексея Михайловича // Война и оружие : Новые исследования и материалы : тр. четвертой междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. : в 4 ч. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 3. С. 502–523.

Петрухинцев Н. Н. Военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние на военные формирования на территории Липецкого края // Вехи минувшего : уч. зап. ист. ф-та Липецк. гос. пед. ун-та. Липецк : ЛГПУ, 2014а. С. 101–133.

Петрухинцев Н. Н. «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» русской армии (1663 г.) // *Quaestio Rossica*. 2014б. № 2. С. 263–292.

Петрухинцев Н. Н. Путь к Тавриде // *Родина*. 2014с. № 12. С. 22–26.

Рогожин А. А. Денежное жалование начальных людей полков «нового строя» в 1660–1680-х гг. // *Война и оружие : Новые исследования и материалы : тр. четвертой междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. : в 4 ч.* СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 66–79.

Рогожин А. А. Генералы полков «нового строя» в 1650–1690-е гг. // *Русская военная элита : сб. ст. М. : Севастополь : Шико-Севастополь, 2015. С. 79–96.*

Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках : в 4 т. СПб. : Археологич. комиссия, 1884–1893. Т. 1. 1884. 672 с.

Романов М. Ю. Стрельцы московские. М. : Изд-во ГПИБ, 2004. 350 с.

Седов П. В. Закат Московского царства : Царский двор конца XVII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 8 т. СПб. : Тип. II-го отд. Собственной Его Императ. Величества канцелярии. 1858–1863. Т. 2. 1858. 588 с.

Poe M. T. *The Russian Elite in the Seventeenth Century*. 1613–1713. Helsinki : Finn. Acad. of Sciences and Letters, 2004. Vol. 1. 469 p.

References

Bobrovsky, P. O. (1900a). *Istorya Leib-gvardii Preobrazhenskogo polka: v 4 t.* [The History of the Lifeguard Preobrazhensky Regiment: 4 Vols.]. 380 p. Appendices to Vol. 1. 260 p. St Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1900–1904. Vol. 1.

Bogoslovsky, M. M. (2005). *Petr Velikiy. Materialy dlya biografii: v 6 t.* [Peter the Great: Materials for a Biography: 6 Vols.]. 545 p. Moscow, Nauka, Vol. 1.

Boltunova, E. Yu. (2011). *Gvardia Petra Velikogo kak voennaya korporatsiya* [Peter the Great's Lifeguard as a Military Corporation]. 350 p. Moscow, RGGU.

Bulychev, A. A. (2009) O svetskoy kar'yere buduschego moskovskogo patriarkha Joakima Savelova [On the Secular Career of the To-be Patriarch of Moscow Joachim Savyolov]. In *Drevnyaya Rus' . Voprosy medievistiki*. Iss. 4, pp. 33–35.

Bushkovitch P. (2008). *Petr Velikiy. Bor'ba za vlast' (1671-1725)* [Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725]. 541 p. St Petersburg, Dmitriy Bulanin.

Gordon, P. (2003). *Dnevnik, 1659–1667 [Diary. 1659–1667]* 314 p. Moscow, Nauka.

Gordon, P. (2005). *Dnevnik, 1677–1678 [Diary. 1677–1678]*. 233 p. Moscow, Nauka.

Gordon, P. (2009). *Dnevnik, 1684–1689 [Diary. 1684–1689]*. 336 p. Moscow, Nauka.

Gordon, P. (2014). *Dnevnik, 1690–1695 [Diary. 1690–1695]*. 618 p. Moscow, Nauka.

DAY (1853). [Addenda to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission: 12 Vols.]. Vol. 5. 538 p. St Petersburg.

Esyrov, G. V. (1872). *Sbornyk vypisok iz archivnykh bumag o Petre Velikom* [A Collection of Excerpts of Archival Documents on Peter the Great: 2 Vols.]. Vol. 1, 421 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Kochegarov, K. A. (2008). *Rzech' Pospolitaia i Rossia v 1680–1686 godach : Zaklyuchenie dogovora o vech'nom mire* [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia between 1680 and 1686: An Eternal Peace Agreement]. 502 p. Moscow, Indrik.

Kurakin, B. I. (1890). *Gistoria o zare Petre Akseevich'e i blyjnikh k nemu ludyach, 1682–1694* [A History of Tsar Peter Alekseevich and His Retinue, 1682–1694, 10 Vols.]. In *Archiv F. A. Kurakina*, St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, Vol. 1, pp. 39–100.

Lefort, F. (2006). *Sbornik dokumentov i materyalov* [A Collection of Documents and Materials]. 568 p. Moscow, Drevlechranilich'e.

Malov, A. V. (2006). *Moskovskie vy'borny'e polki soldatskogo stroya v nachalniy period svoej istorii : 1656–1671* [Moscow Selected Regiments of Soldierly Formation at the Beginning of Its History: 1656–1671]. 622 p. Moscow, Drevlechranilich'e.

Myschlaevsky, A. Z. (1898). *Vyezd v Rossiyu Franza Leforta* [Franz Lefort's Trip to Russia]. In *Russkaya starina*. Iss. 3, pp. 635–643.

Opisanye vtorogo posol'stva v Daniyu datskogo poslannika Gansa Oldelanda v 1659 g. [A Description of the Second Mission of Danish Envoy Hans Oldeland in 1659]. In *Utverzhdenye dynastii* (1997). Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 231–406.

Petrukhintsev, N. N. (2013). K karakteristike formirovanij “novogo stroya” nakanune voennykh reform Alekseya Mihailovovicha [On the Characteristics of the “New Order” Formation on the Eve of the Military Reforms of Aleksey Mikhailovich]. In *Voina I oruzhie: novy’e issledovaniya I materially*: Trudy’ chetvertoj mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferencii: sb. st. St Petersburg: VIMAViVS. Part 3, pp. 520–523.

Petrukhintsev, N. N. (2014a). Voennaya reforma Alekseya Mihailovicha i ee vliyanie na voennye formirovaniya na territorii Lipezkogo kraja [The Military Reform of Aleksei Mikhailovich and Its Influence on the Formation of Lipetsk Krai]. In *Vekhi minuvshogo. Ucheny’e zapiski istoricheskogo fakul’teta Lipezkogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Lipetsk: Vekhi minuvshogo, Proceedings of the Faculty of History of Lipetsk State Univ., LGPU, pp. 101–133.

Petrukhintsev, N. N. (2014b). “Finansy voyny” i ofizerskiy korpus polkov “novogo stroya” russkoy armii (1663 g.) [‘War Finance’ and the Officer Corps of the ‘New Order’ Regiments in the Tsar Aleksey Mikhailovich’s War Reform (1663)]. In *Quaestio Rossica*. Iss. 2, pp. 263–292.

Petrukhintsev, N. N. (2014c). Put’ k Tavride [The Way to Taurida]. In *Rodina*. Iss. 12, pp. 22–26.

Rogozhin, A. A. (2013)ю Denezhnoe zhalovanie nach’alny’h ludej polkov “novogo stroya” v 1660–1680-h gg. [Wages of the Junior in the Regiments of “New Order” between the 1660s and 1680s] In *Voina I oruzhie: novy’e issledovaniya I materially*. Trudy’ chetvertoj mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferencii: sb. st. [War and Weapon: New Research and Materials. Proceeding of the Fourth International Research and Practice Conference: A Collection of Articles]. St Petersburg, VIMAViVS. Part 4, pp. 66–79.

Rogozhin, A. A. (2015). Generaly polkov “novogo stroya” v 1650–1690-e gg. [Generals of the New Order Regiments between the 1650s and 1690s]. In *Russkaya voennaya elita*. Coll. of art. Moscow-Sebastopol’, Shiko-Sevastopol’, pp. 79–96.

Rosysknye dela o Fedore Schaklovitom i ego soobschnikah (1884) [Wanted Person Case for Fyodor Shaklovity and His Accomplices: 4 Vols.]. Vol. 1, 672 p. St Petersburg, Arkheologicheskaya komissiya.

Romanov, M. Yu. (2004). *Strel’cy moskovskie* [Moscow Streltsy]. 350 p. Moscow, Izdatel’stvo GPIB.

Sedov, P. V. (2008). *Zakat Moskovskogo zarstva. Zarskij dvor konza XVII veka* [The Decline of the Moscow Tsardom: The Court in the Late 17th Century]. 604 p. St Petersburg, Dmitriy Bulanin.

Ustryalov, N. G. (1858). *Istoria zarstvovaniya Petra Velikogo* [The History of Peter the Great’s Reign]. Vol. 2, 588 p. St Petersburg, Tipografiya II-go otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.

Poe, M. T. (2004). *The Russian Elite in the Seventeenth Century*. 1613–1713. Vol. 1, 469 p. Helsinki, Fin. Acad. of Sciences and Letters, Vammala.

The article was submitted on 07.02.2017

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2017.1.220

УДК 930.2+94(0)477-25)+159.222.264

«ЧИГИРИНСКИЙ ЗАГОВОР» И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ*

Виктор Мауль

Тюменский индустриальный университет,
филиал в Нижневартовске,
Нижневартовск, Россия

THE CHIGIRIN CONSPIRACY AND PEASANT PSYCHOLOGY

Viktor Maul

Tyumen Industrial University,
Nizhnevartovsk Branch,
Nizhnevartovsk, Russia

This article considers the psychology of the peasants who took part in the Chigirin conspiracy in Kiev province in the second half of the 19th century. The analysis is based on a variety of sources kept in the State Archive of the Russian Federation. The author focuses on the unique combination of objective and subjective factors reflecting how the peasant movement was divided by national, interclass, and class conflicts, as well as opposing religious views. It was due to these factors that the Chigirin conspiracy acquired its unique character, which can help clarify how traditional psychology works during protests. The author points out the psychological factors which led to a temporary union between the revolutionary Narodniks and the peasant movement as part of the Secret Druzhina: this had the purpose of raising a rebellion and fighting for the redistribution of land. The article describes the reasons for the failure of the self-styled conspiracy organised by the revolutionary Narodniks, who pretended to be the tsar's commissars and presented the Chigirin peasants with what was claimed to be documents approved by the tsar but were in fact forged papers. The analysis is based on an interdisciplinary approach. Relying on the hermeneutic paradigm in his attempt to interpret events of the past, the author tries to understand the motives behind their

* *Citation:* Maul, V. (2017). The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.

Цитирование: Maul V. The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220 / Мауль В. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.

protest and reveal some of the general and peculiar components of peasant psychology during the post-reform period. These components were characteristic of Little Russia's peasants compared to the peasants of other Russian provinces of the time.

Keywords: Chigirin conspiracy; peasant psychology; Narodniks; tsar's commissars; forged *gramota*.

Рассматриваются особенности психологии крестьян – участников «Чигиринского заговора» в Киевской губернии во второй половине 1870-х гг. Источниковую базу статьи составил комплекс документов различной типовидовой принадлежности, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Суть проблемы заключается в уникальной комбинации объективных и субъективных факторов, когда в крестьянском движении неразрывно переплелись острые национальные, внутри- и межсословные, конфессиональные и иные противоречия. Их совокупность придала неповторимый облик чигиринским событиям, позволяющим на конкретных примерах изучать механизмы работы традиционного сознания в условиях протестной активности. В статье выявлены психологические факторы, способствовавшие временному срастанию революционного народничества с крестьянским движением в виде образования конспиративной организации «Тайная дружина» с целью подготовки восстания и изменения существующего порядка землепользования. Выяснены причины провала самозванческой интриги революционеров-народников, выдававших себя за царских комиссаров и предъявивших чигиринским крестьянам подложные царские манифесты. Познавательная стратегия автора опирается на междисциплинарный подход; обращаясь к герменевтической парадигме в стремлении понять события прошлого, взглянув на них глазами самих участников и современников, он пытается усвоить логику их протестной активности и выявляет общие и особенные компоненты крестьянской психологии в пореформенный период, характерные для крестьян Малороссии в сравнении с крестьянами других губерний Российской империи.

Ключевые слова: Чигиринский заговор; крестьянская психология; народничество; «царские комиссары»; подложные грамоты.

Несмотря на интригующий сюжет, образование и деятельность во второй половине 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии подпольной организации «Тайная дружина» нечасто оказывались объектом специальных исследований. Они либо трактовались как уникальный эпизод в истории революционного народничества, либо вкуче с предшествующими волнениями в той же местности рассматривались как типовое явление в ряду массовых крестьянских движений пореформенной эпохи. В первом случае познавательный акцент смещался в сторону группы революционеров (Я. В. Стефановича, Л. Г. Дейча, И. В. Бохановского), с помощью подложных царских

грамот попытавшихся разбудить стихию народного бунта. Во втором – в компаративном плане обстоятельно изучалось хозяйственное положение бывших государственных крестьян юго-западной окраины Российской империи и анализировалась степень обоснованности их стремления силой добиваться земельного передела.

Однако и те, и другие историки не обращали должного внимания на социокультурную подоплеку специфических «детонаторов», в силу которых долго терпевшие тяготы и административный произвол мирные труженики села вдруг обнаружили в себе яростную бунтарскую энергию, удивительную способность к социальной мобилизации, структурной самоорганизации и строгой конспирации. Обычно их изображали невежественной «темной» массой, задавленной суровыми буднями жизни и будто бы зараженной вирусом «наивного монархизма», а потому легко и безропотно позволившей вовлечь себя в опасное противогосударственное дело.

Сегодняшний уровень научных представлений позволяет отвергнуть столь упрощенные объясняющие модели. По верной оценке И. Л. Андреева, «универсальность этого тезиса просто подкупает. Наивный монархизм, как отмычка, пригодная ко всем замкам». Историк убежден, что «определение “наивный” как бы снимало саму проблему», а потому «легко разглядеть в этом объяснении ущербность. Оно ничего не объясняет! Наивный – значит простодушный, почти детский – здесь и размышлять не над чем» [Андреев, 1999, с. 112; Андреев, 1995, с. 48–49].

Апология тезиса о «наивном монархизме» показывала неготовность ученого сообщества признать за инаковостью право на существование и культуртрегерские намерения подогнать психологический облик «другого» под цивилизаторские лекала и шаблоны своего времени. Между тем, как доказывают источники, логика в мировоззрении и поведении чигиринских крестьян «вовсе не отсутствовала, она лишь отличалась от логики дискурсивной культуры» [Бескова, с. 127].

Рационально мыслящими атеистами и «прирожденными бунтарями», нетерпеливо ждущими революционного клича, они, конечно, быть не могли. Напротив, их слова и дела говорят о них как об убежденных традиционалистах и православных монархистах. Непривычный для историка язык их протестных жестов фундировался эмоциональными образами религиозно-монархической картины мира и требует соответствующей интерпретации. Это означает следующее: чтобы адекватно понять психологию «Чигиринского заговора», надо внимательно прислушаться к голосам главных его участников – крестьян, «довериться своим “собеседникам”», а потому «взять за основу их критерии» и оценки происходившего [Усенко, 2005, с. 74–75]. При таких эпистемологических приоритетах событийный нарратив народных беспорядков в различных селениях Чигиринского уезда во второй половине 1870-х гг. способен наполниться тем социокультурным смыслом, который придавала ему крестьянская психология.

Движение крестьян за душевой передел земли, непосредственно предшествовавшее возникновению «Чигиринского заговора», наглядно показало, что краеугольным элементом социокультурного пространства для них являлась традиция как сакрализованный опыт предков. От поколения к поколению она транслировалась через практическую имитацию и/или многочисленные фольклорные жанры, определяя в том числе и политическую позицию селян. Заметную роль в этой ментальной эстафете времен играло героическое прошлое Чигириня, благодаря которому он превратился в особо чтимое «место памяти» в историко-культурной жизни Украины [Мицик, с. 6].

Тем более актуальной была архетипическая связь с историей края для крестьянских вожаков и рядовых членов «Тайной дружины». После прекращения волнений вершители правосудия в зависимости от степени участия в противозаконном сообществе поделили их на несколько групп. К первой причислили Лазаря Тененику, Кузьму Прудкого, Михаила Гудзя, Ивана Пискового и Ефима Олейника, которые резко отличались от других «как значительною энергиею, употребленною... для достижения целей сообщества, так и сознательным, строго обдуманном способом действий», а также «значительною степенью развитости». Из 25 крестьян «второй категории» стоит назвать имена Акима Больбота, Дмитрия Горбенко, Ионы Жаданенко, Николая Охрименко, Евстафия Псиолы, Михаила Свитенко, Феодосия Чепурного, Иллариона Шалько, Степана Шутенко и др., чья деятельность «была не столь энергична, а поэтому и влияние их на прочих дружинников не было столь решительно». Наконец, к третьей группе отнесли еще 15 человек, которые изобличались в том, что «выполнили присягу на вступление в сообщество». Но так как не было обнаружено «точных доказательств того, чтобы они принимали какое-либо более или менее значительное участие» в его делах, Сенат приравнял их «к той общей массе “дружинников”, из числа коих судебное преследование в отношении восьмисот двадцати девяти человек по Высочайшему повелению прекращено» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 113–113 об., 124–124 об., 129–129 об.].

Упомянутые в судебно-следственной классификации лица не исчерпывают список наших «респондентов», который по возможности расширяется за счет их родственников, друзей, знакомых, соседей. Большую прослойку, например, составляли отставные солдаты рядового и унтер-офицерского состава, исколесившие мир, не раз бывавшие в боях и отмеченные заслуженными наградами, что обогатило их кругозор новыми знаниями и впечатлениями, выходящими за привычные рамки. Однако они были всего лишь «тонкой лаковой пленочкой» на толще традиционных народных представлений, готовой в минуту высокого эмоционального напряжения прорваться под мощным натиском культурной архаики. В целом же взгляды чигиринцев свидетельствуют не только о существовании между ними строгих разделительных барьеров, но и о наличии системных объединяющих

начал, позволяющих отнести их умственный склад к общему психологическому типу.

Наблюдательные современники отмечали неслучайность того, что именно Чигиринский уезд не раз становился «кратером вулкана повстанчества», ибо там «живут еще в народной памяти предания о Гайдаматчине и Запорожской вольнице». Поэтому «разрушительные теории, которыя Стефанович и его сообщники старались утвердить в умах местных крестьян и которыя так близко подходят под вкусы, унаследованные ими от предков, едва ли изгладятся когда-либо в их памяти, следовательно, можно опасаться, что если не скоро, то в более или менее отдаленном будущем движение, подобное настоящему, может возродиться в более широких и грозных формах» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 234–234 об.]. Прочитанный текст акцентирует культурную преемственность и традиционализм как черты бытового сознания жителей региона, которые в тревожной обстановке «разрыва повседневности» выступали на первый план. Реанимируя укорененные в традиционной ментальности коллективные архетипы, они становились психологическими катализаторами крестьянской активности. Мироощущение вселенной как изначально построенной на принципах социальной правды должно было побуждать крестьян задумываться о происхождении их жизненных неурядиц. Единственно возможный в бинарной системе культурных координат ответ предполагал наличие чужеродного по отношению к «своей» социальной группе фактора. Не случайно народному монархизму было присуще «отделение царя от сановников, бюрократии, помещиков, заводо-владельцев (“бояр и чиновников”), даже противопоставление их» [Побережников, 1995б, с. 20].

В контексте монархической мифологии царь – это не просто заместитель Бога на земле, но и гарант незыблемости установленных им порядков. Признание «посреднической миссии» царя между небом и землей репрезентировало святость его власти и в умозрительной схеме социальной стратификации отводило ему почетное место в рядах «своих». Поскольку в традиционных народных представлениях «Бог и царь были их союзниками, их защитниками от всех и всяких “они”», такая мысленная дифференциация облегчала «решимость крестьян выступать в защиту своих интересов». Легитимность выступлений они «всегда обосновывали нормами религиозной морали или ссылкой на царские указы» [Литвак, 1989, с. 186–187].

В этом закономерном психологическом феномене заключались одновременно сила и слабость протестующих селян. «Именно вера крестьян в царя и Бога, являвшаяся выражением стихийности движения, – по мнению видного советского историка, – была одной из основных причин», которая в подобных ситуациях давала возможность «правительству сравнительно легко подавить сопротивление крестьянства» [Зайончковский, с. 213; см. также: Пойда, с. 219].

Категоричность этих суждений говорит о недооценке их авторами ключевой роли монархической идеи в народном протесте, о непонимании очевидного обстоятельства, что без такой иррациональной веры в картину мира чигиринских и любых других крестьян пореформенной эпохи сама возможность возникновения народных движений оказывалась под большим сомнением даже при наличии каких-либо объективных оснований для них. А основания для серьезного недовольства у землепашцев Правобережной Украины действительно существовали, и без такого социально-экономического фона задуманная Стефановичем, Дейчем и Бохановским отчаянная авантюра не имела бы ни малейших шансов на успех. В конкретно-исторической обстановке, сложившейся на Чигиринщине к середине 1870-х гг., тесно переплелось множество факторов, рождавших любопытные ситуативные комбинации и взаимно обогащавших друг друга социальными смыслами и политическими контекстами.

Неудовлетворенность земельных потребностей «душевиков» зрела в течение длительного времени в результате сложных межнациональных отношений в некогда «панском» крае, обострения социальных противоречий с «актовиками» внутри крестьянского мира и неверной, как казалось, реализации аграрных царских законов местными чиновниками¹.

По словам информированного источника, «экономическое положение казенных крестьян и условия сложившегося их материального быта, состоящего в полной зависимости от земельного надела, были главными причинами, вызвавшими организацию в среде крестьян тайного сообщества, поддавшихся легко влиянию и обману неизвестных личностей из-за того только, чтобы выйти к лучшему из того невыгодного и невозможного экономического положения и условий, в которые они были поставлены не зависящими от них причинами» [Новицкий, с. 103–104].

Однако жизненные тяготы как таковые не каждый раз провоцировали открытое неповиновение, и потому неверно «автоматически выводить степень народного возмущения из размеров феодальных повинностей. Часто бывало так, что подвергавшиеся особенно жестокой эксплуатации крестьяне оставались не втянутыми в движение, а их менее эксплуатируемые собратья вели активную борьбу». Отнюдь не единичные примеры убеждают, что для социальных низов более значимым было не количество собственных невзгод (они – дело тягостное, но привычное), а их ментальное измерение, то, как они воспринимались взбудораженным сознанием крестьян, столкнувшихся, в их понимании, с несправедливостью и болезненно реагиовавших именно «на “незаконные” поборы, даже если они невелики» [Крестьянство и классовая борьба, с. 315].

¹ В то время «душевиками» называли крестьян, желавших наделения землей «по душам», а «актовиками» – крестьян, подписавших люстрационный акт об участковом наделении землей. Именно первые из них были движущей силой крестьянских волнений в 70-е гг. XIX в. в Чигиринском уезде Киевской губернии.

Яркой иллюстрацией к сказанному является тот факт, что «участникам “хождения в народ” на протяжении всей своей деятельности нигде не удалось организовать ни одного антиправительственного крестьянского сообщества или хотя бы местного деревенского выступления» [Пелевин, с. 150]. В отличие от масштабного, но неудачного революционного проекта ключевую роль в разжигании чигиринских страстей во второй половине 1870-х гг. сыграли не столько объективные причины, сколько субъективно переживаемый конкретный повод, позволивший крестьянам почувствовать правомочность своих притязаний и поведенческих стратегий. В историческом процессе такие поводы чаще всего окрашивались в монархическую гамму тонов. Обеспечивая протестующих необходимой санкцией, они легитимировали протест в глазах его участников, придавая «действиям крестьян характер лояльности, уверенность, что они не бунтовщики, а верные слуги царя и исполняют лишь его волю» [Игнатович, с. 215].

Нечто подобное случилось и на этот раз, когда в накаленной атмосфере массового недовольства сотни рядовых жителей Чигиринского уезда с готовностью отозвались на прозвучавшие «от царского имени» призывы «не верить ни попам, ни дворянам», а поскольку царь «единолично не в силах помочь» их «горю», они сами должны «единодушно с оружием в руках» «свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжких угнетений и непосильных поборов». Не сомневаясь, что организуемое сообщество «устраивается по желанию Государя Императора, и находя образование его весьма для себя выгодным», они «охотно вступали в него» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 38, 38 об., 32 об.]. В то же время признавая, что «всякая воля государя императора для нас священна», чигиринцы решительно отказывались принять земельный надел «на целое общество или подворно... потому что подворный надел как самый неравномерный довел бы одних до нищеты, других же обогатил бы. Например, для двора, в котором две ревизские души, очень выгодно принять надел в 10 дес., но те же 10 дес. для двора, в котором 10 душ, не доставили бы даже насущного куска хлеба... При душевом наделе этого случиться не может, потому что на каждую душу будет отведено одинаковое количество земли. Такое наше желание нельзя считать преступлением!» [Крестьянское движение, с. 139, 140].

В качестве радетелей за интересы сельских обывателей выступили три незнакомых им молодых господина, которые выдавали себя за «царских комиссаров», якобы уполномоченных на это «богоугодное» дело самим венценосцем. Из осторожности они представились крестьянам под вымышленными именами: Стефанович назвался Дмитрием Найдой, а Дейч с Бохановским, сами путаясь, обычно именовали себя то Борисом, то Семеном.

По мнению С. М. Степняка-Кравчинского, это была «старая “самозванщина”, облеченная в новую канцелярскую форму. Такой бес-

совестной мистификации и вместе с тем такого могущественного орудия для того, чтобы волновать умы русской крестьянской массы, не придумала ни одна забубенная воровская головушка из разинской или пугачевской ватаги» [Степняк, с. 37].

Вопреки эмоциональному высказыванию известного народника, с яркими личностями сановных самозванцев россияне не раз сталкивались и прежде. Так, лет за сто до описываемых событий (в 1765 г.) в южноуральских краях объявился «секретный посланец» царя Михаил Ресцов (казак Ф. Каменщикова), будто бы отправленный «по именному высочайшему указу для разследования обид и притеснений, делаемых крестьянам прикащиками Демидова». Имелся у «фуриера» и «печатный указ» с титулом императора Петра Федоровича, якобы данный на его имя. В присутствии заводских работников, мирских старост, сотских, писарей он производил розыски по крестьянским жалобам и обидам. Подобно чигиринскому казусу, сам «добрый царь» в тех событиях физически не участвовал. Он фигурировал лишь виртуально – в объявлениях Каменщикова, народных слухах и разговорах других людей, убежденных в его милости и потому выступивших с акциями протеста против действий местной администрации [РГАДА. Л. 1–49; Памятники, с. 384–396; Юдин, с. 5–10; Побережников, 1995а, с. 74].

Даже беглый экскурс в историю минувших столетий снимает с примечательной затеи «триумвирата» революционеров ореол уникальности. К тому же глубинная мотивация, побудившая их к рискованным авантюрным начинаниям, является «секретом Полишинеля», закамуфлированным монархической оболочкой только от взыскующих взоров самих крестьян. В действительности же телеология их намерений и поступков хорошо известна из их собственных признаний и неплохо изучена. В научном плане более продуктивным представляется анализ социально-психологических феноменов, обеспечивших самозванным «комиссарам» такой феерический успех, что народное движение в Чигиринском уезде приняло «форму хронического недуга», который развивался «безостановочно и настолько быстро, что едва ли число привлекаемых ежедневно к дознанию сокращает общую сумму подлежащих допросу в качестве обвиняемых» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 166 об.].

В результате буквально за несколько месяцев преимущественно в Шабельницкой, Рацевской, Адамовской, Боровицкой, Трушевской, Чаплицкой волостях Чигиринского уезда удалось создать подпольную организацию численностью около тысячи человек с целью «возстать против чиновников и дворян» и «в одну назначенную для того ночь перерезать всех начальников, панов, попов и богатых крестьян, а также и жидов», а затем изменить порядок «землевладения путем насильственного захвата не принадлежащих крестьянам земель» и раздела их «поровну между всеми жителями данной местности» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 81, 110 об.–111; Материалы, с. 245].

* * *

Провал абсолютного большинства самозванческих интриг XVII–XIX вв., казалось бы, подсказывал очевидный вывод всем желающим вступить на уже проторенный путь: ошибается тот, кто считает крестьян откровенными («наивными») простаками. Отнюдь не к каждому проходимцу с высокими возгласениями они готовы были отнестись с безоглядным доверием, безропотно и до конца пойдя за его соблазнительными призывами и обещаниями. Вербуемых адептов «правого» дела нужно было убедить в легитимности грядущего выступления, причем сделать это в привычной для тех системе ценностных координат, иначе самозванцам грозили немедленное разоблачение и отказ от поддержки со стороны возможных «почитателей» [Усенко, 1995, № 1, с. 53–57; № 2, с. 69–72].

Среди бывших «южных бунтарей» экспертом по крестьянскому вопросу считался Яков Стефанович. Родившийся сравнительно неподалеку, в Конотопском уезде Черниговской губернии в семье сельского священника, он, скорее всего, еще с детства сталкивался с не самым радостным миром народных нужд и чаяний. Вернувшись летом 1875 г. из-за границы под впечатлением публикаций «эмиграционной прессы об аграрных волнениях крестьян в Чигиринском уезде», он какое-то время путешествовал «под видом богомольца из монастыря в монастырь... из ярмарки на ярмарку» (Чигирин, Смела, Медведовка, Жаботин и др.), где «разуживал о причинах и ходе крестьянского движения, собирал легенды о некоторых коноводах его, взгляды крестьян на отношение к их делу властей, их желания, стремления и пр.» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 117 об.; Д. 475. Л. 442].

К этому моменту ни для кого из заинтересованных лиц уже не было секретом, что в чигиринской местности в течение нескольких последних лет активно циркулируют слухи «о существовании какого-то царского указа о всеобщем переделе земель, скрытого будто бы чиновниками и духовенством» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 110].

Свою лепту в разжигание крестьянских страстей внес и Стефанович. Из показаний атамана «Тайной дружины» Ефима Олейника известно, что какой-то господин, «назвавший себя комиссаром общества Дмитро Ивановым Найда, еще зимою 1875 г. скитался на побережьях р. Днепра и распространял слухи о том, что дело крестьян о переделе земли еще не погребло, что о нем уже два раза докладывали государю императору и что скоро они получат полное удовлетворение» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция. 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 32].

При господстве обычной устной культуры в повседневной жизни провинциальной сельской глубинки для социальных низов оптимистические слухи были фактически тождественны действительности, им невозможно было не верить. Так, крестьянин с. Топиловка Шипотенко-младший по прозвищу Сыч призывал земляков обсудить вопрос «о душевом наделе земли по 12 десятин на человека» на том основании, что «последовавшая будто бы уже 3 года назад о том бу-

мага от государя императора и его комиссара утаивается волостными правлениями и церковнослужителями» [Там же. Л. 131–131 об.].

По материалам чигиринского дела можно составить развернутый список аналогичных примеров и рассуждений. Уверенность в знании крестьянской психологии побуждала Стефановича, Дейча и Бохановского попытаться сполна разыграть эту «kozyрную карту». Первый ход напрашивался сам собой и состоял в материализации виртуального указа, в результате чего на свет появился целый пакет подложных царских бумаг – «Высочайшая тайная грамота», «Устав крестьянского общества “Тайная дружина”» и приложенный к последнему «Обряд святой присяги». И теперь вожеленные документы, подтверждавшие обоснованность прежних слухов об их существовании, были предъявлены чигиринцам, далеко не все в них понявшим, но особенно внимательно изучавшим их внешний вид.

Сначала долгожданные «милостивые» манифесты смогли увидеть крестьяне с. Шабельники, находившиеся в Киеве под административным надзором за участие в предыдущих аграрных беспорядках, – Фокий Кравченко, Антон Комаренко, Григорий Миркотан, Степан Миркотан, Кирилл Прудкий, Кузьма Прудкий, Григорий Тененик, Лазарь Тененик и Сергей Тоценко. Некоторые из них стали активными участниками «Чигиринского заговора». При этом нельзя согласиться с ошибочным мнением автора недавней публикации, будто при чтении «царской» грамоты чигиринцы «были обескуражены всем поворотом дела» и «не могли поверить, что царь так бессилен» [Пелевин, с. 141].

С давних пор мысль о том, что «надежа-государь» может оказаться «в плену» у бояр/дворян-«изменников» и не иметь решающего влияния на ход событий, входила органичной частью в структуру социально-утопических легенд о возвращающихся царях/царевичах-избавителях (см. об этом: [Чистов, с. 49–275]). Видимо, схожие идейные тенденции характеризовали социально-психологические процессы на Чигиринщине в течение 1870-х гг. Такое предположение подкрепляется, в частности, материалами предшествовавших волнений в тех же местностях. Это означает, что при знакомстве с «Тайной грамотой» и «уставом» общества известие о бессилии царя, окруженного со всех сторон врагами вместе с «недостойным наследником нашим», могло лишь послужить импульсом к крестьянской мобилизации, но никак не обескуражить слушателей. Намного больше их интересовали визуально наблюдаемые знаки того, что «царские» бумаги не являются подложными. Не случайно Лазарь Тененик с удовлетворением заметил, что «Тайная грамота» «была написана на листе бумаги шириною в 1 приблизительно аршин и длиною в $\frac{3}{4}$ аршина, кругом были полосы желтого цвета, а сверху над ним две печати желтого цвета, из коих одна, по объяснению Найды, государева, а другая печать комиссарова». Его односельчанин Антон Комаренко дополнил, что и сам текст на листе был написан «золотыми буквами» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 581, 588 об.].

Похожие наблюдения делали и другие «дружинники» по мере того, как «царские» грамоты распространялись в их кругу. Например, упоминавшийся Иван Сыч «показывал и читал [крестьянам] какую-то бумагу с вызолоченными словами и такую же печатью». А шабельницкий отставной унтер Ефим Олейник в разное время вспоминал о бумаге «в роде кардона с золотыми ободками, короною и именно печатью Императорского Величества», по ее краям «была расположена золотая полоска, и близ текста сбоку была золотая печать со словами “Александр II”» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция. 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 131 об.; Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 574].

Едва ли можно считать простым совпадением, что крестьяне, не сговариваясь, акцентировали именно цветовые параметры «царских» документов. Известно, что золотой цвет неоднократно связывался с понятием царской милости и в период предшествовавших крестьянских выступлений в разных регионах страны. Точно так же, например, в 1771 г. от правительственного эmissара Ржевского во время поездки по Олонецкому краю в «некоторых селениях» приписные крестьяне буквально «требовали “настоящего” царского указа, чтобы он был написан “в трех строчках золотыми словами с золотой кистью”» [Балагуров, с. 64]. Дело в том, что понятие «золотой» в традиционной культуре соотносилось «с представлениями о “верхнем” мире, сфере Божественного, с высшими ценностями». Поэтому в народной мифологии этим признаком наделялось «все чудесное, сверхценное», имеющее «непосредственное отношение к Богу, Богородице, ангелам и святым» и характеризующее «принадлежащие им предметы», в данном случае – «царскую» грамоту [Славянские древности, с. 352–355]. В силу сакральной насыщенности золотого цвета документ с какими-то иными внешними атрибутами едва ли мог вызвать доверие у чигиринских крестьян. Не случайно они иногда «отказывались присягать по копии», требуя принести и прочесть им «настоящая бумаги» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 73 об., 91 об.].

Впрочем, для отдельных участников происходящего действия, возможно, по причине повышенной суггестивности психики, уже первичных признаков «истинности» «комиссаров» было достаточно. Крестьянин д. Погорельцы Степан Шутенко признавался, что он слышал, как читался «устав общества “Тайная дружина”» и «какая-то грамота», но «что читалось, не припомню». Зато ярким пятном запечатлелась захватившая дух картина, что на документах «была печать, на которой были изображены пика и топор», после чего «мы подумали, что от Бога и царя отказываться нельзя, что бумага эта прислана от царя». Бывший фельдфебель Иван Писковой из с. Мордва, увидев, что «устав печатный, и на нем изображено имя государя... не мог заподозрить обмана или подлога и поверил». И шабельницкий крестьянин Яков Романенко похожим образом объяснил, что, вступая в «тайное сообщество», «дурного он в этом не подозревал, так как в присяге часто упоминалось имя Государя» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 261 об., 262 об.; Д. 477. Л. 75–75 об.].

Такая доверчивость эмоционально коррелирует с благоговейным трепетом легко возбудимого экзальтированного религиозного сознания, внезапно соприкоснувшегося с сакральным блеском. Не было ничего необычного в том, что верующего человека «всякое явление чуда в мир естества потрясает и ужасает», это «страх ничтожного перед безмерно великим, могущественным и благим, но лишенный всякой боязни за себя» [Берман, с. 166].

Однако демонстрацией и чтением «царских» документов полностью развеять сомнения не удалось, в том числе даже среди активистов «Тайной дружины». Позднее в коллективном прощении на высочайшее имя они вспоминали, как приехали к ним «двое господ, назвавшихся императорскими комиссарами». Но несмотря на то, что те «предъявили нам воззвание твое, августейший монарх, за подписью и печатью», мы «не могли им сразу довериться». Об этом же еще прежде говорили Лазарь Тененик и многие другие: «Мы сначала не доверяли Найде, но он все уверял нас, что это дело хорошее и что бояться нам нечего» [Крестьянское движение, с. 150; ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 581].

Надо полагать, несмотря на все усилия Стефановича с товарищами, в их словах и делах все равно ощущалась какая-то неестественная фальшь, и это бессознательно тревожило крестьян, пусть даже не всегда проявляясь в вербальных формах. Так, в один из моментов Ефим Олейник «заподозрил их в том, не обманывают ли они нас, и высказал было свое намерение их связать и предъявить в полицию, но Кузьма Прудкой возразил мне и сказал, что за подобный поступок я подлежу по уставу к смертной казни». А топиловский крестьянин Андрон Хрокало «неоднократно хотел донести о преступлении, но его стращали тем, что комиссар ему снимет голову» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 576–576 об.; Д. 477, Л. 81 об.].

Чтобы понять, что не устраивало крестьян или казалось им подозрительным в действиях объявившихся «царских комиссаров», необходимо рассмотреть критерии идентичности, заложенные в культурной традиции и потому удовлетворявшие общественным ожиданиям.

* * *

В традиционной картине мира большое значение придавалось телесному коду, поэтому серьезным аргументом в пользу самозванцев могли бы стать их импозантная внешность и роскошные одежды, отвечавшие заявленному высокому статусу. Какой эта внешность могла представляться чигиринцам, узнаём, например, из рассказа жителей с. Мордвы: «из Киева до Черкасс, а отсюда до Мордвы ехал какой-то чиновник, который потом вместе с Омельченком и солдатом Пискавым отправились в Россошинцы к Никите Охрименко, здесь чиновник, сбросив шинель, надел фирменный сюртук с разными орденами» [Материалы, с. 238]².

² Крестьянина Охрименко звали не Никитой, а Николаем.

В реальной же действительности выглядели незнакомые господа куда менее презентабельно. Собравшиеся в с. Россошинцы крестьяне «увидели двух человек, одетых в свиты; один из них был чернявой, с бородкою и с усами, средняго роста, а другой был повыше ростом, тоже чернявый, с бороною и усами; у перваго волосы на бороде были немного рыжеватя, а у втораго черные». Другому участнику сходки также запомнилось, что двое «молодых людей» были одеты «в крестьянское платье», а сам домохозяин рассказывал, как позволил остановиться у себя «пришедшим двум неизвестным, одетым в мещанское платье». Жительница с. Шабельники Елена Прудкая добавила, «что один из тех неизвестных был средних лет, смуглый, с черными волосами и с очень большими глазами, а другой, напротив того, казался очень молодым» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 262–262 об.; Д. 477, Л. 74 об., 86 об., 89]. Несмотря на несущественную разницу вынесенных впечатлений, казалось противоестественным, что «государевы комиссары», вместо того чтобы отличаться блеском мундиров и регалий, солидным благородством черт и изяществом осанки, своим видом разочаровывали и совершенно не убеждали тех, кто потенциально мог бы им поверить.

Еще меньше могли поразить крестьянское воображение имена «царевых посланников». Дмитро Найда, Семен, Борис, а иногда даже Даниил и Демьян – это было совсем нето, что ожидали услышать мечтавшие о царской воле простолюдины. В традиции монархического самозванчества запечатлелись совсем иные фигуранты – «генерал Румянцев», «генерал Пушкин», «граф Чернышев», «граф Воронцов», «граф Орлов», «граф Панин», «князь Голицын», «граф Миних» и т. п. Именно такие «знатные персоны» постоянно находились в ближнем окружении наиболее успешных российских самозванцев [Сивков, с. 101, 118]. В упоминавшейся истории «фуриера Ресцова» также фигурировал высокопоставленный вельможа – оренбургский губернатор генерал Волков, якобы посетивший Троицкую крепость «для разведывания о народных обидах в ночные времена» [Побережников, 1986, с. 183]. Да и в ходе крестьянских волнений в самом Чигиринском уезде в 1875 г. некие глашатаи «важного дела» Николай Голиков и Григорий Артеменко, наведавшись в местный женский монастырь, эпатажили настоятельницу сообщением, что к ней «едет обер-прокурор Святейшаго Синода граф Толстой, который и просит игуменью дать ему квартиру» [Чигиринское дело, № 97].

Во всех подобных случаях «имя оказывается как бы функцией от места», так как «в сфере собственных имен происходит то отождествление слова и денотата, которое столь характерно для мифологических представлений» [Успенский, с. 151]. «Это отождествление названия и называемого, в свою очередь, определяет представление о неконвенциональном характере собственных имен, об их онтологической сущности» [Там же, с. 437]. Поскольку в традиционной

культуре «основная функция имени... номинативная, и подавляющее большинство имен номинирует конкретные предметы и явления (или классы таковых), поэтому на этапе возникновения для них характерна апелляция к конкретно-чувственному представлению (т. е. образу)» [Рут, с. 15].

И здесь изобилие примеров служит наглядной иллюстрацией непоправимых ошибок Стефановича с товарищами, видимо, не знавших о подобных «мелочах» или полагавших, что они не имеют принципиального значения для «наивных» в своей простоте крестьян, и потому не принявших их в расчет при подготовке чигиринской авантюры.

Однако упомянутые промахи, вызванные поверхностным знакомством с народной психологией, носили отнюдь не единичный характер. Кроме того, крестьянский покой сильно смущал конспиративный характер организации и деятельности «Тайной дружины». Жители чигиринских селений с удивлением узнавали «о необходимости хранить настоящее дело в тайне, так как тот лишится жизни, кто откроет узнанное» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 81 об.].

Познакомившись с текстом «устава», крестьянин д. Мудровка Иван Притула «пришел к тому заключению, что имевшаяся у них царская бумага недействительна, ибо разве царь не нашел бы в себе силы и стал бы потаенно действовать». Житель с. Тарасовка Иван Онищенко также усомнился, что «настоящее дело» хорошее, «и что если такова действительно воля Государя императора, то она была бы объявлена через начальство, а не хранилась бы в тайне». Да и для отставного унтер-офицера Ипатия Проценко из с. Адамовка было «ясно, что настоящее сообщество вполне преступно, хотя донести о таковом он не решался», «так как и без того солдатам трудно жить в среде крестьян». Некоторые же крестьяне с. Боровица, «в том числе Иван Токовой», решительно «отказались от присяги, уверяя, что бумаги подложны». Недоверие в разное время высказывали также Захар Конограй, Василий Кононенко, Андрей Приходько и другие потенциальные «дружинники». А мудровские крестьяне Иван Буренко, Нестор Бершодский и Петр Душейко, «признавая недобрым затеянное ими дело», с общего согласия вообще «сожгли списки и “скорописную присягу”» [Там же. Л. 73 об.–74, 80 об., 81 об., 88 об.].

Культурной нормой массовых выступлений «от имени царя» была их театрализованная зрелищность, визуальнo манифестирующая «святую правду» народного протеста. Вполне, например, вписывались в устоявшийся стандарт откровенные разговоры о существовании «милостивого» царского указа, которые на протяжении нескольких годов велись чигиринскими крестьянами не только тет-а-тет, но и прилюдно во время всеобщих мирских сходов. Поэтому в разгар волнений большинство «заговорщиков», вовсе не считая свои поступки нарушающими волю монарха, продолжали вполне легально жить у себя дома, а по наступлению сезона сельскохозяйственных работ, как обычно, отправились в соседние губернии на временные

заработки. И только отдельные видные деятели «чигиринского подполья» пытались скрываться от полицейского преследования и даже оказывали сопротивление при аресте.

Все они не могли не беспокоиться из-за того, что при образовании «Тайной дружины», пускай и за подписью Александра II, ее «устав» под угрозой сурового наказания ослушников всерьез требовал совершенно иного: «Сии общества должны держать себя в самой строгой тайне» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция. 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 38].

Явный разрыв с традицией колебал неустойчивую психику некоторых несостоявшихся бунтовщиков и провоцировал у них нервный стресс. Так, крестьянин с. Шабельники Александр Леухин поначалу не возражал против вступления в «дружину», поскольку «дело начиналось с того, чтобы почитать Бога и повиноваться царю». Но вскоре от тяжких внутренних переживаний он «заболел какою-то странною невыразимою душевною болезнью», так что «не может спать, метается в разные стороны, трясется всем телом, находит на него какой-то страх, боязнь и тоска». Престарелый селянин в ожидании «всякий час смерти» даже «приготовил себе восковые свечи» и пошел на исповедь. Не менее «сильный страх» «напал по этому поводу» на уже упомянутого крестьянина Притулу, который также оказался не в состоянии «ни есть, ни пить», а «всеми силами стал домогаться уничтожения бумаги, на которой был записан» [Материалы, с. 231, 232, 233; ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 81 об.].

Снять накал ментального антагонизма между членами «своего» локального сообщества и априорно подозрительными чужаками могли только какие-то свехубедительные и свехъестественные аргументы. В систему таких неопровержимых доказательств идеально вписывался обряд «святой присяги» как нерушимая клятва, насыщенная религиозно значимыми коннотациями и смыслами.

В формальном отношении «устав» «Тайной дружины» действительно придавал присяге большое значение и предписывал ее строгий порядок:

...перед иконой Спасителя, и св. крестом, и св. Евангелием, перед двумя воткнутыми накрест пиками или ножами зажигается восковая свеча, приводимый к святой присяге становится на колени, поднимая второй и третий персты правой руки вверх, а левую полагая на грудь, и повторяет слова святой присяги, читаемая старостою или грамотным свидетелем.

Решающее воздействие на сознание присягавшего и всех присутствовавших должны были оказывать заключительные строки текста:

Ежели нарушу сию мою клятву, то призываю гнев Господа Бога и всех святых Его на меня и на все потомство мое, и да поразят меня всякия беды и несчастья, и да не пощадит меня рука брата дружинника.

После этого в подтверждение данного слова «присягнувший целует икону, крест и Евангелие» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция. 1877 г.). Д. 262, Ч. 1. Л. 41–41 об.]. В этой процедуре, помимо прочего, актуализировался социально заостренный принцип круговой поруки как один из самых древних культурных архетипов, ибо «каждый из вступающих в общество принимался в число его членов не иначе как за поручительством двух дружинников, которые, в случае измены нового члена обязаны были убить его» [Там же. Л. 1 об.].

На эмоционально возбудимую психику селян старая ритуальная формула «один за всех, и все за одного» обычно действовала безотказно, о чем, в частности, свидетельствует «то обстоятельство, что среди крестьян не нашлось предателей». Например, Иван Сыч «при дознании ни в чем не повинился, говоря только, что он грешный человек, и что если ему суждено принять мучение, то он готов перенести его, а других лиц в это дело мешать не желает» [Литвак, 1991, с. 209; ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция. 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 142].

Насколько принципиальной для коллективистского сознания была принадлежность к числу «своих» (борцов за социальную правду), свидетельствует целая россыпь ярких примеров. Так, о беспрекословной силе мирского приговора в сознании крестьян говорит выбор жителя с. Мордва Феодосия Чепурного, который «поступил в “тайное общество” дружинников... чтобы подать прошение государю императору о наделе крестьян землею, хотя сам лично имел 15 десятин, он и не желал иного передела» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 85].

Чтобы заручиться народным доверием, самим самозванцам не оставалось ничего иного, как подчиниться настойчивым требованиям и пройти через ритуал символической идентификации. Впоследствии многие крестьяне, подобно Антону Комаренко, рассказывали о неизгладимых впечатлениях, произведенных на них этим сакральным актом: «Мы предложили сначала самому Найде принять присягу, и он это исполнил. Мы увидели, что Найда православный и присягает на хорошее дело – присягнули также». Причем Стефановичу в разное время и в кругу менявшихся персоналий пришлось повторять эту клятву как минимум трижды, «после чего, – признавались чигиринцы в обращении к монарху, – не имея больше сомнения и будучи глубоко убеждены, что действуем по твоему высочайшему повелению, начали действовать неустанно» [Там же. Д. 476. Л. 588; Крестьянское движение, с. 150].

И все же в этом вопросе «комиссарам» вновь не удалось последовательно и до конца выдержать смысловую линию написанного ими поведенческого сценария. Некоторых крестьян, например, насторожили кощунственные нарушения, казалось бы, вечного и нерушимого ритуала. Житель с. Мордва Иов Узловатый пояснял, что «ему казалось страшным присягать не в церкви, а тайно». Да и другие, возражая Стефановичу, сомневались: «как нам принимать присягу, когда священника нет». И хотя «Найда сказал, что зачем нам священник,

что лишь бы была икона и Евангелие, то присягу можно принять», едва ли такие аргументы могли полностью успокоить смятенные крестьянские души, знавшие о крамольности любого отступления от установленного свыше порядка [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 587–587 об.; Д. 477. Л. 89 об.]. Однако, несмотря на сомнения, в массе своей они поверили вестникам «царской» воли, потому что хотели верить, и более верных доказательств, нежели клятва, для них не существовало. Не удивительно, что «крестьяне были вне себя от ярости, когда перед ними раскрылась мистификация “царского комиссара”, особенно они были возмущены священной клятвой, которую он заставил их принести, и ложной присягой, которую он сам принес» [Тун, с. 122]. Будучи убежденными православными монархистами, простые сельские жители юго-западной окраины страны не могли допустить и мысли, что лица, выдававшие себя за представителей венценосной особы, принимая присягу, вовсе не заботились о спасении своих «нетленных» душ, а потому были способны иначе относиться к священному таинству и с его помощью стремиться к ложной идентификации в угоду сиюминутным политическим соображениям.

* * *

При ярко выраженных религиозно-монархических основаниях крестьянской психологии финал чигиринской эпопеи оказался единственно закономерным. Стефановича, Дейча и Бохановского постигла горькая участь многих их незадачливых соратников по самозванческому «ремеслу» – разоблачение, отказ от поддержки и полный провал так лихо начинавшейся затеи. Как неоднократно случалось и ранее, бывшие «дружинники», узнав о святотатственном подлоге, не захотели множить свои грехи перед Господом и государем, а потому «массами стали являться с повинной, принося полное раскаяние в своих заблуждениях, вызванных, по их объяснениям, обманом, заставлявшим их верить, что, вступая в сообщество, они исполняют свой верноподданныческий долг». В контексте крестьянского мировидения иного не могло и быть. И только как очередная констатация культурной пропасти между «верхами» и «низми» рефреном сквозь десятилетия звучит искреннее недоумение чигиринских крестьян: «За что же мы так жестоко наказаны?» [Крестьянское движение, с. 158, 150].

Список литературы

- Андреев И. Л.* Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 110–117.
Андреев И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание – сила. 1995. № 8. С. 46–56.
Балагуров Я. А. Кижское восстание 1769–1771. Петрозаводск : Карельск. книж. изд-во, 1969. 100 с.
Берман Б. И. Читатель жития // Художественный язык Средневековья. М. : Наука, 1982. С. 159–183.
Бескова И. А. Проблема соотношения ментальности и культуры // Когнитивная эволюция и творчество. М. : Ин-т философии РАН, 1995. С. 123–163.

- ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Д. 475; Д. 476; Д. 477.
 ГАРФ. Ф. 109 (3-я Экспедиция. 1877 г.). Д. 262. Ч. 1.
 Документы по Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 257–261.
 Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М. : Просвещение, 1968. 368 с.
 Игнатович И. И. Бездна // Великая реформа. М. : Изд. тов-ва И. Д. Сытина, 1911. Т. 5. С. 211–219.
 Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сб. док-тов / ред. П. А. Зайончковский. М. : Наука, 1968. 612 с.
 Крестьянство и классовая борьба в феодальной России / [отв. ред. Н. Е. Носов]. Л. : Наука, Ленингр. отд., 1967. 456 с.
 Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М. : Наука, 1989. 256 с.
 Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М. : Политиздат, 1991. 302 с.
 Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків : Видання Центр. архів. управління УСРР, 1934. 440 с.
 Мицик Ю. А. Чигирин – гетьманська столиця. Киев : Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2007. 392 с.
 Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 254 с.
 Памятники новой русской истории : в 3 т. СПб. : Тип. Майкова, 1873. Т. 3. 439 с.
 Пелевин Ю. А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150.
 Побережников И. В. «Добрые цари» на Урале // Родина. 1995а. № 2. С. 73–74.
 Побережников И. В. Зауральский самозванец // Вопр. истории. 1986. № 11. С. 182–185.
 Побережников И. В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995б. 58 с.
 Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск : Днепропетровск. обл. изд-во, 1960. 488 с.
 РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 405.
 Рут М. Э. Имя и образ: динамический аспект // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. М. : ИслРАН, 2001. Ч. 1. С. 15–19.
 Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Ист. зап. 1950. Т. 31. С. 88–135.
 Славянские древности : этнолингвистич. словарь : в 5 т. / ред. Н. И. Толстой. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 2. 689 с.
 Степняк С. Подпольная Россия. СПб. : Типолит. А. Э. Винеке, 1906. 240 с.
 Тун А. История революционного движения в России. Пг. : Тип. П. Сойкина, 1917. 293 с.
 Усенко О. Г. Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века // Мининские чтения : материалы науч. конф. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2005. С. 74–97.
 Усенко О. Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 53–57; № 2. С. 69–72.
 Успенский Б. А. Избранные труды : в 2 т. М. : Языки рус. культуры, 1996. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 608 с.
 Чигиринское дело : (По официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 97 (от 16 августа).
 Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 539 с.
 Юдин П. Л. К истории Пугачевщины // Рус. архив. 1896. Кн. 2. № 6. С. 5–46; 161–184.

References

- Andreev, I. L. (1999). *Anatomiya samozvanstva* [The Anatomy of Imposture]. In *Nauka i zhizn'*, 10, pp. 110–117.
 Andreev, I. L. (1995). *Samozvanstvo i samozvancih na Rusi* [Impostors and Imposture in Russia]. In *Znanie – sila*, 8, pp. 46–56.

Balagurov, Ya. A. (1969). *Kizhskoe vosstanie 1769–1771* [Kizhi Uprising of 1769–1771]. 100 p. Petrozavodsk, Karelskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Berman, B. I. (1982). Chitateľ zhitiya [Readers of Hagiography]. In *Khudozhestvenniy yazikh Srednevekov'ya*. Moscow, Nauka, pp. 159–183.

Beskova, I. A. (1995). Problema sootnosheniya mentalnosti i kul'turikh [The Issue of the Correlation of Mentality and Culture]. In *Kognitivnaya ehvolyuciya i tvorchestvo*. Moscow, Institut filosofii RAN, pp. 123–163.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 112. List 1. Dopp. 473; 475; 476; 477.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 109, (3-ya Ehkspediciya. 1877 g.). Dopp. 262. Ch. 1.

Grebenkin, K. (Ed.). (1934). *Materiali do istorii selyanskiikh revolyuciyjnikh rukhiv na Chigirinshini (1875–1879 pp.)* [Materials for the History of the Peasant Revolutionary Movement in the Chigirinschina (from 1875 to 1879)]. 440 p. Kharkiv : Vidannya Central'nogo arkhivnogo upravlinnya Ukraïns'koi Socialistichnoi Radyans'koi Respubliki.

Dokumentih po Chigirinskomu delu (1906) [Documents on the Chigirin Conspiracy]. In *Bihloe*, 12. pp. 257–261.

Zayjonchkovsky, P. A. (1968). *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The Abolition of Serfdom in Russia]. 368 p. Moscow, Prosvethenie.

Zayjonchkovsky, P.A. (Ed.). (1968). *Krest'janskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg.* [The Peasant Movement in Russia between 1870 and 1880]. 612 p. Moscow : Nauka.

Ignatovich, I. I. (1911). Bezdna [The Abyss]. In *Velikaya reforma*. T. 5. Moscow, Izdanie Tovaristhestva I. D. Sihtina, pp. 211–219.

Litvak, B. G. (1989). *Krest'janskoe dvizhenie v Rossii 1775–1904 gg. Istoriya i metodika izucheniya istochnikov* [The Peasant Movement in Russia between 1775 and 1904. The History and Methodology of Source Study]. 256 p. Moscow, Nauka.

Litvak, B. G. (1991). *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaya al'ternativa* [The 1861 Revolution in Russia: Why the Reform Alternative Was Not Realised]. 302 p. Moscow, Politizdat.

Micik, Yu. A. (2007). *Chigirin – get'mans'jka stolicya* [Chigirin – the Hetman Capital]. 392 p. Kiev, Kievo-Mogilyans'jka akademiya.

Nosov, N. E. (Ed.). (1967). *Krest'jyanstvo i klassovaya bor'ba v feodalnoy Rossii* [The Peasantry and Class Struggle in Feudal Russia]. 456 p. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение.

Novicky, V. D. (1991). *Iz vospominaniy zhandarma* [From the Memoirs of a Gendarme]. 254 p. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Pamyatniki novoy russkoj istorii (1873). [The Monuments of New Russian History. 3 Vols.]. Vol. 3. 439 p. St Petersburg, Tipografiya Mayjkova.

Pelevin, Yu. A. (2014). Yuzhnihe buntari i "Chigirinskiy zagovor" [Southern Rebels and the "Chigirin Conspiracy"]. In *Rossiyskaya istoriya*, 1. pp. 130–150.

Poberezhnikov, I. V. (1995a). "Dobrihe cari" na Urale ["Good Tsars" in the Urals]. In *Rodina*, 2. pp. 73–74.

Poberezhnikov, I. V. (1986). Zauralskiy samozvanec [The Trans-Ural Impostor]. In *Voprosih istorii*, 11. pp. 182–185.

Poberezhnikov, I. V. (1995b). *Slukhi v socialnoy istorii: tipologiya i funkcii (po materialam vostochnikh regionov Rossii XVIII–XIX vv.)* [Rumors in Social History: Typology and Functions (Based on Materials from the Eastern Regions of Russia of the 18th and 19th Centuries)]. 58 p. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informacii.

Poyjda, D. P. (1960). *Krest'janskoe dvizhenie na Pravoberezhnoy Ukraine v poreformennyj period (1866–1900 gg.)* [The Peasant Movement in Right-bank Ukraine in the Post-reform Period (1866–1900)]. 488 p. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovskoe oblastnoe izdatel'stvo.

RGADA – Rossijskiy gosudarstvenniy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 6. List 1. Dossier 405.

Rut, M. E. (2001). Imya i obraz: dinamicheskiy aspekt [The Name and the Image: The Dynamic Aspect]. In *Imya: vnutrennyaya struktura, semanticheskaya aura, kontekst* : tezisih mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Ch. 1. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 15–19.

Sivkov, K. V. (1950). Samozvanchestvo v Rossii v posledney treti XVIII v. [Imposture in Russia in the Last Third of the 18th Century]. In *Istoricheskie zapiski*, 31. pp. 88–135.

Stepnyak, P. P. (1906). *Podpoljnaya Rossiya* [Underground Russia]. 240 p. St Petersburg, Tipolitografiya A. Eh. Vineke.

Tolstoy, N. I. (Ed.). (1995). *Slavyanskije drevnosti : etnolingvističeskij slovarj : v 5 t. T. 2.* [Slavic Antiquities : Ethnolinguistic Dictionary, 5 Vols.]. Vol. 5. 689 p. Moscow, Mezhdunarodnihe otnosheniya.

Tun, A. (1917). *Istoriya revolyucionnago dvizheniya v Rossii* [The History of the Revolutionary Movement in Russia]. 293 p. Petrograd, Tipografiya P. P. Soyjkina.

Usenko, O. G. (2005). *Novihe dannihe o monarkhicheskom samozvanchestve v Rossii vtoroyj polovinih XVIII veka* [New Information on Royal Imposture in Russia in the Second Half of the 18th Century]. In *Mininskie chteniya : materialih nauchnoj konferencii. Nizhniyj Novgorod, Izdateljstvo Nizhegorodskogo universiteta*, pp. 74–97.

Usenko, O. G. (1995). *Samozvanchestvo na Rusi: norma ili patologiya?* [Imposture in Russia: A Norm or Pathology?]. In *Rodina*, 1. pp. 53–57; 2, pp. 69–72.

Uspensky, B. A. (1996). *Izbrannihe trudih* [Selected Works, 2 Vols.] : Vol. 1. 608 p. Semiotika istorii. Semiotika kuljturih. Moscow, Yazihki russkoj kuljturih.

Chigirinskoe delo : (Po officialjnih istočnikam) (1877). [The Chigirin Case (according to Official Sources)]. In *Kievlyanin*, 97. Aug., 16.

Chistov, K. V. (2003). *Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funkcii socialjno-utopičeskikh legend)* [Russian Folk Utopia (Genesis and Functions of Social-utopian Legends)]. 539 p. St Petersburg, Dmitriyj Bulanin.

Yudin, P. L. (1896). *K istorii Pugachevthinih* [The History of the Pugachev Rebellion]. In *Russkijj arkhiv*, 6. pp. 5–46; 161–184.

The article was submitted on 21.09.2016

DOI 10.15826/qr.2017.1.221

УДК 94(100)"1914/19"+327(470:44)

**РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО
ВОЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ:
ПРЕДЧУВСТВИЕ ПЕРЕМЕН (1916–1917)***

Владимир Бабинцев

Юлия Галкина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE REORGANISATION OF THE FRENCH
MILITARY COMMISSION IN RUSSIA:
IN ANTICIPATION OF CHANGE (1916–1917)****

Vladimir Babintsev,

Yulia Galkina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the evolution of the French Military Commission in Russia during the First World War. Initially consisting of peacetime structures (the office of the military attaché and his aide), in 1916 the French Military Commission became a strongly centralised and multipurpose military mission whose structure was later borrowed by other Allied nations. The authors use the term 'mission' extensively in the article: its meaning depends on the specific task or duty assigned to a person or group of people and on the extent to which the group was institutionalised. As a result, the term may be understood in two different ways

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

** *Citation:* Babintsev, V., Galkina, Yu. (2017). The Reorganisation of the French Military Commission in Russia: In Anticipation of Change (1916–1917). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 241–254. DOI 10.15826/qr.2017.1.221.

Цитирование: Babintsev V., Galkina Yu. The Reorganisation of the French Military Commission in Russia: In Anticipation of Change (1916–1917) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 241–254. DOI 10.15826/qr.2017.1.221 / Бабинцев В., Галкина Ю. Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 241–254. DOI 10.15826/qr.2017.1.221

mission as an organisation abroad, including personnel or mission as a business trip, a temporary assignment given to an envoy. In this paper, the term 'mission' is applied to all the forms of the French Military Commission in Russia, whose personnel considerably increased during the war as it shifted into a centralised multifunctional military mission. The need to establish effective interaction among the members of the Entente and the growing number of issues the French military attaché in Russia had to deal with conditioned the transformation of French military representation. The project was initiated by Commander-in-Chief Joseph Joffre. Joffre based his decisions on the reports of Major Langlois, who visited Russia eight times between February 1915 and February 1917. Joffre managed to turn the small and rather ineffective mission, distrusted by Russian generals, into a centralised military mission. General Maurice Janin was appointed head of the new commission, and it was under his leadership that it became the centre of coordination for French military activities in Russia.

Keywords: French Military Mission; Russian-French relations; First World War; coalition strategy; Joseph Joffre.

Рассматривается эволюция института французского военного представительства в России в годы Первой мировой войны. Изначально воплощенное в структурах мирного времени (военным атташе и его помощником), французское военное представительство в 1916 г. приобрело характер централизованной многоцелевой военной миссии, модель которой была впоследствии применена в других союзных странах. Авторы неоднократно обращаются к термину «миссия», смысл которого варьируется в зависимости от круга задач, выполняемых определенной группой лиц, и степени ее институционализации. В настоящем исследовании этот термин применяется ко всем формам французского военного представительства, количественно умножившегося в ходе войны и в 1916 г. подчиненного новой модели централизованной многоцелевой военной миссии Франции в России. Показано, что необходимость организации эффективного коалиционного взаимодействия между странами Согласия, а также все возраставшее количество задач, встававших перед французским военным атташе в России, обусловили трансформацию всего военного представительства Франции. Инициатором этого проекта стал главнокомандующий Жозеф Жоффр. Опираясь на рекомендации офицера связи майора Ланглуа, посещавшего Россию в общей сложности восемь раз (с февраля 1915 по февраль 1917 г.), Жоффру удалось превратить малоэффективную и малочисленную миссию, сотрудники которой не снискали особого доверия в среде русского генералитета, в централизованный аппарат военного представительства в России. Главой обновленной миссии стал генерал Морис Жанен, под руководством которого она стала центром притяжения и координации деятельности французских военных на территории России.

Ключевые слова: Первая мировая война; французская военная миссия; русско-французские отношения; коалиционная стратегия; Жозеф Жоффр.

В начале Первой мировой войны (1914–1915) французское военное представительство в странах-союзниках в большинстве случаев продолжало функционировать в рамках дипломатической традиции мирного времени: взаимодействие стран Соглашения осуществлялось через аппарат военных атташе при посольствах Франции. Однако в конфликте нового типа традиционный формат военного и дипломатического представительства проявил свою недостаточность. Впервые это стало очевидным в Сербии, которая запросила у Франции помощи в борьбе с австро-венгерскими мониторами, угрожавшими Белграду. Ответом стала отправка в Сербию 25 октября 1914 г. отряда артиллеристов, получивших название *Mission D*¹ [*Mission navale française de Serbie*, p. 163].

Россия и Сербия, разумеется, были несопоставимы, хотя масштабы войны, оказавшиеся неожиданными для всех воюющих сторон, предъявляли качественно новые требования и к уровню франко-русского сотрудничества.

К началу войны французское военное представительство в России было организовано следующим образом: при Генеральном штабе Российской империи находились военный атташе Франции, дивизионный генерал маркиз Пьер де Лагиш (1859–1940) и его помощник майор Верлен [SHD/T. 7 N 1547]. Подобное *status quo* было поставлено под сомнение нарастанием экономических проблем Российской империи, столкнувшейся в начале 1915 г. со «снарядным голодом» и вынужденной искать помощи у Франции. Задачи, стоявшие перед французской миссией, неуклонно возрастали – отныне она не только играла роль связующего органа между двумя верховными главнокомандованиями воюющих держав, не просто содействовала поставке вооружения и боеприпасов, но становилась ответственной за экспорт технологических инноваций и координацию деятельности растущего французского военного и технического персонала на территории России².

Кроме того, страны Соглашения осознали необходимость налаживания более эффективного коалиционного взаимодействия, и военные миссии Франции в странах-союзниках сделали неотъемлемой частью этого механизма. Главнокомандующий Ж. Жоффр (1852–1931) отмечал:

Aucune d'elles³ n'avait pris en temps de paix les mesures propres à préparer et à assumer la direction des affaires d'une coalition, et toute la première partie de la guerre fut lourdement hypothéquée par ce manque absolu d'organisation [Mémoires, p. 95]⁴.

¹ Можно сказать, что с этого момента начала оформляться специфика французских военных миссий как инструмента предоставления союзникам недостающих им технических средств борьбы.

² Например, в январе 1915 г. в Россию отправилась артиллерийская миссия майора Пио, в кратчайшие сроки наладившая производство взрывчатки и снарядов и серьезно перестроившая систему и логику российской военной промышленности.

³ Имеются в виду державы-союзницы.

⁴ «Ни одна из держав не приняла в мирное время мер, способных подготовить и взять на себя руководство действиями коалиции, и вся первая фаза войны была осложнена недостатком организации» (здесь и далее перевод текстов документов принадлежит авторам статьи).

В июне 1915 г. он представил в Военное министерство проект централизованного «управления войной» под эгидой французского Генштаба. Согласно проекту, предполагалось выделить каждой союзной страной аккредитованного генерала, детально осведомленного о положении своей армии [Mémoires, p. 95]. В пространстве коалиционной войны Россия вместе с Сербией и Италией мыслились Жоффром как единое целое Восточного фронта, направленного против центральных держав [Doughty, p. 154]. Более того, французский главнокомандующий полагал, что эффективный прорыв возможен именно на Восточном фронте, в связи с чем придавал особенное значение своевременному материально-техническому обеспечению России и восстановлению ее армии для грядущего наступления [Ibid., p. 251–252]. Забегая вперед, отметим, что коалиционное взаимодействие, по словам Жоффра, удалось наладить в начале 1916 г. исключительно благодаря «доброй воле главнокомандующих союзных стран», которые поддержали эту инициативу при отсутствии какого-либо формального межсоюзнического соглашения [Mémoires, p. 160].

Генерал Жозеф Жоффр
General Joseph Joffre

Необходимость повышения эффективности коалиционного сотрудничества требовала иного уровня доверия между Генеральными штабами Франции и России и оперативного обмена значимой информацией. По выражению секретаря министерства иностранных дел Абеля Ферри, военный атташе генерал Лагиш был «салонным офицером», чьи донесения не отличались четкостью и ясностью (цит. по: [Павлов, с. 34]). Чтобы исправить положение, в декабре 1915 г. в Петроград был направлен второй дивизионный генерал Поль По (1848–1932). Впервые он появился в России в феврале 1915 г. с целью «сбора сведений и документов» «для уточнения материального и морального состояния войск», очевидно, в расчете на успех начавшейся Дарданелльской операции [SHD/T. 7 N 1548], а в декабре того же года вступил в должность главы французской военной миссии в России [Mémoires, p. 177]⁵. Де Лагиш продолжил работать в качестве его помощника. Впрочем, будущий глава французской военной миссии генерал М. Жанен (1862–1946) относит утверждение По в качестве своего предшественника к осени 1915 г., попутно замечая, что еще в 1911 г. тот отказался от должности начальника Генштаба Франции, сославшись на возраст. Расхождения в датировке назначения генерала По главой миссии представляются вполне объяснимыми: вероятнее всего, генерал приступил к исполнению обязанностей осенью 1915 г., а формальное утверждение состоялось уже зимой.

Тем не менее, объяснять назначение генерала По только лишь «нечеткими донесениями» Лагиша было бы некорректно. Требовался во-

⁵ Помимо России, Поль По посетил также Италию, Сербию и Румынию.

начальник, чья репутация в глазах русской Ставки не подлежала бы сомнению. Жоффри полагал, что фигура генерала По идеальна для поста главы французского представительства в России:

En ce qui concerne le général Pau, on avait pu espérer que le prestige qui entourait cette belle figure de soldat serait utile au resserrement des liens entre les deux états-majors [Mémoires, p. 178]⁶.

Дополнительным аргументом в пользу отзыва де Лагиша может служить замечание генерала Жанена в предисловии к своему русскому дневнику о том, что Лагиша преследовала негативная репутация германофила [Janin, p. 34].

В историографии Первой мировой войны поиски формата коалиционного взаимодействия, отвечающего вызовам времени, наиболее полно исследованы на примере англо-французского сотрудничества [Greenhalgh]. Английский опыт продемонстрировал, что одним из способов преодоления трений в лагере союзников является деятельность офицера связи в военном и дипломатическом поле. Историк Элизабет Гринэлг определяет офицера связи как «глаза, уши и рот своего командования», который обязан поддерживать контакты и вести переговоры в разных сферах военной иерархии в целях обеспечения взаимопонимания и достижения единства целей и действий [Ibid., p. 75]. Это особенно актуально в условиях, когда стороны принадлежат к разным языковым и культурным традициям, что усиливает риск возникновения конфликтов [Ibid.].

Генерал Морис Жанен
General Maurice Janin

В начале 1915 г. в качестве офицера связи в Россию был командирован бывший глава русской секции Генштаба Франции майор Жак Ланглуа (1874–1934) [Le général Langlois...]. В общей сложности он совершил восемь визитов в Россию с февраля 1915 по февраль 1917 г. Каждая поездка сопровождалась детальным рапортом, содержащим аналитические сведения по самому разному кругу вопросов: общественное мнение в России, настроения в правительстве и царской семье, отношение русских к французам (и шире – к союзникам по Антанте), материальное и моральное состояние русской армии. В первых рапортах майор Ланглуа концентрировал внимание на недостатках

⁶ «Что касается генерала По, можно было надеяться, что престиж, окружавший эту фигуру прекрасного солдата, будет полезным для укрепления связей между двумя штабами».

организации службы офицера связи, настаивая на пересмотре некоторых ее оснований. Главным образом предполагалось принять меры по усилению безопасности и секретности миссии офицера связи, а также повышению степени его осведомленности о планах Генерального Штаба и руководства Франции [SHD/T. 7 N 1547].

Четыре командировки в Россию обеспечили более широкую постановку вопроса: в начале 1916 г. в своем пятом рапорте Ланглуа сформулировал детальный проект реорганизации французского военного представительства в России с целью усиления эффективности его работы и обозначил ряд проблем в организации военной миссии Франции⁷.

Первоочередной была проблема связи с русской Ставкой. Ланглуа пришел к выводу, что одного представителя (дивизионного генерала) с помощником будет вполне достаточно: в его ведении будут находиться вопросы оперативного характера, и подчиняться он будет Военному министерству Франции. Вторым человеком во французской миссии должен был стать подполковник или полковник, подчиненный послу в качестве военного атташе и главе военной миссии – в вопросах военной службы. Под началом военного атташе должны были находиться все локальные французские миссии (военные и технические) на территории России [Ibid.]. Это устанавливало четкую субординацию в руководстве и исключало спекуляции на различиях в форме подачи информации. Ланглуа писал:

Etant donné le faible travail à faire au Grand Quartier Général, il semble que la présence de deux Généraux de division y soit superflue. Elle peut, d'autre part, présenter des inconvénients, soit qu'elle mette l'un d'eux dans une position d'adjoint, qui risque de l'abaisser au rang du major Italien ou du capitaine Anglaise, soit qu'elle ait pour résultat possible, même si nos deux Représentants expriment toujours les mêmes idées, mais en termes différents, de permettre d'opposer les déclarations de l'un à celles de l'autre, et d'ôter ainsi aux deux toute autorité réelle [Ibid.]⁸.

Рекомендации Ланглуа также предусматривали направление в штабы русских фронтов французских офицеров с целью «лучшей осведомленности о состоянии армии», а также для сбора и отправки во Францию разведанных [Ibid.].

⁷ В отечественной историографии опыт реорганизации французского представительства не получил должного осмысления: в единственной работе, посвященной этому вопросу, французская миссия рассматривается не как системное единство, но как совокупность множества локальных миссий [Павлов].

⁸ «Если учесть ту незначительную работу, которую надо выполнять в Генштабе, кажется, что присутствие там двух дивизионных генералов было бы излишеством. Оно может создать неудобства, когда ставит одного из них в положение помощника, в котором генерал рискует понизить свой статус до ранга итальянского майора или английского капитана, а также когда возможным результатом станет то, что выражение одних и тех же идей обоими представителями, осуществленное в разных формах, позволит противопоставить мнения одного мнениям другого и таким образом лишить их реального авторитета».

Существенной проблемой в условиях «снарядного голода» стало отсутствие единого центра, который бы принимал русские запросы на боеприпасы и вооружение. Ранее такого рода заказы передавались как начальнику артиллерийской миссии, так и военному атташе или его помощнику, что вызывало большую путаницу. Более того, реакция французской стороны могла оказаться неожиданной: «Dans le courant de l'été, deux réponses opposées à la même demande concernant des canons de 42^{mm}» [Ibid.]⁹. Для решения проблемы Ланглуа предлагал организовать техническое бюро, начальник которого был бы облечен соответствующими полномочиями [Ibid.].

Кроме того, Ланглуа предлагал произвести коренную перестройку методов французской пропаганды в России, считая, что русские, по сути, ксенофобы, преувеличивающие значение своего оперативного театра, они испытывают безразличие к союзнику и в условиях дефицита французской прессы подвержены германской контрпропаганде [Ibid.]. Это было весьма актуальным в условиях появления «массового субъекта» [Ортега-и-Гассет], проявившего себя в военное время в виде массовых армий, в связи с чем возникла необходимость создания инструментов морально-психологического влияния на воинские контингенты, а также на мирное население. В годы Первой мировой войны пропаганда приобрела особое значение как инструмент формирования положительного образа союзника (и негативного – врага) и манипулирования общественным мнением. Проблема взаимодействия Франции и России в этом аспекте заключалась в недопонимании, вызванном недостаточной оценкой военных усилий обеих сторон, которая объяснялась спецификой театров военных действий. Это заставляло представителей французской миссии прилагать усилия по «разъяснению» настоящей роли Франции в войне, своевременно и точно информировать в прессе население России о ситуации на Западном фронте [SHD/T. 7 N 1547].

Жак Габриэль Ланглуа. 1932
Jacques-Gabriel Langlois. 1932

Репорты Ланглуа составлялись в двух экземплярах: для военного министра и для Верховного главнокомандующего, каждый внимательно прорабатывался Жоффром, о чем свидетельствуют его многочисленные карандашные пометы на полях документов и штампы «Vu: Joffre». Кроме того, Ланглуа в ходе личных встреч сообщал информацию о состоянии русской армии и настроениях в правительстве президенту Третьей Республики Раймону Пуанкаре

⁹ «В течение лета два противоположных ответа на один и тот же запрос относительно 42-линейных пушек».

[Пуанкаре, с. 297]. Однако главным результатом поездок офицера связи в Россию стала реализация практически всех изложенных им идей.

Взаимодействие французского командования с русским Генштабом осложнялось неприятием личности генерала По в Ставке [Mémoires, p. 178]. Сотрудник Второго бюро Пьер Паскаль, находясь в Генштабе в Шантийи, также отметил, что там он, «кроме кодирования и дешифровки, познал всю относительность идеи союзничества: перед русским военным атташе бравым полковником Игнатьевым, издавляя возвещавшим о себе звоном шпор, закрывались все досье» [Паскаль, с. 24]. Несмотря на то, что режим секретности был естественной практикой в любых вооруженных силах, логика коалиционного взаимодействия и опыт Первой мировой войны позволили говорить о переходе от принципов «старой дипломатии», основанных на национальном интересе и секретности как основных методах работы, к принципам «новой дипломатии», предполагавшим повышение уровня доверительности во взаимоотношениях партнеров по коалиции [Prost, Winter, p. 70–71]. Это подтолкнуло Жоффра к очередным кадровым перестановкам. Он принял решение заменить генерала По генералом Жаненом, пользовавшимся серьезным влиянием и уважением в русском штабе [Mémoires, p. 284]. Расчет строился на том, что военная карьера Жанена была связана с Россией: молодым офицером в 1890-е гг. он был направлен в Санкт-Петербург по заданию Второго бюро Генштаба Франции для изучения перспектив союза с Российской империей. В 1896 г. Жанен был адъютантом Николая II во время его визита во Францию [Noulens, p. 13–14]. 19 апреля 1916 г. Морис Жанен был назначен главой французской военной миссии и прибыл в русскую Ставку 25 мая 1916 г. [Janin, p. 39, 268]. К тому же в мае-июне того же года по состоянию здоровья генерал По уже фактически не мог исполнять свои обязанности; его возвращение во Францию было делом времени.

Оставался открытым вопрос о полномочиях его действующего помощника военного атташе маркиза де Лагиша, так как присутствие в русской Ставке трех генералов (Лагиша, По и Жанена) выглядело избыточным [SHD/T. 16 N 2961]. 18 мая Морис Палеолог направил в кабинет министров телеграмму, в которой деликатно выразил мнение о желательном отзыве Лагиша:

La situation dans laquelle le Général de Laguiche va se trouver par rapport au Général Janin (est) (très) pénible. <...> je verrais grand intérêt à ce que le Général de Laguiche fût envoyé en mission au Caucase sous le prétexte d'y porter les décorations que le Général Pau avait été chargé de remettre [SHD/T. 7 N 1545]¹⁰.

Военное министерство Франции подавало ситуацию следующим образом: дивизионный генерал де Лагиш займет пост атташе при рус-

¹⁰ «Положение, в котором генерал де Лагиш окажется по отношению к генералу Жанену, является весьма мучительным. <...> Я проявил большой интерес к тому, чтобы генерал Лагиш был направлен на Кавказ под предлогом доставки наград, вручать которые должен был генерал По».

ском императоре, генерал По останется главой французской военной миссии, генерал Жанен станет его помощником. Вместе с Жаненом отправлялся подполковник Лавернь как будущий военный атташе Франции в России [SHD/T. 17 N 750]. Однако этот вариант решения военного ведомства был датирован 15 апреля 1916 г., то есть до приказа о назначении Мориса Жанена главой миссии, о котором вплоть до 3 июня генерал де Лагиш, назначенный главой всего французского военного персонала «в зоне армий», не был осведомлен [SHD/T. 7 N 1545]. 4 июня 1916 г он был отозван во Францию, и равновесие во французском представительстве было восстановлено.

Таким образом, на протяжении длительного периода положение генерала Лагиша оставалось туманным. Однако вполне вероятно, что именно таким в рамках управленческой логики было осмысленное решение французского военного министерства: Жанен, безусловно осведомленный о предстоящей миссии, отбыл в Россию с полковником Лавернем, чтобы сменить генералов По и Лагиша, вместе с тем, в телеграмме военному министру а конце мая 1916 г. де Лагиш выразил отчетливое желание поскорее вернуться во Францию с оговоркой: «*Désirs de chef sont pour moi des orders si mon maintien Petrograd vous parait bon pour service. Je serais le premier à obéir...*»¹¹ [Ibid.]. Возможно, военное министерство Франции, чтобы не расхолаживать де Лагиша, намеренно до последнего момента не сообщало ему о принятом решении и отдало приказ отбыть во Францию после передачи дел новому начальнику.

Назначение Жанена и установление порядка строгой субординации в духе рекомендаций майора Ланглуа привели французскую военную миссию в качественно иное состояние. В 1916 г. французское представительство сформировало ядро системного единства – аппарат генерала Жанена, его военную миссию, обретшую черты централизованного механизма. Отныне деятельность главы миссии была направлена на реализацию следующих функций:

– *функция связи и стратегической координации* (обеспечивалась работой генерала Жанена в Могилеве, при Ставке верховного Главнокомандующего);

– *функция оперативно-тактической помощи* (обеспечивалась тремя-четырьмя офицерами, прикомандированными к каждому штабу фронта и армии, под общим руководством генерала Жанена);

– *функция технической помощи* (работа локальных военных и технических миссий на территории России; управлялась помощником Жанена военным атташе Лавернем);

– *функция пропаганды* (координировалась майором де Шевийи¹²) [Noulens, p. 15].

¹¹ «Желания начальства являются для меня приказами. Если мое присутствие в Петрограде кажется Вам благом для службы, я буду первым, кто повинуется».

¹² Граф Франсуа де Шевийи – выпускник Сен-Сира, сделавший карьеру в банковском деле, возвратился в строй из резерва с началом войны [Chevilly, p. 177]. В 1917 г. он стал руководителем комитета пропаганды в Санкт-Петербурге, учрежденном Альбером Тома [Sinanoglou, p. 94].

Состав миссии при этом был достаточно разношерстным: в него входили 150–200 человек разного происхождения и разных политических взглядов [Ibid.].

В декабре 1916 г. Жозеф Жоффр был отправлен в отставку в почетном звании маршала. Отсутствие идейного вдохновителя и такие последующие события как революция в России, политический курс Жоржа Клемансо, в рамках которого Россия уже не рассматривалась как полноправный союзник, привели к тому, что после 1916 г. идея коалиционного взаимодействия стала рассыпаться:

...notre coalition, en cette année 1917, dispersa de nouveau ses efforts, et manqué de payer au printemps 1918, par une catastrophe définitive, le retour aux errements de 1915 que je métais efforcé de modifier [Mémoires, p. 160]¹³.

Решение некоторых организационных вопросов, связанных с деятельностью миссии, было отложено вплоть до 1917 г. С 28 июня 1916 г. по июнь 1917 г. генерал Жанен неоднократно телеграфировал в Военное министерство, добиваясь уточнения его полномочий по отношению к многочисленному французскому военному персоналу в России [SHD/T. 7 N 1545]. Ответ последовал лишь в июле 1917 г.: согласно новому предписанию, все французские офицеры вне зависимости от длительности пребывания в стране подчинялись либо военному атташе, либо главе французской миссии. Полномочия главы миссии в отношении персонала соответствовали тем, что устанавливались для командиров подразделений в колониях и протекторатах и были прописаны в декрете президента Французской Республики от 4 апреля 1911 г. [SHD/T. 7 N 1545]. Таким образом, французское военное руководство запоздало завершило реорганизацию представительства в России и выстроило жесткую субординацию внутри миссии.

Если до реорганизации военного представительства в России каждый французский офицер понимал миссию прежде всего как личную задачу или как совокупность обязанностей, положенных ему по должности, то генерал Жанен ощущал себя ответственным за координацию и работу всех французских военных на территории союзной страны. Руководство миссии стало приобретать «антропологические черты», о чем красноречиво свидетельствует предписание Жанена ее офицерам от 13 марта 1917 г. Отныне на повестке дня стояла не только профессиональная компетентность сотрудников в рамках возложенных на них задач («добыть сведения», «составить мнение», «знать свой фронт», «координировать военные усилия»), но и умение наладить диалог с российскими военнослужащими. Жанен предписывал офицерам «вести себя не как в завоеванной стране, не как в гостях», но быть товарищами простыми, сердечными и сдержанными.

¹³ «...наша коалиция в том 1917 году вновь распылила свои усилия и чуть было не заплатила весной 1918 года окончательной катастрофой за возврат к ошибкам 1915 года, которые я стремился преодолеть».

ми, подавать пример усердной работы и достойной жизни. Он подчеркивал, что «русские охотно констатируют превосходство других, но не любят, когда им об этом напоминают», и, как следствие, чтобы добиться от них принятия каких-либо новшеств, русских нужно подвести к тому, чтобы они сами этого потребовали [SHD/T. 17 N 574]. Появление подобных тенденций можно связать не только с процессом централизации миссии, но и с революционными событиями в России, со стремлением сохранить положительный опыт взаимоотношений двух стран.

Опыт реорганизации военного представительства Франции в России был затем применен в Румынии и в ходе реорганизации сербской армии на Корфу в 1916 г.

Несмотря на то, что в начале войны Сербия практически не представляла для Франции стратегического интереса, Церское и Колубарское сражения коренным образом изменили ситуацию – союзники высоко оценили потенциал сербских войск [Le Moal, p. 57], а «позиционный тупик» на Западном фронте придал Балканскому театру военных действий особый смысл с точки зрения периферийной стратегии. Первый опыт объединения разрозненных французских военных миссий в Сербии был осуществлен в период эвакуации сербской армии и союзных войск осенью 1915 г.: военный атташе Франции полковник Пьер Фурнье 18 ноября принял командование над всеми французскими силами на территории Сербии [Rapport du capitaine Vitrat, p. 64]. Кульминацией процесса стала реорганизация сербской армии в феврале 1916 г. в рамках военной миссии Франции на Корфу: она включала в себя снабжение военными материалами, создание новой организационной структуры армии и обучение сербских офицеров во Франции [SHD/T. 17 N 695]. Французская военная миссия при сербской армии на Корфу представляла собой синтез военных и политических структур: ее глава генерал Пиаррон де Мондезир объединил под своим руководством авиационную, медицинскую, морскую, артиллерийскую службы [SHD/T. 16 N 693], параллельно осуществляя функции дипломата (контакты с военными представителями союзных держав, с итальянскими властями, и т. д.).

Организация и деятельность французской военной миссии в Румынии подробно описаны Жаном Ноэлем Грандомом в монографии «Генерал Бертело и деятельность Франции в Румынии и Южной России (1916–1918)». Он отмечает, что для французской миссии в Румынии важными были две цели: во-первых, под благовидным предлогом поддержания связи с Восточной армией «опередить русских» в Румынии, и, во-вторых, управлять румынской армией [Grandhomme, p. 161]. Несмотря на то, что «русский фактор» был одним из существенных для французского присутствия, принципиальными моментами все же были логика коалиционной войны и стремление удержать союзника: генерал прибыл в Румынию осенью 1916 г., когда политическое руководство страны и армия были деморализованы по причине

неудачного наступления в Трансильвании. В телеграмме генералу По Лагиш высказывал следующие соображения по румынскому вопросу:

La séparation entre les théâtres d'opérations rendant impossible la liaison effective entre les Armées Russes et les Armées Franco-anglaises, le Roumanie devait et doit être élément vivifiant, aujourd'hui comme en 1877 [SHD/T. 7 N 762]¹⁴.

Генерал Бертело, в свою очередь, подчеркивал, что без румынской армии целостность Восточного фронта невозможна [Otu]. Организация французской военной миссии в Румынии осуществлялась по образцу и подобию миссии Жанена в России, о чем свидетельствует командировочное предписание генералу Бертело: в его обязанности входило представлять главнокомандующего Франции при румынском Генштабе, в его подчинение поступали все французские военные на территории Румынии, им же назначались офицеры, прикомандированные к румынской армии с целью инструктирования [SHD/T. 16 N 3016].

В 1915 г. Великая война «сменила ритм»: стало очевидно, что никакая держава Антанты не сможет добиться победы в одиночку. Вместе с тем, в зависимости от театра военных действий, изменилось и восприятие масштабов войны, ее темпоральности: Россия нуждалась в скорейшем «спасительном» начале французского наступления на Западном фронте, полагая Жоффра крайне медлительным; Великобритания, наоборот, стремилась отложить активные действия на Западе в силу приверженности иным стратегическим схемам [Cochet]. Все это требовало особой «архитектуры» коалиционной стратегии, необходимым условием которой стала централизация военных усилий как всех держав Антанты на стратегическом уровне, так и их иностранных представительств. В итоге организация и деятельность военных миссий стала одним из важнейших направлений французской военной мысли [Pénicault, p. 41], так как позволяла эффективно аккумулировать усилия для решения военных задач и впоследствии служить проводником политического влияния¹⁵.

Необходимость транслировать опыт технологических инноваций в рамках всеобщего «снарядного голода», организация службы связи в условиях тотальной войны и интенсификация информационного обмена, формирование общественного мнения, увеличение числа французских военных на территории Российской империи и возрас-

¹⁴ «Разобщенность оперативных театров делает невозможной эффективную связь между русскими и франко-английскими армиями, поэтому Румыния должна быть оживляющим элементом сегодня, как и в 1877 году».

¹⁵ В силу невозможности изменить стратегическую ситуацию на русском фронте и снизить накал социального протеста в стране Франция стремилась влиять на политическую ситуацию сообразно со своими интересами: в первой половине 1917 года – побуждая руководство страны продолжать войну против центральных держав, затем – принимая участие в вооруженной союзнической интервенции с использованием ресурсов т. н. «второй миссии Жанена».

тающая потребность в поставках военных материалов – все это требовало реорганизации французского представительства в России на качественно иных принципах. Тон задавали рапорты майора Ланглуа, обнажавшие недостатки в работе миссии и содержавшие комплекс необходимых решений для их устранения. А. Ю. Павлов приходит к выводу о том, что развитие французского сотрудничества с Россией привело к увеличению количества и разнообразия военных миссий [Павлов, с. 41]. На наш взгляд, правительство Третьей республики стремилось не столько к количественному, сколько к качественному наращиванию представительства в России, к созданию ядра системного единства, которым и стала французская военная миссия в 1916 г. Под руководством генерала Мориса Жанена миссия стала центром притяжения и координации французских военных усилий на территории России и была выстроена согласно принципам централизации и единоначалия.

Список литературы

- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М. : АСТ, 2008. 348 с.
- Павлов А. Ю.* Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны // Великая война 1914–1918. Вып. 3. М. : МБА, Квадрига, 2013. С. 33–41.
- Паскаль П.* Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург : Гонзо, 2014. 591 с.
- Пуанкаре Р.* На службе Франции 1915—1916 : Воспоминания. Мемуары. М. : АСТ; Мн. : Харвест, 2002. 592 с.
- Chevilly, F. de //* Qui êtes-vous? Annuaire des contemporains. Notices biographiques : in 3 t. Paris : Maison G. Ruffly, 1924. T. 3. 816 p.
- Cochet F.* 6–8 décembre 1915, Chantilly: la Grande Guerre change de rythme // *Revue historique des armées.* 2006. № 242 . URL: <http://rha.revues.org/4062> (mode of access: 15.05.2016).
- Doughty R. A.* Pyrrhic victory: French strategy and operations in the Great War. Cambridge ; Massachusetts ; L. : Belknap press of Harvard univ. press, 2005. 378 p.
- Grandhomme J.-N.* Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916–1918). Paris : Château de Vincennes, 1999. 1120 p.
- Greenhalgh E.* Victory through coalition : Britain and France during the First World War. Cambridge : Cambridge Univ. press, 2014. 296 p.
- Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris : L'Harmattan, 2015. 283 p.
- Joffre J.* Mémoires du maréchal Joffre, 1910—1917 : in 2 t. T. 2. Paris : Plon, 1932. 468 p.
- Le Moal F.* La Serbie: du martyr à la victoire 1914–1918. Paris : 14–18 Ed., 2008. 253 p.
- Le général Langlois, ancien commandant de la 10-e Région, est mort hier à Metz // *L'Ouest Éclair.* 1934. 25 juin.
- Mission navale française de Serbie // *Guerre 14/18 – Citations Marine.* Toulon : Les presses du midi, 2014. P. 163–166.
- Noulens R.* A la recherche d'une «belle et bonne alliance» : Le général Maurice Janin (1862–1946) et la Russie // Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris : L'Harmattan, 2015. P. 9–24.
- Otu P.* L'influence de la doctrine militaire française sur l'évolution de l'armée roumaine // *Revue historique des armées.* 2006. № 244. URL: <http://rha.revues.org/5862> (mode of access: 01.05.2016).
- Pénicaut E.* Missions militaires françaises auprès de puissance alliées // *Archives de la Grande Guerre : Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Première Guerre mondiale.* Paris : Service historique de la Défense, 2014. P. 41–43.
- Prost A., Winter J.* Penser la Grande Guerre : Un essai d'historiographie. Paris : Éd. du Seuil, 2004. 344 p.

Rapport du capitaine Vitrat, chef de la mission française d'aviation en Serbie, au ministère de la Guerre, sous-secrétariat de l'Aéronautique militaire, sans date // La mémoire conservée du général Milan Rastislav Stefanik dans les archives du Service Historique de la Défense. Paris : SHD, 2008. P. 56–68.

Sinanoglou I. *Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique*. 1973. Vol. 14. P. 86–204.

SHD/T. 7 N 762, 7 N 1545, 7 N 1547, 7 N 1548, 16 N 2961, 16 N 3016, 17 N 574, 17 N 750, GR 16 N 693, GR 17 N 695.

References

Chevilly, F. de. (1924). In *Qui êtes-vous? Annuaire des contemporains. Notices biographiques : in 3 t.* T. 3. 816 p. Paris, Maison G. Ruffly.

Cochet, F. (2006). 6–8 décembre 1915, Chantilly: la Grande Guerre change de rythme. In *Revue historique des armées*. № 242. URL: <http://rha.revues.org/4062> (mode of access: 15.05.2016).

Doughty, R. A. (2005). *Pyrrhic victory: French strategy and operations in the Great War*. Cambridge, Massachusetts, 378 p. L., Belknap Press of Harvard Univ. Press.

Grandhomme, J.-N. (1999). *Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916–1918)*. 1120 p. Paris, Château de Vincennes.

Greenhalgh, E. (2014). *Victory through Coalition : Britain and France during the First World War*. 296 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Janin, M. (2015). *En mission dans la Russie en guerre (1916–1917)*. 283 p. Paris, L'Harmattan.

Joffre, J. (1932). *Mémoires du maréchal Joffre, 1910–1917*, in 2 t. 468 p. T. 2. Paris, Plon.

Le Moal, F. (2008). *La Serbie: du martyre à la victoire 1914–1918*. 253 p. Paris, 14–18 Ed.

Le général Langlois, ancien commandant de la 10e Région, est mort hier à Metz. In *L'Ouest Éclair*, 1934, 25 juin.

Mission navale française de Serbie. (2014). In *Guerre 14/18 – Citations Marine*. Toulon, Les presses du midi (pp. 163–166).

Noulens, R. (2015). À la recherche d'une «belle et bonne alliance». Le général Maurice Janin (1862–1946) et la Russie. In Janin M. *En mission dans la Russie en guerre 1916–1917*. (pp. 9–24). Paris, L'Harmattan.

Ortega y Gasset, J. (2008). *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. 348 p. Moscow, AST.

Otu, P. (2006). L'influence de la doctrine militaire française sur l'évolution de l'armée roumaine. In *Revue historique des armées*. URL: <http://rha.revues.org/5862> (mode of access: 01.05.2016).

Pascal, P. (2014). *Russkiy dnevnik 1916–1918* [Russian diary 1916–1918]. 591 p. Yekaterinburg, Gonzo.

Pavlov, A. Yu. (2013). Frantsuzskie voennye missii v Rossii v period Pervoy mirovoy voyny [French Military Missions during the First World War]. In *Velikaya vojna 1914–1918*. Vol. 3, pp. 33–41.

Pénicaut, E. (2014). Missions militaires françaises auprès de puissance alliées. In *Archives de la Grande Guerre : Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Première Guerre mondiale*. Paris, Service historique de la Défense, pp. 41–43.

Prost, A., Winter, J. (2004). *Penser la Grande Guerre : Un essai d'historiographie*. Paris, Éd. du Seuil.

Poincaré, R. (2002). *Na sluzhbe Frantsii 1915–1916 : Vospominaniya. Memuary* [In Serving France. 1915–1916 : Memoirs]. 592 p. Moscow, Minsk, AST, Kharvest.

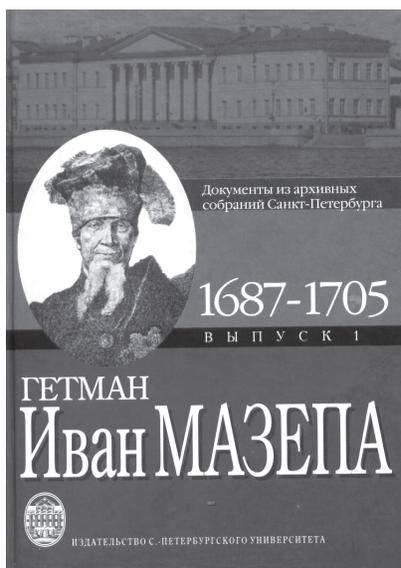
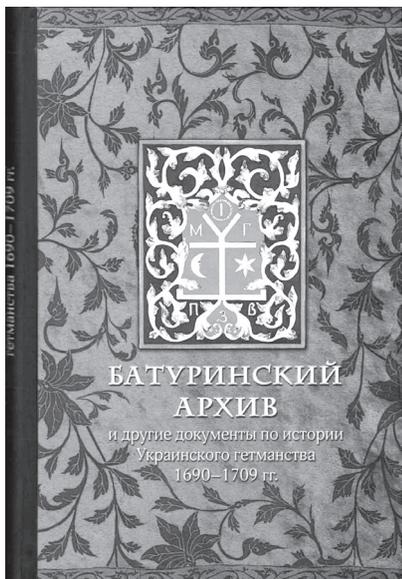
Rapport du capitaine Vitrat, chef de la mission française d'aviation en Serbie, au ministère de la Guerre, sous-secrétariat de l'Aéronautique militaire, sans date (2008). In *La mémoire conservée du général Milan Rastislav Stefanik dans les archives du Service Historique de la Défense*. Paris, SHD, pp. 56–68.

Sinanoglou, I. (1973). *Journal de Russie d'Albert Thomas*. In *Cahiers du monde russe et soviétique*, Vol. 14, pp. 86–204.

The article was submitted on 12.12.2015

Controversiae
et recensiones

Controversiae et recensiones

DOI 10.15826/qr.2017.1.222

УДК 930.2:003.074+94(470:477)+930.253

**ИЗДАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ
И. С. МАЗЕПЫ ИЗ АРХИВА ПОХОДНОЙ
КАНЦЕЛЯРИИ А. Д. МЕНШИКОВА:
ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ***

Кирилл Кочегаров

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

**PUBLISHED DOCUMENTS FROM
A. D. MENSNIKOV'S CAMPAIGN CHANCELLERY
DURING THE UPRISING OF I. S. MAZEPA:
POLEMICAL REMARKS****

Kirill Kochegarov

Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article focuses on an anthology of documents from Alexander Menshikov's campaign chancellery that have been published and edited by Tatiana Tairova-Yakovleva, a St Petersburg historian and doctor of history. The author examines the publication of letters from between 1704 and 1708 sent by Hetman Ivan Mazepa to the Russian statesman Alexander Menshikov. Some of them have been revised using the original documents from the Scientific and Historical Archive of the St Petersburg Institute of History. After analysing the material in question, the author makes several critical remarks concerning numerous inaccuracies in the

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И. С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

** *Citation:* Kochegarov, K. (2017). Published Documents from A. D. Menshikov's Campaign Chancellery during the Uprising of I. S. Mazepa: Polemical Remarks. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 257–275. DOI 10.15826/qr.2017.1.222.

Цитирование: Kochegarov K. Published Documents from A. D. Menshikov's Campaign Chancellery during the Uprising of I. S. Mazepa: Polemical Remarks // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 257–275. DOI 10.15826/qr.2017.1.222 / Кочегаров К. Издание документов эпохи И. С. Мазепы из архива походной канцелярии А. Д. Меншикова: полемические заметки // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 257–275. DOI 10.15826/qr.2017.1.222

reproduction of the original sources, some mistakes in source dating, the absence of classification of the sources according to their form (letter, post scriptum, note, or *cedula*), and the lack of any scholarly commentary. Using other publications and archive collections of the epoch makes it possible to correct some of the dates of the documents, clarify the circumstances of their appearance, and reconstruct the original text of the sources. The author also challenges the title of the book (*The Baturin Archive*) as a name for the sources published because the book only contains a few documents from the Ukrainian hetman's chancellery proper.

Keywords: Ivan Mazepa; Russian-Ukrainian relations; Alexander Menshikov's campaign chancellery.

Рассматривается издание документов из архива походной канцелярии А. Д. Меншикова, связанных с деятельностью украинского гетмана И. С. Мазепы, осуществленное петербургским историком доктором исторических наук Татьяной Таировой-Яковлевой. Особое внимание уделено письмам Мазепы к Меншикову за 1704–1708 гг., публикация которых была проанализирована с использованием архивных оригиналов Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Результатом анализа стал ряд критических замечаний в отношении отдельных документов публикации: отмечены многочисленные неточности в передаче текста источника, ошибки в датировке некоторых из них, отсутствие их классификации по форме (письмо; постскрипту; записочка, или *цедула*), почти полный недостаток научного комментария. Обращение к другим опубликованным документам и архивным собраниям эпохи позволило уточнить обстоятельства возникновения и датировку ряда документов, а также восстановить правильную передачу текста. Кроме того, автор выражает сомнение касательно правомерности употребления названия «Батури́нский архив» в отношении публикации представленного комплекса источников, содержащего крайне мало документов, непосредственно хранившихся в канцелярии гетмана И. С. Мазепы.

Ключевые слова: И. С. Мазепа; русско-украинские отношения; походная канцелярия А. Д. Меншикова.

Появление подготовленного доктором исторических наук, профессором Санкт-Петербургского государственного университета Т. Г. Таировой-Яковлевой сборника документов, озаглавленного как «Батури́нский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг.», – заметное явление в отечественной исторической украинистике [Батури́нский архив]. Как отмечает сам публикатор в предисловии, первая подобная попытка, предпринятая исследователем М. К. Марченко в начале XX в., в силу объективных факторов – революции и последовавшей за ней гражданской войны – так и осталась на стадии типографского набора [Там же, с. 17]. Т. Г. Таирова-Яковлева приступила к изданию петербургской «мазепи-

аны» в 2007 г., опубликовав часть документов нынешнего сборника [Гетман Иван Мазепа]. Перед нами, таким образом, продолжение труда публикатора, включающее и материалы предыдущего издания. Он состоит из пяти крупных частей. Первая охватывает собой материалы так называемого «Батуринского архива», вторая – переписку И. С. Мазепы и А. Д. Меншикова, третья – корреспонденцию гетмана с российскими государственными деятелями и казацкой старшиной, в четвертой содержатся не публиковавшиеся ранее универсалы Мазепы (главным образом касающиеся имущественных прав). Пятой частью является приложение, где представлена россыпь документов, так или иначе затрагивающих историю Украины в период 1700–1709 гг. Всего опубликовано почти 500 документов из архивных коллекций Санкт-Петербурга. Их основная часть – это, конечно же, архив «Походной канцелярии А. Д. Меншикова» (ф. 83 Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН). Кроме того, в публикацию включены материалы фондов 238 (коллекция Н. П. Лихачева) и 68 (коллекция актов Киевской казенной палаты) того же архива с эпизодическими добавлениями из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива древних актов и некоторых других собраний.

С точки зрения политических взаимоотношений И. С. Мазепы и русского правительства особый интерес представляют первые две части сборника, а также частично третья и приложения. Основу их составили документы уже упоминавшейся канцелярии А. Д. Меншикова. Именно выборочному анализу этих материалов и посвящена данная заметка.

Знакомство с первой частью сборника, озаглавленной собственно как «Батуринский архив», позволяет сделать вывод, что архив как таковой все же не сохранился. Основная масса публикуемых документов – это регесты (пересказы) входящей корреспонденции архива Мазепы (оригиналы были уничтожены), причем во многих случаях весьма и весьма краткие, дающие самое общее представление об их содержании, либо же документы со значительными текстовыми утратами. В этой связи, как представляется, правомерно поставить вопрос о соответствии названия сборника его содержанию, ведь оригиналов, которые хотя бы с натяжкой можно отнести именно к числу тех, которые непосредственно хранились в архиве гетманской канцелярии, в данном сборнике критическое меньшинство.

Наиболее целостный и важный комплекс, представляющий интерес для историков мазепинской эпохи, это, конечно же, собрание писем Мазепы к А. Д. Меншикову. И это уже интегральная часть меншиковского архива, каковой являлась и входящая корреспонденция от гетмана. Именно на ней бы хотелось остановиться подробнее. Опубликованные письма Мазепы к Меншикову охватывают период 1704–1708 гг. Многие из них не сохранились полностью, значительная часть представлена недатированными фрагментами. Поэтому,

с нашей точки зрения, для всесторонней и качественной атрибуции и анализа содержания указанной переписки публикатору следовало сделать две вещи. Во-первых, привлечь для анализа и сопоставления, хотя бы частично (за период 1706–1708 гг.), переписку Мазепы с царем и его приближенными, как опубликованную¹, так и содержащуюся в архивных фондах РГАДА². Это позволило бы избежать ошибок в датировке отдельных документов, полнее восстановить содержание других. Однако если издание данного источникового комплекса без учета других связанных с ним публикаций и собраний, особенно архивных, может быть объяснимо (в силу трудоемкости, нехватки времени и т. д.) и вполне простительно, то отсутствие у публикатора четкого представления о форме и структуре публикуемых документов вызывает искреннее недоумение.

Послания Мазепы российским вельможам имели следующую структуру: к тексту основного письма прикладывались недатированные приложения – постскриптумы (обозначены как «P. S.») и более мелкие добавления, записочки – так называемые *цедулы*. Все они писались на отдельных, а *цедулы* – часто еще и узких полосках бумаги и представляют собой самостоятельные документы. Слепое в большинстве случаев следование публикатора распределению корреспонденции Мазепы по «картонам» меншиковского архива привело к игнорированию указанных особенностей источников. В итоге все они представлены как письма (см. заголовок раздела и «Археографическое введение», с. 22)³ под соответствующим номером. Имея дело с *цедулой*, автор просто публикует ее как фрагмент письма, отмечая начало и конец публикации обозначением «[...]», точно так же, как обозначаются и утраты в тексте. Между тем мы имеем дело не с утратами, а с законченными по смыслу документами, которые были запечатаны и отправлены адресату вместе с письмом. Все это несомненно должно было быть учтено при публикации в виде определения формы документа в его заглавии («письмо», «постскриптум», «цедула»). Так наше представление о сохранившейся корреспонденции Мазепы и Меншикова было бы более полным. Приведу несколько примеров.

Документ № 342 (с. 215) представляет собой три *цедулы*, приложенные к письму, которое уже вряд ли будет установлено. Обращение к архивным оригиналам показывает, что каждый текст расположен на отдельном листке бумаги разного размера. Все они связаны

¹ Имеется в виду прежде всего такое ценное и всеобъемлющее издание как [Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 6–8]; далее будут приведены конкретные примеры важности уже опубликованных документов с точки зрения анализа корреспонденции Мазепы и Меншикова в составе «Батуринского архива».

² Речь идет в первую очередь о делах под номером два за 1707 и 1708 г. [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1] и делах под номером три [Там же]. Первые содержат черновики исходящих писем Г. И. Головкина, вторые – оригиналы гетманских писем и *цедул* к ним. Кроме того, часть оригинальных гетманских писем за 1707 г. составили документы № 59–150 [Там же. Оп. 4].

³ Здесь и далее все ссылки на страницы в круглых скобках касаются издания: [Батуринский архив].

между собой только общим временем создания. Однако Т. Г. Таирова-Яковлева своей публикацией затрудняет понимание этого факта, не только произвольно разбив текст на абзацы, но и соединив их в один «подлинник» «без начала и окончания»⁴.

Точно так же цедула оказалась включена в текст письма № 333 (с. 206, текст на л. 3), причем как его непосредственное продолжение (без разбивки на абзацы или даже предложения), хотя это никак не подходит по смыслу (см.: [НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2 об.] (незаконченное письмо); [Там же. Л. 3] (цедула – отдельный текст на узкой полоске бумаги, начинающийся со слова «Власне»)). Цедулами безусловно являются документы № 320, 328 (цедула обширная, на нескольких листах) 334 (две цедулы), 335, 344, 350, 353, 354, 355, 356, 374, 377, однако все они фигурируют как отдельные «письма» либо их фрагменты. Документ № 349 – это постскрипtum, о чем свидетельствуют буквы «P. S.» в верхнем левом углу [НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 41. Л. 1], но публикатор этого также не отметила.

Нельзя согласиться и с предложенной датировкой некоторых писем Мазепы из меншиковского архива. Так, к документу № 340, датированному февралем 1706 г., ошибочно присоединена цедула, относящаяся к 1708 г., с сообщением о прибытии в Бендеры польского посла коронного кухмистра Я. Тарло (с. 214)⁵. Ошибочно отнесена к маю 1706 г. цедула № 344 (с. 217–218). В ней речь идет об издании Мазепой универсалов, о том, что всякий может идти на неприятеля, который появился «з всеми силами» в Стародубском полку, «для промыслу и добычи» с обещанием, что «не у кого добыча отбирана не будет (в публикации ошибочно – “обирана”, отмеченная курсивом “т” – выносная. – К. К.)». Неприятель, под которым здесь надо разуместь не кого иного, как шведов, появился на Стародубщине только осенью 1708 г., но никак не в 1706 г. Более того, аналогичная информация содержится в письме И. С. Мазепы Г. И. Головкину, которое уверенно может быть датировано октябрём 1708 г. [Кочегаров, 2010б, с. 24].

Цедулу, датированную «не ранее декабря» 1706 г. (док. № 353), следует отнести к декабрю 1707 г. В ней Мазепа пишет Меншикову в ответ на его указания быть с войском готовым к отражению неприятельского нашествия. Гетман сообщал, что издал соответствующие универсалы, распустив войско из Киева после строительства Печерской крепости (с. 228). Можно с уверенностью предположить, что здесь Меншиков дублировал царские указы Мазепе от 16 октября и 10 ноября 1707 г. о роспуске войск из-под Киева и подготовке их к зимнему походу в случае наступления Карла XII [ПБИПВ, т. 6, с. 139, 150]⁶. В целом содержание проанализированного выше первого абзаца

⁴ Первая цедула начинается так: «О (край оборван, буква “О” читается не полностью. – К. К.) татарех...» [НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 35. Л. 1]. В публикации – «В татарех» (док. 342, с. 215, первый абзац), что несколько искажает смысл. В первой цедуле (док. 342, с. 215, второй абзац) вместо «Венигры» должно быть «Венкгры».

⁵ О посольстве Я. Тарло см., например: [Кочегаров, 2010а, с. 156 и след.].

⁶ См. также письмо Г. И. Головкина Петру I от 31 октября 1707 г. [ПБИПВ, т. 6, с. 414].

опубликованного Т. Г. Таировой-Яковлевой источника весьма очевидно соотносится с письмом Мазепы Головкину от 10 декабря 1707 г. (из Батурина) [Там же, с. 443–447]. Сам Головкин в обширном письме, относящемся, очевидно, к середине декабря 1707 г., как раз сообщал Мазепе о получении уже второго послания Меншикова с предписанием «немедленно» писать к гетману,

...дабы вы [с войском regimentу своего] были к походу весма во всякой готовности, о чем изволишь ваше сиятельство учинить по тому его милости князя Меншикова предложению [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2. Л. 167]⁷.

На это послание Мазепа отвечал «листом» от 29 декабря из Батурина, повторяясь, что осуществил соответствующие приготовления. Содержание его весьма близко к документу № 353, что позволяет уверенно датировать последний концом декабря 1707 г. В послании Головкину Мазепа также сообщал о получении царских указов о подготовке к походу, о разосланных в связи с этим трех ординансах и о намерении в случае необходимости отправить «крайний» указ. Точно так же он предостерегал русское правительство о трудностях сбора казацких войск, поскольку многие казаки утруждены закончившимися в ноябре работами по сооружению Печерской крепости, а другие едва возвратились из Польши:

О готовности к походу войск regimentу моего, о которой изволил светлейший князь его милость до двору его царского величества... писат, прилежное я имею тщание, и уже сего дня третий раз послал о том в полки ординансы мои, дабы з везы вкладались и за получением крайняго указа, куда случай военный позовет рушали, якож дело ани за мною, ани за полковниками, ани за старшиною не станет, токмо Бог вест, яким образом чернь до того походу, а еще когда будет далний в сее зимное время, понудит из домов выгнат, понеже, едны, которыи на деле фортификации Печерской обретались, повседневною работою утружденныи, изнеможилыи в ноеврии в дома последних чисел пришли и вымордованных коней не откормили, а другии, которыи под командою племенника моего Войнаровского на службе монаршей в полских сторонах были, уже в сем месяце настоящем пешо безконнии поприходили, для чего когда универсалы мои двократные по полках в городах читались и указ о готовности до походу оглашался, велми молвили и неистово переговоривали. Однакож я всячески прилежу ко исполнению указу монаршего и полковником приказую, дабы тщание особое имели о той к походу готовности... [РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 143. Л. 1–1 об.]

⁷ Черновик не имеет точной даты, но содержится среди декабрьских писем Головкина Мазепе за 1707 г., в нем есть ссылка на получение письма от Меншикова 10 декабря, наконец, наличие в нем массы данных о событиях конца 1707 г. и в первую очередь сведений о военных приготовлениях Турции, позволяет однозначно отнести его к указанному периоду.

Как и в упомянутой недатированной цедуле, Мазепа обращал внимание Головкина на следующее:

Киева и Украины нельзя безпомощной на крайнее неприятелеви (чого не дай Боже) разорение и пленение оставят, если непременно Марс свой ку Киеву управлят определил, а хотя бы тот свой враждебный поход и оставил, то и ляхам верит нельзя, найпаче тым, котории прошлого году от неприятеля передалис, а тепер на границах украинских стоят, что б они хочь с малою партиєю неприятелскою совокупясь и слыша о небытности моей и войск рейменту моего в Украине, не похотели нечаянного нападения учинит [РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 143. Л. 2 об.].

Как Меншикову, так и Головкину гетман указывал:

...надобно недримателным оком на обороты турецкие от Днестра и на татарские смотрит, понеже поселства от них до противной стороны не в ползу нам отправляются да и тое разсуждат надобно, что орда легкая всегда обыкла зо всем улусом кочовати в полях и зимою аж под самый Каменный Затон прикочовалася и солтан хотя з малочисленною ордою по самую Сечь Запорожскую присунулся не ведат для чего, а повидимому не в добрый способ [Там же. Л. 2 об.–3].

Письмо № 351, отнесенное к июню 1706 г. (с. 225–227), должно быть датировано как минимум первой половиной мая. Причем чтобы понять это, не надо обращаться к источникам со стороны, достаточно внимательно прочитать послание Меншикову, датированное 18 мая 1706 г.: в нем сообщается о получении гетманом корреспонденции от царского фаворита из Киева (док. № 343, с. 216–217). В вышеупомянутом же послании № 351 Мазепа отмечает, что получил информацию только о приближении Меншикова «к границам малороссийским», то есть данное письмо написано ранее 18 мая.

Ряд датировок можно было уточнить. «После июля 14» 1708 г. датирован документ № 372 (с. 247–249). Однако, поскольку это более краткая версия известного письма Мазепы Г. И. Головкину от 6 октября 1708 г., то и дата может быть определена более точно⁸. Ошибочным является и определение места данного послания – Фастов, из которого гетман ушел давно, еще весной 1708 г.

Документ № 361, датированный «не ранее начала апреля» 1708 г. (с. 235–236), дословно повторяет письмо И. С. Мазепы Г. И. Головкину от 25 марта 1708 г., высланное из Фастова, которое, к тому же, в отличие от опубликованного послания, полностью сохранилось и позволяет восстановить все лакуны в напечатанном источнике и определить, что из него выпал целый фрагмент (лист с оборотом) между первым и вторым листами (ср.: [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3.

⁸ Письмо И. С. Мазепы Г. И. Головкину от 6 октября 1708 г. неоднократно публиковалось. См. последнюю публикацию: [Полтавская битва, с. 143–147].

Л. 113–115 об.))⁹. К слову сказать, данное послание Меншикову уже издавалось и перепечатывалось [Птенцы, с. 929–931; перепечатка: Доба, с. 230–229], но в публикации этого не отмечено.

Документ № 376 (с. 252) – цедула со значительными текстовыми утратами, повествует о деятельности, которую развернул в Гродно некий «фелтмаршалок», организовавший снабжение его продовольствием. В начальном фрагменте сохранилась даже частично поврежденная первая буква его фамилии (вероятнее всего, «О»), не учтенная при публикации [НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л. 1]. Речь идет о находившейся в белорусском городе русской армии под командованием фельдмаршала Г. Огильви. С учетом того, что она покинула Гродно в конце марта 1706 г.¹⁰, текст может быть датирован январем – первой половиной марта 1706 г., а не сентябрем 1708 г., как в публикации. Кроме того, сообщивший эти новости Мазепе еврей-информатор прибыл из Гродно в Слуцк, где гетман находился в феврале 1706 г., что явствует из опубликованных в сборнике гетманских писем Меншикову (см., например, док. 338, с. 211). Об уходе русской армии из Гродно говорится еще в одном недатированном письме Мазепы Меншикову – № 333, которое отнесено публикатором к январю-июню 1706 г. Между тем, этот временной промежуток легко сузить до конца марта, когда войска покинули город, тем более, что Мазепа пишет, что получил известие о планировавшемся выходе армии из Гродно «в прошлый свѣтлый понеделок» (с. 206), то есть на следующий день после православной Пасхи, которая наступила в 1706 г. 24 марта.

Говоря о датировках, нельзя не упомянуть об открывающей сборник загадочной грамоте очаковского паши, повествующей о Мазепе и шведском короле, но датированной 1690 г. (док. № 1, с. 27). При этом публикатор полагает, что очаковский паша адресовал свое послание И. С. Мазепе. Сомнения в датировке и правильном определении адресата, охватывающие исследователя при знакомстве с публикацией этого документа, превращаются в уверенность, если обратиться к его оригиналу [НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 505. Л. 1–1 об.]. Это позволяет также сделать и ряд важных уточнений касательно передачи текста и восполнения некоторых его поврежденных фрагментов.

В начале текста помещено обращение: «[Мнѣ]¹¹ велце ласкавий приятелю в Полтави [у бо]ку царского застающий и всѣм войском завѣдующий». То же повторяется на обороте: «В Полтави¹² городе зо-

⁹ В публикации напечатано «многолюдной комапніи» (док. № 361, второй абзац сверху, с. 235). Должно быть «компаніи».

¹⁰ О нахождении русской армии в Гродно в начале 1706 г., и в том числе об укреплении города фашинами (что перекликается с информацией цедулы о том, что «фелтмаршалок» в Гродно насыпал «землею батареи»), см., например: [История Свейской войны, с. 261–263].

¹¹ Здесь и далее в цитатах из источников квадратными скобками обозначены утраты текста, круглыми (кроме специально оговоренных случаев) – раскрытые сокращения и исправленные очевидные ошибки в тексте источника.

¹² В публикации ошибочно: «С Полтави».

стаючому од боку царского [заве]дуючого всим войском, мнѣ велце ласкавому [п]риятеливи». То есть адресат письма – некий военачальник, находящийся в Полтаве вместе с царем.

Далее в самом тексте письма говорится:

Присланое от милости вашей пис[мо до] [го]рода турецкого Очакова, ознаймуючи о крулеве шведскому, изм[...] [...]о¹³ великого цара, Мазепи, дойшло рук наших, которое вичитал[ем] и зрозумѣлем добре о всих речах¹⁴ и розбитих неприятеля вашего [...] [Оз]наймую вам тилко, постереглисьмо¹⁵ круля шведского з войском до Богу иду[чого], послалисмо до всемилостового и наяснѣйшаго цара нашего ведомост в Цариград и до сих час жадного одпису нашего милостиваго цара турецкого не маем [и] не можем милости вашей жадного отвѣту одписати.

После этого сообщается, что как только придет ведомость из Стамбула, паша тотчас отпишет отправителю письма «до города Полтави». Таким образом, из текста следует, что очаковский паша был уведомлен и о Карле XII, и о Мазепе, и о поражении некоего неприятеля. Сам он сообщал, что шведский король движется к р. Буг («Бог»). Вне всякого сомнения, перед нами события не далекого 1690 г., а первых дней после Полтавской битвы, когда русские власти пытались поймать Мазепу и Карла. Беглый гетман, о котором в тексте вообще-то говорится в третьем лице, адресатом письма быть однозначно не мог.

Т. Г. Таирова-Яковлева указала также ошибочную дату письма – 7 июля, тогда как должно быть 17 июля. Это также свидетельствует в пользу высказанного выше предположения, поскольку известно, что 4 июля Г. И. Головкин из-под Полтавы отправил письма с просьбой о поимке и выдаче короля и гетмана к крымскому хану Девлет-Гирею, молдавскому и валашскому господарям и... очаковскому паше [ПБИБВ, т. 9, с. 1074–1075]¹⁶. Весьма вероятно, что аналогичное послание отправил в Очаков и А. Д. Меншиков, и ответ паши военачальнику «у боку» царя адресован именно ему. Поэтому послание и сохранилось в походной канцелярии светлейшего. Неясным остается вопрос об указании года в документе. Он передан буквами, однозначное прочтение которых затруднительно. Одни из возможных вариантов – «афх» или «аѣх». Поэтому 1690 г. как дата письма не может быть принят, и источник следует датировать 17 июля 1709 г. В подписи сохранилась также начальная буква имени паши («А»), не отраженная Т. Г. Таировой-Яковлевой. Подытоживая, следует констатировать, что, хотя текст написан малороссийской скорописью, документ этот

¹³ Здесь находится наиболее обширная лакуна, предположительно в два-три слова.

¹⁴ «Речах» – значит «вещах», «делах». При издании слово передано ошибочно как «рачих». Слово же «добре» и вовсе передано как «до цре» (с. 27). Все это затрудняет понимание текста.

¹⁵ Слово в конце строки. Выделенный курсивом слог написан под строкой.

¹⁶ Паша в действительности принял Мазепу и Карла и помог им переправиться [Там же, с. 1008].

никак не может быть отнесен к архиву Мазепы (в который он «помещен» публикатором), а является одной из входящих бумаг канцелярии А. Д. Меншикова.

Учитывая все вышесказанное, считаю необходимой повторную публикацию данного уникального памятника османского канцелярского делопроизводства в Причерноморье с проведением должного палеографического и текстологического анализа документа. Символично также, что именно этот источник обозначает хронологические рамки издания («1690–1709 гг.»), которые, как оказывается, неточны.

Сомнения в предложенных автором датировках вызывают также документы № 389 (инструкция о сборе провианта находящимся на Украине русским драгунским полкам, с. 267–269, «не ранее апреля» 1708 г.) и № 391 («Тракт полкам драгунским в полки Чернѣговскій и Стародубскій», с. 271–273, «не позднее августа» 1708 г.). Касательно первого в своей монографии Т. Г. Таирова-Яковлева утверждает, что «в апреле 1708 года» Мазепа «дал распоряжение о снабжении продовольствием драгун основных русских полков», а второй трактует как составленный в июле того же года «генеральной канцелярией (т. е. по указу Мазепы)» для «русских драгун, какими дорогами им вступать в Украину» [Таирова-Яковлева, с. 352]. Между тем, никакого расквартирования полков в это время в Малороссии не было (а, следовательно, собирать для них в апреле продовольствие было незачем). Установить это нетрудно: в классической работе А. З. Мышлаевского очевидным образом показано, что, например, упомянутые в обоих источниках драгунские полки (Невский, Астраханский, Новотроицкий, Архангелогородский, Владимирский, Рязанский, Ингерманландский) под командованием А. Д. Меншикова действовали весной и летом 1708 г. в Белоруссии, где вообще находилась вся русская армия, в том числе пехота (часть полков, упомянутых в документах, судя по всему, пехотные) [Мышлаевский, с. 2 и далее]. Лишь после поворота шведов на Украину в сентябре 1708 г. вслед за ними туда двинулись и русские регулярные войска [Юнаков, с. 64 и далее]. Кроме того, в документе № 391 очевидным образом описаны «тракты» драгунских полков, уже расквартированных в Миргороде, Переяславле, Полтаве, Лубнах, Гадяче, Нежине, Козельце и т. д. (таким образом, на Украину, как это представляет Т. Г. Таирова-Яковлева, они не вступали, а уже находились там), которые должны были двигаться в Черниговский и Стародубский полки, то есть севернее мест дислокации, что совершенно не соответствует общеизвестным данным о передвижении русских войск в кампанию 1708 г.

Резюмируя, следует отметить, что происхождение указанных источников никак не связано с Мазепой. Каково же время их создания? Здесь следует обратить внимание, что в каждом упоминаются одни и те же драгунские полки, совпадают и места их дислокации. Документ № 289 адресован лубенскому полковнику, которому предписывается собрать для драгун продовольствие в связи с их выходом

в Черниговский полк, с указанием на то, что маршрут туда из места дислокации расписан в отдельном документе, каковым, судя по всему, является документ № 391. Учитывая, что в документе № 389 (с. 267, 268) указано, что ранее провиант с Лубенского полка для невских драгун собирался по приказу генерала К. Э. Ренне в декабре, а ныне они должны выйти с квартир 10 апреля, можно предположить, что, скорее всего, в обоих документах речь идет о расположении русских войск в Малороссии на зимние квартиры. Сам Ренне назван в документе «кавалером», то есть обладателем единственного на тот момент в России ордена Св. апостола Андрея Первозванного, который он получил в 1711 г. за Прутский поход. Указанные документы, таким образом, возникли позднее конца 1711 г., то есть относятся ко времени, когда драгунские полки регулярно квартировали на Украине [Б. Г., с. 58].

Еще одна проблема, уже частично отмечавшаяся, которая обнаруживается при внимательном ознакомлении с опубликованными документами, связана с адекватной передачей текста. При прочтении сборника сложилось ощущение, что многие документы напечатаны с ошибками или искажениями. Обращение к подлинникам почти во всех случаях подтвердило эту уверенность. Приведем здесь самые заметные, которые затрудняют понимание опубликованных источников.

Документ № 132 представляет собой секретное донесение «неустановленного лица» о польских событиях и датирован примерно 1704 г. Этот написанный малороссийской скорописью текст, скорее всего, приложение к одному из писем Мазепы к Меншикову. Именно гетман, как представляется, и был тем неустановленным лицом, которое во время своего похода на Правобережье в 1704 г. стояло «под Любарем над Случю»¹⁷ и наладило контакт с губернатором города Полонное, подкупив его (в публикации указано «кгубернатора Полонского», что может привести к ошибочному восприятию слова «Полонский» как фамилии, на самом деле одно должно быть дано со строчной буквы), после чего тот сообщил ему ряд конфиденциальных сведений. На это, кстати, прямо указывает в своей работе Н. И. Костомаров, говоря о свиданиях Мазепы с «подкупленным заранее» (то есть как раз осенью 1704 г.) губернатором Полонного летом 1705 г. [Костомаров, с. 272]. Этим временем можно уверенно датировать и опубликованный документ.

Текст этот содержит такое количество мелких неточностей, что впору поставить вопрос о его повторном опубликовании. Почему-то при его публикации Т. Г. Таирова-Яковлева забыла о предложенных ею же принципах публиковать тексты, вышедшие из гетманской канцелярии, с сохранением литер «ѣ» и «і» [Батурицкий архив, с. 23–24]. Здесь они все оказались заменены соответственно на «е» и «и». Из более существенного: в тексте дважды упоминается некое

¹⁷ Под Любаром Мазепа стоял в сентябре 1704 г. См. его письма к Ф. А. Головину от 9 и 17 сентября 1704 г., отправленные из лагеря под Любаром [РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 95а. Л. 610 об., 643 об.].

географическое название «Саучь» («над Саучю», «ку Саучи»). На самом деле речь идет о реке Случь, название которой в оригинале написано правильно. Выражение «прошлыми сты воскресением» правильно следует читать как «прошлыми с(вя)ты воскресенскими» (то есть «на прошлую Пасху», сокращение обозначено титлой, само выражение встречается и в других текстах, где оно прочитано правильно, см. например, док. № 362). Королевские министры превратились в «минеров королевского величества» (должно быть «минѣстров королевского величества»). Вместо «в Брисціе» напечатанно «в Брисцке», что делает город Брест совсем неузнаваемым (все исправления на с. 89). Далее на с. 90: «отпровадил до Росподи» вместо «до Господи» (калька с польского «do gospody», то есть до покоев, домой), «по маетностем иных» вместо правильного «по маетностех н(а)ших» (сокращение обозначено титлой) и т. д. и т. п. (ср. публикацию с подлинником: [НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2 об.]).

Документ № 319¹⁸ (с. 183, второй абзац сверху): речь идет о посылке грамоты к запорожцам, чтобы они «не перешко(д)жали» (то есть не мешали, в публикации – ошибочно «перемножали») русско-турецкому разграничению.

Документ № 320 содержит ряд серьезных ошибок. В первом абзаце напечатано «патриарс» (правильно – «патриарсѣ»). Второй абзац: «по баизне чинена з Портою граница» (правильно – «по близу чинена...»); «и старшиним его царского... величества опалом грозячи» (правильно – «и страшним... опалом грозячи»); «и жадной помшки в том дѣле не чинили» (правильно – «и жадной помѣшки в том комиссиалном дѣле не чинили»; пропущено слово). В третьем абзаце непонятно целое предложение, в котором говорится, что сераскер Юсуф-паша «тракует дорогу и у Бендеру изближается и у Днѣстру, посылаю к ему нарочю моего посланца» (правильный вариант: «тракует дорогу ку Бендеру и зближается ку Днѣстру, посылаю к ему нарочно моего посланца»).

В документе № 321 (с. 185), не утомляя внимания читателя мелкими пометками, отметим лишь, что в первом абзаце говорится о переговорах насчет возможности пустить в Замостье «кгарнизон за турских яко заграничных людеи». Турки здесь на самом деле не при чем, поскольку правильный вариант следующий: «кгварнизон зас г(осу)д(а)рский яко заграничных людеи (сокращение обозначено титлой. – К. К.)», то есть речь шла о вводе в город русского гарнизона.

Масса небрежностей допущена и в публикации документа № 323. На с. 187, третий абзац сверху, напечатано: «Збожье все едно зжати, другое коими снасти и потоптати велю» (речь идет о разорении Мазепой имений противников польского короля Августа II на Правобережной Украине); правильный вариант: «Збоже все, едно зжати, другое конми спасти и потоптати велю» (то есть одно зерно гетман

¹⁸ Здесь и далее не указывается архивная ссылка на оригинал. Все сигнатуры дел правильно указаны в публикации.

велит сжать, а другое «спасти», то есть скормить коням). В четвертом абзаце сверху выражение «с Зыми и весии» должно читаться как «с зыми и весни» (с зимы и весны). На с. 188 (третий абзац сверху) город Люблин превратился в «Дюблив», попав в таком качестве даже в географический указатель; на с. 189 вместо «чудь от оного» следует читать «чул (то есть слышал. – К. К.) от оного» (второй абзац сверху), а в первом абзаце снизу вместо «і о вашем» – «і овшем» (калька с польского «і owszem» – «в самом деле», «действительно»).

Досадные ошибки есть и в документе № 328 (с. 197, второй абзац сверху). Здесь Мазепа цитирует Священное Писание, но это прошло мимо внимания публикатора. Вместо помещенной Т. Г. Таировой-Яковлевой непонятной фразы «обыйдоша мя яко ней мнозы и сонм лукавых одержаше мя» следует читать: «обыйдоша мя, яко пси мнозы и сонм лукавых одержаше мя», что является цитатой из «Псалтыри» (Пс 21 : 17); слово «псы» в оригинале написано по-церковнославянски с использованием буквы «ψ». Чуть далее здесь же еще одна ошибка: «жители водят шведа» (на самом деле «волят», то есть хотят, желают).

В документе № 332 (с. 204, третий абзац сверху) говорится о попытках Мазепы ввести гарнизон в волынский город Броды. Комендант, по сообщению гетмана, «любо почал білю ж (правильно – “был юж”. – К. К.) в капітуляцію зо мною входити, однак слово свое одмѣнил, бо бердовати (правильно – “бомбердовати”, то есть бомбардировать, “м” – выносная. – К. К.) оного не маю можджѣров (мортир. – К. К.)». Здесь же вместо «ку Венкграм» (в Венгрию) дано «ку венаграм».

Множество мелких недочетов при сверке с подлинником можно обнаружить в документе № 336. Отметим те, которые меняют смысл текста. На с. 209 (верхний абзац) говорится о том, что шведский король находится в местечке «Острію» в повете «луцком». На самом деле Карл XII был в тот момент в Белоруссии, и в источнике правильно указано, что речь идет о повете «лицком» с центром в Лиде (местечко Острино существует в Гродненской области до сих пор). Здесь же выражение «с воском» должно читаться как «с войском».

В опубликованном документе № 343 (с. 216–217) фигурирует некий военачальник «Баус», хотя при сверке обнаруживается, что это Р. Х. Боур («Баур», «р» – выносная), здесь же (с. 217, верхний абзац) «любезная конверсация» (беседа) превратилась в «лютезную».

В документе № 349 (с. 224, верхний абзац) фигурирует некий странный сейм: «по совершении сейму двонцльного». Правильное написание следующее: «сейму двон(е)д(е)льного» (выделенная курсивом «д» – выносная), то есть чрезвычайного двухнедельного сейма. Далее вместо «незмѣрных шкод» ошибочно написано «незлосных шкод» (с. 225, верхний абзац). Здесь же пресловутая «господа» (с. 224, второй абзац сверху; в первоисточнике: «вступил до господи») превратилась в «Господу» и в таком виде удостоилась попасть в географический указатель.

Документ № 337 датирован с ошибкой в один день. Его дата – 26 февраля 1706 г. (у публикатора – 27 февраля), причем в описи

и на заголовке дела даты указаны правильно. Напоследок стоит отметить, что документ 358 (с. 231–232) издан давно, еще в первой половине XIX в., и в гораздо более полном виде, нежели у Т. Г. Таировой-Яковлевой (здесь выпали как минимум два последних листа) [Молодик, с. 120–123; Доба, с. 231–232]. Однако даже сличение опубликованных фрагментов показывает наличие значительных расхождений, причем напечатанный (также не без погрешностей) более 170 лет назад текст местами более понятен, чем тот, что включен в «Батурицкий архив»¹⁹.

Даже столь беглый выборочный обзор (следует подчеркнуть, что сверено с оригиналами было едва ли несколько десятков документов, главным образом корреспонденция Мазепы к Меншикову, и даже не все документы, которые вызвали соответствующие подозрения) показывает, что тексты источников в сборнике напечатаны с высокой степенью небрежности, фактически без сверки набора с оригиналами²⁰. Одной из причин допущенных ошибок является и то, что публикатор, по-видимому, слабо владеет польским языком, из которого в украинский канцелярский язык того времени оказались заимствованы многие слова и выражения. Это предположение однозначно подтверждается, если обратиться к польским документам сборника. Их всего два (№ 387 и 388), и взяты они из собрания П. П. Дубровского [ОР РНБ. Ф. 971].

Первый документ является копией, он не имеет подписи, а лишь заголовок: «Kopia listu x(ie)scia JmP(an)a hetmana do JmP(an)a Sienickiego do Buchowa» («Копия письма князя его милости пана гетмана до его милости пана Сеницкого в Быхов»). Датирован документ 12 мая 1707 г. Место отправления не указано. Публикатора должно было насторожить, что применительно к гетману применяется не известное ни по каким другим письмам к нему обращение с титулом «князь», в самом письме идет речь о сохранении контроля над литовскими городами Слуцк и Глуск («Husk», в публикации несколько раз исковеркано: «Husk», «Husza»), о налаживании контактов со шведским ставленником в Польше Станиславом Лещинским, о связях с князем Николаем Радзивиллом, наконец, о том, что автор письма способствовал задержке начала работы литовского трибунала (высшего шляхетского суда). Казалось бы, при чем здесь Мазепа? Действительно, не при чем. На самом деле перед нами письмо литовского великого гетмана (и князя!) Михала Сервация Вишневецкого, русский перевод 1707 г. с которого давно опубликован [Сборник, с. 195–196]²¹. Остается только сожалеть, что Т. Г. Таирова-Яковлева не предприняла критического анализа содержания данного источника, воспроизведя ошибку авторов описи

¹⁹ Ср.: «лжеклеветники и напастники» [Молодик, с. 120] и «лжеклеветники и капатинки» (?) [Батурицкий архив, с. 232] и т. д.

²⁰ Знакомство с остальными материалами сборника наводит на мысль, что и во многих других документах присутствуют очевидные ошибки и неточности. Однако поскольку проверить свои подозрения в ходе двухнедельной научной командировки в сентябре 2016 г. в Санкт-Петербург автор не мог, то здесь они не анализируются.

²¹ Данная копия датирована 23 мая, а 12 мая датировано другое письмо сходного содержания [Там же, с. 194–195]. Какие даты являются правильными, сложно сказать, поскольку оригинал неизвестен.

собрания П. П. Дубровского. К слову сказать, в своей книге она с опорой на данное ошибочно атрибутированное послание Вишневецкого рассуждает о некоей «рискованной игре», которую Мазепа вел с Кшиштофом Казимежом Сеницким, генералом литовской артиллерии, в 1706 г. перешедшим на сторону шведов, захватившим и ограбившим в феврале 1707 г. конвой с царской казной [Таирова-Яковлева, с. 339–340].

Отдельно стоит сказать про передачу текстов и их переводы. Содержащееся в них гигантское количество ошибок затмевает все предыдущие примеры, приведенные выше. Приведем несколько наиболее показательных случаев.

В постскриптуме к письму Сеницкому пишется, что князь М. Радзивилл

solicytował tu mnie recenter ratione utrzymania Hłuska, abym przynamniej suplementował, za czym proszę WMM Pana chciej udzielić kilka tysięcy zł. gdyż i Hłusk jest potrzebny²².

У Т. Г. Тировой-Яковлевой ошибка почти в каждом слове:

solicytował tu mnie rechi for ratione utrzymania Husha abym przy namniey suplemento wiel zaczym prosbe WM Pana chcicy udzielic kilka tysiecy zł gdys y Hlusk jest potrzebny.

В результате текст становится совершенно непонятным. Перевод и вовсе курьезен:

Князь Николай Радзивилл делился со мной вещами для лучшего удержания Хуша или, по крайней мере, лучшего снабжения, по этой просьбе вашей милости пана хочет дать несколько тысяч золотых, ибо Хлуск нужен.

О чем идет речь, понять сложно. Правильный перевод должен звучать так:

Князь Николай Радзивилл беспокоил меня недавно касательно удержания Глуска, чтобы я, по крайней мере, его укрепил (слово “suplementować” здесь стоит понимать как “введение в город подкреплений”. – К. К.), в связи с чем прошу вашу милость, пожелай выделить [мне] несколько тысяч золотых, поскольку Глуск [нам] нужен.

Еще интересный момент. Вишневецкий ободряет Сеницкого, что «trybunał nie zaczął się, którego iudicium za ogłoszeniem ode mnie futuri

²² Здесь и далее я цитирую польские источники в соответствии с рекомендациями польских археографов касательно передачи текста [Instrukcja]. Т. Г. Таирова-Яковлева каких-то принципов публикации польских текстов не обозначила, из-за чего в приводимых мной цитатах из оригинала в сравнении с рецензируемой публикацией могут быть мелкие расхождения, которые в связи с этим нельзя трактовать как ошибки публикатора или автора данной статьи.

regnatis, mnie jest powierzone» («что трибунал не начался, суд на котором будет мне поручен после объявления мной будущего правителя»). Речь, по всей видимости, идет о том, что трибунал заработает после того, как в Речи Посполитой будет избран новый король после отречения Августа II в 1706 г. У Т. Г. Таировой-Яковлевой этот фрагмент переведен следующим образом: «трибунал не начался, который заставит его тяжко потеть (так! – К. К.) после объявления мной будущего правителя».

При знакомстве с документом, который является копией письма Мазепы к коронному гетману и краковскому каштеляну И. А. Любомирскому (на польском языке), выясняется, что публикатор слабо знает не только польский, но и латынь (текст насыщен множеством латинских выражений, для понимания которых, впрочем, не требуются какие-то исключительно глубокие знания языка). Вот наиболее выразительный фрагмент правильного прочтения с указанием курсивом в круглых скобках важнейших искажений, допущенных Т. Г. Таировой-Яковлевой:

A że (Oze) in (im) operationibus bellicis ten jedyny intervenit obex, że część wojska koronnego przez takroczne wewnętrzne zamieszanie, a legitimo urzędów koron(nych) hetmańskich recessit (*vecessit*) jure, przez co te pewna, że musi disciplina militaris in praiceps ruere (*pracepsruiek*), i a recto należytego (*należytego*) posłuszeństwa tramite deviare (*dviare*), przeto fundując się (*funduiąchi*) in virtute (*vivture*) zjednoczonych obudwu naja(ś)n(iejszch) monarchów, je(g)o przeswiełego wieliczeństwa, je(g)o KM i Rzptej interessów, obiecuję w tym desudare, jeżeli mieć mogą consilio mea efficacem, tam gdzie (*dżzie*) należy in loco consiliorum (*consitiorum*), auctoritatem (*authvitatem*), aby pod wielowładną (*wielo wtadną*) ministerii WM Pana buławę, która dotąd intaminatis fulget honoribus dla skuteczniejszych w okazjach wojennych operacji wojska koronne rozróznione mogły unitis redire virib(us)²³.

Неудивительно, что при наличии такого количества ошибок текст письма на русском языке напоминает скорее результат работы Google-переводчика, нежели итог вдумчивого исследовательского анализа.

При издании любого значительного собрания документов всегда остро встает вопрос комментария к опубликованным текстам, причем комментария как археографического (ошибки, исправления,

²³ Перевод: «А что операциям военным та единственная возникла преграда, что часть коронного войска из-за прошлогдних внутренних смятений в связи с законностью должностей коронных гетманских от права отступила, что должно военную дисциплину стремительно обрушить и от прямого пути надлежащего послушания отвести, то укрепляясь доблестью двух союзных наияснейших монархов, его пресветлого величества, его королевской милости и интересами Речи Посполитой, обещаю в том усердно потрудиться, если нужен мой полезный совет, там где следует вместо уговоров [действовать] властью, чтобы на службу под полномостную вашей милости, пана, булаву, которая все еще незапятнанной сверкает честью, для более результативных операций в случае военных действий разделенные коронные войска могли вновь совокупить все силы».

особенности почерка и т. д.), так и смыслового, с разъяснением малоизвестных или малопонятных имен, событий, географических названий. В современную информационную эпоху, когда основополагающие сведения о персоне или событии находятся в несколько кликов в поисковике Интернета, наверное, не стоит воспроизводить подобную информацию в печатном издании. Однако многие специфические вещи, не относящиеся к разряду общеизвестных, в том числе и для исследователей эпохи, пояснять следует. Т. Г. Таирова-Яковлева практически отказалась от какого-либо научного комментария, за исключением самого минимального объема информации. Между тем, попытки объяснить читателю, где находятся топонимы «Господа» и «Дюблив», кто такой военачальник «Баус», комментарии к очевидным ошибкам в тексте размещенных в книге документов, безусловно, привели бы к уточнению и исправлению многих допущенных неточностей и небрежностей.

Подводя итоги, следует сказать, что научная публикация документов подразумевает, что специалистам и любителям дается материал, делающий ненужным за редким исключением (изучение типа бумаги, филиграней, автографов, печатей и т. д.) обращение к архивному оригиналу и служащий в течение десятков лет как важная источниковая база для самых разных исследований. Не умаляя труда публикатора «Батуринского архива», следует все же отметить, что о данном сборнике такого сказать нельзя. Помещенные в нем документы исследователям стоит использовать с определенной осторожностью, по возможности сличая их с архивными оригиналами. В противном случае, особенно при углубленных исследованиях каких-то событий с опорой на документы сборника, возможно тиражирование допущенных Т. Г. Таировой-Яковлевой ошибок и, соответственно, формулирование неверных выводов при реконструкции отдельных деталей. Последние, как известно, легко появляются и распространяются в историографии, но впоследствии, к сожалению, очень трудно изживаются наукой.

Список литературы

Б. Г. Ренне (Ренн, Рен), барон Карл Эвальд Магнусович // Русский биографический словарь : в 25 т. / Изд. под наблюдением председателя Императ. рус. историч. общ-ва А. А. Половцова. СПб. ; М. : Тип. Императ. акад. наук, 1896–1918. Т. 16. 1913. С. 57–59.

Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. докт. ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева ; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 480 с.

Гетман Иван Мазепа : Документы из архивных собраний Санкт-Петербурга. Вып. 1. 1687–1705 / сост. Т. Г. Таирова-Яковлева. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. 253 с.

История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова ; под общ. ред. А. А. Преображенского. Вып. 1. М. : Кругъ, 2004. 632 с.

Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / упоряд. С. Павленко. Київ : Києво-Могилянська акад., 2007. 1144 с.

- Костомаров Н. И.* Мазепа // Костомаров Н. И. Ист. монографии и исслед. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. Т. 16. 752 с.
- Кочегаров К. А.* Роль Ивана Мазепы в русско-турецких отношениях первой половины 1708 г.: поездка Згуры Стилевича к сераскеру Юсуфу-паше // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вып. 9–10. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2010а. С. 152–192.
- Кочегаров К. О.* Участь козаків Лубенського полку в придушенні Башкирського повстання 1704–1711 рр. // *Український історичний журнал*. 2010б. № 6. С. 18–33.
- Мышлаевский А. З.* Северная война. 1708 г. : От Уллы и Березины за р. Днепр. СПб. : Тип. «Бережливость», 1901. XIV + 186 + 89 с.
- НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 83. Походная канцелярия А. Д. Меншикова. Д. 7, 35, 36, 41, 68, 505.
- ПБ И П В : в 13 т. Т. 6 (июль – дек. 1707) / ред. И. А. Бычков. СПб. : Гос. тип., 1912. XXVIII + 634 + LXXXIII с. Т. 9. Вып. 2 / ред. Б. Б. Кафенгауз. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 1621 с.
- Полтавская битва 27 июня 1709 года : Документы и материалы / [отв. ред. Е. Е. Рычаловский]. М. : РОССПЭН, 2011. 807 с.
- Птенцы Петра Великого : 1701–1725 // *Русская старина*. 1872. № 6. С. 903–951.
- Переписка по поводу измены Мазепы // *Молодик на 1844 год : Украинский литературный сборник*, издаваемый И. Бецким. Харьков : В университет. тип., 1843. С. 113–130.
- РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1707 г. Д. 2; 1708 г. Д. 3; Оп. 4. Д. 143; Ф. 229. Оп. 2. Д. 95а. Сборник военно-исторических материалов. СПб. : Воен. Тип., 1892–1904. Вып. 1. Северная война : Документы 1705–1708 гг. [ред. и сост. предисл. Д. Ф. Масловский]. 1892. XXXII + 336 + 55 + XXIV с.
- Таурова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя : История «предательства». М. : Центрполиграф, 2011. 525 с.
- Юнаков Н. Л.* Северная война. Кампания 1708–1709 гг. : Военные действия на левом берегу Днепра (июль – октябрь 1708 г.) // *Тр. Императ. рус. воен.-ист. общ-ва : в 7 т.* СПб. : Типолит. тов-ва «Свет», 1909. Т. 2. XXIV + 188 + 72 с.
- Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI – do połowy XIX w. / [przedm. K. Lepszy]. Wrocław : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1953. 65 s.

References

- B. G. (1913). Renne (Renn, Ren). Baron Karl Eval'd Magnusovich. In Poplov-tsov, A. A. (Ed.). *Russkiy biograficheskiy slovar'* [The Russian Biographical Dictionary]. Vol. 16. St Petersburg, Moscow, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, pp. 57–59.
- Bychkov, I. A. (Ed.) (1912). PBIPV [Letters and Papers of Peter the Great]. Vol. 6 (iyul' – dekabr' 1707) [July – Dec. 1707]. XXVIII + 634 + LXXXIII p. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya.
- Kafenhaus, B. B. (Ed.) (1952). PBIPV – Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and Papers of Peter the Great]. Vol. 9, part 2. 1621 p. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Kochegarov K. A. (2010a). *Rol' Ivana Mazepy v rusko-turetskikh otnosheniyakh pervoy poloviny 1708 g.: poezdka Zgury Stilevicha k seraskeru Yusufu-pashe* [The Role of Ivan Mazepa in Russo-Ottoman Relations. Zgura Stilevich's Visit to Serasker Yusuf Pasha]. In *Ukrai'na v Tsentral'no-Skhidniy Jevropi*, vol. 9–10. Kii'v, Institut istorii' Ukrai'ni Nacional'noi' akademii' nauk Ukrai'ny, pp. 152–192.
- Kochegarov K. O. (2010b). Uchast' kozakiv Lubens'kogo polku v pridushenni Bashkirs'kogo povstannya 1704–1711 rr. [The Participation of Ukrainian Cossacks in the Suppression of the Bashkir Rebellion of 1704–1711]. In *Ukrai'ns'kiy istorichniy zhurnal*, 6, pp. 18–33.
- Kostomarov, N. I. (1885). *Mazepa*. In Idem. *Istoricheskie monografii i issledovaniya* [Mazepa. Historical Monographs and Studies]. Vol 16. 752 p. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasiulevicha.
- Lepszy, K. (Ed.) (1953). *Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI – do połowy XIX w.* [Recommendations for Publishing Historical Sources of the 16th – the Middle of 19th Centuries]. 65 p. Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich.

Maslowsky, D. F. (Ed.) (1892). *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov* [Collection of Military History Sources]. Vol. 1. *Severnaya voina : Dokumenty 1705–1708 gg.* [The Northern War. The Documents of 1705–1708]. XXXII + 336 + 55 + XXIV p. St Petersburg, Voennaya tipografiya.

Maykova, T. S. (Ed.) & Preobrazhenskiy, A. A. (Ed.) (2004). *Gistoriya Sveiskoy voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [The History of the Swedish War (Daily Notes of Peter the Great)]. Vol. 1. 632 p. Moscow, Krug.

Myshlaevsky, A. Z. (1901). *Severnaya voina. 1708 g.: Ot Ully i Berezyny za r. Dnepr* [The Northern War. From the Ulla and Berezyina over the Dnieper]. XIV + 186 + 89 p. St Petersburg, Tipografiya “Berezhlivost”.

NIA SPbII RAN [The Scientific and Historical Archive of the St Petersburg Institute of History]. Stock 83, *Pokhodnaya kantselyariya A. D. Menshikova* [The Alexander Menshikov’s Military Field Chancery]. Dos. 7, 35, 36, 41, 68, 505.

Pavlenko, S. (Ed.) (2007). *Doba get'mana Ivana Mazepy v dokumentakh* [Hetman Mazepa’s Epoch in Documents]. 1144 p. Kii’v, Vydavnicхий dim „Kievo-Mogilyans’ka akademiya”.

Perepiska po povodu izmeny Mazepy [Correspondence about Mazepa’s Treason] (1843). In *Molodik na 1844 god. Ukrainskii literaturnyi sbornik, izdavaemyi I. Betskim*. Khar’kov, V universitetskoй tipografii, pp. 113–130.

Ptentsy Petra Velikogo. 1701–1725 [Pupils of Peter the Great, 1701–1725] (1872). In *Russkaya starina*, 6, pp. 903–951.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 124. List 1. 1707. Dos. 2; 1708. Dos. 3; L. 4. Dos. 143; Stock 229. L. 2. Dos 95a.

Rychalovsky, E. E. (Ed.) (2011). *Poltavskaya bitva 27 iyunya 1709 goda : Dokumenty i materialy* [The Battle of Poltava on 27 June 1709. Documents and Sources]. 807 p. Moscow, ROSSPEN.

Tairova-Yakovleva, T. G. (2011). *Ivan Mazepa i Rossiyskaya imperiya : Istoriya “predatel’stva”* [Ivan Mazepa and the Russian Empire: The History of “Treason”]. 525 p. Moscow, Tsentrpoligraf.

Tairova-Yakovleva, T. G. (ed.) (2007). *Getman Ivan Mazepa : Dokumenty iz arkhivnykh sobraniy Sankt-Peterburga* [Ivan Mazepa, the Hetman. Documents from St Petersburg Archives]. Vol. 1. 1687–1705. 253 p. St Petersburg, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Tairova-Yakovleva, T. G. (Ed.) (2014). *Baturinskiy arkhiv i drugie dokumenty po istorii Ukrainskogo getmanstva 1690–1709 gg.* [The Baturin Archive and other Documents on the History of the Ukrainian Hetmanate between 1690 and 1709]. 480 p. St Petersburg, Dmitriy Bulanin.

Yunakov N. L. (1909). *Severnaya voyna. Kampaniya 1708–1709 gg. : Voennye deistviya na levom beregu Dnepra (iyul’ – oktyabr’ 1708 g.)* [The Northern War. The Campaign of 1708–1709: Military Operations on the Left Bank of the Dnieper (from June to October of 1708)]. In *Trudy Imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva*, vol. 2. XXIV + 188 + 72 p. St Petersburg, Tipolitografiya tovarishchestva “Svet”.

The article was submitted on 14.10.2016

DOI 10.15826/qr.2017.1.223
УДК 94(100)"1914/19"+94(470)"16/19"

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЕРОИЗМЕ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ: СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК НЕМЕЦКОГО
ЕЖЕГОДНИКА *JAHRBÜCHER FÜR GESCHICHTE
OSTEUROPAS* (2015)***

Рец. на: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2015. – Bd. 63. –
Н. 4. – S. 529–708.

Александр Козлов
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**REFLECTION ON HEROISM IN THE RUSSIAN EMPIRE:
A SPECIAL ISSUE OF THE GERMAN JOURNAL
JAHRBÜCHER FÜR GESCHICHTE OSTEUROPAS (2015)**

Rev. of: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2015. – Bd. 63. –
Н. 4. – Pp. 529–708.

Aleksandr Kozlov
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The review explores the conceptual and content sides of a thematic volume of a well-known German yearbook, analysing the form and essence of the understanding of heroism and the heroic in official Russia between the 18th and early 20th centuries. The reviewer agrees that the topic the authors consider is relevant as part of the area in question. He also emphasises the debatable character of issues concerning the Russian authorities' attitude to people's behavior in extreme conditions of war at its different stages and in different social and political situations, and that of society. Close attention is paid to the new interpretations of the social aspects of reflection upon heroism in the context of World War I.

Keywords: Modern Era; history of Russia; heroism.

* *Citation:* Kozlov, A. (2017). Reflection on Heroism in the Russian Empire: A Special Issue of the German Journal *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 276–285. DOI 10.15826/qr.2017.1.223.

Цитирование: Kozlov A. Reflection on Heroism in the Russian Empire: A Special Issue of the German Journal *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 276–285. DOI 10.15826/qr.2017.1.223 / Козлов А. Размышления о героизме в Российской империи: специальный выпуск немецкого ежегодника *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* (2015) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 276–285. DOI 10.15826/qr.2017.1.223.

В рецензии раскрываются концептуальная и содержательная стороны тематического тома известного немецкого ежегодника, анализирующего особенности формы и сущностные характеристики понимания героизма и героического в официальной России в XVIII – начале XX в. Указана актуальность избираемой исследователями тематики в рамках заявленной проблемы. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся оценок российскими властями, с одной стороны, и разными группами общества, с другой, поведения в экстремальных ситуациях войны на разных ее этапах и в разной общественной и политической обстановке. Особое внимание обращено на те тезисы, которые по-новому раскрывают социальные аспекты функционирования рефлексии по поводу героизма в динамике Первой мировой войны.

Ключевые слова: Новое время; история России; героизм.

Очередной выпуск известного немецкого журнала, посвященного истории Восточной Европы, тематический, что является похвальной традицией издания. На этот раз предмет исследования – русские концепции героического в контексте войн России конца XVIII – начала XX в., включая Первую мировую войну (S. 532)¹. Авторы вводной статьи *Дитмар Нойтатц* (известен российскому читателю прежде всего по опубликованному в 2013 г. переводу монографии «Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма») и *Рейнхард Нахтигаль* справедливо указывают на актуальность исследования подобной тематики по ряду причин. Во-первых, российский вариант героического как «общего феномена» находится «в более широком контексте новейшей конъюнктуры героического в Европе XIX – начала XX в.» (ибо именно тогда и в России, и на Западе всеобщая воинская повинность лишила знать привилегии на героизм, демократизировала его, сделав доступным любому гражданину (здесь авторы следуют наблюдениям Уты Фреверт [Frevert, S. 337–338])). Во-вторых, феномен героического на российском материале в научно-историческом плане находится еще в начальной стадии в связи с возвращением страны «к пронизанной осознанием достоинства и силы политике и к стремлению обрести соответствующую значимость в системе великих держав» (S. 530). При этом Нойтатц и Нахтигаль правомерно призывают учитывать тот факт, что в истории нет одних и тех же раз и навсегда заданных героических типажей, и «оценка героического с учетом диахронии подвержена сильным колебаниям» (S. 530). Возникает, впрочем, вопрос о сущностных характеристиках этих оценок и о критериях причин указанных колебаний, ибо немецкие исследователи полагают, что науку в меньшей степени интересуют реальная жизнь и реальные деяния героев («если об этом вообще есть достоверная информация, помимо героизирующего нарратива и приписываемой фактологии»), нежели «то, что из них сделали» (S. 531). Думаю,

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание приводятся в круглых скобках с указанием номеров страниц.

налицо абсолютизация релятивности героического применительно к историческим эпохам, так как даже с позиций многофакторности детерминизма содеянного человеком в конкретную эпоху реальные, а не литературные или художественно-изобразительные факты из его жизни должны интересовать ученого.

Однако гипертрофия относительности героического, допущенная в статье, отчасти объяснима – авторы во многом исходят здесь из печального примера Германии, где образ бойца, жертвующего всем ради фатерлянда, был дискредитирован массовыми преступлениями во время Второй мировой войны, поэтому, по мысли Нойтатца и Нахтигала, «[западно]германское общество воспринимает себя с 1945 г. как определенно негероическое», хотя потребность в героях в таком «постгероическом» социуме остается: герои не исчезают, а «превращаются» – в спасателей чьей-либо жизни, пожарных и т. п. (S. 530). Думается, однако, корни противоречия в векторах и содержании восприятия героического не столько этические и юридические, сколько социально-политические, ибо *защита Отечества*, во-первых, явление исторически универсальное, а, во-вторых, этически полноценное, а значит, исполнено героики, если происходит максимально *не за счет других*. Поэтому к во многом справедливому заявлению, что «во времена, когда социальные или политические порядки подвергаются эрозии, а новые нормативные системы и предлагаемые смыслы вступают в конкуренцию с традиционными, особое значение обретает проекция ценностей и представлений о желательном на образы героев» (S. 534–535), следовало бы добавить уточнение – «героев, обладающих конкретно-исторической и этико-социальной определенностью».

Вне учета подобной конкретики неудивительны уравнивания в векторах прежде всего имперского, а не «национального» поведения многоэтничных империй Габсбургов и Романовых, героизирующих «исторические образы, которые в державной истории выступали *insbesondere militarisch*», – в то время такие гражданские лица как Ломоносов и Пушкин стали считаться героями гораздо позже и «до мировой войны включительно никогда не достигали такого масштаба, как герои военные» (S. 535). Здесь опять-таки видно нарушение исторической конкретики – помещение в одну нишу оценочно разделяемых в национальном сознании фигур, мало того – соотнесение их по каким-то количественным критериям («масштаб», «интенсивность»).

Уже приведенные наблюдения над вводной статьей «Ежегодника» побуждают обратить пристальное внимание прежде всего на методики исследователей, чьи пять конкретно-исторических анализов темы героики войн России XIX – начала XX в., сразу отмечу, в большинстве так или иначе расходятся со взглядами Нойтатца и Нахтигала на данный предмет. Особенность содержания представленного в сборнике материала в том, что его сюжеты связаны в большей мере с общественным и мировоззренческим климатом России накануне и в ходе Первой мировой войны. Исключение, да и то частичное, представля-

ет статья Е. А. Вишленковой и М. А. Давыдова, но о ней – особый разговор. Отсюда следует предварительный вывод рецензии – презентуемый материал можно рассматривать лишь как осторожные первые шаги к раскрытию заданной темы. До комплексного ее анализа еще явно далеко. Избранный мною прием рассмотрения исследований «Ежегодника», наверное, предполагает движение от работ, демонстрирующих несложные методики, к более рафинированным.

В предлагаемом выпуске особняком стоит предпринятое *Н. Родиным* (Санкт-Петербург) относительно краткое изложение истории Всероссийского общества памяти воинов русской армии, павших в войне 1914–1915 гг. с Германией, Австрией и Турцией (работало с весны 1915 по ноябрь 1917 г.). Выполненное преимущественно по архивным материалам, оригинальное изыскание на практически не изученную тему посвящено не феномену героического как таковому, а уникальной общественной организации (хотя и имевшей предшественников по духу и целеполаганию), нацеленной на сохранение памяти о событиях и участниках Первой мировой войны². Избегая историософских и конкретно-исторических рассуждений на тему понимания героизма как такового организаторами, спонсорами и высокопоставленными покровителями общества, Родин исследует главным образом институциональные нюансы развития организации. Здесь можно отметить и реальный демократизм членства в обществе, и четкую апелляцию к российской традиции по увековечиванию памяти о павших подданных империи, когда все меньше учитывались их социальное происхождение, национальность и вероисповедание (S. 630), а также увязывание прекращения деятельности общества с тем, что его цели «не были близки новой государственной власти», сформировавшейся осенью 1917 г. (S. 640). Конечно, последнее утверждение требует аргументации архивными документами, как и многие другие моменты в развитии общества, слабо затронутые в статье: и ориентация на более широкое привлечение общественности, и работа с молодежью, и негативная реакция на коммерциализацию целого ряда мероприятий (особенно касающихся создания особых кладбищ или установок памятников). Иными словами, тема это перспективная и требует дальнейшей разработки.

Частично (по методам выявления фактологического материала, в том числе из архивных дел) с работой Родина сходна небольшая статья *С. Г. Нелиповича* (Балашиха), посвященная разоблачению «крючковщины» (термин присутствует в названии статьи). Но только частично. Исследователь наглядно показывает, что в столкновении разъезда казаков между Любово и Александрово (Восточная Пруссия) и немецким кавалеристским подразделением 12 августа 1914 г. все было совсем

² Например, автор называет Комитет по увековечению памяти русских воинов, павших на войне 1904–1905 гг., а также Комиссию по увековечению памяти воинских чинов (образована Обществом повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям), погибших в войне с Японией, на местах их родины (S. 629).

не так, как в дальнейшем преподносила пропаганда, особенно лубочная, превозносившая подвиг казака Козьмы Крючкова (якобы командира разъезда и якобы нанизавшего на пику аж 11 врагов). Смысл изысканий автора – доказать, что успех казацкого отряда не был «персональным», а был достигнут благодаря взаимодействию с пехотой, и что ставка пропаганды на индивидуализацию подвига в войне, где крайне важна была кооперация усилий при одновременном разделении труда, являлась глубоко ошибочной (S. 623). Поскольку никаких данных о реакции разных групп российской общественности на такие «промахи» пропаганды Нелипович не приводит, ограничившись констатацией факта, что уже в 1915 г. лубок с прославлением Крючкова исчезает, приходится признать, что автор статьи не учитывает природы формирования и развития военно-героического мифа вообще и в тогдашних российских условиях в частности. Миф преподносит войну как поединок, где победу, а значит, правду определяет Бог, и в тогдашнем народном сознании война и подвиги на войне – не продолжение политики, а продолжение противостояния сил правды и кривды, света и тьмы. К тому же поскольку война полна ужасов, то миф помогает избавиться от этого ужаса и побуждать людей идти на войну с подъемом, без чего, конечно, невозможно победить, и тем самым принижает ужасы войны. Неудивительно, что и сам Нелипович пишет о существовании множества других тогдашних лубочных героев, способных соревноваться с Козьмой Крючковым, пишет и о памяти о Крючкове, сохранившейся на страницах романа «Тихий Дон». Указания же в качестве причин фиаско «пропагандистского проекта "Козьма Крючков"» на привилегированность казацких соединений, на память о казаках как карателях во время революции 1905–1907 гг., на неудовлетворенность действиями казаков со стороны некоторых командующих пехотой (сделана ссылка на «Записки» генерал-майора Я. М. Ларионова) (S. 624) также не имеют отношения к законам развития мифологического восприятия действий «своих» (а не представителей чуждого сословия или класса) в ходе Отечественной войны 1914–1918 гг.

Отрадно, что помещенная в этом же томе «Ежегодника» статья С. Ю. Малышевой (Казань), уже давно исследующей эволюцию рефлексии разных социальных групп провинциальной России на явления начала XX в., отчасти компенсирует недочеты в методике Нелиповича. Ее задача – на основе анализа газет, журналов и популярной литературы (официального «городского» патриотического дискурса) и, с другой стороны, преимущественно солдатских писем (фронтовой, деревенский дискурс) исследовать отношение этих двух общественных полюсов к павшим на полях Первой мировой войны. Сразу отмечу: автор ссылается в основном на опубликованные источники, а при привлечении аналитической литературы, напрямую имеющей отношение к теме, ею допущены досадные лакуны – например, не использованы основательные работы О. С. Поршневой, И. В. Нарского,

А. Б. Асташова [Поршнева, 2000; Поршнева, 2004; Нарский, 2007; Нарский, 2014; Асташов, 2003; Асташов, 2012]. Тем не менее, основные выводы исследовательницы достойны пристального внимания: крайне противоречивые взгляды на павших героев и героизм в «германской» войне обуславливались тем, что они возникали «в негомогенном культурном и социальном пространстве» тыла и фронта, «пространстве дискурсивном, состоявшем, с одной стороны, из квазиофициозной культуры образованных средних и высших городских слоев, а с другой – из культуры низших слоев, имевшей признаки ментальности преимущественно сельского населения» (S. 613). Иными словами, в этом пространстве имели место и «романтические конструкты официальной пропаганды», и «городской патриотический дискурс глубинки», а также «элементы циничного прагматизма фронта и крестьянского религиозного фатализма» (Ibid.). Малышева убедительно показывает, что на обоих полюсах представления о павших героях эволюционировали. У горожан романтический воинский героизм персонального и бравурного типа менялся картиной массовых и анонимных возвышенно-трагичных жертв и культом павшего солдата. На фронте в «серой среде» имел место быстрый переход от склонности к «религиозно мотивированной (но не рефлексивной и воспринимаемой как необходимость) массовой готовности к самопожертвованию до цинично-равнодушной десакрализации и тем самым – обесцениванию героизма» (S. 614). Приведенная Малышевой аргументация, иллюстрирующая эти тезисы, требует, однако, расширения за счет архивных изысканий для выявления конкретных социально-территориальных восприятий героического, ибо с 1915 г. даже в привлекаемых автором источниках растет преобладание оценок гибели на фронте как таковой, но не героической гибели. Что касается завершающих статью заявлений о вытеснении с октября 1917 г. «германской» войны на периферию российской исторической памяти, о дезавуировании большевиками культа павших и перенесении его «в иную плоскость», «злоупотреблении» им «в идеологических целях», то анализом источников эти высказывания не сопровождаются и производят впечатление искусственного дописка к основному материалу.

Частный, но очень важный сюжет, относящийся к истории восприятия героического в России на рубеже XIX–XX вв., и особенно во время Первой мировой войны, представил *Р. Нахтигаль*. Речь идет о представлениях «поздним царизмом» (прежде всего) фигуры Александра Суворова, превратившегося из «преимущественно имперского героя XIX в. в национального российского героя на рубеже столетий» (S. 593). Исследователь делает важную оговорку: он анализирует не все формы и сферы героизации Суворова в России, а только те, которые обещали накануне великой войны изрядное медиальное воздействие. Например, углубление в образ Суворова-героя потребовало создания новых полковых традиций, а посему такого рода изыскания

требуют учитывать наряду с созданием истории соответствующих воинских подразделений тексты строевых песен и маршевую музыку. Автор лишь косвенно упоминает именованные улиц, площадей и т. д. в честь полководцев, ставших важной частью официальной исторической памяти. Нет подробного анализа спектакля «Суворов» А. Алексеева-Яковлева, шедшего на сцене «Народного дома» в Петербурге в начале войны. И хотя при рассмотрении востребованности властями России образа Суворова начиная со времен Александра I автор доказывает не только его эволюцию, но и устойчивость апелляций к нему (прежде всего на примере памятников, литературы и т. д., особенно в юбилейные для памяти о великом российском полководце годы конца XIX в.), основной его вывод не просто фундирован, но для российского читателя несколько неожиданен: во время войны 1914–1918 гг. Суворов и его боевые товарищи в официальной национально-патриотической культуре почти не были представлены. Нахтигаль хорошо знаком с научной российской современной историографией на темы героизации прошлого (порой даже лучше знаком, чем представленные в сборнике российские авторы), но и он, на мой взгляд, не выявил причины того явления, название которого вынес в заголовок статьи, – *Scheitern der Suworov's Heroisierung im Ersten Weltkrieg*. Исследователь указывает (вслед за Г. Ф. Дженом и О. С. Поршневой) на нарастающие «многообразные неприятности, порождаемые войной», которые «основательно уменьшали перспективы героических деяний, патриотической позиции и героизации исторических образов». Он справедливо пишет (во многом отталкиваясь от наблюдений К. Н. Цимбаева) о невосприятии широкими массами на рубеже веков правительственной пропаганды героики прошлого, о неудачах властей «по мобилизации общественности» на подобной базе в условиях правительственных кризисов и о несоответствии такого рода действий реалиям России начала XX в., тем более что в ходе войны шел переход от «форм воинского героизма к рождению траура по павшим и умирающим» (S. 591). Все это верно, но касается умаления в общественном сознании образов воинов-героев прошлого вообще и лишь отчасти прокладывает путь к пониманию места фигуры Суворова в подобных процессах.

Большая статья Е. А. Вишленковой и М. А. Давыдова (Москва) «Сто лет споров о героях войны 1812 года: от войны “Отечественной” к “Первой мировой”» является, на мой взгляд, узловой для рецензируемого сборника. Узловой – поскольку демонстрирует плодотворность применения к столь сложной теме как «героизация и дегероизация» одного и того же объекта нескольких (в отличие от рассмотренных выше публикаций) сложнейших взаимодополняющих методик анализа ключевых (для данной темы), рассчитанных на широкого читателя XIX – начала XX в. нарративов. Последние составляют три блока: историко-научный («Описание» А. И. Михайловского-Данилевского, «История» М. И. Богдановича и др.), мемуарный (рукописи

А. П. Ермолова, Надежды Дуровой, Дениса Давыдова), художественный (прежде всего произведения В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого). Полагаю, основная ценность статьи даже не в том, что авторы мастерски показывают зависимость толкования войны и деяний наиболее заметных ее фигур, во-первых, от развития обстановки в России и вне ее, во-вторых, от эволюции заказов верховной власти на презентацию событий 1812 г. (*offizielle Erinnerungspolitik*), в-третьих, от конкретно-исторического поведения (в том числе через отношение к войнам страны) российских элит (особенно при подготовке и проведении юбилея событий в 1912 г., см.: S. 567–568)³. Подобные выводы можно было предугадать, зная научный уровень авторов. Дело в оригинальности способов показать в конечном счете вытекающий из полемик XIX в. сконструированный образ героев войны с Наполеоном, двойственность этого образа (вызывающая иногда противоположные чувства), его изменения (появление, затухание, исчезновение и снова появление – уже, как правило, с другими чертами) в национальной памяти.

Особое место в статье уделено анализу образов героев романа «Война и мир», анализу с помощью метода генетической критики текста, прежде всего выявления генезиса образа героев через сопоставление видения Толстым того или иного героя из черновиков, записей (в том числе из мемуаров участников войны), что сделало возможным не только показать приемы писателя в работе с источниками, но и выделить из этих приемов «способы перекодирования» характеристик героев, «ретуширования противоречий», «создания зон умолчания». Конкретика методов Толстого – наверное, важнейший аргумент исследователей в установлении зависимости механизмов героизации фигур 1812 г. от господствовавшей в определенное время философии истории. Например, в 20–30-е гг. XIX в. романтизация и национализация прошлого страны десакрализовала Александра I и сменила образ «священной войны» на образ «народной войны». Толстой же в 60-е гг. XIX в. деперсонализировал войну и сделал героями русскую семью и русский народ. К началу XX в. социологизация анализа событий 1812 г. представила войну конфликтом процессов, интересов и групп, а герои превратились в *Beiwerk der «großen» Geschichte* (S. 569).

Во вводной статье рецензируемого сборника Нойтатц и Нахтигаль пишут, что все представленные в данном выпуске работы демонстрируют «противостояние время от времени *Heldenkonstruktionen* друг другу и не всегда успешное протекание попыток героизации, потому что проводимые с их помощью представления сталкивались с иначе сконструированными представлениями и дискурсами» (S. 532). Подобным образом сформулированный вывод позволяет сказать, что немецкие коллеги в значительной степени мыслят моделями явлений, в то время как представленные российские авторы в большей мере

³ Из последних работ, посвященных данному сюжету, укажу на статью: [Земцов, с. 35–52].

мыслят процессами. И в подобном историографическом ракурсе данный выпуск «Ежегодника» весьма показателен.

И еще одно замечание. В качестве повода к исследованию предложенной сборником темы авторы вводной статьи представляют идеи выставки Русского музея «Герои и злодеи русской истории в искусстве XVIII–XX веков» (2010). При этом без всяких аргументов названы ангажированными слова Павла Климова, куратора выставки (и автора введения к ее каталогу), о том, что возрождение памяти о героях российского прошлого – «жгучая проблема исторического воспитания», основа для подлинного патриотизма и дел, базирующихся на вечных ценностях. Похоже, Нойтатц и Нахтигаль полагают, что в нынешней России подобные мысли и дела не имеют объективной основы и возникают лишь по соизволению властей. Правда, немецкие коллеги добавляют, что указанные высказывания Климова «типичны для патриотической волны, наблюдаемой в России с рубежа тысячелетий» (S. 529). Если «волне» уже более 15 лет, то имеет смысл рассмотреть ее не столько как санкционированное начальством, сколько как объективно-историческое явление. Для сравнения можно обратиться ко многим реалиям, констатированным тем же Нахтигальем при анализе эволюции образа Суворова в статье, упомянутой выше.

Наверное, следует рассчитывать на продолжение исследования темы развития взглядов на героизм в войнах России, и не только XIX – начала XX в., с непременной остротой научной дискуссии, но, безусловно, и с уважительным отношением к точке зрения оппонента.

Список литературы

Асташов А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.

Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 3. С. 72–86.

Земцов В. Н. Панорама Ф. А. Рубо «Бородинская битва»: история одного национального мифа // Запад, Восток и Россия: война – мир – память. Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2012. Вып. 14. С. 35–52.

Нарский И. В. Первая мировая и Гражданская войны как учебный процесс: Военизация жизненных миров в провинциальной России (Урал в 1914–1921 годах) // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / под ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М. : Новое лит. обозрение, 2014. С. 179–201.

Нарский И. В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...»: Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России / под ред. И. В. Нарского, О. С. Нагорной, О. Ю. Никуновой, Ю. Ю. Хмелевской. Челябинск : Каменный пояс, 2007. С. 488–502.

Поршинева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М. : РОССПЭН, 2004. 368 с.

Поршинева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2000. 414 с.

Frevert U. Herren und Helden : Vom Aufstieg und Niedergang des Heroismus im 19. und 20. Jahrhundert // Erfindung des Menschen : Schöpfungsträume und Körperbilder 1500–2000 / Hrsg. R. van Dülmen. Köln, Weimar, Wien : Boehrlau Wien, 1998. S. 323–344.

References

- Astashov, A. B. (2012). *Propaganda na russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny* [Propaganda in the Russian Front during the First World War]. 400 p. Moscow, Speckniga.
- Astashov, A. B. (2003). *Russkij krest'yanin na frontah Pervoj mirovoj vojny* [The Russian Peasant in the First World War Battlefields]. In *Otechestvennaya istoriya*, 3, pp. 72–86.
- Frevert, U. (1998). *Herren und Helden. Vom Aufstieg und Niedergang des Heroismus im 19. und 20. Jahrhundert*. In R. van Dülmen (Ed.). *Erfindung des Menschen. Schöpfungsträume und Körperbilder 1500–2000*. Wien, Boehlau Wien. pp. 323–344.
- Narsky, I. V. (2014). *Pervaya mirovaya i grazhdanskaia vojny kak uchebnyj process: Voenizaciya zhiznennyh mirov v provincial'noj Rossii (Ural v 1914–1921 godah)* [World War I and Civil War as an Educational Process: Militarisation of the Vital Worlds in Provincial Russia (the Urals between 1914 and 1921)]. In Bruish, K., Katcer, N. (Ed.). *Bol'shaya vojna Rossii. Social'nyj poryadok, publichnaya kommunikaciya I nasilie na rubezhe zarskoj I sovetskoj epoch*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 179–201.
- Narsky, I. V. (2007). “*Ya kak stal sred' vojny zhit', tak I stala mne vojna, chto dom rodnoj ...*” Frontovoj opyt russkih soldat v “germanskoj vojne” do 1917 g. [“I both Began to Live in the War, and War Came to Be My Home...” Front Experience of Russian Soldiers in “the German War” till 1917]. In Narsky, I. V., Nikonova, O. Yu., Hmelevskaya, Yu. Yu. (Ed.). *Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii*. Chelyabinsk, Kamennyj poyas, pp. 188–502.
- Porshneva, O. S. (2004). *Krest'yane, rabochihie i soldty v gody Pervoj mirovoj vojny* [Peasants, Workers and Soldiers of Russia during the First World War]. 368 p. Moscow, ROSSPEN.
- Porshneva, O. S. (2000). *Mentalitet I social'noe povedenie rabochih, krest'yan i soldat v period Pervoj mirovoj vojny (1914 – mart 1918 g.)*. [Mentality and Social Behaviour of Workers, Peasants and Soldiers during the First World War (1914 – March, 1918)]. 414 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo UrO RAN.
- Zemcov, V. N. (2012). *Panorama F. A. Rubo “Borodinskaya bitva”: istoriya odnogo nacional'nogo mifa* [F. A. Roubaud's Panorama Battle of Borodino: The History of One National Myth]. In *Zapad, Vostok I Rossiya: vojna, mir, pamyat'. Voprosy vseobshhej istorii*. Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo unstituta. Iss. 14, pp. 35–52.

The article was submitted on 19.01.2016

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Ананьев Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музейного дела и охраны памятников, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
v.ananев@spbu.ru

Бабинцев Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, директор департамента «Исторический факультет», старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
v.a.babintcev@urfu.ru

Баканов Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет.

454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.
bakanov-s@mail.ru

Бекасова Александра Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук.

190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16.
sasha.bekasova@gmail.com

Брюханова Елена Александровна, кандидат исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет.

656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 61а.
brelenochka@mail.ru

Владимиров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения, архивоведения и исторической информатики, Алтайский государственный университет.

656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 61а.
vlad@hist.asu.ru

Галкина Юлия Михайловна, аспирант кафедры новой и новейшей истории, младший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
Iulia.galkina@urfu.ru

Головнев Иван Андреевич, младший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.
golovnev.ivan@gmail.com

Головнева Елена Валентиновна, кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

golovneva.elena@gmail.com

Гололобов Евгений Ильич, доктор исторических наук, проректор по научной работе, Сургутский государственный педагогический университет.

628417, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.

gololobov.eig@yandex.ru

Дмитриева Анна Алексеевна, доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой истории западноевропейского искусства, Санкт-Петербургский государственный университет.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

a.dmitrieva@spbu.ru

Калеменова Екатерина Алексеевна, аспирант департамента истории, младший научный сотрудник Центра исторических исследований, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук.

190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.

ekalemeneva@hse.ru

Келлер Андрей Викторович, PhD, старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археологии Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, пр. Мира, д. 19.

a.v.keller@urfu.ru

Килимник Евгений Витальевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор, Уральский государственный горный университет, Уральский государственный архитектурно-художественный университет.

620144, Россия, Екатеринбург, ул. Куйбышева, 30.

620075, Россия, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23.

kilimnik_06@mail.ru

Козлов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

alarich@olympus.ru

Кочегаров Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32А.

kirill_kochegarov@yahoo.com

Мауль Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарно-экономических дисциплин, Тюменский государственный нефтегазовый университет, филиал в г. Нижневартовске.

628600, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Нижневартовск, ул. Ленина 2П, стр. 9.

VUMaul@mail.ru

Опарина Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, профессор, декан факультета искусствоведения, Академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 21.

t-a-opart@yandex.ru

Петрухинцев Николай Николаевич, доктор исторических наук профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал).

398050, Россия, Липецк, ул. Интернациональная, д. 3.

NicPetrukhintsev@yandex.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, департамент филологии Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

l.s.soboleva@mail.ru

Штайнке Клаус, доктор филологических наук, профессор, Университет Эрлангена – Нюрнберга.

91054, Германия, Эрланген, Schloßplatz 4.

klaus-steinke@web.de

Ananiev Vitaly, PhD (History), Senior Lecturer, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Department of Museum Work and Preservation of Monuments.

7–9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

v.ananev@spbu.ru

Bakanov Sergey, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Head of the Department of the History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University.

29, Brothers Kashirin Str., 454001 Chelyabinsk, Russia.

bakanov-s@mail.ru

Babintsev Vladimir, PhD (History), Associate Professor, Director of the Faculty of History; Senior Research Fellow, Laboratory of Primary Sources Studies, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University.

19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

v.a.babintcev@urfu.ru

Bekasova Aleksandra, PhD (History), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, St Petersburg School of Social and Humanities.

16, Soyuza Pechatnikov Str., 190121, St Petersburg, Russia.
sasha.bekasova@gmail.com

Bryukhanova Elena, PhD (History), Professor, Altai State University.
61a, Lenin Ave., 656049, Barnaul, Russia.
brelenochka@mail.ru

Dmitrieva Anna, Dr. of Art History, Associate Professor, Head of the Department of Western European Art History, St Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
a.dmitrieva@spbu.ru

Galkina Yulia, Postgraduate Student, Department of Early Modern and Modern History, Laboratory of Primary Sources Studies, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University.
19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
Iulia.galkina@urfu.ru

Gololobov Evgeny, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Surgut State Pedagogical University.
10/2, 50 let VLKSM Str., 628417, Tyumen Oblast, Surgut, Russia.
gololobov.eig@yandex.ru

Golovnev Ivan, Junior Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16, Sofia Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
golovnev.ivan@gmail.com

Golovneva Elena, PhD (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University.
19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
golovneva.elena@gmail.com

Kalemeneva Ekaterina, Postgraduate Student, Department of History; Junior Researcher, Centre for Historical Research, National Research University Higher School of Economics, St Petersburg School of Social and Humanities.
16, Soyuza Pechatnikov Str., 190121, St Petersburg, Russia.
ekalemeneva@hse.ru

Keller Andrey, PhD, Senior Research Fellow, Laboratory of Primary Sources Studies, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University.
51, Lenin Ave., 620002, Yekaterinburg, Russia.
a.v.keller@urfu.ru

Kochegarov Kirill, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.
32-A, Leninsky Ave., 119991, Moscow, Russia.
kirill_kochegarov@yahoo.com

Kozlov Aleksandr, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University.

19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
alarich@olympus.ru

Kilimnik Evgeny, Dr. of Art History, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Ural State Mining University; Ural State University of Architecture and Art.

30, Kuybyshev Str., 620144, Yekaterinburg, Russia.
23, Karl Liebknecht Str., 620075, Yekaterinburg, Russia.
kilimnik_06@mail.ru

Maul Viktor, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Tyumen State Oil and Gas University, Nizhnevartovsk Branch.

2/P, Building 9, Lenin Str., 628600, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Nizhnevartovsk, Russia.
VYMAul@mail.ru

Oparina Tatiana, PhD (History), Professor, Dean of the Faculty of Fine Arts, Academy of Painting, Sculpture and Architecture.

21, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
t-a-opart@yandex.ru

Petrukhintsev Nikolay, Dr. Hab. (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch.

3, Internacionalnaya, 398050, Lipetsk, Russia.
NicPetrukhintsev@yandex.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Department of Philology, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University.

19, Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Steinke Klaus, Dr., Professor, University of Erlangen-Nuremberg.

4, Schloßplatz, 91054, Erlangen, Germany.
klaus-steinke@web.de

Vladimirov Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, the holder of the chair of documentary, archival, and historical information studies, Altai State University.

61a, Lenin Ave., 656049, Barnaul, Russia.
vlad@hist.asu.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

Архив СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
Arkhirv SPb II RAN – Arkhirv Sankt-Petersburgskogo instituta istorii Rossiiskoi akademii nauk

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvenniy arkhiv Rossiyskoy Federacii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvenniy Arkhirv Sverdlovskoy Oblasti

ГА ХМАО – Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
GA KhMAO – Gosudarstvenniy arkhiv Khantih-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugrih

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссии
DAY – Dopolneniya k actam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiey

НАРС – Национальный архив Республики Саха
NARS – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Sakha

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
NIA SPbII RAN – Nauchno-istoricheskiy arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy Akademii Nauk

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki

ПБПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого
PBIPV – Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii

РА – Русский архив
RA – Russkiy arkhiv

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossijskij gosudarstvennyjy arhiv drevnih aktov

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
RGASPI – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-pliticheskoy istorii

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiyskiy gosudarstvennyy archiv ekonomiki

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskij arkhiv

СЗУП – Собрание законов по управлению почтовому
SZUP – Sobranie zakonov po upravleniiu pochtovomu

СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
SOKM – Sverdlovskiy Oblastnoy Kraevedcheskiy Muzey

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства, Санкт-Петербург
TsGALI SPb – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva, Sankt-Peterburg

ЦГАНТД СПб – Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга
TsGANTD SPb – Tsentral'nyy gosudarstvenny'y arkhiv nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii, Sankt-Peterburg

SHD/T – Service historique de la Defense, Terre

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит четыре раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации серийных изданий (International Standard Serial Numbering) с присвоением международно-стандартного номера ISSN 2311-911X;

- включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № E43166.

- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/science/proceedings/>) и на собственном сайте журнала (<http://qr.urfu.ru>). Журнал индексируется в *Web of Science* и *Scopus*.

- При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).

- К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства*, а также исследования компаративистского характера.

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 250 до 300 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).

- Страницы рукописи **нумеруются**.

- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.

- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторах и таблица со сведениями о статье.

- Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.

- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.

- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг.*, с. 8–61.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, «...» – внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по своему характеру своего мышления», – говорил Маршак I.*
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смыслового различения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.
- Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитирова-

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

- Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2015).

- В список литературы могут быть включены только те издания, ссылки на которые приводятся в тексте статьи.

Примеры оформления списка литературы

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *ius commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. P-181, P-183, P-187.

Ђосић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The Social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / Organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of the place of employment	
Сфера научных интересов / Sphere of academic interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / Address for the mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора / Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract (250–300 слов)	
Ключевые слова / Keywords (5–8 слов)	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 5, 2017, № 1

Редакторы	<i>Е. Березина</i> <i>М. Симонов</i>
Верстка	<i>А. Матвеев</i>
Editors	<i>Ekaterina Berezina</i> <i>Maxim Simonov</i>
Imposition	<i>Alexey Matveev</i>

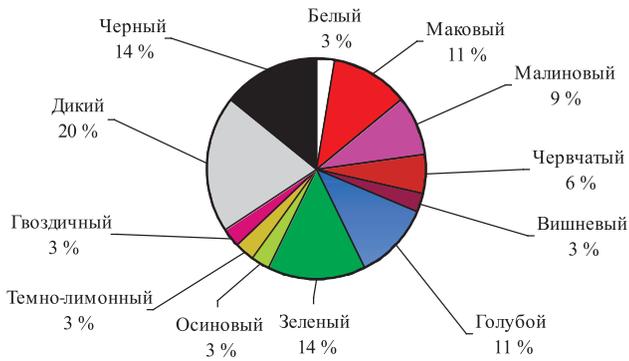
Подписано в печать 05.04.2017. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 138.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

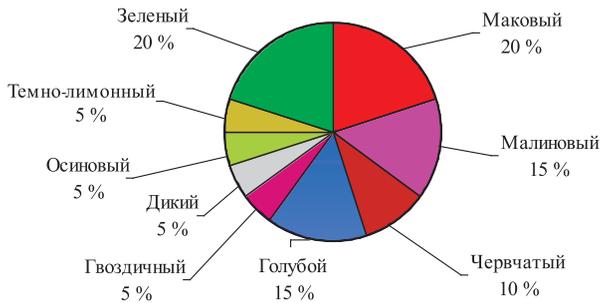
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрации к статье:
 Н. Петрухинцев. *Раннее европейское влияние на Петра Первого:
 Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в.*

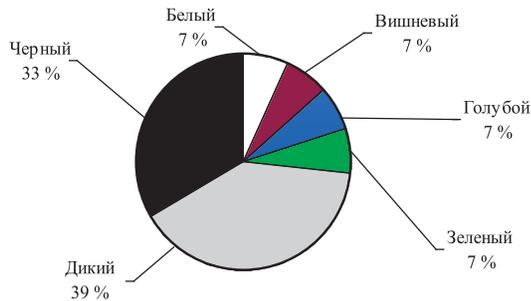
Illustration for article:
 N. Petrukhintsev. *Early European Influences on Peter the Great:
 Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century*

1. Цветовая гамма верхней одежды Петра I в 1690–1691 гг. [Бобровский, т. 1, прил., с. 71]
 Colour range of Peter I's outerwear between 1690 and 1691

2. Цветовая гамма «потешного» платья Петра I в 1690–1691 гг. [Бобровский, т. 1, прил., с. 73]
 Colour range of Peter I's Toy Army clothing between 1690 and 1691

3. Цветовая гамма «немецкого» платья Петра I в 1690–1691 гг. [Бобровский, т. 1, прил., с. 74]
 Colour range of Peter I's German clothing between 1690 and 1691

Иллюстрации к статье:

Е. Килимник, А. Дмитриева. *Замково-дворцовые ансамбли белорусской знати XIV–XVII вв.: европейское влияние и региональные традиции*

Illustration for article:

E. Kilimnik, A. Dmitrieva. *The Castle Complexes of the Belarusian Nobility between the 14th and the 17th Centuries: European Influence and Regional Traditions*

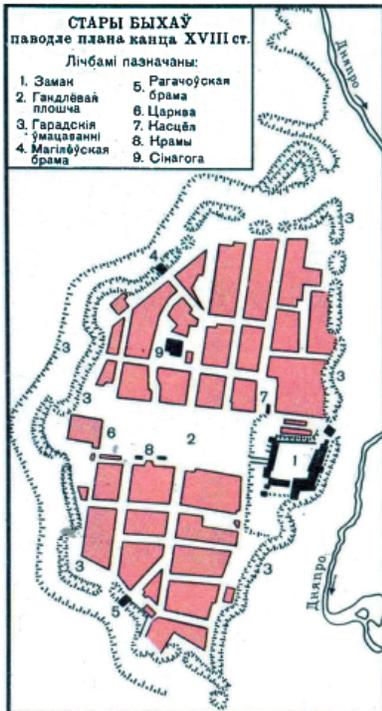
1. Мирский замок. XVI в.
Mir Castle Complex. 16th c.

2. Несвижский замок. XVI в.
Nesvizh Castle. 16th c.

3. Дом-крепость Нонхартов. Гайтюнишки. 1613
Fortified house of the Nonhart family. Hajtjunishki. 1613

4. План і старіннае выяўленне Быхова. XVII в.
Plan and old drawing of Bykhov. 17th c.

5. Быховский замок. Макет. XVII в.
Model of Bykhov Castle. 17th c.

6. Замок Кишек и Радзивиллов. Любча. Начало XVII в.
Lubez Castle of the Radziwill family. Lubcha. Early 17th c.